

849/2 Рсс = Рсс
Т 46

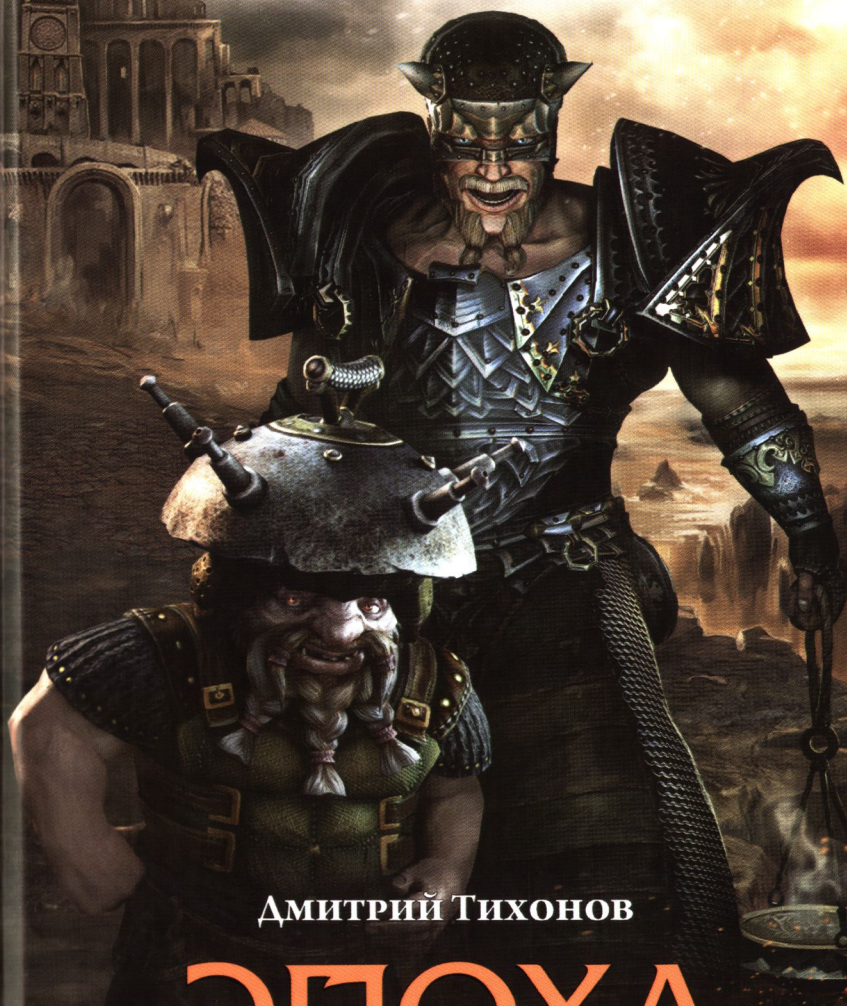


PANZAR



ЭПОХА
ПОСЛЕДНИХ СЛОВ

Дмитрий
Тихонов



ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

ЭПОХА
ПОСЛЕДНИХ СЛОВ





ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

ЭПОХА ПОСЛЕДНИХ СЛОВ



АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос-Рус)6-44
Т46

Тихонов Д.

Т46 Эпоха последних слов: роман / Дмитрий Тихонов. — Москва: АСТ, 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-17-084507

На заре времен Безумный Бог был погребен заживо глубоко в толще северных гор, но перед смертью успел проклясть своих убийц и все, созданное ими. За тысячелетия, проведенные в магической темнице, его проклятия накопили великую силу, обрели собственную волю. Их час непременно наступит — однажды последние слова давно забытого божества вырвутся на свободу и прогремят над миром...

Действие книги основано на популярной российской RPG (role play game) игре **PANZAR** <http://www.panzar.ru/>

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-17-084507
ISBN 978-985-18-3026-4
(ООО «Харвест»)

© Troxit Service Limited, текст, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014
© Troxit Service Limited, 2014, оформление

ПРОЛОГ

Механизм перестал работать, и внезапно наступившая тишина разбудила старого Ульфрика. Он пошарил ладонями по столу в поисках очков, но через пару мгновений обнаружил их на своем носу. Огляделся. В больших песочных часах, висящих на стене, песок не успел пересыпаться и наполовину — до конца смены было еще далеко. О чем они там, внизу, думают?

Ульфрик недовольно фыркнул и, достав из кармана кисет, принялся набивать трубку табаком. Нынешняя молодежь ни на что не способна. Останавливать машину в середине смены! Да во времена его молодости за подобное сразу перевели бы из саперов в грузчики, а то и на кухню отправили бы, таскать тазы с помоями. Всю бригаду — выносить помой! Надо же соображать, что делаешь. Повторный запуск камнеподъемника займет немало времени, а выбиваться из графика нельзя ни в коем случае. Для каждого уважающего себя гнома нет ничего важнее графика. Отстанешь от соседних бригад, и тогда хоть вообще не вылезай из забоя, вырабатывай требуемую норму кристаллов. Позор на его седую бороду!

С помощью огнива Ульфрик раскурил трубку и вышел из своей каморки, окутанный клубами сизого дыма. Ноги, измученные ревматизмом, при каждом шаге наливались болью. Может, стоило все-таки послушать совета внучат и обзавестись этими новомодными механическими ходунками — говорят, ими даже собираются экипировать солдат. Пневматические ногоступы, вот как они называются. Чуть ли не вместо тебя бегать будут!

Как и большинство бывших изобретателей, Ульфрик с подозрением относился ко всему новому. Созданное чужим умом и руками казалось ему недостаточно надежным.

Но боль в коленях уже давно не давала спать по ночам, принуждала пересматривать взгляды на жизнь.

Покряхтывая, он добрался до выхода в забой. Цепочки масляных светильников вились спиралью по стенам ствола шахты, бросая слабые отблески на стальную оковку огромного колеса камнеподъемника. Колесо простаивало, не вращалось, не увозило наверх отработанную породу. В середине смены! Именно это Ульфрик и ожидал увидеть, и теперь его ноги заныли еще сильнее. Скрипя зубами, он медленно зашагал вниз по узенькой деревянной лестнице — туда, откуда поднимались извивающиеся струйки ароматного трубочного дыма.

На месте бригадой руководил Роргар Скалогрыз. Еще не старый, но очень опытный сапер, он был практически глух: слышал только левым ухом, да и то не всегда. Среди саперов такое не редкость — можно сказать, профессиональное заболевание — и потеря слуха обычно считается достаточным основанием для того, чтобы отправиться на пенсию. Но Роргара на заслуженный отдых не отпустили, потому что в Гильдии Рудокопов специалистов такого уровня больше не имелось. Говорили, что он с завязанными глазами способен проложить идеально ровный тоннель сквозь любую породу. Подобный талант заставляет забыть о глухоте.

Ульфрик Роргара не любил. Отчасти из-за того, что тот был моложе, отчасти — из-за идеальной репутации, но главным образом потому, что ругаться с ним было абсолютно бесполезно.

Скалогрыз встретил начальство у подножия лестницы, широко улыбаясь и раскуривая трубку.

— Вы что тут, совсем спятили?! — накинулся на него Ульфрик. — Подъемник не работает, смолите вовсю рядом с взрывчаткой!

Но Роргар только кивал в ответ, продолжая блаженно ухмыляться. Кто-то из молодых саперов коротко хохотнул. Ульфрик обвел их ненавидящим взглядом, погрозил пальцем:

— Я всю бригаду перепишу, клянусь Гранитными Предками! Всю бригаду! Жалованья лишу за такое самовольство! Вас всех до одного завтра же в мусорщики переведут!

Он вновь повернулся к Роргару, который еще кивал, и проорал ему прямо в левое ухо:

— Зачем остановили подъемник?!

— Да, — согласился Роргар. — Пришлось остановить.

— Пришлось? Раздробить, твою мать, почему?! Что стряслось?

— Дык ведь эта... — Роргар неспешно затянулся, выдохнул кольцо дыма, проследил, как оно растворяется в темноте вверху. — Невозможно продолжать.

— Как так «невозможно»?

— Да уж так. — Скалогрыз повернулся и ушел в темноту, не добавив больше ни слова. Ульфрик, прихрамывая, последовал за ним. Через минуту они оказались у фронта забоя, там, где саперы и шахтеры прекратили добывать кристаллы. Невыработанная жила, слабо мерцающая сиреневым, была хорошо видна на срезе скалы. Она тянулась слева сверху, изящно изгибалась оригинальным, ни на что не похожим узором и в середине фронта упиралась в...

— Вот, — сказал Роргар. — Потому и невозможно.

— Гидравлическая сила! — ошарашенно выдохнул Ульфрик.

— А?

— Я говорю, гидравл... тьфу, пропасть, да что это такое?!

— Без понятия.

Это «что-то», не встречавшееся прежде даже столь опытному саперу, составляло около восьми локтей в ширину и десяти — двенадцати локтей в высоту — по крайней мере, та его часть, что выступала из скалы. Выполнено оно было из темного матового камня, похожего на обсидиан, а всю поверхность покрывала искусная мелкая резьба, которой ничуть не повредили гномьи инструменты. Ульфрик уже успел заметить валявшуюся рядом пневматическую кирку с погнутым и смятым острием.

— Кто вообще мог закопать эдакую махину, да еще так глубоко? — спросил он. И не дождавшись ответа, повторил вопрос прямо в ухо Роргару.

— Никто, — ответил тот. — Ее не закапывали. Она же прямо в скале находится, со всех сторон окружена однородной породой.

— А значит?..

— А значит, эта штука появилась здесь еще до того, как скала затвердела. Лежит тут с тех времен, когда все вокруг было расплавленной магмой.

— Не может быть!

— Другого объяснения не вижу.

Ульфрик подошел ближе. Черная поверхность загадочного предмета так и манила дотронуться до него. Ульфрик не удержался. Пальцы коснулись крохотных завитков резьбы, дрогнули от резкого, обжигающего холода. Многие сотни тысяч лет этот холод хранился в глубине земли. Задолго до возникновения первых гномов в горном массиве наверху, он уже ждал их. Ждал, чтобы рассказать истории о сотворении мира, о Богах, предвечных создателях, канувших в небытие, о том, как из пламени и пустоты рождалась жизнь.

— Надо доставать, — сказал Ульфрик.

— Что?

— Я говорю, надо доставать, глухой ты булыжник!

— Нельзя, — покачал головой Скалогрыз. — Сначала нужно разобраться, что к чему. Да и как мы ее достанем, если не знаем, насколько глубоко она уходит в породу.

— То есть? — Ульфрик обернулся к саперу, чувствуя, как где-то в легких начинает закипать злость. — Ты предлагаешь оставить все как есть?

— Пока да.

— Пока? И сколько же оно продлится, это твое «пока»? До конца смены? До следующей декады? Представь, как сильно мы отстанем!

— Ну и что, — упрямился Роргар. — Кого волнуют другие бригады? Они же не нашли ничего подобного.

— Верно, — проскрипел Ульфрик, сжимая кулаки. — Но они добывают кристаллы! Они выполняют норму! А вы уткнулись в какую-то доисторическую ерунду и спокойно уселись на задницы. Теперь-то, мол, можно дальше не работать, план не выполнять, да?

Мысли о планах и графиках пробудили в душе Ульфрика прежнего черствого чиновника, которому не было дела до бесполезных древних артефактов или памятников. Ну попалась в шахте необычная штукавина — так вырубите ее из скалы и продолжайте добычу, незачем строить из себя ценителей старины.

— Это должны решать не мы, — спокойно сказал Роргар, вытряхнув из трубки пепел. — Это дело Конклава.

Ульфрик зажмурился. Ему приходилось присутствовать на заседаниях Конклава, и он прекрасно представлял себе, на что будет похож разговор в Гранитном Зале.

— То есть как «прекратили работать»? — спросит, вытаращив глаза, Стормфред Три Рога, старейшина Гильдии Рудокопов. — А кристаллы?

— Да, кристаллы! — подхватит тощий Холлдар Глинорукый, старейшина Гильдии Купцов. — Вы подумали о наших прибылях? О тех убытках, непоправимых, невосполнимых, небывалых убытках, которые вы и ваша бригада нанесли всей Глубинной Империи?

Ну уж нет, никакого Конклава. Нельзя допустить позора.

— Значит, так! — зарычал Ульфрик, обращаясь к столпившимся вокруг саперам. — За работу, лентяи! Берите кирки, кувалды, лопаты, вытаскивайте наружу эту подроблень! Каждый, кто не подчинится, следующую смену встретит на кухне — это я вам обещаю!

Скалогрыз только руками развел.

Тяжело вздыхая, гномы принялись за дело. Ульфрик уселся на большой кусок породы и принялся внимательно наблюдать за ними. Он был доволен собой. Оставался еще порох в этом обветшавшем теле, оставалась еще сила в усталой, измотанной душе. А потому его рановато списывать со счетов. Еще наступит день, когда...

Через пару минут Ульфрик уже дремал, убаюканный размеренным стуком инструментов. Все-таки он был весьма пожилой гном.

* * *

Роргар Скалогрыз разбудил его, сказав с усмешкой:

— Взгляни-ка, что мы откопали, почтенный, пока ты отдыхать изволил.

— Я размышлял, — огрызнулся Ульфрик, изо всех сил стараясь не зевать.

Рабочие успели почти полностью освободить из каменного плена одну из сторон таинственного предмета — ров-

ную стену, тоже украшенную резьбой. Однако стена оказалась не сплошной. Ульффрик понял это, но далеко не сразу смог осознать, что же конкретно он видит перед собой.

— Гранитные Предки, да ведь тут...

— Дверь, — подтвердил Скалогрыз, в кои-то веки услышав собеседника. — Две створки, скрепленные тремя печатами.

Печати представляли собой диски из неизвестного камня, отличного по цвету и фактуре от материала основной конструкции. Вместо тонких резных узоров их покрывали ровные строчки непонятных символов.

— Кто-нибудь знает, что это за закорючки? — крикнул Ульффрик Роргару.

Тот покачал головой:

— Знатоки языков редко работают в шахтах. Но у меня есть кое-какие догадки. Полагаю, надписи могут означать, что больше мы точно не прикоснемся к этому проклятому шкафу. По крайней мере, до тех пор, пока Конклав не вынесет решения. Полезные вещи не выкидывают в огненное море, предварительно запечатав магией.

— Да нет тут никакой магии. — Ульффрик взял у Скалогрыза кирку и осторожно дотронулся ей до центральной печати. — Смотри, ничего не произошло.

— Готов биться об заклад, печати волшебные. Просто ты пока не пытаешься их сломать.

Сапер еще не закончил фразы, а Ульффрик вдруг услышал еще один голос. Где-то глубоко внутри себя, в самом потайном уголке, о котором он давным-давно успел позабыть. Голос был ласковый, мягкий — и говорил правильные вещи: предупреждал, что, если позволить Роргару остановить работу, то график обязательно сорвется, и, чем бы ни закончилась вся эта история с загадочной находкой, стыдно будет все равно. Голос знал способы спасти положение, советовал, как легко и быстро склонить рабочих на свою сторону, нашептывал нужные слова. В конце концов, все вокруг были гномами, а у гномов общие слабости.

— Я тоже готов биться об заклад, — сказал Ульффрик громко, так, чтобы смысл дошел до каждого из присутствующих. — Наверняка там внутри сокровища. Это наследие исчезнувших Богов, дар будущим поколениям. Прежде чем навсегда покинуть мир, они похоронили се-

креты своего могущества, спрятали их от недостойных. А теперь пришли мы, и настала пора древним тайнам вернуться на свет!

Скалогрызу крыть было нечем. На самом деле Ульффрик мог бы не разглагольствовать про богов, хватило бы одного лишь упоминания о сокровищах. Гномы всегда испытывали непреодолимую тягу к чужим ценностям, особенно тщательно спрятанным. Достаточно лишь крохотного намека на клад, чтобы у подгорных жителей загорелись глаза.

— Верно! — подхватил кто-то в толпе. — Пора им вернуться на свет! Ломай печати!

— Дробить-колотить! — взревел массивный бородач в задних рядах. — Чего же мы ждем?!

— Нет, постойте! — попытался вмешаться Скалогрыз, но даже его авторитета оказалось уже недостаточно, чтобы утихомирить забурлившую жажду наживы. Не обращая внимания на отчаянно ругающегося бригадира, гномы окружили торчащий из скалы кусок далекого прошлого, и здоровяк-сквернослов, растолкав остальных, с размаху опустил свою кирку на центральную печать.

Ничего не произошло.

Не взвился к потолку столб пламени, не разорвала полумрак молния, не явились чудовища. Даже искр не было. От мощного удара печать попросту раскололась на три неравных части.

— Хэй! — воскликнул здоровяк. — Всего лишь каменюка, дробить-колотить!

С радостными криками разбив оставшиеся печати, гномы принялись открывать двери. Это оказалось непросто, но они все-таки справились. Створки с легким шорохом распахнулись, и взорам сгрудившихся вокруг рудокопов предстала черная пустота, что таилась внутри.

— Э! — раздраженно бросил здоровяк. — Тут, кажись, нет ни винта! Ни одного дробленого камешка!

Подошел Скалогрыз, держа в руках снятый со стены масляный светильник. Теперь, когда пыл кладоискательства угас, потушенный неприглядной реальностью, гномы виновато расступались перед своим бригадиром. Роргар осторожно наклонился, посветил в темноту. Отблески огня скользнули по гладкому полу и противоположной стене. Ни надписей, ни резьбы, ни рисунков.

— Даже пыли нет, — пробормотал он, отступая от черного прямоугольника двери.

Ульффрик подошел к Скалогрызу, снисходительно похлопал его по плечу:

— Ну видишь? Ничего опасного. Теперь вы с чистой совестью можете выломать этот ящик и сдать его в Гильдию Мастеровых, чтобы они определили, из какой-токой субстанции он сделан. А сейчас нужно продолжать работу, потому...

Голос в его голове проявился снова — тот же самый, что и несколькими минутами ранее. Только теперь он звучал гораздо громче, сильнее, яростнее, беспрерывно усиливался, словно приближающаяся гигантская волна. И больше не притворялся ласковым.

Вскрикнув, Ульффрик зажал уши руками. Но это не помогло, да и не могло помочь: раз найдя путь в твою душу, Голос уже не покидал ее. Влажный хруст ломающихся костей, судорожное дыхание ускользающего сознания, гор-тан-ный шепот ворона, выклевывающего глаза — все сливалось в нем в едином вопле, вопле ненависти мертвого к живому. От ужаса, которым наполнилось его сознание, ноги старого гнома подкосились. Опустившись на колени, он увидел, как над ним склоняется встревоженный Роргар. Губы Скалогрыза шевелились, но Ульффрик не мог разобрать ни слова из-за пылающего в голове пожара.

Могучий гном, разбивший первую печать, вдруг пронзительно завизжал и напал на одного из своих товарищей. Тот, не успев ничего понять, даже не пытался сопротивляться — мощный удар сбил его с ног, а в следующий момент острие кирки проломило череп. Кровь щедро оросила скалу.

— Всего лишь каменюка, дробить-колотить! — взвыл здоровяк и, перешагнув через бьющееся в агонии тело, кинулся к следующей жертве. Крик ужаса наполнил пещеру, гномы бросились врассыпную — через несколько мгновений еще один рудокоп, схватив тяжелый молот, обрушился на паникующих собратьев, и двое саперов рухнули наземь с раздробленными грудными клетками.

В считанные секунды безумие затопило шахту — бригада превратилась в скопище взбесившихся зверей. Визжа и рыча, гномы сражались друг с другом, используя

все, что подворачивалось под руку: кирки, лопаты, ножи и доски, а безоружные пытались повалить врага, чтобы дотянуться зубами или руками до горла. Кто-то, размахивая древком топора, прыгнул на Скалогрыза, но тот выплеснул содержимое масляного светильника в лицо нападавшему и юркнул под лестницу, где затаился среди сваленных в кучу вагонеток. Он понятия не имел, что именно происходит, но не сомневался — источником зла служила откопанная ими штуковина. Как бы то ни было, из всей бригады только ему удалось сохранить рассудок, и теперь Скалогрыз не собирался рисковать своей шкурой, пробиваясь сквозь рвущих друг друга на части рудокопов или пытаясь успокоить их. Лучше всего переждать. Настоящие саперы умеют ждать долго.

Ульфрик стоял на коленях и зажимал уши до тех пор, пока чья-то кирка не пробила ему грудь. Захлебываясь кровью, старый гном опрокинулся на спину. Вокруг метались тени и крики, скрежетали инструменты, превратившиеся вдруг в оружие, а Голос внутри продолжал набирать силу. Теперь, когда из раны сочились последние капли жизни, Ульфрик понимал каждое сказанное им слово. И он узнал этот Голос. Между умирающими любых времен нет и не может быть секретов. Древние легенды оказались правдой, нелепые старушечьи сказки сбылись. Механизмы, изобретения, статуи Предков, мечты и сны — все сожрет ржавчина, все обратится в пыль — ибо Голос не знает пощады. Настало время миру услышать слова, сказанные множеством тысячелетий назад. Настало время миру гореть.

Ульфрик тяжело захрипел, больше не имея возможности вдохнуть. Высоко над ним, на стенах шахты один за другим начали гаснуть светильники.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАКОВАЛЬНЯ





ГЛАВА I ДЫМ

Порыв ветра, налетевший с гор, заставил орков поежиться. Затянутое угрюмыми тучами небо, никогда не баловавшее солнцем эти места, висело низко — казалось, протяни руку и попадешь пальцами в серую шерсть облаков. Унылые, утонувшие в холоде земли, самая невзрачная окраина великой пустоши Карраз-Гул. Здесь чахлые травы не могли прокормить стада, а костры не спасали от ночных морозов. Орки уже давно не заходили так далеко на северо-запад. Если только не готовили набег.

Ур-Сарш, старший разведывательного отряда, был хорошо знаком с нором Торгорского Кряжа. Пологие каменистые склоны, поросшие внизу редкими соснами, выше переходили в беспорядочное нагромождение голых скал, увенчанных острыми, словно копья, пиками. Один неверный шаг — и сорвешься в расселину или попадешь в ловушку недоростков. Узкие горные тропы, служившие подходами к гномьим крепостям, отлично простреливались из замаскированных гнезд на склонах, а при необходимости — заваливались камнями или заливались кипящим маслом, превращаясь в капканы, из которых никому не выйти живым. Ур-Сарш на своем веку повидал немало сражений и ничего не страшился, но воспоминания о штурмах горных цитаделей заставляли его шрамы болезненно ныть. Хотя, возможно, в этом был виноват ледяной ветер.

Именно для того, чтобы разыскать эти проходы, трое орков и затаились сейчас среди поросших убогим кустарником холмов. Краазг и Гром Шог явно нервничали, пусть и старались изо всех сил этого не показать — для

них рейд должен стать первым серьезным походом, испытанием воинской сноровки и доблести. Оба выросли в мирные времена и никогда не видели ничего серьезнее стычек с соседними племенами. То, что каган отправил их в разведку, уже было немалой честью, а в случае успеха они могли рассчитывать на места среди нукеров, особой свиты вождя.

Ур-Сарш ни на что не рассчитывал: он вызвался руководить рейдом, чтобы сбежать из становища, опостылевшего до тошноты. Спокойная, размеренная жизнь никогда не привлекала его, а в последние годы опротивела совсем. Он терпеть не мог охотиться на диких козлов или пасти их прирученную родню в срединных степях. Нет, Ур-Сарш помнил прежние дни, когда вместо скота воины пригоняли в становище вереницы связанных рабов, когда единственным орудием труда в руках зеленокожего была его каменная секира, предназначенная крушить черепа врагов. И теперь, получив шанс умереть так, как должно орку, старик не собирался его упускать. Он вломится в ряды гномов первым; растапывая недоростков, будет рубить их косматые головы, принимать грудью заряды пороховых самострелов, прикрывая идущих следом соплеменников. Получив смертельную рану, он опустится на залитую кровью землю, и последним, что он услышит, будет священная музыка Зара, бога войны: хруст сминаемых доспехов, тяжелый лязг сталкивающихся клинков, стоны раненых. Но для осуществления этой мечты сперва нужно было выполнить задачу разведки: начертить на козьей шкуре схему подходов к гномьей крепости. Главное было, не выдать себя, ползая по скалам — ведь тогда орки лишатся единственного преимущества, на которое рассчитывали в этих проклятых горах, — неожиданности.

Ур-Сарш знал, какие опасности могут подстергать маленький отряд во время возложенной на него миссии, знал, как избежать большинства из них, был готов встретить любое препятствие лицом к лицу и готовил к тому же своих неопытных спутников. Но то, что они увидели, добравшись до холмов в самом начале предгорий, все-таки застало его врасплох.

— Так и должно быть? — спросил Краазг, прервав затянувшееся молчание.

— Нет, — нахмурился Ур-Сарш, продолжая вглядываться в многочисленные столбы черного дыма, поднимающиеся над склонами. — Не должно.

— Похоже на пожар, — сказал Гром-Шог. — Гномы заводы горят.

Он был немного сообразительнее своего товарища, а значит, мог прожить дольше.

— А разве заводы не дымят? — спросил Краазг недоуменно. — Там вроде жгут что-то?

— Гномы не позволяют дыму от своих очагов уйти просто так, — объяснил Ур-Сарш. — Они запускают его в машины, чтобы тепло давало им жизнь. Или вроде того.

— Слишком уж много его здесь, — сказал Гром-Шог. — Заводы горят.

— Да, — согласился Ур-Сарш. — Горят.

Вновь замолчали. Зрелище завораживало. Ветер сносил дым, размазывал его по небу, рисуя диковинные узоры, среди которых чудились лица, оскалившиеся в жестоких ухмылках. Чужие лица, не принадлежащие ни одному из известных племен, не способные смеяться или рыдать. Лица, ждущие по ту сторону пропущенного смертельного удара.

Гром-Шог поморщился, прогоняя видение, и сомкнул пальцы на отполированной рукояти шипастой палицы, висевшей за спиной. Прикосновение к оружию придало ему уверенности. Дым как дым. Никаких лиц. Никаких ухмылок.

— Что делаем? — спросил он, хотя знал ответ.

— Идем, — буркнул Ур-Сарш. Ему почему-то совсем не хотелось двигаться вперед. Это была не трусость и даже не осторожность — первобытное, звериное чутье, до сей поры ни разу не подводившее его. Там, за гранитными укреплениями гномов, уже не осталось ничего, что имело бы какую-то ценность. Разведка провалилась, не успев начаться, готовящийся набег не состоится, а значит, и погибнуть в бою не удастся — он уже понимал это. Но отступить не собирался.

Решившись, Ур-Сарш выбрался из канавы, служившей им убежищем, встал во весь рост. Если бы гномы следили за предгорьями, они наверняка тут же заметили бы его. Но на каменных бастионах больше никому было осматри-

вать подступы сквозь подозрные трубы. Трое орков оставались последними живыми существами на несколько миль вокруг.

Щенки вылезли следом, напряженные, словно натянутая тетива, готовые в любой момент нырнуть обратно, укрываясь от выстрелов дальнобойных аркебуз.

— Им не до нас, — сказал Ур-Сарш. — Можно не прятаться.

— Откуда знаешь?

— Шрамов больше, — ощерился вожак. — Вот и знаю.

Щенки кивнули. Троица неспешно направилась к скалам. Лес здесь был полностью вырублен, чтобы не закрывать обзора и не мешать стрелкам на стенах выбирать себе цели. В подобных местах любой воин чувствует легкий холодок в груди, даже если настоящей опасности нет. Арбалетный болт или пуля страшны не потому, что убивают сразу, а потому, что не позволяют увидеть сразившего тебя врага, не дают последнего шанса достать его, лишают пьянящей радости рукопашной схватки. Орк, заколотый мечом или зарубленный топором врага, сразу отправляется к Зару — все еще обливаясь кровью, входит он в костяной шатер великого бога войны и приносит клятву вечной верности. Тот же, кто падет, не добравшись до врага, сраженный лучником или аркебузиром, долгое время вынужден будет скитаться по полю битвы бесплотным духом, не понимая, что произошло и куда подевались боевые соратники. Недаром метательные керны, единственное дальнобойное оружие орков, не применяются против сородичей — как бы ни были сильны разногласия между племенами и каганатами, обитатели пустыни никогда не преграждали друг другу путь в небесную армию.

Ур-Сарш, Гром-Шог и Краазг преодолевали подъем в полной тишине. Ни стрел, ни пуль, ни предостерегающих окриков. Только пахло гарью — чем ближе к крепости, тем сильнее. Прыгая с валуна на валун, карабкаясь по осыпям, осторожно обходя трещины и провалы, они так и не наткнулись ни на одну серьезную ловушку, если не считать нескольких ржавых медвежьих капканов, расставленных на самой широкой из троп. Добравшись до скалы, уходившей отвесно вверх и служившей естественной стеной одной из башен гномьей цитадели, вожак повернулся к щенкам:

— Будем искать ворота. Терять нечего.

Краазг кивнул. Гром-Шог спросил:

— А как мы их откроем?

Ур-Сарш внимательно посмотрел на него, хмыкнул и сбросил с широкого плеча сумку из козьей шкуры, в которой лежали инструменты:

— Ладно. Тогда полезем.

Само собой, это не было частью плана. Собираясь в поход, они и надеяться не могли на то, что смогут подобраться вплотную к форту. Кошку с крючьями захватили на всякий случай, готовясь скрываться в расселинах от патрулей. Однако Зар давал им возможность взглянуть на гномьи укрепления изнутри, и нельзя было уходить, упустив такую возможность. Даже Краазг это понимал.

Кошку получилось забросить с третьей попытки. Оглушительный лязг металла по камню не привлек ничего внимания. Убедившись в надежности крепления, Ур-Сарш начал взбираться вверх по стене. Краазг повернулся к Гром-Шогу и спросил:

— Ты слышишь?

— Что?

— Голос. Кто-то кричит вдалеке. Вроде бы, в крепости.

Гром-Шог прислушался. Ничего. Только ветер раскачивает сосны. Тишина настораживала, таила в себе угрозу, но орки не привыкли считаться с невидимым. Пока враг никак себя не проявляет, его можно не бояться.

— Эй, песье отродье! — окликнул сверху вожак. — Чего ждете?

Краазг полез первым, следом за ним — Гром-Шог. Подтягиваясь рывками, упираясь ступнями в холодный гранит, он продолжал напряженно вслушиваться в окружающее пространство. Птицы не пели, но их здесь могло вообще не быть из-за заводов или дыма. Ветер то стихал, то налетал вновь резкими порывами. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего крики.

Гром-Шог достиг верхней границы стены, одним движением перемахнул через нее — и, оказавшись на смотровой площадке, едва не ткнулся носом в спину Краазга, застывшего в двух шагах от края. Уже готовое вырваться ругательство застряло в горле: что-то было не так. Ур-Сарш стоял лицом к ним, держа наперевес свой каменный топор,

и лицо его исказилось в жуткой гримасе не то ненависти, не то презрения. Гром-Шог узнал оскал — совсем недавно ему привиделся подобный в дыму. Угроза, что таилась в тишине, проявила себя.

— Вы же слышали? — спросил вожак. — Ножи. Крючья. Цепи.

— Да, — ответил Краазг. — Я слышал.

— Шипы. Рога. Клыки, — сказал Ур-Сарш и сделал шаг вперед, медленно поднимая топор.

— Стой! — воскликнул Гром-Шог, отступая в сторону. — Зачем ты...

— Копья. Гвозди. Когти! — Широко размахнувшись, вожак раскроил застывшего на месте Краазга от плеча до пояса. Кровь хлынула широким потоком, забрызгала убийцу. Молодой орк начал падать назад, не издав ни звука, увлекая за собой застрявший в теле топор. Ур-Сарш равнодушно выпустил древко из рук, и то, что осталось от Краазга, тяжело перевалилось через парапет вместе с уничтожившим его оружием.

Вожак повернулся к Гром-Шогу, сказал размеренно:

— Клещи. Кнуты. Прутья.

— Еще бы, — протянул Гром-Шог, доставая из-за спины палицу. — Конечно.

Он больше не боялся и не пытался понять происходящее. Перед лицом опасности, от кого бы она ни исходила, нельзя размышлять, иначе впадешь в растерянность. Враг хочет твоей смерти, а остальное не имеет никакого значения: может, всему виной неизведанное гномье колдовство, может, эльфы — над этим он подумает после, если выйдет из схватки живым.

Ур-Сарш снял с пояса широкий нож с зазубренным лезвием и, выставив его перед собой, начал приближаться. Гром-Шог отступал, готовый в любую секунду броситься в атаку. Истошно выл ветер.

— Крысы, — пробормотал вожак. — Колья. Кости.

Он прыгнул внезапно, не выдав своего намерения ни одним движением — а потому застал противника врасплох. Гром-Шог едва успел отшатнуться, и лезвие ножа, целившее в глаза, лишь полоснуло по щеке. Он отскочил назад, принимая новые удары древком палицы. Ур-Сарш бил быстро, резко, не оставляя ему времени на замах.

— Пилы! Петли! Зубы!

Улучив момент, Гром-Шог пнул жожака ногой. Тот отлетел на шаг, зашипев, словно разъяренная змея, и снова кинулся в бой, но сообразительный щенок успел воспользоваться кратким перерывом. Палица обрушилась на левое плечо старого орка, ломая кости, круша ребра, разрывая шипами мышцы.

Ур-Сарш мешком рухнул на пол. Он не кричал, хотя вся левая сторона его туловища была изувечена и смята — из клыкастой пасти продолжали вырываться несвязные слова, отчего казалось, что это не живое существо, а вышедший из строя диковинный аппарат, гномья машина, не имеющая сил остановиться, даже когда по ней бьют молотком:

— Вилы. Серпы. Иглы. Кисте...

Гром-Шог наступил ему на горло, занес палицу и одним махом разmozжил жожаку голову. Поток слов прервался, снова наступила тишина.

Только теперь Гром-Шог получил возможность оглядеться. Тяжело дыша, он опустился на холодный гранит рядом с трупом бывшего командира, чтобы отдохнуть и привести мысли в порядок. Отсюда, с верхней площадки крайней восточной башни, открывался отличный обзор внутреннего двора крепости, где царившее в этом месте безумие явно успело погулять на славу.

В середине двора на небольшой площадке стояли три каменных статуи, изображавшие суровых бородатых воинов, опирающихся на боевые молоты. Вся земля вокруг была усеяна мертвыми гномами и разбитыми доспехами. Беспорядочно разбросанные тела убитых говорили о том, что они не противостояли общему врагу, а сражались друг с другом. Сражались отчаянно, самозабвенно, до тех пор, пока в живых не осталось никого. Ветер немного стих, позволив ноздрям орка уловить легкий, но явственный аромат разложения — погибшие лежали там не дольше трех-четырех дней. Повсюду валялись тележки, лопаты, кирки, бесформенные обломки механизмов. Внутренние ворота, ведущие в глубь горы, были приоткрыты, и из щели вырывались клубы черного дыма — массивные створки, украшенные изображениями не то лошадей, не то драконов, сплошь покрывала сажа. От башни, возведенной на другой стороне двора, осталась только покосившаяся наруж-

ная стена, остальное превратилось в груды почерневшего камня. Гром-Шог не мог даже представить, какой силы должен был быть взрыв, способный разворотить такую громадину.

Впрочем, он не особенно пытался представлять. Сейчас его занимали другие вопросы: что делать дальше и как рассказать кагану о случившемся. Соплеменники не нападают друг на друга ни с того, ни с сего — почти наверняка тут замешана магия. Он не мог вернуться, не выяснив, из-за чего погибли Ур-Сарш и Краазг, а целое гномье поселение превратилось в кладбище. Но с чего начать? Спускаться в подземелье, заполненное дымом, не имело смысла, да и хватит ли ему ума распознать источник безумия, даже столкнувшись с ним нос к носу?

Возбуждение схватки проходило, распоротая щека наливалась болью. Кровь из раны капала на грудь, пачкая куртку из козьей шкуры и ожерелье из волчьих клыков. Гром-Шог повернулся к распластавшемуся рядом вожаку, начал обыскивать тело, надеясь найти что-нибудь, годящееся для перевязки. Не обнаружив ни одного подходящего клочка, он оторвал от расшитых пестрыми узорами штанов Ур-Сарша полосу ткани, с помощью которой кое-как перетянул себе лицо.

— Эй, клыкастенький! — раздался вдруг хриплый голос за спиной.

Гром-Шог резко развернулся, поднимая дубину. На расстоянии десяти шагов, там, где на граните высыхала темная кровь Краазга, стоял гном. Самый настоящий гном, коренастый, бородатый, невысокий — среднему орку по грудь. Хотя этот казался чуть выше, потому что к сапогам на его ногах крепились странные металлические штуковины, похожие на куриные лапы. Он держал в руках аркебузу и, прищурившись, целился из нее прямо в голову Гром-Шогу.

— Спокойно, клыкастенький, — сказал гном. — Я смотрю, ты вроде не дробанутый?

Орк ничего не ответил. Щека болела, да и незачем попусту болтать. Зар вознаградил его за доблесть: перед ним находился, возможно, единственный свидетель произошедшего в крепости, единственный, кто знал, почему Ур-Сарш напал на своих младших братьев. Скорее всего, этот

недоросток был к тому же прекрасно осведомлен о всех входах-выходах, тайных складах и сокровищницах, ловушках и капканах.

— Ты это, рваная морда... — продолжал между тем гном. — Если бурчишь там, бурчи громче, а то я на ухо туговат. Немного. И не дергайся, потому что штучка у меня в руках коли пальнет, так уж пальнет. Мало не пока...

Гром-Шог метнул палицу, одновременно отпрыгнув в сторону. Аркебуза громыхнула, ее заряд, оставляя дымный след, просвистел над ухом. Гном попытался увернуться от летящего в него оружия, подпрыгнул — очень высоко подпрыгнул — так что древко палицы не угодило ему в живот, а только слегка задело за те самые металлические лапы. Этого хватило, чтобы коротышка кувыркнулся в воздухе и приземлился на спину, выронив ружье.

Гром-Шог, одним скачком преодолев разделявшее их расстояние, припечатал гнома ногой к полу, от души заехал кулаком в лоб. Глаза недоростка закатились, он обмяк. Вот и вся драка. Орк сплюнул кровь, скривился от дернувшей щеку боли.

Перекинув потерявшего сознание пленника через плечо и проверив прочность крепления кошки, он начал осторожно спускаться вниз по стене. Оставаться дольше в этом проклятом месте Гром-Шог не собирался. Слишком много ответственности, слишком мало понятного. Кто знает, какие неожиданности могли скрываться в затянутых дымом подгорных коридорах? Не исключено, что там могли прятаться еще гномы, достаточно сообразительные, чтобы не приближаться к нему, а расстрелять издалека. Или не гномы. В любом случае в пещерах не бывает ничего хорошего.

Добравшись до земли, он размотал веревку, скреплявшую не пригодившиеся крючья, и крепко связал ей бородастого коротышку. Затем подобрал с останков товарища каменный топор вожака. Длинную, слегка изогнутую рукоятку, богато украшенную перьями и звериными клыками, целиком покрывала кровь Краазга — теперь он был отомщен, и по всем законам Гром-Шог имел полное право на этот трофей. Пристроив топор за спину, он вскинул пленника на плечо и, не теряя времени, двинулся в обратный путь: с булыжника на булыжник, мимо провалов и капка-

нов — вниз, к раскинувшимся впереди бескрайним просторам великой пустоши Карраз-Гул.

* * *

На ночлег они остановились, когда окончательно стемнело. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулась бескрайняя равнина, во мраке казавшаяся серой. Ветер разогнал облака, обнажил россыпи сверкающих звезд в черных провалах между ними. Ошметки туч рваными клочьями скользили вокруг молодого месяца.

Гром-Шог развел небольшой костер из ползучего кустарника, росшего вокруг в изобилии: пламя вышло тусклым и сильно чадило, но подогреть на нем вяленое мясо было вполне возможно. От аппетитного запаха гном, давно уже пришедший в себя, беспокойно заерзал. Орк даже не взглянул в его сторону, продолжая деловито разжевывать полоску за полоской. Получалось медленно, потому что пользоваться приходилось только правой стороной челюстей. Наконец бородач не выдержал.

— Слышь, рваная морда, — осторожно прошептал он. — Можно мне кусочек, а? Ведь это... окочурюсь невзначай...

Гром-Шог кинул ему полоску, потом, поразмыслив, кинул еще одну. Гном, лежавший на животе, со скрученными за спиной руками, был вынужден подбирать мясо зубами с земли, но, проглотив все до последнего волокна, благодарно мотнул головой и перекатился на бок.

— Меня звать Скалогрыз, — сказал он, негромко рыгнув. — Роргар Скалогрыз. А тебя?

Гром-Шог жевал, пристально глядя в огонь.

— Хорошо, — кивнул через некоторое время гном. — Тогда ты Рваная Морда. Идет?

Орк пожал плечами. Мысли его были далеко, крутились вокруг того, что скажет каган, выслушав рассказ и увидев пленника. Он возвращался в становище непобежденным, но и похвастаться было нечем. Если будет принято решение все же идти в набег, он легко проведет воинов к стенам горной цитадели. Но какую добычу им удастся захватить в этом разрушенном неизвестной напастью форте? И, самое главное, многие ли из них лишатся там рассудка, по-

добно Ур-Саршу, многие ли обернутся против сородичей, бормоча бессвязный бред? За всю жизнь Гром-Шог не размышлял больше, чем в эту ночь.

— Слышь, — вновь обратил на себя внимание Скалогрыз. — Надо бы посмотреть твою рану. Потому как... того... гной, зараза всякая. Лучше ее вообще заштопать. Я умею, да. Я ж сапер, а у нас это дело привычное — то одному что-нибудь оторвет, то другому.

Гром-Шог привстал, нагнулся над гномом и медленно, по частям выговаривая слово за словом, прошипел:

— Вякнешь. Еще. Раз. Отрежу. Язык.

Каждый звук отдавался резкой болью в левой половине головы, и на то, чтобы закончить фразу, сил ушло не меньше, чем на хорошую драку.

Хлопнув пару раз глазами, Скалогрыз сказал:

— Чего? Говорю ведь, глуховат я слегонца, не все слышал.

Орк утробно зарычал, потянулся к рукояти топора.

— Вот теперь понятно! — торопливо заверил его гном. — Замолкаю.

Конечно, Гром-Шог не стал бы отрезать коротышке язык. Только ради языка он и тащил его с собой. Но отрубить палец-другой никогда не помешает, ничего, кроме пользы, это не принесет.

Гном продержался недолго.

— Зря мы откопали ту хреновину! — заявил он через пару минут. — Винтец нам пришел...

Гром-Шог положил было ладонь на древко топора, собираясь все-таки проучить болтливого недоростка, но тут смысл услышанного дошел до него. Похоже, гном хотел рассказать о том, с чего начались их несчастья. Стоило позволить ему говорить. Пока.

Догадавшись, что язык останется при нем, Скалогрыз продолжил:

— В шахте наткнулись мы на древний артефакт. Ты ведь знаешь, что такое артефакт, да? Вот, значит, напоролись... смотрим, большой, красивый, черный параллелепи... короче, сундук. Шкаф. Хреновина. С одной стороны вроде как дверцы. Ну, я не давал их открывать. Я ж сапер, знаю — в земле много такого лежит, что лучше никогда не открывать и вообще не трогать. Для того и закапывают, да?

Но ведь кто меня послушает! Ты бы вот, может, и послушал бы, а они — нет, каждый себе на уме. Клад! Древние сокровища! Открыли...

Он шумно высморкался. Без помощи рук это получилось не слишком удачно, особенно пострадала борода. Отплевавшись, гном возобновил рассказ:

— Открыли, значит — и понеслось. Древнее сокровище дробануло так, что хоть ложись да мри. Все вокруг озверели, стали бросаться друг на друга. Я заныкался в кладовку, думал, пережду, отсижусь. Куда там! Чем дальше, тем больше! Палят, ревут, рубят! Хорошо, у меня ни семьи, ни друзей особенных не имелось... я ж сапер, у нас нечасто обзаводятся родными да близкими. Не успевают. О чем это я?... а, да! Значит, вылезая из кладовки — кругом трупы. Все покромсали друг друга в клочья. Шахтеры, солдаты, кухарки — в общей куче. Кто-то совсем дробанутый поджег склады на нижних уровнях, а там земляное масло, его уже не потушить. Если и оставались где недобитые, задохлись враз. В общем, выбрался я на свежий воздух, окопался в башне, стал ждать подмоги или других выживших. Трое с лишним суток ждал, но дождался только вас. Сдается мне, настали нашей Империи кранты. Кранты. Из-за такой ерунды, представляешь?

— Это. Все. Правда? — спросил Гром-Шог.

— А? Не слышу.

— Это правда? — повторил орк громче, до хруста сжав кулаки, потому что с каждым движением челюстей в щеку словно забивали по гвоздю.

— Конечно, правда. Какой толк скрывать? Тоже мне, нашел военную тай...

Гром-Шог вскочил, затоптал костерок, подхватил гнома и рванул по степи со всей скоростью, на которую был способен. Пленник оказался гораздо важнее, чем представлялось сначала, а потому стоило побыстрее доставить его к кагану. Пусть вождь сам услышит рассказ коротышки о том, что произошло в Глубинной Империи, пусть сам взглянет на топор, убивший Краазга, а потом пусть сам решает, стоит ли племени идти в набег.

Гром-Шог больше не сомневался, что все сделал правильно. Даже старый вояка Ур-Сарш не справился бы лучше. Разведка достигла своей цели.

Он бежал быстро, но размеренно, стараясь не сбиваться с раз взятого ритма. Никакие доспехи не стесняли движений, холодный воздух приятно обжигал разгоряченную кожу, звездного света с избытком хватало для того, чтобы видеть дорогу. Даже рана под насквозь промокшей повязкой меньше болела на бегу. Не болтайся на его плече изрядно упитанный бородатый груз, он мог бы бежать так всю ночь — молодые мускулистые ноги еще никогда не подводили Гром-Шога. С гномом же приходилось время от времени делать передышки, переходя на быстрый шаг.

Ночь летела навстречу, полная тайн и возможностей. Орк возвращался победителем, настоящим воином, достойным славить Зара, сражаться рядом с вождем. Поколения спустя, у вечерних костров будут звучать легенды о разведчике, что принес в каганат весть о крушении гномьих твердынь, о том, как он повел своих братьев в поход, как орки спустились в подземелья Глубинной Империи и набрали добычи столько, сколько смогли унести. Получив в свои руки секреты гномьего оружия, они разорвут, наконец, позорный мирный договор с королевствами людей и покорят плодородные восточные земли, дубиной и секирой творя месть за десятилетия унижений! Имя героя, приведшего свой народ к господству, будет начертано на всех священных столбах, рядом с именами славных воинов прошлого...

Пламя грядущих побед разгоралось в могучей груди Гром-Шога, поддерживало его силы, наполняло душу неистовым дикарским весельем. Погасло оно лишь несколько часов спустя, когда на фоне бледного рассветного неба он увидел дым, поднимающийся от становища.

Слишком много дыма.

Слишком много.

Гром-Шог не верил до последнего, оттонял прочь любые мысли, заставлял себя бежать. Но потом родное поселение раскинулось перед ним, и страшная правда ударила по глазам раскаленным прутком — только боль, пожирившая щеку, помогла ему удержаться на ногах.

— Кувалду мне в противовес! — прокричал изумленный гном. — Оно и сюда добралось!

Сбросив коротышку наземь, словно вещевой мешок, орк вошел в становище. За обутленными кольями рухнув-

шего частокола, среди мешанины из поваленных шатров и изрубленных тел возвышался шест со знаменем его каганата — тем самым знаменем, перед которым он, Краазг и Ур-Сарш трижды прокричали имя бога войны, призывая даровать им победу. Погнутые доспехи погибших были покрашены в цвета его племени, а искаженные мертвые лица под измятыми шлемами принадлежали его друзьям.

В загонах жалобно блеяли голодные козы, среди обгоревших остатков шатров стояли плотно закрытые сундуки, не попадалось чужой раскраски на латах — это не могло быть грабительским набегом враждебных соседей. Сутки назад, а может, и прошлым вечером, когда Гром-Шог в степи подыскивал место для привала, здесь началась бойня. Беспричинная, бессмысленная. Безжалостная.

Оглушенно озираясь, он наступил на что-то твердое и круглое. Всего лишь метательный керн. На шершавом каменном боку — засохшая кровь и немного волос. Древнее безумие, выпущенное на свободу гномами, заставило орков забыть прежние обычаи.

Скрипя зубами от гнева и отчаяния, Гром-Шог зашагал туда, где торчал, похожий на скрюченные пальцы покойника, остов его шатра.

* * *

Скалогрызу почти удалось придумать, как избавиться от ненавистой веревки, когда зеленокожий великан вернулся. Повязки на его лице больше не было, и сквозь кривую дыру в щеке виднелись зубы. В правой руке он держал устрашающего вида изогнутый нож, а левую сжимал в кулак так, что побелели костяшки.

— Убьешь меня, Рваная Морда, — спокойно сказал Скалогрыз, не отрывая глаз от лезвия ножа. — Может, и правильно... все умерли, я остался. Зачем мучиться дальше?

Нагнувшись, орк без усилия перепилил путы на запястьях и щиколотках. Потом протянул к гному левую руку, разжал кулак. На широкой зеленой ладони лежали костяная игла и толстая шелковая нить.



ГЛАВА II БЛИЗНЕЦЫ

Беликий магистр визгливо, надрывно хохотал, вцепившись обеими руками в копьё, пригвоздившее его к трону. Мелко дрожали обвисшие складки на тощей старческой шее. Из неестественно растянутого рта толчками выплескивалась кровь, отчего смех то и дело сменялся хриплым бульканием. Ногти магистра оставляли на гладкой поверхности древка длинные белые борозды.

За высокими стрельчатыми окнами покоев небо закрыли птицы: тучи ворон и сов бились в стекла, пытаясь ворваться внутрь, стремясь забрать то, что принадлежало им по извечному праву. На их крыльях душа магистра должна отправиться в бездну.

Рихард не слышал птиц, все вокруг заполнял захлебывающийся хохот прищипленного к трону мертвеца. Он знал, что произойдет дальше. Он уже видел этот сон. Ночь за ночью ему являлись костлявые бледные пальцы, скребущие по деревянной смерти.

Голова магистра запрокинулась, рот невероятно широко распахнулся, изнутри, распирая хлипкое горло, ломая хрупкие челюсти, вместе с лающим смехом выползало нечто черно-красное, пузырящийся комок перьев и рваной плоти. Рихард чувствовал, как от привычно-невыносимого зрелища к горлу подступает тошнота, но не имел возможности ни уйти, ни отвернуться. Сны не дают нам свободы воли. У них другая задача.

Ворона, выбравшаяся из убитого магистра, расправила мокрые крылья, уставилась блестящими глазами на рыцаря, который прекрасно помнил, что она должна сказать.

— Аррр-грррим! — каркнула птица. — Гаррр-грррим!

От ее резкого, пронзительного голоса Рихард вздрогнул. И проснулся.

Бескрайнее покрывало звездного неба, раскинувшееся высоко над ним, мгновенно успокоило охваченную ужасом душу, погасило вспышку паники. Чуть ниже неба со скрипом покачивали кронами тонкие, изящные сосны. Под этими соснами, под этими звездами зло не имело истинной силы. По ту сторону реальности он постоянно сомневался в том, что сможет проснуться. Но здесь, на уютной лесной поляне, выбранной ими для ночлега, таким страхам не было места. Здесь на первый план выходило другое: причины кошмаров. Смысл вороньих слов.

Тяжело дыша, Рихард приподнялся на локтях, огляделся, встретился взглядом с Вольфгангом, сидевшим у потухшего костра. Брат был не на шутку встревожен.

— Опять? — спросил он.

— Да, — кивнул Рихард. — Опять.

— Великий магистр?

— Он самый. — Рихард медленно встал, подошел к кострищу, уселся рядом с братом. — Мертвый великий магистр. Его светлейшее высочество сир Йоганн Раттбор, семнадцатый лорд-архитектор Заставных Башен, Старший Целитель, главнокомандующий силами Святого Ордена Паладинов.

— Не поминай Орден всеу, брат.

— Я устал, Вольф. Не дави на меня.

— Но...

— Ордена больше нет!

Вольфганг немного помолчал, собираясь с мыслями, потом сказал глухо — больше себе, чем собеседнику:

— Возможно, все беды из-за того, что мы нарушаем свои обеты.

Рихард резко поднялся:

— Возможно, все беды из-за того, что мы цепляемся за обеты, хотя мир вокруг существует уже по совсем иным законам! Или ты забыл, братец? Месяц назад ты тоже стоял в том зале, вместе со мной! Ты видел там то же, что и я: убитого Раттбора, огромные стаи птиц снаружи... ты видел ворону.

— Верно. Но не оставил прежние идеалы. Я почитаю скипетр и кадило, верю в праведность наших... соратников

и учителей. Я действительно последовал за тобой в покои великого магистра в тот вечер и действительно столкнулся с вещами, способными поколебать любые убеждения, разбить в прах любые доводы. Но увиденное лишь укрепило меня, как ледяная вода закаляет раскаленный клинок. Поэтому я сплю спокойно, а ты... мучаешься от видений.

— А тебе не приходило в голову, что таким образом мне пытаются что-то сказать? — язвительно спросил Рихард. — Мы же с тобой никогда не страдали от ночных кошмаров, братец, не правда ли? А теперь я каждую ночь вижу одно и то же, раз за разом слышу это странное слово. Такое чувство, будто до меня пытаются достучаться, сообщить нечто важное, нечто такое, что мы не сумели понять сразу, там, в покоях Раттбора.

— Какая-то мистическая чушь. Ты просто испытал сильное потрясение, и потому...

— Мистическая чушь? — Рихард вдруг улыбнулся. — А птицы, утащившие на наших глазах тело великого магистра через разбитое окно — не мистическая чушь?

Вольфганг пожал плечами:

— Так или иначе, это вовсе не означает, что твои сны — вещи.

— Это означает, что вселенная свернула с верной тропы, и теперь уже недостаточно скипетра и кадила, чтобы оградить нас от ужасов бездны. Наоборот, прежние символы утратили силу, перестали иметь значение. Тысячи наших соратников, обладавших не менее истовой верой в Орден и его дело, месяц назад по неизвестной причине превратились в стаю обезумевших зверей. Наш магистр, лорд-архитектор, человек, которому мы безоговорочно повиновались, речам которого внимали с благоговением, погиб — и его унесли птицы. Птицы! Ты сохраняешь верность идеалам и традициям, но отказываешься посмотреть правде в глаза. Вспомни Клятву Паладинов! Мы же давали ее вместе!

— Не надо, брат! — попросил Вольфганг почти жалобно. — Не...

— Клянусь хранить и преумножать! — чеканил Рихард строки старой орденской клятвы. Слова его гулким эхом разносились под сводами ночного леса. — Клянусь созидать и исцелять ради торжества света над тьмой! А если

нарушу я свои обеты, если, предав истину, ступлю на путь лжи, пусть душа моя ввергнута будет в предвечный мрак, пусть когтями разорвут ее совы и вороны, обитатели беспросветных чащ... помнишь? Совы и вороны, Вольф! Они пришли за ним, и мы оба знаем это!

— Но ведь магистр...

— А что нам известно о магистре или его делах? Человек слаб, и чем выше он стоит, тем слабее становится. Пророчество исполнилось, появление птиц свидетельствует лучше любых документов о том, по какому пути он двигался. Никто и никогда раньше не слышал о подобном! Часто ли птицы уносят людей? А тут фигура речи, красивая фраза вдруг воплощается в жизнь! Мы стояли там и все видели.

— Да я до сих пор понятия не имею, что мы видели!

— Врешь! Причем не мне, а себе врешь! Ты все отлично помнишь и отлично понимаешь, но отказываешься в этом признаться! Наш возлюбленный наставник, лорд Раттбор ввергнут в предвечный мрак, а с ним и весь Орден. История Паладинов закончилась тем вечером. Башни сгорели, в них погибли архивы! А рыцари или перебиты или бродят по окрестным полям, выкрикивая нелепую околесицу и размахивая обломками мечей.

— Не все! — возразил Вольфганг. — Кроме нас, есть и другие, кто сохранил рассудок!

— О, да, я их видел. Хорошо разглядел, как эти... светочи разума, пользуясь суматохой, выламывали дверь в орденскую сокровищницу или накачивались до беспамятства медовухой в погребах. Сколько бы рыцарей ни уцелело, Ордену уже не возродиться. Его время прошло. Наверное, ты единственный, кто еще готов проповедовать прежние идеалы и следовать им.

— Ну хорошо. — Вольфганг поднял руки над головой, словно признавая свое поражение. — Хорошо. Но тогда объясни мне, Рихард, почему ты согласился последовать за мной? Почему помогаешь нести книги к алхимикам? Почему, когда мой конь пал, ты отпустил своего? Зачем все это, если теперь значение имеют другие вещи?

Рихард молчал. Они долго смотрели друг на друга, одинаково высокие, широкоплечие, светловолосые. На удивительно похожих лицах застыло одно и то же выражение:

сердито сдвинутые брови, прищуренные глаза, плотно сжатые тонкие губы. С раннего детства, когда различить их могла только мать, братья гордились своим сходством и всячески подчеркивали его: носили одну и ту же одежду, единообразно заплетали волосы, одинаково двигались, говорили, дрались. В пятнадцать лет, упав с лошади, Вольф обзавелся длинным шрамом на спине, но уже через несколько недель такой же появился и у Риха. Став послушниками в Ордене Паладинов, они получили абсолютно идентичные доспехи, а для того, чтобы наставники и командиры все-таки могли определить, с кем конкретно имеют дело, на правых наплечниках близнецы выцарапали начальные руны своих имен — «Р» и «В».

Они никогда не расставались, очень редко ссорились, понимали друг друга с полуслова, и каждый всегда готов был вступить за другого в споре или схватке. Братья представляли собой единый монолит с двумя лицами, который казался нерушимым, но все же дал трещину месяц назад, в покоях на вершине Заставной Башни, когда окровавленная ворона, сидя на лице магистра, прокричала свое проклятье.

— Сдаюсь, — сказал наконец Рихард. — Я наговорил много глупостей. Прошлое ушло, но книги, что мы несем, сохранят его в себе. Прошлое ушло, но в нас по-прежнему течет одна кровь. Поэтому можешь рассчитывать на меня. Как раньше. Мир?

Он протянул руку, и Вольфганг без промедления пожал ее, широко улыбнувшись.

— Твои кошмары скоро прекратятся, брат. Вот увидишь.

— Мне бы такую уверенность. Сколько еще до рассвета?

— Немало. Ты поспал всего пару часов. Может, снова ляжешь?

— Ни за что. Глаз не сомкну до следующего заката. Разведем огонь?

— Пожалуй. И еще... — Вольфганг многозначительно подмигнул. — У меня осталась почти не тронутая бутылка вина.

— Это когда я засыпал, она была «почти не тронутая», а сейчас, наверное, уже выпита до дна?

— Возможно, незаметно подкрались враги и немного уменьшили наши запасы, но на пару достойных порций грога должно хватить.

— Великолепно.

Братья быстро соорудили костер, подвесили над ним черный от копоти котелок, наполненный вином с ароматными пряностями. Вдыхая запах закипающего грога, вглядываясь в языки пламени, пляшущие на сложенных шатром поленьях, каждый из них думал об одном и том же: о реке времени, которая, как и любая другая река, течет только в одном направлении. О девушках, что ждали их теплыми летними вечерами, о матери, что ждала их всегда, о верных друзьях, чей голос им больше никогда не услышать. Каждое мгновение уникально и бесконечно — в башнях Паладинов этой заповеди учили в первую очередь: так юных послушников готовили к суровому быту рыцаря, полному смертей, расставаний и горя. Случившееся однажды больше не повторится, но навсегда запечатлит себя в вечности, а потому цените моменты счастья, запоминайте их, носите с собой — тогда вам будет, ради чего сражаться.

Братья хорошо усвоили эту простую истину, и в течение последнего месяца только она не давала им сорваться в беспросветную пропасть отчаяния. Теперь они хранили жизни тех, кто погиб, обезумел, бесследно сгинул в хаосе, обрушившемся на мир.

* * *

К полудню близнецы выбрались на широкий тракт, ведущий на юго-запад. До крепости алхимиков, конечной цели их путешествия, оставалось еще около четырех суток пути. Здесь, в приграничных землях, несмелое освоение которых началось лишь после подписания мирного договора с орочьими каганатами около полувека назад, редко встречались деревни, поля или фермы. С обеих сторон серой, непроглядной стеной возвышался старый лес. Иногда на дорогу выходили ворота хорошо укрепленных усадеб, но людей не было ни видно, ни слышно. В прошлом году братьям довелось сопровождать караван, направлявший-

ся к алхимикам по этой же дороге, а потому они знали, что впереди должен стоять большой постоялый двор.

— «Медвежий дом», — настаивал Рихард. — Я точно помню!

— Ничего подобного. «Медвежий угол». «Угол»! В этом есть смысл: в глухой чаще, на самой окраине цивилизованного мира прячется уютный уголок спокойствия.

— Смысл, может, и есть, — кивнул Рихард. — Но только называется он «Медвежий дом».

— Да с чего бы ему вдруг так называться?

— Откуда я знаю! Но память меня не подводит.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда увидишь вывеску!

— Торжествующе запою.

Братья бодро вышагивали по пустынному тракту, который уже начал понемногу сдаваться под напором леса: между колеями, там, где колеса бесчисленных телег не утрамбовали почву до каменной твердости, поднималась тонкая поросль дикой малины, а обочины захватывала буйно разросшаяся крапива. Всего за месяц ширина дороги уменьшилась на треть. Пожалуй, к осени пройти здесь станет невозможно.

Заплечные мешки братьев совсем не тяготили их — внутри не оставалось ничего, кроме нескольких книг, летописей Ордена, спасенных ими из пожара. Что же до провианта, на двоих оставалось три сухаря, яблоко, сушеная рыбина и наполовину пустая коробочка со специями. Постоялый двор со спорным названием должен был стать не только местом отдыха, но и источником пополнения запасов съестного.

— Зря ты сомневаешься в моей памяти, — сказал Рихард. — Вот впереди поворот. Сразу за ним мы увидим огромный дуб шириной с полдороги. От этого дуба до нашего «Медвежьего дома» не больше трех миль.

Вольфганг пожал плечами:

— Оттого, что ты часто упоминаешь вымышленное название, оно не станет реальностью.

— Кончай притворяться! Признай свою неправоту сейчас и сможешь избежать позорного поражения в дальнейшем.

Перешучиваясь, братья миновали поворот.

— Ну, что я говорил! — воскликнул Рихард. — Вот и...

Они действительно вышли к дубу. Гигантское, сказочно старое дерево сильно выступало из ровной стены леса, словно выползая на дорогу. Могучие корни разбегались в разные стороны узловатыми щупальцами, ствол, обхватить который не смогли бы и четверо мужчин, слегка накренился вперед, отчего иллюзия застывшего движения становилась сильнее. Большая часть ветвей давно высохла, но на некоторых еще росли зеленые листья.

Дуб стоял здесь очень давно, и год, миновавший с той поры, как братья проходили мимо него в прошлый раз, казался мгновением на фоне столь долгой жизни. Но кое-что изменилось.

Год назад на нем не было повешенного.

Веревка слабо поскрипывала под тяжестью грузного тела. Длинные светлые волосы падали на лицо, милосердно скрывая его от посторонних взглядов. По одной из босых ступней медленно ползла черная мохнатая гусеница. Перед тем как вздернуть, человека раздели и разули, оставив лишь льняную исподнюю рубаху.

— Недавно совсем, — пробормотал Вольфганг. — Стервятники не успели слететься.

Рихард поморщился: любое упоминание о птицах будило в нем отзвуки того, что он видел в снах. Повешенным, по крайней мере, ничего не снится.

Вольфганг огляделся. Лес вокруг молчал и не давал подсказок. Лес видел все, наблюдал за последними секундами жизни этого человека, а теперь так же пристально изучал братьев, не собираясь делиться с ними своими секретами.

— Может, он сам? — неуверенно спросил Рихард. — От безысходности?

— Ну, влезть наверх, привязать веревку и прыгнуть мог, — сказал Вольфганг. — Но сам вряд ли пришел сюда босиком, да без штанов.

— Верно... постой-ка, а что у него на груди?

— Где?

— Вон, на рубахе, под волосами. Вроде бы вышивка зелеными нитями.

— Зелеными? Это не... — Вольфганг проследил за взглядом Рихарда и побледнел. — Знак?

— Похоже на то.

— Надо снимать бедолагу. Ну-ка, подсади меня...

С помощью брата Вольфганг забрался на нижнюю ветку, соседнюю с той, на которой была закреплена петля. Вытащив кинжал, он принялся рубить веревку. Отсюда ему без труда удавалось различить узор, вышитый с правой стороны от ворота рубахи. Роза о четырех лепестках, а внутри — меч, становящийся цветком. Герб Ордена.

Только после пятого удара веревка порвалась, и тело рыцаря упало на траву. Волосы разметались, открыв уже посиневшее лицо, обрамленное аккуратной бородкой, с правильными, некогда приятными чертами. Несчастный был лишь на несколько лет старше братьев.

— Знаешь его? — спросил Вольфганг, спрыгнув следом.

— Нет. Никогда не видел. А ты?

— Тоже. Наверное, не из нашей Заставы.

— Интересно, откуда он ехал?

— Гораздо интереснее, почему не доехал.

— Да уж.

Близнецы срезали с шеи заскорузлую петлю, оттащили тело с дороги настолько далеко, насколько позволил бурелом, положили под упавшей березой, завалили хворостом. Такого кургана не хватит, чтобы защитить тело от лесных зверей, но укрыть его от глаз прямоходящих хищников он в состоянии.

Отсалютовав неизвестному соратнику, братья вернулись на тракт и продолжили путь. Только теперь им стало не до шуток или споров: положив ладони на рукояти мечей, они встревожено озирались, напряженно замирали при каждом шорохе, доносившемся из чащи. Лесная тишина соткана из скрипов и шелестов, шуршания и шепотов — она без труда поглотит звук шагов, а те, кто расправился с Паладином, могли оставаться поблизости.

Через три с половиной мили близнецы добрались до постоянного двора. Покосившийся двухэтажный дом, стоявший чуть в стороне от дороги, утопал в зарослях малины. Черные дыры окон безучастно пялились в пространство, и выдержать этот пустой взгляд оказалось не так-то просто. Тракт здесь был перегороджен внушительным бревном, уложенным на двух пнях на высоте груди. Рядом, облокотившись на бревно, стоял высокий тощий человек в одежде, сшитой из разноцветных лоскутов. Голова его была чисто

выбрита, и всю правую сторону ее покрывала татуировка: в невнятной композиции отчетливо выделялись изображения трех черепов.

Увидев рыцарей, тощий расплылся в улыбке, продемонстрировав полное отсутствие зубов, радостно захлопал в ладоши.

— Милошти прошим, хошпода хорошие! — прошамкал он, без перерыва моргая. — Рады, понимаеш ли, приветствовать ваш!

— И ты здравствуй, — отозвался Рихард. — Не скажешь ли, как называется это место?

— Отчехо ш не шкажать. Ижвештно, «Медвежий двор». Братья переглянулись.

— Двор?

— Он шамый. Раньше вывешка вишела, а потом шгнила.

— А ты хозяин?

— Можно и так шкажать. Но наштоящий хожяин-та тоже... шгнил.

Слева с легким шорохом раздвинулись кусты, выпуская плечистого детину, заросшего черной бородой до самых глаз. В руках у него находилась внушительных размеров дубина, оцетинившаяся множеством ржавых гвоздей.

— Начишто шгнил, — продолжал тощий. — И вы шгниете. Рытшари, шмотрю! — он указал на выполненные в виде орденского герба нефритовые фибулы, которыми были застегнуты плащи братьев. — Давеча проежжал тоже один рытшарь. «Далеко ли до Жаштавных Башен», спрашивал. Дык мы ему objaшнили, што он больше никуда не едет. Небошь, видали его, а? Так-то. Раньше вы на наш охотилишь, теперь наш черед.

Рихард только сейчас вспомнил, что означает татуировка на голове шепелявого. Банда Трех Черепов объявилась в этих краях лет двенадцать назад и успела натворить немало черных дел, прежде чем Паладины расправились с ней. В Ордене считалось, что банда уничтожена полностью, но, судя по всему, это было не так.

В одном из окон постоянного двора возникла хмурая женщина в лохмотьях и, взгромоздив на подоконник арбалет, направила его на близнецов. Еще двое вооруженных луками бандитов возникли на крыльце. Шепелявый достал из сапога длинный нож, подмигнул хозяину дубины:

— Удачный выдалша денек, да, штарик? Еще не пообедали, а штолько народу уже...

— А у нас нет ничего, — сказал Вольфганг. — Сами надеялись найти, чем поживиться.

— А нам и не надо, — сказал шепелявый. — У того рытшаря тоже нишего не было. Ражве ж все ради наживы делается? Надо же ж иной раж и для шебя, для души...

Внутри постоялого двора вдруг послышалась какая-то возня.

— Да, гномова мать! — выругался шепелявый. — Уж ражберитесь там ш ними беж наш пока!

Возня прекратилась, но тут же раздался протяжный треск, потом гулкий грохот, будто что-то тяжелое упало с большой высоты, а сразу за грохотом последовал рев — злой, хриплый, явно звериный.

На какое-то мгновение внимание всех бандитов оказалось приковано к дверям постоялого двора. Именно в это мгновение близнецы начали действовать. Выхватив мечи, они бросились вперед, не сговариваясь, не планируя, но интуитивно чувствуя намерения друг друга. Время тренировок прошло, теперь клинки заточены, а противник не подаст руки, сбив тебя с ног. Теперь ты и сам не станешь спешить с проявлением благородства, единственной наградой за которое будет удар в спину.

С тяжелым стуком выстрелил арбалет, но болт, никого не задев, воткнулся в землю — туда, где только что стояли двое молодых рыцарей.

Вольфганг атаковал шепелявого, который оказался на удивление умелым бойцом: легко отразив несколько хитрых выпадов, он сам перешел в наступление, несмотря на то, что его нож был почти втрое короче меча. Вольфгангу пришлось отступать, стараясь удерживать врага между собой и крыльцом, чтобы не получить стрелу промеж лопаток.

Рихард напал на бородатого. Клинок сразу же застрял среди гвоздей дубины, бандит одним резким движением вырвал оружие из рук рыцаря. Рихард отпрыгнул, увернулся от размашистого удара, выхватил кинжал и, поднырнув под бревном, замер, ожидая, что предпримет бородач. Если бы тот попробовал преодолеть бревно снизу или сверху, то наверняка стал бы уязвим, пусть и на очень короткое вре-

мя. Реши он обойти препятствие сбоку, Рихард успел бы повторить маневр в обратную сторону.

Но бородач кинулся на помощь шепелявому, заходя к Вольфгангу справа. Тот вряд ли смог бы противостоять сразу двоим, да и тяжелая дубина не оставляла клинку никаких шансов.

Женщина в окне спешно взводила арбалет, лучники на крыльце уже натянули тетивы, целясь в открывшегося Рихарда. Расстояние не превышало двадцати шагов, нечего было и думать увернуться от стрел, но еще имелась пара секунд в запасе, чтобы нырнуть в кусты на обочине. Однако вместо этого Рихард размахнулся и метнул кинжал в спину бородача — метнул по всем правилам, так, как их учили в Заставных Башнях. От подобных бросков не всякая кольчуга спасает, а на бандите была только старая кожаная куртка. Кинжал угодил в основание шеи, вошел глубоко, почти по самую рукоять. Выронив дубину, бородач сделал три неуверенных шага в сторону, нелепо взмахнул руками и повалился на землю, так и не издав ни звука.

Но Рихард этого уже не увидел. Потому что лучники спустили тетивы сразу после его броска. Одна стрела, летевшая слишком низко, чиркнула по бревну и, переломившись, ушла в сторону. А вторая попала рыцарю под левую ключицу. Удар был такой силы, что Рихарда опрокинуло на дорогу. Небо, налитое густой синевой, распростерлось над ним, готовое принять блудного сына. Он не чувствовал ни боли, ни страха, и, вопреки тому, что левая рука отказывалась повиноваться, попытался подняться. Ему почти удалось, оставалось только встать с колен, но тут еще одна стрела ткнула его в ребра, а арбалетный болт, выпущенный из окна второго этажа, пригвоздил правую ладонь к земле.

Боли по-прежнему не было. Тело словно бы не принадлежало ему — чужая плоть, мягкая, податливая, безразличная. С удивлением оглядывал Рихард торчащие из нее оперенные древки, не понимая, отчего такие невзрачные предметы обладают столь огромной властью. В следующий миг небо обрушилось на него, разбилось на тысячи тысяч осколков, взвилось яростным вихрем и утащило в темноту, где все еще остервенело, истошно смеялся сир Йоганн Ратбор, погибший магистр погибшего Ордена.

Шепелявый был слишком быстр, слишком верток, двигался, будто огромная ящерица, отрывисто, непредсказуемо. Каждый его удар напоминал вспышку молнии, а отражать молнии наставники не учили. Тем не менее Вольфганг каким-то чудом справлялся, хотя и не видел возможности контратаковать.

А потом шепелявый отвлекся. Взгляд, брошенный в сторону, на упавшего бородача, всего одно незаметное движение глаз — именно оно его и подвело. Меч противника рванулся вперед, описал в воздухе сверкающий полукруг, рассек правую руку до самой кости. Взвизгнув, татуированный бандит отпрянул, но Вольфганг уже шагал следом, развивая комбинацию, замыкая восьмерку, и лезвие расчертило врага наискось, от левого плеча до печени. Нож упал на землю, шепелявый медленно присел на корточки, зажимая ладонями распоротый живот. Меж пальцев сочились крупные темные капли.

— Штреляйте, гномова мать! — простонал он.

Вольфганг повернулся к крыльцу, готовясь встретить смерть, как подобает рыцарю. Он только что одержал победу и страх пока был не силах овладеть его сознанием: гнев битвы еще стучал в висках, пульсировал в венах, заглушая остальные чувства.

Однако арбалетчица, стоявшая у окна наверху, исчезла, а на крыльце творилось нечто непонятное. Лучники не целились в молодого Паладина, одолевшего их сообщника, а стреляли внутрь постоянного двора, откуда доносились скрежет и треск. Решив воспользоваться милостью судьбы, Вольфганг ринулся к ним, но замер на полпути: из темноты дверного проема на крыльцо выступил зеленокожий гигант, вооруженный двуручным каменным топором. Ростом он вряд ли превосходил людей, но плечи его были настолько широки, что протискиваться между косяками ему приходилось вполоборота. Вольфганг сразу узнал орка, хотя прежде не встречал ни одного.

Орк навалился на лучников, с легкостью сбил обоих с ног. Первому он наступил на голову, раздавив череп, а второго, пытавшегося уползти, зарубил своей жуткой секирой. Стало тихо. Клыкастый варвар, щеку которого украшал кривой, бугристый, относительно свежий шрам, пристально рассматривал рыцаря, а тот лихорадочно

вспоминал рассказы наставников о методах сражения с зеленокожими.

Тут на крыльцо вышло — нет, не вышло, а выскочило — еще одно необычное создание. Вольфгангу доводилось видеть гномов, они часто приезжали в Заставные Башни, привозили оружие и доспехи, но этот мало походил на своих неповоротливых сородичей. Во-первых, каждый его шаг усиливался особыми четырехпальными конструкциями, прикрепленными к ступням, благодаря чему он не переваливался с ноги на ногу, подобно гномьим купцам, а передвигался широкими плавными прыжками. Во-вторых, у него росли клыки: небольшие, но заметные, они поднимались из-за нижней губы в углах рта, придавая маленькому лицу злобное выражение. За спиной у гнома висела изрядно обшарпанная аркебуза.

— Не бойсь! — крикнул гном. — Мы тебя не тронем! Спасибо за помощь!

— За какую помощь? — удивленно спросил Вольфганг.

— Так ты же отвлек этих дробоедов, — пояснил гном. — А так бы все, винтец нам...

Он приблизился к шепелявому, еще продолжавшему тихо скулить в дорожной пыли. Дрожащими пальцами бандит пытался удерживать на месте выползающие внутренности, но поскольку действовала у него теперь только одна рука, получалось не очень.

— Ну что? — спросил гном. — Как тебе нравится теперь, а, гномова мать?

Сняв аркебузу с плеча, он направил ее на умирающего:

— Окажу последнюю милость. Не благодари — с твоей дикцией я вообще ничего не пойму.

И выстрелил в упор.

Отвернувшись, Вольфганг еще раз взглянул на орка, убедился, что никакой угрозы от плечистого варвара пока не исходит, и осмотрелся в поисках брата.

* * *

Рихард еще дышал — Вольфганг слышал это. Рихард еще жил — он знал это. С пеленок между близнецами установилась тесная связь, незаметная и непонятная прочим.

Они чувствовали боль друг друга, угадывали мысли, эмоции, желания. Если орденская служба вдруг разлучала их, в сердцах возникала пустота, незаполняемая, невосполнимая — ни одна беда в мире не могла ввергнуть в такую тоску. И сейчас Вольфганг не ощущал в груди ничего похожего. Значит, Рихард пока оставался здесь, с ним. Иссинябледный, неподвижный, но живой.

Орк, которого звали Гром-Шог, помог перенести лишившегося сознания рыцаря в постоянный двор, где раненого уложили на импровизированную постель, собранную гномом по имени Роргар из мешков, шкур и плащей, найденных среди разбойничьих трофеев. Пока Вольфганг осторожно извлекал стрелы, его новые товарищи вскипятили воды и раздобыли где-то пару почти чистых бинтов. Раны тщательно промыли и перевязали.

Вынужденные оставаться в постоялом дворе, они по возможности подготовились к предстоящей ночи: забаррикадировали дверь и заколотили окна, оставив одно на втором этаже для наблюдения за окрестностями. Всем трем было ясно, что Рихард находится на пороге смерти. Он потерял много крови, а одна из стрел пробила легкое. Безымянные хозяева темных путей цепко держали его душу, и уже к утру могли забрать ее с собой.

Разведя огонь в большом каменном очаге, орк с гномом сварили похлебку из сушеных овощей, обнаружив целый мешок в припасах бандитов. Помещение наполнил потрясающий аромат горячей еды. Несмотря на голод, Вольфганг не притронулся к пище — он и присесть не мог, все ходил из угла в угол, постоянно бросая тревожные взгляды на осунувшееся лицо брата, оранжевое в отсветах пламени.

— Успокойся. Парень не доживет до рассвета, — пробурчал орк. — Уж я-то знаю.

— Будь у меня кадило или хотя бы скипетр, — проскрипел зубами Вольфганг. — Мы бы тогда посмотрели, кто кого.

— Погоди-ка, — сказал гном. — Как? Чадило?

— Кадило. Вроде... горшочка на цепи. Инструмент Паладинов.

— А?

Вольфганг повторил.

— Ну дык ведь! — воскликнул Скалогрыз, хлопнув себя по лбу. — Тут был еще рыцарь, утром попался этим сволочам, они его повесили! У него же имелась такая штука. Да-да! Мы с Рваной Мордой лежали связанные вон там, а тот ублюдок с черепами на башке обыскивал рыцаря прямо перед нами.

— Где? — рявкнул Вольфганг, испуганный вдруг вспыхнувшей надеждой. — Где обыскивал?

— Да вот здесь, кажись... погоди-ка...

Гном отложил в сторону миску с похлебкой, спрыгнул с лавки и направился в соседнюю комнату. Заскрипело, зашуршало, потом что-то с хрустом сломалось.

— Есть! — торжествующе крикнул гном, и появился в дверях, сжимая в руках объемистый сверток. — Вот рыцарские пожитки. Хорошо запрятали, гады!

В белый орденский плащ были завернуты потертые кожаные сапоги, дорожная сумка, кольчужная рубаха, расшитые серебром штаны, широкий проклепанный ремень с надписью «Людвиг Стормвотер» на внутренней стороне. То, в чем нуждался Вольфганг, здесь тоже нашлось: небольшое кадило и традиционный орденский скипетр с крестообразным навершием, покрытый витиеватой резьбой. В дорожной сумке лежали три мешочка с разноцветными порошками. Людвиг Стормвотер щедро отплатил за то, что они сняли его с дуба. Вольфганг не мог поверить своему счастью: теперь брат был спасен.

— Огня мне! — скомандовал он. — Быстро!

Орк взял из очага горящую головню, подошел, встал рядом. Рыцарь высыпал в чашу кадила щепотку зеленого порошка, растер его пальцами по дну. Новый, едва различимый аромат разбавил кислый запах похлебки. Взяв головню, Вольфганг наклонил ее над чашей, слегка встряхнул, уронив две искры, от которых порошок мгновенно вспыхнул. Из кадила потек густой зеленоватый дым.

— Ух ты! — изумленно воскликнул гном. — Вот так фокус!

— Не волнуйтесь, — сказал Вольфганг. — Это целебный дым.

— И что? Вылечит твоего брата?

— Надеюсь. Порошки — давний секрет нашего Ордена. Их готовили алхимики по особым, тайным рецептам,

известным только самым лучшим мастерам. Вдыхая мельчайшие частицы, из которых состоит дым, человек получает удивительную способность к восстановлению. Раны затягиваются, кровотечения прекращаются, рассасываются синяки. Однажды я сам видел, как рассеченная сабельным ударом икра полностью зажила меньше чем за минуту. Даже шрама не осталось.

— А на орков эта штука тоже действует? — спросил Гром-Шог.

— Не знаю, — задумчиво ответил Вольфганг, думая, где бы пристроить кадило. — Не проверяли. Возможно, да, если нет какой-то роковой разницы в строении.

— И сколько порошка надо для лечения?

— Зависит от ранения. Рихарду, наверное, понадобится весь.

— Весь?

— Ну да. Но не волнуйтесь, в остальных мешочках — ингредиенты, я в любой момент могу приготовить еще, если будет нужда. Необходимые пропорции знаю, нас этому учат.

— Полезный ты человек, — пробормотал гном. — Надо бы с тобой подружиться.

Вольфганг повесил кадило на сучок над головой брата и, наконец-то успокоившись, сел на лавку, взял миску с хлебом. Орк, тяжело переваливаясь, потопал наверх, сторожить у окна. Человек и гном неспешно разговаривали, делились впечатлениями от пережитых ужасов и перенесенных испытаний. Выяснилось, что Скалогрыз и Гром-Шог несколько дней назад миновали крепость алхимиков: ворота стояли наглухо закрытые, ни в окнах, ни на стенах не наблюдалось никаких признаков жизни. Особой цели у странного дуэта не имелось, поэтому гном был не против вернуться туда, сопровождая братьев.

— В крепости спокойнее, — ворчливо сказал он. — Может, еще и объяснят, почему вдруг клыки начали у меня расти. А то уже кажется, будто я превращаюсь в орка. Неплохо, конечно, быть орком, главное, чтоб мозги остались.

— Да, некоторые объяснения не помешали бы, — согласился Вольфганг, посмотрев на окутанного зеленым туманом брата. — Например, почему безумие, охватившее всех

вокруг, не коснулось нас. Правда, сомневаюсь, что алхимикам это известно.

Он поднялся, добавил в кадило еще щепотку порошка. Рихард определенно стал выглядеть лучше: на бледной коже проступил легкий румянец, дыхание выровнялось, исчезли хрипы. Сейчас он казался больным, но уже не смертельно раненым.

— А табачку в той сумке не лежало? — поинтересовался гном. — А то трубка без дела пы...

Гулко громыхая, по лестнице слетел орк, ввалился в комнату:

— Тревога! Бабы идут!

— Крабы? — удивленно переспросил Скалогрыз.

— Бабы! Три штуки. С огнем.

— Сюда? — недоверчиво посмотрел на него Вольфганг. — К нам?

Орк не успел ответить — раздался требовательный, настойчивый стук в дверь.

— Тихо! — хрипло прошептал гном. — Никого нет!

— Мы знаем, что вы там! — прозвучал снаружи мелодичный женский голос. — Откройте, или нам придется спалить этот жалкий сарай!

— С огнем, говоришь? — пробормотал Вольфганг.

— Ага, — кивнул орк. — На посохе.

— На посохе? О, Ушедшие Боги!

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросил гном. — Эльфийки?

— Похоже на то...

— С тремя нам не справиться.

— Мы не причиним вам вреда! — вновь тот же голос. Его обладательница то ли читала мысли, то ли просто удивительным образом подслушивала их разговор. — Даем слово!

Гном почесал бороду, глянул на Гром-Шога. Тот пожал плечами.

— Хорошо, — сказал Скалогрыз. — Откроем. Может, им тоже нужен ночлег...

Орк, поднатужившись, оттащил от двери подпиравшие ее лавки.

— Сейчас, сейчас! — крикнул гном, поворачивая ключ в замке. — Еще секунду... Вот!

Вольфганг никогда раньше не видел эльфов. Среди послушников ходили разные истории об этих существах, некогда правивших всем миром, но теперь сохранивших за собой лишь территорию южных гор, на вершинах которых они строили свои загадочные монастыри. Говорили, что правят и воюют у них женщины, а мужчины занимаются домашними делами. Судя по трем эльфийкам, стоявшим за порогом, это было правдой. Изящные, ярко украшенные доспехи плотно облегали стройные тела, в которых гибкость и грация гармонично сочетались с внутренней силой. Клинки, выполненные в виде полумесяцев, несмотря на явную декоративность, производили впечатление грозного и действенного оружия. На лицах, лишенных красоты в привычном смысле этого слова, читалась решительность и даже жестокость, а в глазах — Вольфганг опустил голову, не выдержав их взглядов — в глазах таилось ледяное безразличие долгой, очень долгой жизни. Они принадлежали иному миру, прекратившему свое существование много сотен лет назад.

Эльфийка, шедшая чуть впереди, облаченная в оранжево-желтую броню, держала посох, над навершием которого висел маленький огненный шар, непрерывно вращающийся и разбрасывающий искры. Он давал достаточно света, чтобы полностью разогнать тьму в просторном обеденном зале. Две другие были одеты в доспехи с синим отливом, затейливый узор на них походил на морозные разводы на стекле.

Гном учтиво поклонился, мазнув бородой по доскам пола.

— Рады приветствовать! — провозгласил он. — Роргар Скалогрыз, к вашим услугам! А это, извольте видеть, Рваная Морда, хоть он и предпочитает другое имя...

— Нам нет до вас никакого дела! — прервала его оранжево-желтая эльфийка. — Мы пришли только за ним!

И она указала на Рихарда, по-прежнему лежащего без сознания среди звериных шкур.



ГЛАВА III

МОРОЗ

В тронный чертог правой Заставной Башни уже много дней не заглядывает солнце. Высокие — почти во всю стену — стрельчатые окна, некогда поражавшие гостей великолепными цветными витражами, затянуты сплошной ледяной коркой. Свет дают десятки чадящих факелов в железных скобах на тонких резных колоннах. Этот свет злобен и ненадежен, перемешан с густыми тенями, что беспрестанно исполняют свой монотонный танец на полу и на стенах, он не имеет ничего общего с солнечным или даже лунным светом. Это грубый огонь глубокого подполья, жестокое пламя пожара.

В тронный зал ведет лишь одна створчатая дверь. В те времена, когда на границах Трех Королевств царили мир и спокойствие, эта дверь редко оставалась закрытой. Она помнила сотни гостей, просителей и купцов, желавших аудиенции. Во время многочисленных пиров сквозь нее входили длинные вереницы лакеев с огромными медными или деревянными блюдами, наполненными самыми удивительными яствами.

Но не об этом вспоминал Карл, молодой рыцарь-Паладин, когда плечистые солдаты волокли его по коридору к той самой створчатой двери. Он думал о матери. О ее добрых руках и теплой улыбке, полной нежности. Именно воспоминания помогали ему стойко переносить все ужасы последних недель — с того самого момента, как безумие овладело миром вокруг.

Дверь со скрипом открылась, в нос Карлу ударила волна холода, наполненная тяжелым, приторным запахом разложения с примесью медного аромата свежей крови.

Он не раз слышал о том, что тронный зал его повелителя теперь служит еще и пыточной. Настала пора самому в этом убедиться. От смрада кружилась голова, к горлу подкатывала дурнота. Наконец воины остановились, бросили Карла на пол и, гремя подкованными сапогами, отступили.

Юноша поднял взгляд. Он находился на том месте, где раньше, всего месяц назад, возвышался изящный трон из черного камня. Теперь на небольшом обломке мраморного основания сидел тот, кто когда-то принимал клятвы молодых послушников, посвящая их в рыцари. В этом самом зале. Кажется, будто с тех пор успела пройти целая вечность. Волосы магистра, полностью поседевшие, ниспадали на плечи. Гладко выбритое бледное лицо, покрытое многочисленными мелкими порезами, не выражало абсолютно ничего, оно было мертво и неподвижно.

А вот глаза жили, сверкали лихорадочным блеском, неизбывной лютой ненавистью, какую можно увидеть во взгляде смертельно раненного медведя или волка. У хозяина этих глаз не могло быть ни разума, ни памяти, ни сострадания, только боль. Своя и чужая.

Магистр медленно встал. Просторное двухцветное одеяние было украшено широкой нашивкой на груди. Новый герб: жезл с навершием в виде цветка о шести лепестках, символ запрещенного тайного общества. Карл понимал, что означает этот рисунок. Погонщики Теней. Отступники. Еретики. Древняя секта, отколовшаяся от Ордена еще во времена гномьих войн. Члены секты практиковали черную магию, поклоняясь небытию и разрушению, брали на службу существ, ютящихся в безднах посмертия, насылали чуму на неудобных. Благодаря колдовству секта вскоре приобрела невероятное могущество. Ходили слухи, что ее щупальца опутали весь Орден — якобы даже среди высшего руководства имелись приверженцы темного учения. После отчаянной борьбы, сопровождавшейся кострами и пытками, виселицами и отлучениями, заразу вроде бы удалось искоренить, но эхо ее продолжало звучать еще многие годы. Карл, как и большинство других рыцарей, не верил, что сектантам удалось уцелеть, но в ту проклятую ночь он вместе с несколькими сохранившими рассудок сратниками ворвался сюда и видел, как совы и вороны уно-

сят хохочущего Йоганна Раттбора, магистра, оказавшегося чернокожником.

Карл знал, что под нашивкой с гербом прячется смертельная сквозная рана, оставшаяся от копья, знал, что порезы, покрывающие все тело Раттбора — это следы птичьих когтей. Знал, что живым из этого затхлого, погруженного во мрак зала он не выйдет. Как ни странно, это придавало ему сил и смелости. Страх остался, но отодвинулся куда-то на второй план, в глубину сознания. На смену пришел чистый, праведный гнев. Юноша встал и выпрямился, несмотря на бивший его озноб, несмотря на колющую боль в ногах и ребрах.

Магистр улыбнулся ему.

Улыбка эта была ужасной — свирепый волчий оскал под черными ямами глаз на потрескавшемся каменном лице древнего идола. Чудовище раскинуло руки, будто бы для объятий, и сказало хриплым глухим голосом:

— Приветствую тебя в моей скромной обители, ученик! Здесь многое изменилось за прошедшие недели, не так ли?

Карл ничего не ответил.

Магистр подождал несколько мгновений, потом склонил голову набок и спросил, мягко, вкрадчиво, почти ласково:

— Что с тобой? Почему не хочешь говорить со мной?

Карл сурово мотнул головой:

— Я не знаю тебя!

Сколько раз в далеком безоблачном детстве он слышал эту фразу из уст героев сказок, которые рассказывал ему старый Храгнир, учитель и воспитатель. В сказках храбрые молодые витязи, оказавшись во вражеском плену, плевали в лицо смерти, отрекались от предателей, не сдавались до последнего — и все равно выходили победителями. В мальчишескую голову ни разу не приходила мысль о том, что однажды придется сказать эти слова самому.

Лицо магистра, до сих пор абсолютно равнодушное и бесстрастное, исказил явный, неприкрытый ужас. Волчий оскал исчез, даже глаза приобрели осмысленное выражение испуганной растерянности.

— Как? — пронзительно вскрикнул он. — Как не знаешь?!

— Успокойтесь, ваше светлейшество, — раздался тихий, но сильный голос из темноты слева. — Юноша всего лишь имеет в виду, что не хочет иметь с вами ничего общего. Он был здесь в ту ночь, в этом нет никаких сомнений. Приглядитесь к нему внимательнее.

Магистр шагнул к Карлу, схватил его за волосы и принялся пристально разглядывать лицо. После нескольких томительно долгих секунд он разжал пальцы и, устало махнув рукой, пробормотал:

— Да, он стоял там, я припоминаю его.

Карл повернулся влево, к обладателю загадочного голоса — тот вышел из тьмы в круг света и теперь замер на самой его границе причудливым созданием из черноты и отблесков огня. Черты скрыты изящной полумаской, на широкой груди покоится ожерелье из вороньих черепов. Погонщик Теней, будь он проклят! Колдун несколько секунд молчал, выдерживая его взгляд, а потом чуть наклонил голову, словно издеваясь, насмешливо произнес:

— Зачем же так пугать повелителя? Пожалейте его старое сердце. Здесь, в полутьме, нелегко различать лица. Что же, любезный, что вас так разгневало?

— Да, ученик, — прохрипел магистр, вновь улыбаясь и глядя куда-то в потолок. — Что вызвало у тебя такой гнев? Я же не причиню тебе вреда.

Карл заскрипел зубами.

— Почему я разгневан?! В чем вина моих братьев, Прогвада и Сигизмунда? В чем были виновны мои друзья Сольх и Вангр? Чем провинился я и почему должен верить в твое милосердие?! Почему ты лгал нам, следуя тропами Тьмы, лгал, принимая клятвы и благословляя на служение? Мы видели, как ты умер, и ты мстишь нам за это, но зачем? Нас, кто тогда стоял здесь, перед троном, переловили по одному. Мы же шли к тебе за помощью, за советом, за наставлением, готовые защищать тебя до последнего вдоха. Но ты творил черное колдовство, и чтобы остановить... — голос его сорвался, вслед за отчаянными словами брызнули слезы. Карл уже не пытался их сдерживать, они потекли по его перепачканным грязью щекам, оставляя за собой мокрые дорожки.

Магистр стиснул зубы, словно из всех сил стараясь не засмеяться. Он вернулся к обломку трона, обошел его, несколько раз глубоко вздохнул, махнул рукой и сказал:

— Ты виновен в том, что не покарал пронзившего меня копьем. Меня, твоего магистра, твоего лорда! Ты стоял и смотрел! Кто давал тебе, щенок, право размышлять, хороши или плохи мои действия? Это мои действия! Мои! Действия твоего хозяина! Ты ничем не помешал убийце, ты даже не попытался! Ты мог бы и сам бросить то копье! Признаешь?

Карл молчал. Магистр занес кулак:

— Говори со мной!

В ответ раздалось только:

— Безумие...

— Да? Безумие?! А мне кажется, что я единственный, кто еще способен смотреть правде в лицо! Вы все цепляетесь за прошлое! Все! Твои братья цеплялись! Каждый человек на этом континенте! А прошлого нет! Представь себе, нет! Ни капли, ни секунды, ни клочка прошлого, одно лишь будущее. Ушедшие Боги не вернутся, Трем Королям, на помощь которых ты так надеялся, нет никакого дела до этих земель! Мир распадается на части, и нужно искать другую силу, других владык! Лучшие умы страны уже поняли это, но мне не дано убедить тебя. Какая разница! Может быть, я и вправду сошел с ума. Почему бы и нет. Только вы все, разумные, сдохнете и станете грязью, а я обрету бессмертие!

— Но зачем убивать нас? — спросил Карл дрожащим голосом, в котором все еще стояли слезы. — Зачем убивать тех, кто верил тебе? Ты предал все, ничтожество!

— Не смей разговаривать так со мной! — Магистр шагнул к Карлу вплотную и зарычал ему в лицо. — Слышишь! Не смей говорить так с повелителем, щенок!

Ответ не заставил себя ждать.

— Повторяю еще раз, я не знаю тебя.

— Что? — разъяренно вскричал магистр, и, широко замахнувшись, попытался ударить Карла кулаком по лицу. Юноша увернулся и, оттолкнув его, рванулся к дверям. Солдаты, стоявшие по сторонам, не успели среагировать вовремя: бросились в погоню на мгновение позже, чем

следовало, — и теперь им, отягощенным оружием и доспехами, уже было не догнать беглеца.

Карл понимал, что шансов уцелеть у него нет. Даже если удастся вырваться из дьявольского чертога, на лестнице он все равно встретит смерть. Но сама попытка сбежать, пусть и заранее обреченная на полный провал, уже была подвигом, тем самым плевком в глаза врагу, действием настоящего воина. Умирай, но не сдавайся. Возможно, за дверью ему повезет выхватить у кого-нибудь клинок и забрать с собой на Темные Тропы пару-другую ублюдков.

— Держите! — завизжал позади мертвый магистр. — Хватайте его!

Стражники тяжело пыхтели за спиной, лязгнул доставаемый из ножен меч. Не достанут. Не успеют. Дверь уже близко. Не сбавляя скорости, толкнуть плечом...

Колдун на другом конце зала сказал что-то, тени вокруг колыхнулись, и пол под ногами Карла ожил. Из тонких щелей между каменных плит рванулись кривые, сочащиеся темной жижой щупальца. Или пальцы. Или колья. Обвили ноги юноши, оплели колени, взобрались по бедрам и животу. Слишком упругие, слишком гибкие, чтобы сломаться или уступить, они держали крепко. Карл рванулся изо всех сил, но живая клетка не отпустила его. Солдаты в нерешительности остановились, не решаясь подойти вплотную к магической ловушке. А вот магистр приблизился к ней без опаски:

— От нас не уйти, мой мальчик!

Он все-таки ударил Карла. Кулаком в висок. Молодой рыцарь качнулся, но тут живые прутья исчезли, втянувшись обратно в пол, и он упал на камни, не сумев удержать равновесия. Магистр пнул его в лицо, потом в плечо, в живот, не переставая кричать:

— Нет! Я все-таки твой лорд! И ты в этом убедишься, когда я прикончу тебя, когда выволоку на площадь и повешу вниз головой, выпустив кишки! Тогда ты поймешь, что я твой лорд! Тогда ты поймешь, что как раз в этом все дело!

Нанеся еще пару ударов, он повернулся к зловещей фигуре на границе темноты:

— Держите его. Мне хотелось побеседовать с ним, но он слишком дерзок. Нужно учиться уважать старших.

Колдун сделал еле заметный жест, из мрака выступили солдаты. Они подхватили Карла под локти и потащили обратно к трону. Там его уже ждал Раттбор с длинным кривым серпом в руках. Рыцаря поставили перед ним на ноги, задрали за волосы голову назад, открыв горло. Магистр медленно провел пальцем по выщербленному лезвию, усмехнулся:

— Дело не во мне. Вы мешаете мне, стоите на моем пути. В этом огромном мире слишком много сложного и неприятного. Я люблю вас, как собственных сыновей, поверь, люблю: тебя, Сольха, Вангра, Сигизмунда и Риндара, каждого. Но иногда отцы вынуждены уничтожать своих детей, потому что того требует будущее. Будущее страны, будущее народа. Вот почему в такие моменты я очень завидую простолюдинам, понимаешь? Им не приходится сталкиваться с подобным, им не нужно делать таких страшных вещей.

Карл сглотнул. Он еще не оправился от побоев, все плыло перед глазами.

— Где они? — удалось прохрипеть ему.

— Кто?

— Они все, остальные рыцари и послушники?

— О, — магистр ласково улыбнулся. — Они все здесь. Здесь навечно. В моем сердце! — и он приложил руку к левой стороне груди.

— А... их тела?

— Тела? — магистр прищурился. — Какая разница! Тела — всего лишь прах, мясо, брменная плоть. Тела не имеют значения. Я бы не утруждался, но если тебе интересно, то... Аргрим, куда вы дели тела?

Последний вопрос был адресован тому самому колдуну, который теперь стоял рядом, заложив руки за спину. Видимо, он занимал особо привилегированное положение, возможно, даже был одним из руководителей секты.

— Тела верно служат Сказанным во Тьме, — последовал ответ. — Они пополнили ряды вашей будущей армии.

— Видишь, сынок, — оскалился магистр. — Вот все и разъяснилось. Скоро ты последуешь за ними. В этом есть какая-то логика, не правда ли? Все вернется на круги своя, вы вновь начнете исполнять мои приказы, я опять буду для вас отцом и старшим братом.

— Надеюсь, ты кончишь иначе, — прохрипел Карл. — Сдохнешь в замковом рву, и псы сожрут то, что от тебя останется. Хотя на их месте я бы побрезговал.

— Дерзи, пока можешь. Ничего, скоро вся твоя спесь выйдет наружу и засохнет на этом полу, а я обрету то, о чем мечтаю. У каждого из нас своя дорога.

Отступив на шаг, магистр закатал левый рукав и острием серпа осторожно сделал надрез на внутренней стороне локтя. Если бы лицо Карла не было задрано к потолку, он смог бы разглядеть рядом с этим кровоточащим порезом множество других, каждый из которых означал жизнь рыцаря или послушника. Это были насечки вроде тех, что стрелки гномов делают на ложе аркебуз после каждого убитого врага. Ему предстояло стать последней насечкой.

Магистр макнул палец в кровь и осторожно начертил ей линию на лице жертвы — сверху вниз, от середины лба к подбородку. Потом макнул снова, нанес еще одну такую же — слева от центральной, через глаз и щеку. Третья линия легла справа, симметрично второй.

Затем он поднял серп обеими руками над головой и заговорил, нараспев, медленно и плавно. Даже голос у него изменился, исчезли хрипотца и сиплость, теперь это был низкий, глубокий голос жреца:

— Дюжина Слов, Сказанных во Тьме, отдаю вам живую плоть! Примите ее и смените гнев на милость! Заклинаю, примите же дар, столь дорогой сердцу моему, в доказательство величайшей преданности и верности! Готов быть вашим послушным слугой, готов быть вашей правой рукой, готов стать глазами и голосом вашим на этой земле, наместником и пророком вашим! Услышьте же меня, Извечные!

Выкрикнув последние слова, магистр с размаха ударил рыцаря серпом по горлу, слева направо, рассекая артерию. Брызнули в разные стороны красные капли, некоторые из которых попали и на лицо убийцы, превратив его в ужасную оскаленную маску Хозяина Демонов, какими кукольники на сельских ярмарках пугают малышей. Карл захрипел, кровь широкой струей потекла у него изо рта. Глаза его, еще мгновение назад живые и полные ужаса, помутнели, закатились, тело выпнулось дугой, будто туго натянутый лук, а затем обмякло, обвисло.

Солдаты опустили Карла на пол, шагнули в стороны. Наступила тишина. Аргрим медленно встал рядом на колени, приложил голову к груди убитого, прислушался. Через несколько мгновений сказал:

— Мерत्व.

Магистр отбросил в сторону серп, закричал, задрал руки к потолку:

— Кончено! Будь оно все проклято, кончено!

И он засмеялся, захохотал низким, раскатистым смехом, заразительным и веселым. Так он смеялся всего несколько раз в жизни, давным-давно, в первые годы после свадьбы, когда был по-настоящему счастлив.

— Я хочу поговорить с Владыками! — закричал он. — Хочу говорить с Ними! Сейчас!

Колдун покачал головой:

— Ваше светлейшество, вы знаете, что это...

— Нет! — зарычал магистр. — Нет! Хватит! Немедленно! Я так устал ждать.

Палачи кивнули, молча подняли тело Карла и понесли его в темноту, оставляя на плитах пола кровавый след. Магистр и сектант, снявший один из факелов с колонны, последовали за ними. Труп бросили на пол: в углу зала. Сектант передал факел одному из солдат, вынул из рукава тряпку и крепко завязал ей собственные глаза, а потом, встав над телом, позволил приковать себя тяжелыми цепями к двум толстым железным скобам, намертво встроенным в стену. Магистр простер руки вперед и, чуть наклонившись к труп, шептал:

— Смиренно прошу вашего внимания, Сказанные во Тьме! Белой властью Многоликой Луны, вечным гневом обитателей корней заклиная, призываю вас! Явите же нам волю и силу, сойдите ко мне, смиренному слуге, почтите взглядом своим! Оцените жертвы мои, придите, о Извечные!

Ничего не произошло.

Тишина растекалась вокруг, гудела в ушах, наполняла тела.

Тишина ползла по стенам, таилась в тенях, тешила слух призрачными голосами.

Факелы погасли.

Все разом, очень быстро, за секунду. Но этого времени хватило, чтобы увидеть, как увеличиваются тени, распира-

емые изнутри теми, кто явился на зов. Воздух в зале, и без того холодный, стал ошеломительно ледяным. Во тьме раздался легкий шорох, а потом факелы вспыхнули вновь.

Мертвый юноша стал белым, словно снег, — в его теле почти не осталось крови. Плиты вокруг тоже были вылизаны дочи́ста.

— Где ты? — спросил Аргрим множеством голосов. — Мы не видим тебя.

Магистр медлил с ответом. Он взглянул на отступившего на шаг воина с факелом, судорожно сглотнул и начал:

— Я здесь, Изв...

Договорить он не успел. Сектант неуловимо быстрым, змеиным движением бросился на него. Звякнули звенья цепей, крепления в стене жалобно скрипнули, но выдержали. Магистр закричал и отскочил. Оковы остановили одержимого на расстоянии вытянутой руки от него. Из оскаленного рта текла розовая слюна, с неимоверно длинного языка падали темные капли. Он хрипел и дергался, пытаясь разорвать цепи.

— Владыки! — испуганно и жалобно воскликнул магистр. — Чем виновен я?

— Лжец! Лжец! Лжец! — пронзительно завизжало, заверещало чудовище. — Ты лжешь нам! Мы пожрем тебя!

Магистр упал на колени перед беснующимся колдуном, несмотря на то, что скобы в стене угрожающе скрипели и могли вырваться в любой момент.

— Я выполнил условие договора, Темные! — запричитал он. — Клянусь, я выполнил! Они все мертвы! Все. Карл был последним, клянусь!

— Ложь! Ложь! — орал сектант множеством голосов. — Ты дурак! Ты никчемный глупец! Мы зря выбрали тебя! Ты недостойн стать одним из наших генералов!

Магистр чуть не плакал. Кажется, его уже не пугало, что в любую секунду цепь могла не выдержать.

— Я все сделал! — стонал он, вцепившись обеими руками в волосы. — Я все сделал, как вы приказывали, Владыки! Я убил их всех! Всех! Всех!

— Нет! — проскрежетало в ответ. — Нужного ты не достал! Один из близнецов! Один из братьев! Он станет оружием против нас!

— Не может быть! Этого не может быть...

— Найди их! — рывкнули демоны. — И дай нам напиться их крови! И тогда мы простим тебя, тогда выполним свое обещание!

— Да, о, Сказанные во Тьме! Да, я...

— А теперь пошел прочь! — Тело сектанта обмякло и медленно сползло на пол, звеня цепями. Страшные хозяева покинули его. Вновь наступила тишина. Магистр медленно поднялся с колен, шмыгая носом и размазывая ладонью слезы по лицу. Колдун пришел в себя, освободился с помощью воинов, осмотрел крепления цепей, одно из которых наполовину вылезло из паза, облегченно вздохнул. Солдаты взяли за ноги досуха выпитого мертвеца и поволокли его прочь.

Магистр, сгорбившись, уселся на трон. Губы его дрожали, бессмысленный взгляд блуждал по стенам и потолку.

— Будь оно все проклято, — прошептал он. — Все проклято! Как такое может быть? Как?

— Мы отыщем их, Ваше светлейшество, — сказал неслышно подошедший колдун. — Это же близнецы, они не могли убежать незамеченными слишком далеко. Рано или поздно отыщем.

— Рано или поздно?! — взвизгнул магистр. — Нельзя медлить ни минуты! Вон! На поиски! Отправь своих лучших мечников! Отправляйся сам, бездна тебя заберет! Найдите мне этих двоих!

— Слушаюсь, Ваше светлейшество.

Сектант легко поклонился и вышел из зала. Когда скрипящие двери закрылись за ним, магистр уронил голову на грудь. Ему очень хотелось спать. Однако мысли не давали покоя: отвратительные образы, гнездящиеся в сознании, мешали даже на мгновение сомкнуть глаза, а сердце, что навсегда замерзло в пробитой груди, охватывал страх. Он знал, что ступил на дорогу зла, но повернуть назад... Поздно. Слишком поздно. Все так давно началось.

Черный магистр был один в тронном зале, и багровый огонь десятков факелов не мог разогнать мороз, сковавший его душу.



ГЛАВА IV БЕЗ СНА

Конечно, он им не позволил.

— Мы спасем его, варвар! — обещала оранжево-желтая эльфийка, и в глазах ее даже появилось нечто, похожее на сострадание. — Только нам это под силу, пойми! За твоим братом охотятся, тебе не уберечь его в одиночку. Пусть даже весь твой Орден сейчас стоял бы рядом, вы ничем не сумели бы помочь. Слишком могучие руки тянутся к этому человеку, и от него сейчас зависит очень многое. Почти все. Почти — потому что нужны еще те, кто сможет использовать известное ему. Мы сможем.

— Во имя Бездны, о чем ты?! — воскликнул Вольфганг, не отступая ни на шаг, все так же преграждая колдуньям дорогу к спящему Рихарду. — «Известное ему»? Он не знает ни одной военной тайны, ни одного важного секрета!

— Он знает, — сказала эльфийка. — Хранит в себе главную тайну того несчастья, которое произошло с вашим миром. Именно он. Твой брат. С его помощью получится разрушить проклятие, а пока мы в состоянии лишь сдерживать его.

Нелепая, глупая мысль мелькнула вдруг в замутненном гневом сознании Вольфганга и, прежде чем он успел остановить ее, вырвалась словом:

— Сны?

— Да, — кивнула оранжево-желтая. — Сны — это круги на воде от упавшего камня, следы истины, канувшей в глубины души. Сны укажут путь, по которому нам предстоит идти. Их нужно расшифровать. А твой брат должен жить. Поверь, никто не заинтересован в его сохранности больше, чем мы.

Вольфганг беспомощно закрипел зубами. Он не хотел верить эльфийке, но чувствовал, что она говорит правду, — безжалостное внутреннее око не обманывало. Иначе он уже давно схватился бы за меч и скипетр Стормвотера, готовый сражаться над ложем брата до последней капли крови. Однако никто ему не врал.

Скалогрыз опустил глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом. Гном явно боялся возможной схватки, и вряд ли был готов встать на сторону молодых Паладинов. Соорудить кровать и перевязать раны — всегда пожалуйста, но вот вступать в заранее проигранный бой он не собирался. Гром-Шог, наоборот, желал драки: он не спускал глаз с эльфиек, и кулаки его — каждый размером с внушительный кочан капусты — не разжимались ни на секунду.

— Ясно, — сказал Вольфганг, собравшись с мыслями. — Понятно. Я поеду с ним.

Эльфийка растерянно моргнула, обернулась к своим спутникам. Одна из них равнодушно пожала плечами:

— В повозке место только для одного.

— Извини, варвар, — вновь обратилась к нему оранжево-желтая. — Мы не сможем взять тебя с собой. Но ты волен отправиться вслед за нами сам, с той скоростью, на которую будешь способен. Езжай по Тракту, а когда доберешься до крепости алхимиков, сворачивай строго на юг. Твоей целью будет Обитель Девяти Крыльев, монастырь Дороги Огня. Никогда ранее варвары не входили в него, но исключительным временам — исключительные события! Думаю, для тебя мы сможем сделать исключение. Разумеется, твоих... — она окинула презрительным взглядом Роргара и Гром-Шога. — Твоих спутников это приглашение не касается. Не волнуйся за брата: мы исцелим его раны и душу.

В тот момент, когда оранжево-желтая говорила о своем монастыре, две морозно-синих за ее спиной едва заметно переглянулись. Вольфганг обратил на это внимание, и подозрения, только-только начавшие затухать, вспыхнули с новой силой. Ему не сказали ни слова лжи, но в правде таилась ловушка. Эльфы действительно собирались спасти Рихарда, но что-то было не так.

— Стоп, — начал он. — А как я...

— Хватит тянуть время! — перебила его одна из морозно-синих. — Ты слишком много болтаешь, варвар. Отойди, не мешай нам.

— Ну, уж нет, — оскалился Вольфганг. — Тебя-то я к нему не подпущу, ведьма.

И тогда эльфийка нанесла удар. Белой вспышкой сверкнул молниеносно выхваченный клинок-полумесяц. Направь его хозяйка удар в лицо или грудь Паладина, тот не успел бы отразить его, несмотря на все свои рыцарские навыки. Но она лишь подбросила меч над головой, и он повис в воздухе.

Вольфганг потянулся к скипетру, уже понимая, что ему не хватит времени остановить колдунью. Еле слышно ахнул изумленный и напуганный Скалогрыз, угрожающе зарычал орк, замахиваясь кулачищем. Эльфийка, подняв руки над головой, совершала круговые движения ладонями, словно поглаживая пространство между своими пальцами и лезвием парящего клинка. Тот, следуя за этими движениями, вращался, а во все стороны расползлся холод, пропитывая воздух белой тенью, ложась инеем на стены и пол.

Выхватив скипетр, Вольфганг начал заносить его для удара, но само время застывало вокруг, и рука, достигнув высшей точки, уже не могла опуститься. Он попытался крикнуть, но был не в состоянии издать малейший звук. Язык замер. Кровь в жилах продолжала течь, ее медленное движение он ощущал ясно и отчетливо. Рыцарь окаменел, хотя не лишился возможности видеть или слышать. С того момента, как он схватился за скипетр, прошло не больше двух секунд. Время тут было ни при чем, его попросту заморозили, превратили в ледяную статую. Напротив Вольфганг мог наблюдать Гром-Шога и Скалогрыза в столь же неприятном состоянии: разинув для боевого клича свою клыкастую пасть, орк застыл в прыжке, замахнувшись обоими кулаками, а гном, наоборот, замерз, пытаясь улизнуть.

— Не бойтесь, — спокойно сказала оранжево-желтая. — Это скоро пройдет, с вами все будет в порядке. Вынужденная мера. Мы действительно должны спешить.

Пока она объяснялась, морозно-синие подняли Рихарда прямо на одном из плащей и понесли к выходу. Несмо-

тря на всю внешнюю хрупкость, они несли мускулистого, немало весящего рыцаря без заметных усилий, словно на плаще лежал пустой бочонок.

Вольфганг рычал, мысленно метался и бросался страшными ругательствами — запертый в клетку из обледеневшей плоти, он был не способен двигаться и ничем не мог помешать похитительницам.

Ведьмы вместе с Рихардом скрылись за дверью. Оранжево-желтая, прищурившись, осмотрела обеденный зал трактира, подошла к замерзшему рыцарю вплотную, сказала, поймав его страдающий взгляд своими бездонными, нечеловеческими глазами:

— Запомни. Обитель Девяти Крыльев. Монастырь Сестер Огня. Встретишь по дороге один из наших патрулей, скажи, что находишься под протекцией Илсары-Искрящийся-Вихрь, и тебе помогут. Ледяным не доверяй. Лучше вообще с ними не связывайся. А если столкнешься с человеком по имени Аргрим... с тем, что называет себя человеком по имени Аргрим, — беги. Не раздумывай. Просто разворачивайся и уноси ноги, коли хочешь снова увидеть брата.

Она направилась прочь, но, сделав три шага к двери, внезапно остановилась, обернулась:

— Ваша верность друг другу заинтересовала меня. Возможно, когда ты достигнешь Обители, твой брат уже будет полностью здоров. Тогда мы сможем побеседовать... в более приятной обстановке.

Кивнув, эльфийка вышла, оставив посреди полуразрушенного постоянного двора три окоченевшие, беззащитные фигуры.

Наступившую тишину прерывал только легкий шум ветра. Через пару минут где-то вдалеке заржала лошадь, будто в подтверждение того, что мир, пусть и пожираемый неведомым недугом, продолжал существовать в своем привычном ритме.

В голове Вольфганга крутились только две мысли. Первая, весьма конкретная, касалась вероятности того, что где-то в лесу еще остались товарищи убитых ими разбойников — и эти товарищи могли в любой момент вернуться. Вторая была просто образом: лицо брата. Бледное, обескровленное лицо брата. Он спас ему жизнь, но все равно потерял.

Оранжево-желтая не обманула. Действие заклинания действительно скоро начало сходиться на нет. Мышцы пробуждались, неспешно наливались силой, словно приходя в себя после долгой болезни. Рука, сжимавшая скипетр, медленно опустилась под собственным весом, доведя до конца начатый удар. Суставы наполнила тягучая, густая ломота. Постанывая, Вольфганг попытался сделать шаг. С третьей попытки ему удалось.

Рядом, утробно ворча, тяжело ворочался Гром-Шог, сбрасывая колдовское оцепенение. Гном тоже начал трести головой, вновь обретая власть над собственным телом. С трудом переставляя ноги, Вольфганг добрался до вещей, сложенных на одной из лавок, и стал собираться в дорогу. В свой заплечный мешок он переложил порошки Людвига Стормвотера, его кадило, книги из котомки Рихарда и немного сушеных овощей из бандитских запасов. Подпоясавшись он ремнем погибшего рыцаря, надел его кольчужную рубаху — она пришлась почти впору, хотя и была чуть тесновата в плечах.

— Уходишь? — спросил гном. Язык еще плохо слушался его, звуки получались странные, медленные, искаженные.

— Ухожу, — ответил Вольфганг. — Вы со мной?

Гном замялся, отвернулся к заколоченному окну, принялся массировать ладонью плечо.

— Видишь ли, друг, я не уверен, что гоняться за эльфийками — разумная мысль...

Громко топая, вошел орк. На плече он держал свой устрашающий каменный топор. За спиной висел обвязанный множеством веревок и шнурков окорок.

— Выдвигаемся? — пробасил он хрипло. — Чего ждем?

— Гранитные Предки... — изумленно протянул Скалогрыз. — Ты-то куда?

— Ни одна тварь не может заморозить орка, — прорычал Гром-Шог Рваная Морда. — Обездвижить меня, не дать сражаться! Страшное, невысказанное оскорбление! Буду мстить!

— Выдвигаемся! — согласился Вольфганг.

Он вышел на крыльцо, шумно вдохнул прохладный вечерний воздух. Силы окончательно вернулись к нему,

и даже солнце, почти утонувшее в багряных облаках на восточном краю небосвода, не смущало его. Ночью легче идти. Не так жарко.

— Пойдем по тракту, — сказал он орку. — Они на повозке, другого пути им не отыскать.

Зеленокожий согласно кивнул.

— Эй, постойте! — из дверей постоялого двора раздался крик Скалогрыза. — Погодите меня! Я только аркебузу захвачу!

* * *

К полуночи, когда луна, наконец, выползла из-за облаков, двигаться стало легче: хоть дорога и была довольно ровной, а все же в крошечной темноте особо спешить не получалось. Сооруженный гномом факел давал совсем немного света.

— Когда планируешь привал? — спросил Скалогрыз рыцаря.

— Тебе правду сказать или обнадеежить?

— А? Хватит шептать-то, громче говори.

— Тебе правду сказать? — проревел Вольфганг, скрывая раздражение.

— Правду, конечно.

— Когда упаду, тогда и планирую.

— Сурово. Но ты же понимаешь, что нам их так вот просто все равно не догнать. Потому что они на телеге — да еще небось на эльфийской телеге, что быстрее ветра — а мы пешком.

— Я знаю, куда они направляются.

— Так о том и речь. Нет смысла бежать до самого утра.

— Ты устал, что ли? — пробурчал Гром-Шог, тяжело пыхтящий позади. — Я могу тебя понести.

— Вот этого не надо! — отпрыгнул в сторону гном. — С меня хватило одного раза.

Замолчали. Быстрая ходьба выматывала, и, несмотря на приятную прохладу, все трое постоянно утирали пот с разгоряченных лиц. С обеих сторон из лесной чащи на дорогу волнами накатывало стрекотание кузнечиков. Роргар вспоминал родные места, суровые северные горы, в кото-

рых такие теплые, мягкие ночи случаются далеко не каждое лето. Гром-Шог думал об Ур-Сарше, чей топор сейчас покоился на его плече, и никак не мог решить, что именно сделал бы старый орк в подобной ситуации: рванул бы вперед, взгромоздив себе на одно плечо рыцаря, а на другое гнома, или попросту зарубил бы обоих, чтобы не мучиться. Вольфганг размышлял о пути, который ему предстоит пройти, о пути, который предстоит пройти его брату. Они вновь были разделены, но где-то в середине груди пустота начинала заполняться: Вольфганг чувствовал, что выбрал верную дорогу.

Луна опять нырнула в косматые облака. Тьма поглотила кроны сосен, тракт, небо — в густой черноте утонуло все, кроме крохотного клочка пламени на факеле Скалогрыза. Пришлось замедлить шаг.

— Ша! — выдохнул гном. — А ну-ка, стой!

Все трое замерли на месте.

— Что такое? — спросил Вольфганг шепотом через несколько мгновений напряженной тишины.

— Показалось, похоже, — произнес Роргар, глядясь куда-то во мрак впереди. — Вроде бы огонек мелькнул.

— Мелькнул, — подтвердил Рваная Морда. — Тоже видел.

— Что делать будем?

— Туши факел, дождемся луны. Нельзя, чтоб они нас заметили.

— А?

Гром-Шог протянул руку и накрыл ладонью факел, погасив огонь.

— Ни винта не вижу, — пробормотал Скалогрыз. — Похоже, все-таки...

Впереди показался огонек. Неяркий, дрожащий, едва заметный. Мигнул, пропал. Вновь появился.

— Ага, — прокомментировал гном. — Вот и цель.

Осторожно ступая, они крались сквозь непроглядную темноту, готовые к любой опасности. Огонек приближался, и вскоре стало возможно различить его владельца: невысокого худощавого старика с длинными седыми волосами, одетого в ветхий коричневый камзол. Держа в руках большой жестяной фонарь, старик высматривал

что-то на земле, бурча под нос мотив старинной воинской песни.

— Зажги факел, — прохрипел Вольфганг в ухо гному. — Не надо деда пугать.

Чиркнув огнивом, Скалогрыз выполнил просьбу.

— Приветствуем! — начал рыцарь и осекся, разглядев то, что пламя высветило на обочинах. По обе стороны от дороги были разбросаны человеческие кости: черепа, грудные клетки, фрагменты конечностей. Судя по всему, их давно уже обглодали звери, а солнце и дожди вычистили добела — в воздухе не имелось ни малейшего намека на запахи мертвечины.

Старик, что удивительно, не испугался взявшихся из ниоткуда странников. Подняв свой фонарь повыше, он сделал несколько шагов по направлению к ним, внимательно присмотрелся.

— Ну и дела, — проскрипел он наконец. — Зеленокожий, гном и Паладин. Таких компаний эти земли еще не выдывали. Может, и вправду настали тяжелые времена.

— Что тут произошло? — спросил Вольфганг, указывая на черепа, равнодушно тарачившиеся провалами пустых глазниц. — Откуда столько покойников?

— Караван, — объяснил старик. — Их прямо тут безумием и накрыло. Перерезали друг друга быстрее, чем ты успел выговорить свое имя.

— Хм... караван, значит? А ты, получается, мародер?

— Ну да, — кивнул старик. — Мародерствую понемногу. Из деревни своей с женой и дочкой сбежал, окопался тут неподалеку. Время от времени прихожу сюда, все время найдется что-нибудь полезное для хозяйства.

— Ясно. Ну, хорошо, ответь на один вопрос.

— Отвечу.

— Ты сегодня не видел здесь повозки? Возможно, эльфийской? Не проезжала мимо?

— Проезжала, — кивнул старик, махнул рукой себе за спину. — Укатали туда. Очень быстро. Ну и лошади у них, я тебе доложу. А коляска-то сама... загляденье.

— Давно?

— Засветло еще. Я только из лесу вышел. А вы что, надеетесь их догнать? Пешком?

— Надеемся.

— Ну и дела!.. Даже если учесть, что их лошадям тоже нужен отдых, они уже оторвались от вас настолько, что даже мечтать не о чем.

— Это не важно. Что там впереди, на тракте?

— То же, что и везде, — покачал головой старик. — Смерть. Разруха. Бездна.

— А конюшни есть?

— Зачем ты гонишься за эльфами? — прозвучало вместо ответа.

— Они похитили моего брата, — сказал Вольфганг. — Увели с собой.

— Иной раз не поверил бы в такое, — сказал старик. — Зачем эльфийкам какой-то человек? Никогда не поверил бы и в то, что рыцарь, гном и орк могут вместе идти ночью по тракту. Подумал бы, пустая фантазия. Я же сказочник, всякие небывалые истории — мой хлеб. Ладно, не важно. Я могу вам немного помочь. Дальше тракт начинает петлять, огибая болота и курганы. Если пойдете со мной, то сможете срезать через лес и сберечь лишний день своего времени.

— Ты серьезно?

— Совершенно. Целый день, не меньше. Но, разумеется, за услугу придется заплатить.

— Мы готовы. Какова твоя цена? — Вольфганг сжал кулаки, молясь, чтобы встречный не попросил в качестве платы топор орка или ружье гнома. С оружием спутники не расстанутся.

— Она проста: посидеть у нашего костра и послушать историю. Всего одну.

«У нас нет времени на твои байки!» — хотел было крикнуть рыцарь, но сдержался.

— Хорошо, — кивнул он. — Мы с радостью уплатим подобную цену и не забудем твоей щедрости, о...

— Сигмунд Синеус, к вашим услугам.

Усы его, длинные, спадающие до самой груди, в свете фонаря казались абсолютно белыми. Видимо, со времен рождения прозвища минуло немало лет.

— Что ж, тогда следуйте за мной. И будьте осторожны, тропа там еле заметна.

— Веди, мы сразу за тобой.

— Жена наверняка потеряет голову от страха, когда увидит вас, — бормотал Синеус, сходя с дороги и выиски-

вая среди зарослей устье тропы. — Она всего боится. А уж тут такая разношерстная компания.

Фонарь старика и факел гнома разгоняли мрак ровно настолько, чтобы можно было разглядеть узенькую тропку, ведущую через заросли. Она петляла меж широких, заросших мхом стволов, тонула в буйной растительности подлеска.

Старик предупреждал их о корнях, о низко нависающих ветках, но они все равно спотыкались и ударялись лбами — слишком уж темно было вокруг. Даже если где-то наверху выныривала луна, сюда ее свет проникнуть не мог.

— Увидите мое жилье, обомлеете, — бормотал Синеус на ходу. — Не каждому деревенскому парню на старости лет доведется обитать в баронском замке. Чистую правду говорю, в целом замке. Ну, может, не таком уж целом, башни порушились, двор крапивой зарос...

Вольфганг, шедший следом, ничего не отвечал. С каждым шагом он все больше убеждался в том, что их невесть откуда взявшийся благодетель безумен. Ему казалось, что следуя за ним, они попросту теряли время и с каждым шагом удалялись от цели. Надо разворачиваться и возвращаться на тракт, пока еще не поздно, пока они не заблудились окончательно в этих пропитанных ночью лесах.

— Ну вот, — сказал вдруг Синеус. — Мы добрались.

Свет его фонаря выхватил из тьмы каменную стену. Замшелую, осевшую, но по-прежнему крепкую. Вольфганг едва сдержал возглас удивления. Похоже, старик не обманывал их.

— Где-то тут был вход, — бормотал тот, напряженно оглядываясь. — Справа или слева? Когда выхожу, я сворачиваю к тропе направо, значит, нам сейчас нужно налево... или направо...

— Направо, — сказал гном. — Точно.

— Да, верно, — согласился старик. — Спасибо, подгорный мастер.

Он повел их вдоль стены. Блики пламени ползли по камням вслед за ними.

— Постройка-то не старая, — сказал Роргар, проведя пальцами по кладке. — Лет сорок, не больше. В запустении просто.

— Точно так, подгорный мастер, — кивнул Синеус. — Я вам все подробно расскажу.

Впереди из темноты выступили ворота. Деревянные створки давно сгнили, рассыпались в труху, оставив лишь несколько почерневших балок. Под ногами глухо звякнули ржавые железные полосы, служившие некогда оковкой.

За воротами раскинулся внутренний двор замка, действительно заросший крапивой и малиной. В центре его находилась вытоптанная площадка с кострищем и тремя деревянными лавками вокруг.

— Дорогая, я вернулся! — крикнул старик. — И привел гостей!

Ответом ему была тишина — только легкое эхо метнулось позади, среди деревьев. Но Синеуса это, похоже, вполне устроило. Подведя путников к кострищу, он велел им усаживаться, а сам стал разжигать огонь. Поленьев и хвороста у него было заготовлено на полгода вперед: они были тщательно укрыты под широким навесом у ближайшей стены.

— Основательно тут у вас, — сказал гном, оглядывая возвышающиеся вокруг бастионы. — К зиме уже готовитесь?

— Да, — ответил Синеус, возясь с куском бересты, взятым для растопки. — Вроде того. А может, и нет. Сейчас-то хоть куда уютно отсюда пойдешь. А как снегом завалит все, так и не выберешься. Нам вдвоем тоскливо тут будет. Оставлю, пожалуй, жену и дочь, а сам двину искать, где можно прокормиться и согреться, рассказывая сказки.

— Оставишь жену и дочь? — удивленно спросил Вольфганг.

— Конечно, — старик высек кресалом искру, береста вспыхнула легким желтым пламенем. — Им ведь ни есть, ни пить не надо, лежат себе в главном зале и лежат. Они даже не скучают по мне. Только я по ним. Мертвым всегда проще.

Рыцарь с гномом переглянулись. Орк не повел и бровью: он был слишком занят распутыванием окорока.

Костер разгорался. Положив в огонь толстое березовое полено, Синеус отошел, исчезнув в темноте, и тотчас же вернулся, держа в руках небольшой пузатый бочонок, ментально приковавший к себе взгляд Роргара.

— Неужели! — воскликнул гном, пристально рассматривая отгиск на выгнутом досчатом боку. — Настоящий «Шахтерский темный»?

— А то! — усмехнулся старик. — Лучший эль по эту сторону Карраз-Гула. Нашел бочонок там, внизу. Опробовал, конечно, но приберег специально для подобного случая. Гости у нас ведь нечасто бывают. Вообще не бывают. Так... что это я... сейчас...

Он вновь исчез во мраке.

— Сбрендил, бедняга, — прошептал Скалогрыз Вольфгангу. — Но не от проклятья. Сам. С горя.

Рыцарь кивнул:

— Не знаю даже, как нам отделаться от него. Надо идти.

— Ты бы себя видел, — покачал головой гном. — Идти! Сколько уже не спал?

— Сутки всего. Ничего страшного.

— А сколько за эти сутки стряслось, а? На год хватит с избытком. Тебе определенно стоит отдохнуть, иначе ты никогда никого не догонишь...

Синеус вернулся, принес три большие деревянные кружки.

— Ну, что сидим? Разливайте. А я тем временем трубочку раскурю.

Брови гнома поползли вверх.

Через несколько минут, когда окорок уже неспешно поджаривался на вертеле, эль обильно пенился в кружках, а Роргар наконец-то обзавелся порцией табака, старик начал говорить.

* * *

— Тридцать лет назад служил я в войсках барона Гронхайма, в гарнизоне вот этого самого форта. Места здесь всегда были беспокойные, опасные. Королевская власть сюда еще не добралась, и бароны резали друг друга почем зря. Будто голодные крысы, пытаюсь урвать кусок земли побольше. Гронхайм, которому принадлежали все эти леса и даже горные склоны чуть восточнее, выстроил форт. Здесь находился постоянный двор для тех, кто проезжал че-

рез перевал, а гарнизон был достаточно велик, чтобы охранять тракт, вместе с границей владений барона, которая в те времена аккуратно по нему и проходила.

После нудной службы в баронском замке меня отправили сюда — так сказать, на передний рубеж — за дерзкое поведение и пьянство. Тут жизнь медом не казалась: целых два года мы охотились на разбойников, промышлявших в этих краях, охраняли торговые караваны, сопровождая их до крепости алхимиков, а иногда и дальше. Пару раз нас посылали усмирять мятежи в деревеньках. Годы выдались голодные. Гронхайм, будучи жадным дураком, только повысил налог. Ну, крестьяне и возмущались. Да нет, ничего серьезного, просто вешали баронских посланников, а мужики помоложе брали вилы и уходили на тракт промышлять. Деревеньки те мы пожгли, тех, кто сопротивлялся, перебили, а остальных вязали и отправляли в Красные каменоломни — единственное место, которое в те годы приносило барону доход.

Отрядом моим командовал один из этих, красно-черных, без лица которые. Слышали, наверное? Про них давно уже ни слуху ни духу. Сектанты. В те времена они назывались Погонщики Теней, их здорово прижали в Королевствах. Вдоль всех дорог, говорят, висели. А здесь, в пограничных землях, их не трогали, побаивались — до королевских властей далеко. Вот колдуны и осели, прижились. Говорили, будто бы они поклонялись демону по имени Вороний Отец, и даже приносили ему человеческие жертвы. Гронхайм, хоть был дурак, сразу смекнул, что таких людей нужно использовать. Нанял нескольких из них себе на службу. Уж не знаю, что он им там наобещал, ведь, по слухам, деньгами они не очень интересовались. Вот один из них как раз служил у нас, здесь. Звали его... кажется, Аргрим... или что-то в этом роде.

При этих словах Вольфганг встрепенулся. Сигмунд, не обратив внимания, глотнул эля, отер усы и продолжил.

— М-да, неприятное имечко. Надо сказать, жаловаться на него нам было бы грешно. Он никого зря не наказывал, на рожон не лез и никогда не ошибался. А уж чтобы голос повысил, как другие офицеры, такого вообще не было. Но в форте его боялись. Мало того что лица никто никогда не видел под этой красно-черной маской, так от него

еще жутью какой-то веяло. Бывало, войдет он в казарму, и сразу будто сквозняк холодный пролетит, у всех мурашки по коже, волосы на затылках шевелятся. Сидеть рядом с ним — никто не сидел, разговоров не начинал — ни из офицеров, ни, тем более, из рядовых. А рыцари так вообще относились к нему с презрением. Он, похоже, был этим вполне доволен. Жил сам по себе, выполнял приказы начальства, лишних вопросов не задавал.

Иногда пропадал на день или два. Исчезал неожиданно, да также неожиданно появлялся. Командиры форта то ли закрывали на это глаза, то ли были осведомлены о целях его отлучек, потому что ни у кого не возникало вопросов, кроме нас. Но мы, разумеется, спросить бы о таком не осмелились.

Но вот два более или менее мирных года прошли, началась война. Ну, как война, вроде бы поначалу это была очередная баронская дрязга. Что-то они там не поделили: старый Гронхайм и его северный сосед, молодой Маргелл, тогда только получивший немалые владения после смерти отца, которого задрал на охоте медведь. Маргелл этот слыл неплохим воином, вино и лень еще не успели его испортить, но амбиций и жадности у него уже было хоть отбавляй. Он положил глаз на земли Гронхайма. Да и тракт, насколько я понимаю, ему хотелось контролировать одному. Будь так, он стал бы самым богатым человеком в этих краях. Надо признать, спланировано все оказалось очень хорошо. За спиной Гронхайма ему удалось сговориться с соседями, организовав самый настоящий военный союз, тайно нанять несколько групп наемников самых разных мастей, от странствующих рыцарей до вооруженных дубьем и косами босяков.

Сначала небольшой отряд Маргелла совершил набег на нашу территорию, сжег и разграбил первую попавшуюся деревеньку, да в тот же день вернулся назад. Когда Гронхайм потребовал объяснений и компенсации, Маргелл заявил, что нападение совершили разбойники. Некоторое время все было тихо, если не считать того, что мы несколько раз замечали в лесах вокруг форта подозрительных людей. Поймать никого из них не удалось.

А в самом начале осени две тысячи воинов взяли наш форт в осаду. В этой армии большинство составляли вой-

ска Маргелла, но было несколько отрядов, присланных его соседями. Как мы просмотрели сбор войск по ту сторону тракта, я до сих пор не могу понять. Это же тебе не еноты или барсуки. Там было как минимум полторы сотни полностью вооруженных рыцарей, со слугами, оруженосцами и кучей разного барахла и лошадьми на смену. Две тысячи мечников, лучников и ополченцев надо было умудриться проворонить.

Одним прекрасным сентябрьским утром они просто перешли тракт, окружили форт. Наши часовые подняли тревогу, только когда враги стояли у стен. Гарнизон наш тогда насчитывал двадцать восемь рыцарей, пятьдесят наемных мечников и триста семьдесят солдат, не считая кухарок, прачек да пары мальчишек из близлежащей деревни.

Надо признать, этим ребятам снаружи тоже не очень хотелось кровавой бойни. Они расположились вокруг лагерем, и первые несколько дней все наше общение заключалось в ленивой перебранке через стены, редких стрелах, летавших туда-обратно и не причинявших никакого вреда. К воротам пару раз приходил глашатай, махал флагом, кричал обычную чушь про то, что всем сдавшимся сохранят жизнь, и что у нас нет ни шансов, ни причины защищать крепость. Первый раз с глашатаем говорил командир гарнизона, старый рыцарь Реджинард по прозвищу Угрюмый, бывалый рубака, который повидал на своем веку битв и осад больше, чем иная повивальная бабка — младенцев. Он велел глашатаю передать своему командиру, что в форте нет ни одного человека, который готов был бы предать своего сюзерена и сдаться на милость победителя.

Когда глашатай пришел во второй раз, договорить ему не дали. Ребята со стены принялись бросать в него камни, поспорив на десять медных монет, кто попадет первым. За этим пари наблюдал чуть ли не весь гарнизон. Как и яrl Реджинард Угрюмый, мы прекрасно знали, что в форте достаточно припасов, чтобы продержаться даже пару месяцев. У нас были все основания надеяться на приход подмоги в самом скором времени.

Однако надеялись мы зря.

Гронхайм, естественно, вовсе не собирался отдавать форт в руки врага и потому, едва узнав о случившемся, выступил нам на помощь во главе спешно собранного отря-

да в полторы тысячи человек. Возле Ледяной реки — она течет чуть дальше на восток — он планировал встретиться со своим племянником Лейгом Рыжим, что вел еще около восьми сотен опытных солдат. Но Ушедшие Боги рассудили иначе.

Маргелл, этот коварный сукин сын, у которого еще борода как следует не росла, поставил хитрый капкан. И наш старый барон попался в него. До реки он добрался благополучно, но там обнаружилось, что широкий деревянный мост, за которым он должен был встретиться со своим племянником, разрушен. Все выглядело натурально: мост был старый, некоторые из балок подгнили и обвалились, а быстрое течение реки довершило дело. Людей Лейга нигде не было видно. Старый барон даже и не учуял ловушку. Они принялись переправляться вброд, а в это время на них напали с обеих сторон. Просто расстреляли из луков, как белок. А тех, кому удалось уйти из-под обстрела, добила отлично вооруженные отряды наемной конницы. Уцелел лишь каждый седьмой. К вечеру того дня у Маргелла на седле уже болтались две головы — старого барона Гронхайма и его племянника Лейга Рыжего.

После бойни войско Маргелла разделилось. Сам он во главе тысячного отряда осадил семейный замок Гронхайма, а вторая тысяча отправилась к нашему форту, таким образом осаждавших стало в полтора раза больше. Вот тогда-то наше начальство крепко задумалось.

В гарнизоне началось брожение, кое-кто — таких с каждым днем становилось все больше — полагал, что самым лучшим вариантом будет сдаться. Самое интересное, что громче всех об этом говорили рыцари, которые давали Гронхайму присягу верности и клялись защищать его и его потомство до последней капли крови. Простые солдаты тоже высказывались в том духе, что, мол, зачем нам нужно погибать за толстого мертвого старика, но от них-то никто ничего другого не ждал.

Однако теперь командование осаждающих не спешило предлагать нам сдаться. От Маргелла поступил приказ взять и сжечь форт любой ценой, не оставляя никого в живых. Короче говоря, мы были обречены.

Но до штурма прошла еще целая неделя. За это время Маргелл успел спалить дотла родовой замок Гронхаймов,

казнить внуков старого барона и захватить Красные каменоломни, обитатели которых вряд ли почувствовали разницу при смене хозяина. По сути, наш форт оставался единственным местом, где ему еще могли оказать сопротивление. И оказали.

Сигмунд прикончил вторую кружку эля, принялся раскуривать трубку. Паладин, гном и орк терпеливо ждали продолжения его рассказа. Отсветы костра плясали на их лицах и каменной кладке стен, искры потоком устремлялись вверх, к скрипящим вершинам сосен, но таяли в ночном воздухе, не одолев и десятой части пути. Наконец Синеус затянулся, выпустив колечко ароматного дыма, заговорил вновь.

— Стало ясно, что штурм не избежать. Мы сделали все, что могли, чтобы подготовиться как следует. Крепость, сами видите, небольшая, поэтому ни котлов с кипящей смолой, ни баллист у нас не было. Только оружие, камни, да багры, чтобы отталкивать лестницы. Тот самый черно-красный, Аргрим, или как там его, предложил развести у подножия стен костры, на которых можно было бы кипятить воду. Воды у нас в форте было хоть отбавляй — во внутреннем дворе находилось аж целых два колодца. Это он неплохо придумал, доложу я вам. Кипяток ничем не хуже смолы, если попадает куда нужно.

Вообще, единственный достойный план действий, насколько я знаю, предложил тоже Аргрим. Он явился на совет офицеров и сказал, что если мы все хотим выжить, то нужно отбить первый штурм и сразу после него контратаковать, прорваться сквозь осаждающих и уйти за перевал. Как бы наши рыцари ни презирали этого сектанта, им все-таки пришлось признать, что других возможностей уцелеть у нас не было. Хотя, по совести говоря, то, что предлагал черно-красный, тоже казалось равносильно самоубийству. Но там имелся, пусть и очень небольшой, но все-таки шанс.

Штурм начался ранним утром, как раз на моей вахте. Мне повезло, я стоял у ворот, дежурил около одного из тех самых костров. Мой хороший друг, одноглазый Гор, торчал на стене, как раз надо мной. Он рассказывал мне о своих недавних приключениях с одной из молодых кухарок, и тут его горло пробила стрела. Он даже закричать не успел, рух-

нул мешком со стены, точно в костер. В то же мгновение у нас на башне затрубили тревогу. Поднялась обычная в таких случаях суматоха, но к тому времени, как враг подошел к стенам, у нас все были на своих местах.

Мы просчитались только в одном — не учли уровень их подготовки. Ополченцев там было мало: Маргелл не пожалел денег на наемников, это были прекрасно вооруженные ветераны, которые шли в битву, будто поразвлечься. Мы же располагали лишь горсткой рыцарей, небольшим отрядом мечников, да сотней неопытных юнцов, сражавшихся ранее лишь с разбойниками и восставшими крестьянами. Конечно, каждый день нас по несколько часов мучили боевой подготовкой, но настоящая битва никогда не бывает похожа на учебную. Настоящая битва — это всегда неразбериха, сумятица, крики, боль. Люди, которые валятся тебе под ноги, захлебываясь в собственной крови. Те, кто штурмовал нас, были опытными, жестокими волками, а мы — едва начавшими охотиться волчатами.

Помню, я стоял на стене, прикрываясь щитом, в котором уже торчало три тяжелых стрелы, и пытался багром оттолкнуть одну из этих чертовых лестниц. Вокруг звенело железо, совсем рядом кто-то оглушительно орал, внизу кричали наступавшие. Я подскользнулся в крови и упал, а когда поднялся, через край стены, меж двух зубцов, прямо на меня лез здоровенный мужик. Лица его не было видно из-под шлема с наглазниками и широкой рыжей бороды. В одной руке он держал зазубренный меч, а во второй — шипастую булаву. Я ударил его в лицо кромкой щита. Мне повезло, удар пришелся снизу вверх, как раз под наглазники. Он закричал и опрокинулся назад, по дороге сбив с лестницы еще двоих. Я замешкался, глядя, как они падают вниз, и мне в голову попала стрела. Она утонула в шлеме, потому я остался жив, но сознания все-таки лишился. Не могу сказать, надолго ли: пришел в себя внизу, у костра — двое моих товарищей, перемазанных в грязи и крови, плеснули мне в лицо холодной водой. Мы вновь полезли наверх защищать стену, но как раз в этот момент штурм прекратился. Видимо, с той стороны поняли, что с наскока нас не взять.

Тут-то я и увидел Аргрима в последний раз. Он стоял на стене, как раз над воротами, там, где было жарче всего. Вокруг него такой кошмар творился — настоящая ското-

бойня. Меня чуть не вырвало, когда увидел. Отрубленные головы, руки, ноги. Он стоял себе спокойно, держа в руках свои парные мечи, а вся его одежда, казалось, насквозь пропиталась кровью.

Как только уцелевшие в штурме солдаты противника вернулись в свой лагерь, Аргрим взмахнул рукой, и наш командир, гордый, благородный ярл Реджинард, подсклизываясь, чуть не падая на стене, подбежал к нему. Честное слово, у меня едва челюсть не вывалилась, да и у всех вокруг тоже. Вот тогда до нас наконец-то дошло, кто здесь был настоящим хозяином. Я стоял неподалеку и хорошо слышал их разговор, благо они не секретничали.

— Сейчас, — сказал Аргрим. — Нужно ударить сейчас.

— Как? — испуганно возражал ярл. — Мы не готовы!

Наш Реджинард тоже был не пальцем делан, обстановку оценить успел и шансы наши прикинул. Поэтому не сразу приказание исполнять кинулся, а заспорил сперва. У нас, говорит, нет ни единой возможности прорваться. Численный перевес слишком большой. Пусть, мол, они там сначала и не ожидают контратаки, но спохватиться успеют. Встретят нас сталью, затопчут почему зря.

Аргрим даже головы не повернул. Сказал только:

— Не затопчут. — И рукой так махнул, мол, беги уже, выполняй, что велят.

И побежал наш ярл солдат строить, готовить к атаке. Красно-черный тем временем сделал то, от чего у меня до сих пор, как вспомню, мурашки по коже бегут. Даже потом уже не так страшно было.

Он поднял за волосы отрубленную голову, что валялась у его ног, поднес к лицу и начал что-то шептать ей в ухо. Слов я, само собой, не разобрал. Смотреть-то не хотелось, но, странное дело, оторваться не мог. Он будто бы просил, разговаривал не с самой головой, а с чем-то сквозь нее. В тот момент я понял, что души наши теперь не стоят ни гроша. В другой ситуации его, понятное дело, схватили бы, да на костер без лишних разговоров — простой народ никогда колдунов не любил. Но тут мы все стояли в лужах крови, и нам было не до справедливости или божьего суда.

В общем, поговорил он с головой, да бросил ее со стены. А сам вдруг корчиться стал, будто от боли сильной, пополам согнулся, потом резко выпрямился, маску свою

на мгновение задрал — впервые на моей памяти, — жаль, я разглядеть ничего толком не успел. Помню лишь, что изо рта у него ворона вылетела, грязно-серая такая, самая обыкновенная. Каркнула, в лес улетела. Я даже глазом не успел моргнуть.

Аргрим подошел к самому краю стены и закричал. Пронзительно, хрипло, как раз по-вороньи. Только этот крик был протяжный, истошный, аж внутри все сворачивалось. И мертвецы внизу под стеной зашевелились. Медленно, неуклюже они поднимались на ноги и брели в сторону вражеского лагеря. Те, у кого не было ног, ползли. Некоторые передвигались на четвереньках. Все происходило в жуткой тишине, даже птицы в лесу замолкли, словно ужаснувшись тому, что внизу творилось.

Поистине, я, наверное, последний из тех, кто тогда это видел. Поверьте, рад бы забыть, да не могу. Мне часто снится тот проклятый день, хотя сейчас уже реже, вообще снов мало вижу. Но все равно. Если уж снится, то так ясно, будто и впрямь вновь там стою, молодой, перепуганный насмерть, а *они* внизу медленно идут. В полном, совершенном безмолвии. Мне на стене отлично слышно, как шуршит трава у них под ногами. Что странно, у нас в крепости никто даже не закричал, ни от страха, ни от удивления. Наверное, подспудно, в глубине души, все ждали от красно-черного чего-то подобного. Вернее, не то, чтобы ждали, а знали, что он на такое способен. Но тишина была вскоре нарушена дикими воплями противника — мертвецов увидели во вражеском лагере.

Утро уже успело перейти в ясный день, а потому их сложно было принять за живых: у кого-то не хватало половины черепа, у кого-то руки, у кого-то внутренности вываливались и волочились следом, цепляясь за корни и кусты, у некоторых в груди торчало по несколько стрел. Так что маргелловские приспешники сразу догадались, кто к ним пожаловал. Но надо отдать им должное — побежали не сразу. Кое-кто попытался было дать нашим неожиданным союзникам отпор, да толку в этом не было — правду говорят в народе, двум смертям не бывать. Мертвецы сражались как звери, молча, с безудержной дикой яростью; не обращая внимания на удары мечей или копий, они валили маргелловцев на землю, душили их, топтали, разрывали на части.

Первыми показали спину рыцари. Ничего удивительного. Мне было хорошо видно, как, побросав свои пожитки, сменных лошадей, оруженосцев, умчался прочь славный ярл Эдрик из Харронвеста, победитель множества турниров, гроза женских сердец. Какие сердца, такие и грозы. Но это к слову. За Эдриком рванули остальные благородные воины. Простые солдаты с наемниками сопротивлялись дольше, но страх взял верх и над ними, тем более что сталь никак не хотела брать нечисть.

Вот тогда-то ярл Реджинард дал команду покинуть форт. Он просто рывкнул:

— Бегите быстрее! — и велел открывать ворота.

Мы побежали. А вокруг мертвецы все также молча расправлялись с отступающим противником. Перепуганные маргелловцы рассеялись по всему лесу. Какие бы там ни были опытные наемники, но с ожившими мертвецами им раньше сталкиваться не приходилось. Тем более что среди этих мертвецов находились их боевые товарищи, может, родные или друзья. Это нас и спасло.

Обратно в крепость я уже не вернулся. Ушел через перевал, скитался по Королевствам, воровал, бродяжничал, потом примкнул к странствующим артистам, стал у них сказочником. Язык-то у меня хорошо подвешен, да и голова вроде бы варит. Через десять лет вновь оказался в родных краях, осел в деревеньке под вымышленным именем, женился, дочурка родилась. Думал, никогда в эти стены не вернусь. Но ошибался. Вот и все, круг замкнулся. Конец истории.

* * *

— Знаешь, старик, — сказал Вольфганг, нарушив затянувшееся молчание. — Ты говорил, что мы отблагодарим тебя за помощь, выслушав сказку. Но сдается мне, от сказки пользы будет больше, чем от сокращения пути.

— Древняя мудрость гласит, — лукаво прищурился Синеус: — не свершения ведут нас вперед, а цена, что мы за них платим. Запомни, рыцарь, тьме не одолеть тебя лишь до тех пор, пока ты готов чем-то жертвовать ради победы.

— Я запомню, старик, обещаю.

— Скоро рассвет. Если выйдете через ворота, то окажетесь на проселочной дороге, которая еще не успела полностью зарости. Меньше чем за час она выведет вас к тракту, к конюшням Сиплого Ханри. Я подкармливаю там лошадок, но они уже устали в стойле. Выбирайте каких хотите, их хозяин пропал бесследно и вряд ли станет возмущаться. До крепости алхимиков доберетесь к следующему вечеру.

— Серьезно? Лошади?! — Вольфганг вскочил на ноги, подхватил заплечный мешок. — Боги! Я не знаю, как благодарить тебя!

— Просто запомни мою историю, рыцарь.

— Запомню каждое слово! — Вольфганг обернулся к орку и гному. — Друзья! Пора идти!

— Вот уже и друзья, — пряча улыбку в бороду, пробормотал гном. — А спать не хочешь?

— Потом! Потом! Там лошади, вы же слышали... мы сможем догнать эльфиек!

— Хрена с два! Слишком далеко они от нас оторвались, — покачал головой гном. — И у меня есть сомнения, что даже самая могучая лошадь вывезет Рваную Морду.

— Увидим, — прорычал орк, поднимая с земли свой топор. — Я похудел.

— Кстати, подгорный мастер, — сказал Синеус. — Для тебя припасен подарок.

Он протянул гному небольшую бутылку из непрозрачного коричневого стекла.

— Это «Торгорский Эликсир». Удивительная вещь. Тоже нашел среди остатков каравана. Когда ваш благородный молодой вожак начнет падать от усталости, дашь ему глотнуть.

Гном заговорщицки кивнул, втиснул бутылку в сумку на поясе.

Быстро собравшись, путники заторопились к воротам, оставив на вертеле почти не тронутый окорок. Тьма вокруг посерела, осела, разбиваясь на тени, расползаясь по щелям, уступая место сумеречному предчувствию солнечного света. Лес просыпался, готовясь к новому дню.

— Спасибо, старик! — крикнул от ворот Вольфганг. — Огромное спасибо! Я не забуду!

Гном и орк, махнув Синеусу на прощание, скрылись из виду вслед за Паладином.

Сигмунд Синеус, слабо улыбаясь, смотрел им вслед. Потом повернулся к затухающему огню, начал вновь набивать трубку. Ему некуда было торопиться. Жена и дочь звали к себе, но в тлеющих алым углях кострища он видел великое множество еще не рассказанных сказок, историй, легенд. Видел, как они рождаются, вырастая из настоящего, сплетаясь из подвигов и трагедий, маленьких и больших жизней. Наблюдая за искрами угольков, он вглядывался в грядущее, а небытие могло подождать. Оно могло ждать вечно.



ГЛАВА V

БУРЯ

Конюшни они на самом деле отыскивали быстро. Орк без труда привел их в нужное место, ориентируясь по запаху навоза. Выцветшая вывеска «Завод Громогласного Ханри» подтвердила, что они не ошиблись. В стойлах оказалось пять лошадей, но одна уже издыхала, а у другой оказалось серьезно повреждено копыто.

— Точно для нас, — торжественно объявил Скалогрыз. — Каждому по кобыле.

— Тебе столько не съесть! — серьезно сказал Гром-Шог.

Всего через несколько минут выяснилось, что на конюшне не найти стремян, подходящих для коротких ног гнома. Даже его ногоступы ничем не могли помочь: при упоре они пружинили и вообще выталкивали коротышку из седла.

— Дробливые крысоеды! — ругался Роргар то ли на стремяна, то ли на их бывших владельцев. — Гранату вам в нижний тоннель! Ржавый капкан вам в умывальник! Да неужели же нет здесь ни одной нормальной упряжи для детей, что ли? А?

— Откуда? — махнул рукой Вольфганг. — Здешние дети даже без седел ездят... ездили.

— А? — переспросил Скалогрыз, остервенело роясь в куче кожаных ремней. — Чего?

— Ничего. Хватит возиться, поедешь со мной.

— Ну уж нет! Я лучше пешком пойду!

Вольфганг покачал головой:

— Успокойся, друг! Пораскинь мозгами. Ты ведь никогда раньше даже близко к коням не подходил?

— Нет. Я ездил на паровозе, а...

— Верховая езда — занятие не из легких, поэтому лучше доверься мне. Обещаю, никто из твоих собратьев не увидит этого. Можешь не сомневаться.

— Да уж, — гневно пробурчал Скалогрыз. — Какие могут быть сомнения.

Но ковыряться в стремях закончил и, усевшись на усталый соломенный пол, принялся сосредоточенно рыться в своем кисете.

— Зря не взяли еще немного у старика, — посетовал он, не набрав и щепотки табаку. — Остались без курева теперь. А ведь он бы поделился наверняка.

— В бездну твой табак. Меня гораздо больше волнует другое, — сказал Вольфганг, поглаживая выбранную им серую лошадь по шее. — Сколько у нас осталось воды?

— Сколько бы ни осталось, вся наша, — ответил гном. — Тут же не пустыня.

— Почти пустыня. До Карраз-Гула рукой подать.

— Половина фляги, — подал голос орк. — Даже меньше.

— И у меня, — кивнул Вольфганг. — Меньше. Если б подумали раньше, набрали бы воды в лесном замке. Но не возвращаться же туда. Поедем по Тракту, ищите колодцы, высматривайте их рядом с фермами или деревнями.

— Ясно. — Рваная Морда вывел из стойла когда-то красивого, но сейчас заморенного гнедого скакуна. — Не волнуйся, отыщем.

— Эй! Глянь, как наш зеленокожий смотрит на эту кобылу, — ощерился Скалогрыз. — Он же ее сожрет при первом удобном случае.

— Сожру, — не стал возражать Гром-Шог. — Лучше ее, чем тебя.

Гном не нашел, что и ответить.

— На ней мяса больше, — развивал мысль орк. — И оно вкуснее.

Скалогрыз выронил трубку.

Они оседлали лошадей, вывели их наружу, позволили пощипать траву во дворе. Утренний мир вокруг был полон яркой зелени и чистого, ослепительно-синего неба. Легкий ветер шуршал листвой, нес с полей запах клевера и полыни, в лесу за трактом звонко щебетали птицы. Стоя здесь, посреди совершенного спокойствия, Вольф-

ганг осознал, что тьме все-таки не удалось победить. Да, она нанесла страшный удар, унесший огромное множество жизней, она разрушила цивилизации, погребла под их обломками немало прекрасного. Однако истинную красоту, ту, из которой и произрастает любая культура, уничтожить не удалось. По-прежнему цветет на полях клевер, а в тенистых рощах поют соловьи — значит, однажды Орден Паладинов вновь возродится на этой земле. Пусть он будет называться иначе, пусть вступающие в него будут давать иные клятвы, по-другому строить свои цитадели и носить на доспехах неизвестные пока символы. Цели их будут все те же: защищать слабых, помогать страждущим, спасти отчаявшихся. Ничто не исчезает бесследно.

— Едем?! — хриплый рык орка вырвал рыцаря из задумчивости.

— Конечно! — Вольфганг легко запрыгнул в седло, помог забраться кряхтящему Скалогрызу. На третью здоровую лошадь, старую каурую кобылу, они навьючили свои нехитрые пожитки. Вести ее в поводу вызвался Рваная Морда. Гром-Шога лошади восприняли на удивление спокойно, да и сам зеленокожий без труда с ними управлялся, быстро разобравшись, как пользоваться поводьями и стремянами. В Заставных Башнях послушникам говорили, что кони не выносят одного только запаха орков, сразу путаются, встают на дыбы. Видимо, это было не совсем так.

— Да ты прямо кавалерист, взрывать-копать! — пробубнил гном с отчетливой завистью в голосе. — Смотри, не откуси ей голову на ходу.

Гром-Шог ничего не ответил, только широко усмехнулся, оскалив многочисленные острые клыки. Вольфганг нахмурился: ему показалось, или вчера у зеленокожего пасть действительно выглядела не так устрашающе? Вроде бы и у Роргара торчащие над губой зубы тоже немного вытянулись. Не может быть. Кажется. Чудится. Он слишком долго не спал, вот подсознание и играет с ним, выдавая за реальность всякую чепуху.

Поморщившись, рыцарь тронул лошадь с места. Подкованные копыта мягко застучали по пыльной дороге. От этого простого звука на душе стало еще легче: Вольфганг даже улыбнулся. Не так уж беспросветен был его путь. Ри-

хард оставался жив, на поясе висели меч и скипетр, в сумке покоилось несколько свертков с целебными порошками. Солнце вальяжно направлялось к зениту, взбираясь все выше по восточной стороне небосклона. Рядом ехали двое существ, которых он уже готов был назвать друзьями — во всяком случае, не оставалось сомнений, что в случае опасности спину они ему прикроют.

— Вечером будет дождь, — нарушил молчание орк, ритмично покачиваясь в такт шагам лошади. — Сильный. Ливень. Буря.

— Откуда знаешь? — спросил ехидно Роргар. — Зверушка поделилась секретом?

— Знаю. — Гром-Шог ткнул когтистым пальцем куда-то в сторону Карраз-Гула. — Хмурые облака на краю неба.

Прищурившись, рыцарь и гном некоторое время вглядывались в горизонт.

— Ни винта не вижу, — признался Скалогрыз. — Тебе показалось, Рваная Морда.

— Будет буря, — повторил орк. — Точно.

— Я тоже ничего не разглядел, — сказал Вольфганг. — Но верю тебе. Будем надеяться, что успеем добраться до крепости алхимиков к тому времени, как начнется. Там выпьемся.

— С небом все в полном порядке, — встрял Роргар. — Я, может, и глух, но со зрением у меня пока нет проблем.

Вольфганг ухмыльнулся. Зеленокожий житель степей и пустошей наверняка не ошибался. Но даже угроза приближающейся бури не могла испортить хорошее настроение, завладевшее рыцарем, не могла затушить отчаянную, и оттого еще более яркую надежду на счастливое окончание всех злоключений. Впрочем, как вскоре выяснилось, задача эта вовсе не была невыполнимой.

В деревню они въехали меньше чем через час. Ничего удивительного: конюшни не ставят на дорогах просто так — рядом обязательно должно находиться селение. Называлось оно без изысков: Три Сосны. Там, где тракт, пройдя сквозь широко распахнутые дубовые ворота, превращался в главную улицу деревни, действительно возвышались три огромных, древних лесных великанши. Палая хвоя вокруг них образовывала толстый, плотный ковер, полностью гасивший стук копыт.

Здесь вообще не было звуков. Птичье щебетание осталось где-то позади, ветер стих, и обычные лесные шорохи растворились в густой, вязкой тишине, от которой глубоко в груди возникало ледяное предчувствие ужаса.

Дома, неровными рядами тянувшиеся по обе стороны дороги, не выглядели жертвами катастрофы. Вольфгангу уже приходилось проходить через села, пожранные повальным безумием. Он хорошо помнил обугленные остовы строений, среди которых обвиняюще застыли закопченные печи, помнил разлагающиеся трупы на ступеньках, останки людей, убитых соседями или своими же родными, помнил стаи воронья, кружащие над замшелыми крышами. Здесь ничего этого не было. Ни тел, ни выбитых окон, ни следов пожара. Деревня выглядела мирно и спокойно. Приветливо распахнутые ставни, аккуратно закрытые двери, ухоженные палисадники. Но ни души вокруг.

— Жутковато тут, — сказал Скалогрыз. — Давайте проедем побыстрее, а?

— Проедем, — согласился Вольфганг. — Только водой запасемся.

Впереди, всего в нескольких десятках шагов, в густой тени деревьев прятался колодец. Широкий бревенчатый сруб, наполовину ушедший в землю и поросший мхом, покрывала двускатная крыша на четырех столбах, украшенных затейливой резьбой. На ворот была намотана толстая проржавевшая цепь, свободный конец которой уходил в темноту.

— Может, не стоит? — спросил гном, пока они неспешно приближались к колодцу, постоянно оглядываясь по сторонам. — Деревенька хреновая, и вода у них наверняка тоже хреновая.

— Надеюсь, ты ошибаешься, потому что жажда — дело неприятное...

Лошадь вдруг испуганно всхрапнула, дернула ушами, а через мгновение остановилась как вкопанная. Напрасно рыцарь пытался заставить ее двигаться дальше — серая кобыла упиралась, не желая приближаться к колодцу. Более того, она пятилась назад, прядая ушами и мотая головой.

— Пучок корней мне в грызло! — выругался Роргар, от неожиданности чуть не выпавший из седла. — Стой, кляча!

Разумеется, лошадь не обратила внимания на окрик. Гнедая Гром-Шога замерла рядом, тоже отказываясь повиноваться. Каурая послушно встала, потянулась к сочной траве на обочине. Сам орк напряженно озирался, а пальцы его правой руки уже сомкнулись на древке топора над плечом.

— Держи! — Вольфганг сунул поводья гному. — На себя не тяни и не тряси. Сиди смирно.

Он спешил, повернулся к Рваной Морде:

— Постойте тогда. Посмотрю, что там. Может, получится набрать воды! — и медленным, осторожным шагом направился к колодцу.

Полтора десятка шагов, отделявшие его от сруба, показались Вольфгангу длиннее мили. Наконец он преодолел их, заглянул через край сруба: в черной глубине колодца не было заметно ни единого отблеска — значит, вода, если и оставалась, то ушла далеко в глубину. Рыцарь поднял голову, потянулся к ручке ворота, и тут увидел выцарапанную на нем надпись. Всего одно слово, тщательно вырезанное с помощью тяжелого ножа. Одно слово, объясняющее, что случилось с поселком.

ПРОЧЬ

Беда пришла отсюда. Из колодца. Возможно, вода оказалась отравленной. Возможно, кто-то испортил ее намеренно. Возможно, она попросту закончилась, ушла в землю, найдя себе другой путь. Без нее жизнь остановилась, а копать другой колодец уцелевшие под шквалом безумия крестьяне не решились: слишком быстро менялось все вокруг. Они ушли, отправились искать убежище, надеясь когда-нибудь вернуться.

Вольфганг все же начал вращать ворот, хотя прекрасно понимал — даже если сейчас он получит в свое распоряжение целую бадью чистой на вид воды, пить ее не станет. Только не отсюда, не из торчащего посреди мертвой деревни колодца, отмеченного отчаянным «ПРОЧЬ». На нижнем конце цепи даже не оказалось ведра. Крайние звенья выглядели странно: измятые, иссеченные, будто бы разбитые тяжелой кувалдой. Или изжеванные большими, невероятно крепкими зубами.

— Эй! — окликнул рыцаря орк. — Наше дело плохо?

— Здесь воды нет, — ответил Вольфганг. — Двигаемся дальше.

Он вернулся к товарищам, взобрался на лошадь. Гном, облегченно вздохнув, передал ему поводья:

— Благодарение Гранитным Предкам. Я каждую секунду ждал, что эта тварь рванет из-под меня травку пощипать.

— Хм, а я собираюсь все-таки отыскать тебе подходящие стремена. Может, у алхимиков?

— Нет, спасибо, — запротестовал Скалогрыз. — Уж лучше так. Кобыла страшнее паровоза!

Они вновь тронулись в путь, объехав колодец по широкой дуге, двигаясь вдоль фасадов домов на противоположной стороне улицы. Гром-Шог продолжал настороженно оглядываться, но безмолвие, царившее повсюду, не решалось на открытую угрозу. Ни у одного из троих не возникло мысли зайти в дом или двор в поисках съестного — слишком чуждой выглядела деревенька, слишком явно скрывала в себе нечто мрачное — уродливый, страшный секрет, отпугивающий даже мародеров и бандитов.

На дальнем конце села их тоже поджидали распахнутые ворота. На одной из створок красовалась стрела-указатель, вырезанная, возможно, с помощью того же ножа, что поработал над колодезным воротом. Ее острие было направлено прочь, наружу, во внешний мир, в сторону крепости алхимиков.

— Может, нам удастся встретить местных жителей, оставивших эти знаки, — сказал Вольфганг. — В цитадели или ее окрестностях.

— Нет никакого желания, — проворчал гном. — Да вряд ли, они давно уже отсюда ушли.

Путники скрылись за воротами, и деревня вновь погрузилась в тяжелую, плотную тишину. За окнами застыл полумрак, в огородах зарастали сорняками грядки, в хлевах догнивала солома, в сараях ржавели аккуратно разложенные инструменты. Опустевшие дома терпеливо ждали смерти, и в них некому было закричать, когда из колодца, помогая себе множеством рук, медленно поднялась длинная темная фигура.

* * *

Во второй половине дня погода резко испортилась. С востока приползли бесцветные лохматые тучи, поднялся холодный ветер, от которого не могли спасти ели, росшие по обеим сторонам дороги на замшелых каменистых склонах. Скалогрыз извлек из своего тюка толстые шерстяные плащи, но они не особенно согревали.

Гром-Шог то и дело смотрел на небо, и лицо его становилось все мрачнее.

— Будет ураган ночью, — пробормотал он наконец.

— Крепость алхимиков, — напомнил Вольфганг, кутаясь в плащ. — Наверняка мы успеем добраться до нее, прежде чем начнется буря.

— Хорошо бы, — ответил Гром-Шог. — Но я не уверен.

Вольфганг пожал плечами. Здесь, под пронизывающим ветром и низко нависшими косматыми тучами, из которых вот-вот мог посыпаться снег, его уже не так пугало преследование. Усталость последних дней давала о себе знать. Болели натертые ноги. От длинных утомительных переходов, таскания тяжестей, ночлега прямо на земле, а теперь и путешествия в седле все тело ныло. Хотелось выпить пива или ароматного чая, поужинать — не важно чем, лишь бы горячим — и завалиться спать в настоящую, пусть и не очень свежую трактирную постель. Он повидал немало таких постелей, и если раньше постоянно находил их неудобными и часто совсем непригодными для сна, то теперь такое ложе казалось ему верхом совершенства.

Поэтому опасения зеленокожего спутника почти не трогали рыцаря. Почти — потому что он не переставал тревожиться за брата, потому что помнил предупреждение оранжево-желтой эльфийки и рассказ Синеуса. Сейчас зловещий красно-черный образ немного поблек, стертый усталостью от долгой дороги, но все равно не давал покоя. Всю дорогу Вольфганг держал в голове образ Аргрима: незримый, опасный, безжалостный.

Рыцарь с тоской думал о весне, закончившейся, казалось, совсем недавно, о надеждах, которыми она была полна, и которые рухнули в одночасье месяц назад, сгорели в пламени пожара вместе с Заставными Башнями. Теперь все переменится. В любом случае все будет совсем иначе.

Он уже не сможет смотреть на жизнь прежними глазами, зная то, что знает сейчас. Если, конечно, спасет Рихарда. Если сам выживет. Если. На окраине сознания опять возникла высокая фигура, выкрашенная в два страшных цвета. Рыцарь вздрогнул. Если. Какое страшное слово. Всего месяц назад он был спокоен, и в его будущем не было этой коварной неопределенной раздвоенности, развилки, на которой стоял вкопанный в землю древний каменный крест с выбитым на нем единственным словом. Если.

— Почему на дороге нам не попалось ни одного человека? — подал голос гном. — Ни бродяг, ни мародеров?

Вольфганг пожал плечами:

— Откуда им тут взяться? Что искать в крепости алхимиков?

— Знаю, знаю, — устало пробормотал Скалогрыз. — Просто очень уж здесь тоскливо. Ветер воет, будто ведьма, да и ни одной живой души вокруг.

— Это хорошо. Нам нечего опасаться.

— Кроме урагана, — напомнил Гром-Шог. — Скоро пойдет дождь. Или снег. Поспешим.

Сказать было легко, а вот выполнить оказалось немного труднее. Их «скакуны» совсем изнемогли, да и замерзли гораздо больше своих наездников. Ускорить шаг они и не желали и уже не могли. После нескольких минут понуканий и ругательств, Вольфганг оставил все попытки.

Вскоре предсказание Рваной Морды сбылось, и с неба из стремительно темнеющих туч посыпался редкий моросящий дождь. Плащи быстро промокли, превратившись из защиты в обузу. Скалогрыз развязал свой мешок и извлек из него оплетенную бутыль:

— По-моему, сейчас как раз настало время для подарка сумасшедшего старика. Надеюсь, здесь все по-честному.

Он откупорил бутыль и жадно хлебнул из горлышка. Лицо его исказила гримаса отвращения. Сделав пару глотков, гном утер губы, прохрипел:

— Не обманул, сучий сын, — и протянул Вольфгангу. — Клянусь Гранитными Предками, это пойло достойно самых жутких ругательств. Сильная вещь.

Рыцарь тоже приложился к бутылке. Его спутник оказался прав. Огненная жидкость обжигающим потоком пролилась в желудок, откуда тепло приятными волнами на-

чало распространяться по замерзшему телу. На лице вновь появилась широченная улыбка.

— Да уж, есть чему порадоваться, — ехидно проворчал Роргар. — Жизнь прекрасна и с каждой минутой становится лучше.

Вольфганг ничего на это не ответил, и дальше они ехали в молчании, все глубже увязая в бесконечном шуме дождя, в сером сгущающемся мраке, напрасно кутаясь в промокшие накидки, уже не способные защитить от разбушевавшегося ветра. Начало казаться, что их путешествие никогда не закончится, что так и будет виться впереди каменистая дорога, по которой теперь с шумом устремлялись вниз мутные потоки воды, что вокруг вечно будут возвышаться утрюмые и зловещие ели, сливающиеся в полутьме с породившими их склонами в одно сумрачное целое. Несмотря на холод, Вольфганг задремал, и перед глазами у него проносились лица. Некоторых он не знал, некоторые были смутно знакомы, будто им доводилось встречаться когда-то давным-давно, иных он узнавал сразу: Рихард, мастер Фредерик с грустной усмешкой на тонких губах, хрупкая зеленоглазая девушка, в которую он был некогда влюблен, лукавый пройдоха Скалогрыз, невозмутимо посасывающий свою трубку, старый сказочник Синеус, печально качающий головой. «Не оглядывайся, — сказал ему старик. — Не оглядывайся, юноша. Или вороны настигнут тебя». Вороны. Сильный тычок под ребра прервал дрему. Рыцарь вздрогнул и пришел в себя.

— Не спи, — сказал Гром-Шог. — Мы почти на месте.

Они стояли на вершине холма. Тракт уходил вниз, проползал через лощину и вновь устремлялся вверх — точно к воротам крепости алхимиков.

Зрелище было удивительное. Цитадель вырастала из скалы, казалась ее продолжением — могучие бастiónы из серого камня поднимались один над другим, взбираясь вверх по склону, подобно огромным ступеням. Массивные башни вздымались в серое небо, на вершине одной из них помещался громадный прозрачный резервуар, наполненный загадочной жидкостью, светившейся слабым зеленым светом. С барбаканов и навесных переходов сурово смотрели каменные глаза горгулий. Пелена дождя мешала различить подробности, но все трое путников уже бывали

здесь и знали, что стены твердыни увиты множеством разнокалиберных труб и лестниц. Цитадель служила своим обитателям не только защитой, но и гигантской лабораторией: казалось, каждый камень сооружения был задействован в том или ином эксперименте.

— Там кто-то есть, — сказал Гром-Шог. — Огни.

Действительно, на плоских вершинах двух башен горели большие костры — наверняка чтобы привлечь внимание путников, ищущих укрытия от подступающей бури.

Близость цели придала им сил. Бесперывно понукая измученных лошадей, они всего за несколько минут добрались до ворот. Подъемный мост был опущен. Надвратную башню венчали две позеленевшие от времени бронзовые статуи: Воин и Мудрец — древние хранители Братства Алхимиков. По обе стороны из стен торчали черные жерла пушек и выходили широкие трубы, извергавшие некую бесцветную жидкость в крепостной ров. Узкие бойницы равнодушно наблюдали за пришельцами, спокойно выдерживали их настороженные взгляды. Однако замок не спешил встречать их.

Арку ворот украшала изящная, богатая резьба, а сами створки, укрепленные широкими полосами стали, были плотно закрыты. Гром-Шог, подъехав вплотную, принялся стучать — сильно, размеренно, монотонно.

— Эдак он сломает что-нибудь, — усмехнулся Скалогрыз и медленно сполз с лошади. — Пожалуй, помогу.

Гном начал долбить в ворота прикладом аркебузы. Грохот стоял такой, что лошади стали осторожно пятиться. Рано или поздно он должен был достичь цели. И через несколько минут в одной из амбразур мелькнул свет, потом на вершине надвратной башни появилась закутанная в плащ фигура.

— Кто такие? — окликнул их сухой, надтреснутый голос. — Зачем к нам?

— Мы привезли книги! — прокричал в ответ Вольфганг. — Из Заставных Башен!

— Орк тоже привез книги? — насмешливо спросил голос после небольшой паузы.

— Он их охранял!

— Хорошо! Входите и езжайте прямо, до тех пор, пока не упретесь в лестницу!

Ворота начали медленно, с пронзительным скрипом, открываться.

Двор цитадели ничуть не преуменьшал впечатления, производимого ей снаружи. Крутом гранит, сталь и медь. Крытые галереи, целые лабиринты навесных мостов и парапетов. Трубы, обхватить которые Вольфгангу не хватило бы рук, тянулись вдоль стен к округлому бассейну в центре двора. Оттуда поднимался зеленоватый пар, и его запах отбивал всякое желание заглядывать внутрь.

— М-да, научились людишки строить, — проговорил гном, изумленно глаза по сторонам. — Хотя, я слышал, раньше это все принадлежало эльфам.

— Да. Тысячу с лишним лет назад. С тех пор от эльфийских зданий ничего не осталось. Разве что фундамент. Но ты не переживай. Вроде бы для строительства крепости приглашали мастеров из Торгорского Кряжа.

— Никак иначе. Непременно приглашали. Вы на такое не способны! — гордо объявил Скалогрыз.

Пройдя через двор, они очутились у подножия широкой каменной лестницы, зигзагами поднимавшейся вверх по крутому склону скалы. Здесь их уже ждал худощавый мужчина средних лет, одетый в серый плащ Братства. Как только он заговорил, стало понятно, кто ранее встречал их у ворот. Даже не запыхался, добираясь сюда.

— Приветствую! Я — брат Мавиус, последний хранитель этой цитадели. Сегодня здесь немало гостей. Следуйте за мной.

* * *

Через несколько минут, оставив лошадей в крытом хлеву с внушительными запасами сена и воды, они уже шли вслед за алхимиком по полутемным коридорам его обители.

— С книгами мы будем разбираться утром, — говорил он. — Сейчас вам надо обогреться и поесть, отдохнуть. Дела подождут. Теперь нам всем некуда спешить.

— Скажи, не проезжала ли мимо эльфийская повозка? — спросил Вольфганг. — Красивая, с тремя эльфийками внутри?

— Я не видел. Редко смотрю во внешний мир. Но ты можешь спросить об этом у остальных.

Они вошли в зал, освещенный ярко полыхающим в камине огнем — наверняка бывшую трапезную Братства. За длинными, грубо, но на совесть сделанными столами сидело семь фигур. Это была довольно пестрая компания, которую свести вместе может только буря, заставшая врасплох на границе обитаемых земель. Что ж, подумал Вольфганг, — поприветствовав сидящих за столом, он опустился на ближайшую к камину лавку — сейчас как раз тот самый случай.

С краю громоздились орки — два широкоплечих великана в грубой одежде из козьих шкур. На осторожном расстоянии в пару локтей от них пил пиво лысый толстяк с невыразительным, лоснящимся лицом, одетый в балахон алхимика. Рядом что-то сосредоточенно жевал усатый солдат, не снявший с себя даже кожаного нагрудника. Он подозрительно уставился на Гром-Шога, когда тот только вошел, но через мгновение вновь вернулся к еде. Еще ближе сидел высокий и плотный мужчина средних лет с аккуратно постриженной бородкой. Судя по куртке с вышитыми на плечах грифонами и широкому поясу с множеством кошель и мешочков, это был странствующий торговец из Вольных Земель. А напротив него устроились двое в одежде странствующих музыкантов: мужчина и девушка, как две капли воды похожая на ту зеленоглазую красавицу, о которой Вольфганг не так давно вспоминал.

Само собой, это была не она. Волосы чуть темнее, скулы слегка повыше, да и фигура отличается: тоньше, стройнее, округлости лишь намечены. Это была не она, но от присутствия девушки что-то сладко заныло внутри.

— Эх, — сказал вдруг, улыбаясь, торговец. — Вот нас уже и не волшебное число.

Все вокруг тоже заулыбались. Толстый алхимик погрозил Вольфгангу пальцем:

— Зря вы это, юноша.

— В чем дело?

— Да ни в чем, — алхимик пожал плечами. — Просто нас было восемь, и высокочтимый Харлан, — он указал на торговца, — припомнил, что это счастливое магическое

число. Поэтому мы решили, что с нами ничего не должно случиться в эту страшную ночь.

Гном понимающе кивнул:

— И мы разрушили все волшебство?

— В некотором смысле да, хотя лично я считаю, что чем больше народу здесь внутри, тем безопаснее.

— Кого же вы боитесь? По мне, в такую погоду ни один разбойник не вылезет из логова. Да на тракте сейчас народу нет совсем.

Сидящие переглянулись. Улыбки поблекли и медленно исчезли с их лиц.

— Погоди-ка, — прогремел один из орков, глядя на новоприбывших исподлобья. — Вы что, не слышали про демона?

— Нет, — покачал головой Вольфганг. — Что за демон?

— Вот тебе и раз, — усмехнулся торговец по имени Харлан. — Я уж было думал, вы отчаянные смельчаки или, как и мы, полные дуралеи. А вам, оказывается, ничего не известно!

— Это странно, — сказал толстый алхимик. — Уже неделю в этих местах все выжившие только и говорят, что о демоне, который объявился на границе Карраз-Гула. Как же вас никто не предупредил?

Вольфганг перевел взгляд на торговца:

— Расскажите же нам, что происходит.

Усач в нагруднике мрачно посмотрел на рыцаря и пьяно усмехнулся:

— Ты видишь перед собой единственного королевского солдата на десять миль вокруг, парень... — Он снова принялся жевать. Вокруг повисло тяжелое, мрачное молчание.

— Мы тут пытались создать некое подобие порядка, — начал рассказывать Харлан. — После того как все остальные, посходив с ума, перебили друг друга. Оставшиеся в живых королевские солдаты и некоторые добровольцы объединились в один отряд, заняли старую заставу, что стоит дальше по Тракту, стали патрулировать земли вокруг. Мародеров и безумцев повывели быстро, и даже показалось, что мы, уцелевшие, можем рассчитывать на спасение. Люди начали возвращаться в свои дома. Конечно, возвращался только каждый десятый, но это уже неплохо, согласись?

Вольфганг кивнул.

— Мы надеялись отстроить заново пару деревень, вернуться к прежней жизни, хотя бы к ее подобию. Но потом объявился этот демон. И первым делом он напал на солдат...

— Это случилось ночью, — прервал его усач. Глаза его блестели, казалось, он готов был вот-вот расплакаться:

— Я, значит, только вернулся со своего дежурства, сидел, чистил оружие. Вдруг — орут, визжат! Подумал сперва, бандиты или безумцы какие, вскочил, выбегаю — суматоха страшная, все носятся туда-сюда. Я успел, значит, одного нашего за плечо схватить. Что случилось, спрашиваю. А он, мол, на часовых кто-то напал. В общем, когда разобрались, что к чему, оказалось — эта тварь убила солдата на башне, троих у частокола и еще одного около ворот. Причем сразу стало ясно, что не людских рук это дело — тех бедняг, значит, по частям собирали. Не все собрали. А крови почти не было, только на частокол немного набрызгано, да в башне, на площадке наверху, несколько капель, хотя от часового, что там стоял, только ноги обнаружили. Потом еще его руку нашли — в лесу, в полумиле от заставы. И еще: из них, из убитых, никто не пискнул даже, ни крика, ни шума, ничего. А это значит, что когда того беднягу на башню пошли менять, тогда только тревогу и забили. Неплохой, кстати, был парень, на дудке играл хорошо.

Короче говоря, сразу стало понятно, что не человека нам бояться нужно. До утра все в бараке просидели с оружием наголо, вздрагивая от любого шороха. Утром мертвых — то, что от них, значит, осталось — похоронили. А днем пропало еще двое наших. Уж не знаю, может, они попросту с перепугу сбежать решили. Но не такие это были ребята, не такие. Один из них здоровый как бык — подковы гнул одной рукой. Не боялся вообще никого. Он как раз, пока мы отсиживались в бараке, единственный из всех предлагал выйти с факелами, да охоту на эту тварь устроить — мол, демоны и звери боятся огня. Но тут он просчитался. Этот, доложу я вам, ни хрена не боится, даже дневного света.

Так вот. Как они, значит, исчезли — ну, не досчитались мы их во время обеда, мы их поискали вокруг немного. Да что толку искать — ни следов, ничего. Будто в возду-

хе растаяли. Тогда старшина наш приказал не разделяться и меньше чем по трое не ходить. Так до самого вечера и протянули. Разговоры пошли, что, значит, нечего нам там сидеть, все равно никакой пользы от заставы нет уже, демон этот мародеров лучше нас гоняет. Многие хотели уйти. Но старшина пригрозил виселицей, подействовало. Вроде успокоились. А только солнце село, эта хрень в барак ворвалась...

— Как? — выдохнул испуганно гном. Остальные тоже слушали с интересом. Видимо, раньше разговорить солдата не удавалось.

— Через крышу. Мы, выходит, сами себя загнали в ловушку, забаррикадировали двери. А оно пробило крышу и свалилось прямо на нас. Как кошка в мышином гнезде.

— На что похоже? — спросил молчавший до этого орк.

— Откуда мне знать. Я не разглядывал. Краем глаза только ухватил, когда в окно выпрыгивал. Мне показалось, что это было похоже на клубок корней. Длинных таких, гадких, черных живых корней. Они хватали других солдат. Ганса, который был рядом со мной, такой корень обвил, будто змея, а когда он закричал, пробил ему шею. Больше я ничего не могу сказать — я вывалился через окно и удрал.

Он замолчал. В глазах его стояли слезы. А потом с размаху хватанул по столу кулаком, да так, что подпрыгнули тарелки:

— Я знаю, что не должен так... нельзя было их бросать. Но... Ушедшие Боги, они так кричали за моей спиной! Так кричали! Я бежал, пока не упал от усталости, и все время слышал крики! Я до сих пор их слышу! Они кричат мне — все кричат, что я подвел их...

Солдат опустил лицо в ладони и зашелся в беззвучных рыданиях. Харлан положил руку ему на плечо:

— Ты сделал все правильно, друг. Помочь бы ты не смог, только зря отдал бы свою жизнь. Все хорошо, успокойся. Все кончилось, — он повернулся к Вольфгангу. — Мы с мэтром Логвином встретили беднягу сегодня вечером, когда поднимались сюда. Всего за час или полтора до вашего прихода. Он брел по дороге и был похож на привидение. На нас не обращал никакого внимания, бормотал что-то про себя.

— Да уж, — подхватил толстый монах, которого, видимо, звали Логвин. — Я уж было думал, что солдатик совсем

лишился рассудка. Но тепло, вкусная еда и пиво привели его в чувство.

— А вы не боитесь, что демон сможет ворваться в крепость? — спросил Роргар.

— О, не волнуйтесь, господин гном! — заверил его худощавый алхимик, как по волшебству возникший рядом и поставивший перед ним кружку пива. — Эта цитадель выдерживала такие осады, что нам и не снились. Она способна сама себя защитить от любой внешней силы. Нет, твари сюда не ворваться. Ни за что. Кроме того, теперь я здесь не один, мне на помощь пришел брат Логвин — напомниме, из какой вы цитадели?

Тот кисло улыбнулся:

— Из Третьего Замка. И воин из меня никудышный. Но спасибо за доверие.

Солдат уже перестал рыдать и лишь судорожно, истерически всхлипывал, не поднимая глаз. Вольфганг заметил, что волосы на висках у него совершенно седые, хотя на вид ему никак нельзя было дать больше тридцати лет.

— За последние дни в этих местах пропало еще несколько человек, — глухо проговорил торговец. — Среди них три моих товарища. Они поехали на запад, на поиски других выживших. И как в воду канули. Конечно, времена сейчас безумные и тяжелые. Учитывая все обстоятельства, я подозреваю худшее.

— Да уж, — пробормотал гном, сдувая пену с кружки. — Откуда у алхимиков такое прекрасное пиво?

— О! — всплеснул руками брат Мавиус. — Мы веками пытались превратить свинец в золото, но в результате преуспели только в пивоварении.

За столом раздались невеселые смешки. Рыцарь встретился глазами с девушкой. Она тут же отвела взгляд. Интересно, как ее зовут. Алхимик поставил перед новоприбывшими миски с горячей тушеной капустой. Проглотив две ложки, Вольфганг понял, что веки его смыкаются, и он не в силах этому противостоять. Пожалуй, на секунду закрыть глаза можно. Всего лишь на одно мгновение...

Разбудил его громкий голос толстого монаха:

— Если так пойдет и дальше, любезный Харлан, то вскоре мы начнем рассуждать о сакральном смысле дюжины, а может быть, и сотни. Предлагаю открыть в цитадели

трактир! Поистине это будет самое популярное место по нашу сторону Карраз-Гула!

Раздался дружный хохот. Моргая, Вольфганг сел прямо, ковырнул ложкой тушеную капусту. Она успела полностью остыть.

— Клянусь Ушедшими Богами, я всегда считал алхимиков утрюмыми занудами! — воскликнул торговец. — Но сегодня вечером я встретил брата Логвина посреди леса, и он с легкостью перевернул мои представления!

Вольфганг снова качнулся, проваливаясь в темноту, и едва удержался на лавке. Тело, вымотанное за последние полные трагичных событий сутки, настойчиво требовало сна.

— Я не верю в демонов, — раздался рядом утробный голос Гром-Шога. — Не верю.

— Зря, — флегматично заметил торговец. — Нечисти вокруг хватает. Помяните мои слова. Если вы не верите в демонов, это еще не значит, что они не верят в вас!

— Пустая брехня! — фыркнул орк.

— Ничуть не бывало. Не далее как прошлой осенью, на самом исходе, еще и года не прошло, в одном из приграничных баронств на востоке случился скандал. Демон сначала убил знатного фермера, а потом погубил и самого барона, и его капеллана. Я того фермера знавал, Гарри его звали, Гарри Мышелов. Добрейший был человек, если уж приезжал к нам за удобрениями, то денег не жалел. И вдруг такое. Говорят, он был задушен собственными кишками, не к столу будет сказано. Какой человек способен на подобное! Очень нехорошая история... или вот Исма, прачка моя, слыхала от...

Пробуждение. Теперь Гром-Шог беседует с другими орками. Одного из них, что пошире в плечах, зовут Наргрох, и это его щит, обтянутый звериной кожей, украшенный множеством медвежьих когтей и клыков, прислонен к стене рядом. Второй — Даг-Стаг. Он, кажется, умнее, не косится на рыцаря настороженным взглядом из-под низко нависающих бровей. Хорошо бы они завтра пошли с ними — с такими бойцами никакие эльфийки не страшны. Надо будет подумать, как предложить поделикатнее.

Снова провал. Тьма. Рука касается плеча. Вольфганг поднял взгляд. Над ним стоял брат Мавиус.

— Извините, господин рыцарь. Вижу, вы совсем измучены. Я отведу вас в покои, где вы сможете отдохнуть.

— Спасибо. Сейчас.

Поднявшись со скамейки, он подошел к музыкантам.

— Позвольте представиться. Меня зовут Вольфганг. Я — послушник Ордена Паладинов.

— Это честь для нас, — ответил мужчина, склонив голову. — Меня знают здесь как барда Джонса, а это моя дочь, Майра.

— Вы прекрасны, — сказал Вольфганг девушке. — Прощу, не уезжайте завтра утром, позвольте мне увидеть вас снова.

Она улыбнулась. Опустила глаза.

Снова темный коридор. Стекланные фонари на стенах. Мягкий зеленоватый свет, винтовая лестница. Вольфганг с трудом переставлял ноги.

— Вот, пожалуйста. Ложитесь. Никакой роскоши, но уж чем богаты.

Крохотная каморка. Мягкий, набитый соломой топчан.

* * *

Вольфганг спал, и во сне шел через ночной лес, одновременно осознавая, что на самом деле он лежит на топчане в крохотной келье цитадели алхимиков. Буря снаружи все не утихала, но в темной чаще, сквозь которую он брел к неизвестной цели, было лишь слегка прохладно — как и полагается в настоящую летнюю ночь.

Трава мягко шелестела под ногами, почти полная луна желтела среди туч, словно обломанная медная монета. Идти оказалось на удивление легко, на пути не попадалось ни корней, ни кочек, ни поваленных деревьев, а потому Вольфганг шагал быстро, размашисто, с наслаждением вдыхая влажный воздух. Впереди его ждало что-то важное, и упустить это он не имел права. Возможно, оно имело отношение к судьбе Рихарда, а значит, и к его собственной тоже.

Голоса приближались.

Вернее, это он приближался к ним.

Между деревьев впереди показались огни. Из густой тьмы выступал частокол, ровный, аккуратный, очевидно, недавно поставленный. Рыцарь двинулся вдоль него. Он начал понимать, куда привели его тропы сновидений, но убедился в этом, только добравшись до тракта, у широко открытых ворот — тех самых, которые они проезжали сегодня утром. Здесь три огромные сосны вздымались на недосягаемую высоту, заслоняя половину неба.

Деревня была полна движения и жизни. За окнами мелькал свет, на главной улице толпился народ. Многие держали факелы. На лицах ясно читалась тревога, и обрывки разговоров, которые мог разобрать Вольфганг, свидетельствовали о только что произошедшем несчастье:

— Как случилось-то, а?

— Ды как! Ды вот так! Почем я-то знаю?

— А где Вернор?

— За веревкой побёг! За веревкой, слышь!

— Еще бы лестницу надо, поди. Кто полезет-та туды?

— Ды кто! Знамо кто...

Рыцарь шел мимо деревенских жителей, но они не обращали на него никакого внимания. Так часто бывает в снах. Он знал, что вот-вот должен выяснить причину, по которой Три Сосны, почти не пострадавшие от волны безумия, полностью обезлюдели, превратились в призрак, наполняющий страхом душу каждого, кто рискнет проехать сквозь гостеприимно открытые ворота.

Крестьяне столпились вокруг колодца, поочередно заглядывали вниз, кричали что-то — теперь их слова расплывались в окружающем пространстве, теряли форму, и Вольфганг больше не мог распознать их смысла. Но он и так все понимал.

Кто-то — скорее всего, ребенок — упал в колодец, и теперь селяне спешно пытались его вытащить. Вот проковылял мимо седой широкоплечий старик, держа моток толстого каната. Он начал разматывать его, потом дрожащими руками принялся обвязывать себя вокруг пояса.

Сквозь толпу протиснулась женщина, еще не старая, с приятным, но искаженным от ужаса лицом, протянула старику топор. Не боевой, а обычный, предназначенный для рубки дров. Впрочем, в тесноте колодца должно хватить и такого. Кто бы ни свалился в колодец, он упал туда

не сам. Его утатило нечто, с чем теперь готовился сражаться храбрый Вернор.

— Погоди! — крикнул Вольфганг. — Давай лучше я!

И снова никто не повернул головы. Рыцарь подошел вплотную, попытался схватить седовласого крестьянина за рукав, но пальцы его только скользнули по грубой ткани, а из горла больше не вылетало ни звука. Ему не дозволено было изменить уже произошедшее. Он мог только наблюдать.

Несколько крепких мужчин взялись за свободный конец каната, и старик перелез через край колодца. Трое с факелами встали вокруг, освещая ему спуск. Вольфганг чувствовал, как нарастает напряжение, наполняет воздух, оседая на висках. Само собой это закончиться не могло. Все ждали, когда...

И тем не менее удар последовал неожиданно. Канат вдруг рвануло, да так, что люди повалились на землю. Рассмотрев что-то внизу, державшие факелы, отпрянули в стороны. Один из них рванулся прочь, распахнув рот в беззвучном крике, но внезапно замер, согнулся пополам, упал на колени. Его стошнило.

Канат извивался, словно огромная агонизирующая змея. Крестьяне бестолково суетились вокруг, пытаясь схватить, удержать взбесившуюся веревку. Жилистый парень в синей рубаше бросился на нее животом, прижал к земле, принялся наматывать себе на руку. Кто-то кинулся ему на помощь, но тут грянул еще рывок, парня ударило о бревно сруба, он охнул, выпустил канат. Тот взвился в воздух и, мотнув на прощание измочаленным краем, скрылся в черной яме колодца. Паника заполнила все вокруг. Подобно туману, она растекалась в разные стороны, захватывая умы, затмевая сознания.

Вольфганг пытался подойти ближе, но этот туман мешал ему — ноги вязли в белесой дымке, словно в тягучем киселе. Он чувствовал: что-то поднималось из глубины, что-то голодное и могучее, не живое в обычном смысле этого слова, но и не мертвое. Что-то, тесно связанное с безумием, захватившим мир, с дьявольским смехом магистра Раттбора, с видениями несчастного Рихарда.

Вольфганг делал шаг за шагом, приближаясь к проклятому колодцу, собираясь посмотреть в глаза неведомой

твари. Но в тот самый миг, когда она должна была показаться над краем сруба, пронзительный, истошный крик разорвал в клочья пелену беззвучия, окутавшую рыцаря. Вольфганг обернулся, чтобы обнаружить его источник, но тут понял, что кричат снаружи — там, в реальном мире. Сон сразу же поблек, рассыпаясь тысячами осколков, уходя в небытие, словно вода сквозь пальцы. Он пытался разглядеть, что же все-таки выползло ему навстречу, но уже не мог: видение стремительно растворялось в наступающей действительности, теряло значение и смысл, превращалось в смутное воспоминание. Вольфганг пришел в себя.

Буря продолжалась. Шумел ливень, грозно ворочался гром. Где-то в замке кто-то исступленно, отчаянно вопил, и нельзя было даже понять, женщина это или мужчина. Вольфганг вскочил с кровати, схватил скипетр, и, толкнув дверь, выбежал в коридор — как был, босиком. Холод каменного пола метнулся вверх по согретому сном телу, разбил последние оковы забытья, прояснил сознание. Кричали дальше по коридору и вроде бы этажом ниже. Похоже, это была все-таки женщина.

Через несколько мгновений, когда рыцарь достиг лестницы, крик оборвался. Шлепая босыми ногами по гранитным плитам, помнящим еще перворожденных эльфов, Вольфганг слетел вниз, выскочил в галерею нижнего уровня. Увиденное там не шокировало его, — за последний месяц он успел насмотреться всякого и больше не способен был удивляться, — но заставило замереть на месте, в попытке понять, что происходит вокруг.

На стенах горело меньше половины фонарей. Повернувшись могучими зелеными спинами к рыцарю, в коридоре стояли орки. Наргрох, Даг-Стаг и Гром-Шог. Рваную Морду он узнал сразу, несмотря даже на полумрак, царивший здесь: по приметному двуручному топору. Даг-Стаг занес над плечом шипастую дубину. Наргрох заслонялся своим рогатым щитом, мерно постукивая по нему иззубренным широким тесаком.

Чуть дальше, примерно в десяти шагах, на полу лежал человек. Вольфганг не мог рассмотреть, кто это был, но, судя по неестественно изогнутому телу и темной луже вокруг, спасти его уже было поздно.

С другой стороны от мертвеца фонари не горели совсем, а на самом краю освещенного пространства стояли Майра и Джонас. По-звериному оскалившись, они наклонились вперед, словно готовясь к броску. Дочь сжимала в руках ржавые крестьянские серпы, отец — боевую секиру с широким изогнутым лезвием. Что-то было не так с их глазами.

Позади Майры и Джонаса коридор тонул в непроглядном мраке, но там ощущалось некое движение, подобно тому, как ощущается приближение большой рыбы на поверхности воды.

Звонко цокая ногоступами, в галерею ворвался Скалогрыз с аркебузой наперевес. Едва не врезавшись в Вольфганга, он с трудом остановился, принялся озираться, тараща заспанные глаза.

— Что происходит, а? Вашу простоквашу!

— Если бы знал... — начал было рыцарь, но тут снаружи оглушительно гроыхнуло. Избавив Вольфганга от лишних объяснений, хлынув сквозь стрельчатые окна, белый свет молнии на мгновение полностью разогнал темноту.

За Майрой и Джонасом, заполняя собой галерею, громоздилось нечто невообразимое. Беспорядочное переплетение множества тонких черных рук, расползающихся по стенам и потолку. Массивное, бесформенное тело в центре, полное оскаленных пастей, стоящее на двух вполне еще человеческих ногах. Длинная пульсирующая шея оканчивается гладко выбритой головой брата Логвина. Две черных руки тянутся к затылкам Майры и Джонаса, тощие острые пальцы погружены глубоко в плоть, их кончики выглядывают из опустевших глазниц несчастных.

Через долю секунды молния погасла, вновь погрузив коридор во тьму. И тут же, осознав, что можно больше не прятаться, существо перешло в нападение. Тела бродячих музыкантов, превратившиеся теперь в кукол, послушных воле своего чудовищного господина, прыгнули вперед.

Наргрох шагнул навстречу, поднимая щит и занося для удара тесак. Даг-Стаг последовал за ним, замахиваясь дубиной. Не имея возможности атаковать одновременно с сородичами из-за тесноты коридора, Гром-Шог чуть промедлил. Это продлило ему жизнь.

Майра и Джонас взлетели высоко, под самый потолок, и там повисли на стенах, подобно огромным ящерицам. Гибкие черные щупальца, тянущиеся от их затылков, наполняли лишенные душ тела невероятной силой и ловкостью. Оттолкнувшись ногами от затянутого паутиной барельефа, Майра камнем рухнула вниз, прямо на Наргроха. Тот еле успел заслониться щитом — острия обоих серпов пробили кожу, дерево, вошли глубоко в руку орка. Взыв от боли, Наргрох рубанул девушку тесаком. Она даже не пыталась уклониться.

Даг-Стаг, задрав голову, следил за висящим под потолком Джонасом. Однако тот, вместо того, чтобы атаковать его, пробежал по стене и прыгнул на Гром-Шога. Рваная Морда поднял топор, готовясь столкнуться с врагом, но в этот миг, оглушив всех вокруг своим ревом, аркебуза Скалогрыза разом наполнила галерею дымом и запахом пороха. Заряд встретил тварь, бывшую прежде бродячим музыкантом, в полете, отбросил ее назад, впечатав в стену. Существо тяжело обрушилось на пол, но сразу начало подниматься, несмотря на зияющую в груди дыру. Гром-Шог подскочил к ней и одним ударом рассек черное щупальце. Обрубок судорожно вздрогнул, резко втянулся в темноту. В тот же миг тело Джонаса обмякло, завалилось набок.

Наргроху подобное в голову не пришло. Прижав щитом девушку к стене, он яростно кромсал ее тесаком, уже не обращая внимания на то, что творилось вокруг. Из мрака появились новые руки, опутали его, пронзая спину и живот, разрывая внутренности. Другие схватили Даг-Стага, подняли его к потолку, смяли, с размаху ударили об пол. То, что осталось от Майры, стремительно поползло по стене вверх, к фонарям, оставляя на камнях кровавые полосы.

Скалогрыз спешно перезаряжал аркебузу, непрерывно богохульствуя сквозь зубы. Гром-Шог замер посреди коридора, выставив перед собой топор. Вольфганг стоял рядом, не имея ни малейшего понятия, что нужно делать. Скипетр в его руках вряд ли годился в качестве оружия против возникнувшего из ниоткуда монстра, а исцелять было уже некого — чудовище не оставляло жертвам шанса.

Нелепым, уродливым пауком Майра ловко карабкалась от одного фонаря к другому, давя хрупкие стеклянные футляры, убивая свет. Пришла пора принимать решения.

— Назад! — крикнул рыцарь. — На лестницу! Там ему нас не достать!

Гром-Шог обернулся, мотнул головой — уходите, мол, а сам, испустив низкий, утробный рев, поднял топор и бросился во тьму.

— Стой! — рывкнул Вольфганг, но орк уже канул во мрак.

Рыцарь поднял с пола секиру Джонаса, рванулся следом. Гном что-то орал позади, а он не мог разобрать слов. Перепрыгнул через еще бьющегося в агонии Наргроха, чуть не споткнулся о его ошетилившийся клыками щит.

Вспышка молнии.

Гром-Шог на фоне черноты, занимающей теперь весь коридор. Больше ни ног, ни головы брата Логвина. Демон окончательно избавился от маски. Лишь руки. Щупальца. Пасти.

Тьма. Что-то тяжелое врезалось в плечо, отбросило к стене. Это Майра придавила его к полу, вцепилась ногтями в шею. Зубы клацнули возле глаз. Изрубленное, изувеченное лицо слишком близко, тошнотворный запах бьет в ноздри. Вольфганг ударил ее ногами, сбросил с себя, начал подниматься. Она тоже — и куда быстрее, чем он. Расчлененное тело, его части двигаются отдельно друг от друга, словно фрагменты раздавленной марионетки.

Отчаянным рывком он опередил ее, опустил секиру на черное щупальце монстра, присосавшееся к ее голове. Майра повалилась на камни. От прежней красоты не осталось и следа. Но скорбеть о ней он будет потом. Если переживет этот кошмар.

Раскат грома. Вспышка молнии.

Краем глаза Вольфганг успевает поймать образ: чудовищный водоворот когтистых конечностей, жадно раззявленных ртов, каменный топор, зеленокожее тело высоко над полом. Протяжный хриплый рык.

Тьма.

С секирой наперевес он поворачивается туда, лицом к ночи, к небытию, к безумию.

— Сюда, мразь! — Крик рвется изнутри, бурлящая ненависть зовет на бой саму смерть. — Сюда! Ко мне!

Вспышка молнии.

Коридор пуст. Голые каменные стены, разбитые фонари, порванный гобелен, полоса слизи на полу. Больше нет демона. Тишина оглушительно вибрирует в ушах.

Он бежит вперед, стараясь не поскользнуться. За спиной ритмично поскрипывают ногоступы Скалогрыза. Едва не наступает на каменный топор — древко сломано посередине.

В конце коридора лестница, такая же, как и с другой стороны.

На ступенях — Гром-Шог.

Роргар отпрыгивает назад, зажмуривается, отворачивается к стене. Роняет аркебузу и безмолвно, бесшумно сползает на пол, закрыв лицо руками.

Зеленокожий еще жив. Кровь пузырится на его губах, а в глазах еще пока теплится сознание. С такими ранами это почти невозможно, с ними не справится скипетр, не совладеет даже кадило, с ними только одно имеет смысл — забвение, уход в тихую пустоту посмертия. Но он держится. Держится из последних, стремительно тающих сил, чтобы дождаться его. Вольфганга. Чтобы сказать.

Рыцарь наклоняется к орку. Гром-Шог скрипит зубами. Каждая секунда причиняет ему ужасную боль, каждое движение усиливает ее в десятки раз. Широко раздувая ноздри, он говорит:

— Тварь просила тебе передать...

Вольфганг зажмуривается, сдерживая подступающую к горлу тошноту.

И слушает.



ГЛАВА VI НЕБЫТИЕ

— Да, господин рыцарь. Прошу за мной.

Снова вверх по древним ступеням, каждая из которых стерта в середине почти до уровня предыдущей. Сколько же поколений ходило по этим камням, проносило свои мысли, чаяния, мечты. Все они сгинули, растворились в прошлом, перестали иметь значение. Остались лишь сказки, легенды, песни. И книги. Именно ради книг он ведь шел сюда, разве нет? Пухлые фолианты, хранящие чужие жизни: записи о победах, поражениях, о проступках и наказаниях, о произнесенных речах и проглоченных обидах. Люди со всеми своими грехами и подвигами превратились в истории, запечатленные на пожелтевших страницах. Лишь эти страницы отделяют давно умерших от полного небытия.

Напишет ли кто-нибудь о них? О трех спутниках, всего за сутки успевших стать друзьями? О могучем зеленокожем дикаре по имени Гром-Шог Рваная Морда, который последовал за человеком, пытавшимся спасти брата, и пожертвовал собой, сражаясь с демоном? О том, как точно он мог предугадывать погоду и как ловко управлялся с лошадьми? О том, как гордился своим каменным топором, хотя и старался этого не показывать?

Они похоронили всех ранним утром, еще до рассвета, лишь только прекратился дождь. Брат Мавиус убедил Харлана, Вольфганга и Скалогрыза в том, что лучше всего будет предать тела погибших очищающему жару того, что он называл «кровью цитадели».

— Мы так погребали своих братьев, — объяснил он. — Кислотный раствор не оставляет даже пепла, полностью поглощая и плоть, и кости. Любая скверна, как бы хорошо

она не пряталась, будет уничтожена. А твой друг вместе с остальными разделится на мельчайшие частицы, станет частью кровеносной системы цитадели, вечным стражем знаний, хранимых здесь.

На том и порешили.

Стоя посреди двора, позволяя ветру трепать отросшие за месяц волосы, Вольфганг не мог отвести взгляда от стальной решетки, что медленно, с тяжелым скрипом опускалась в бассейн. Клубы зеленоватого пара, поднимающиеся навстречу, скрывали от глаз лежащие на ней тела. Джонас. Майра. Усатый солдат, чьего имени они не успели узнать — это он, как выяснилось, погиб первым ночью в галерее, захваченный врасплох одержимым алхимиком. Храбрый Наргрох. Невезучий Даг-Стаг. Гром-Шог.

На грудь орку рыцарь хотел положить каменный топор, с которым тот принял последний бой, но Скалогрызу удалось его отговорить.

— Он бы не позволил пропасть хорошему оружию, — сказал гном, яростно моргая. — Зеленокожие вообще не хоронят павших, а все их снаряжение делят между уцелевшими. Рва... Гром-Шог оставил свою заостренную каменюку нам. Я готов ее таскать.

— Почему он не отступил на лестницу? — задумчиво спросил Вольфганг. — Ты знал его намного дольше, так скажи — почему он не отступил, когда я позвал? Прикрывал нас?

— Может быть. — Роргар пожал плечами, утер бородой глаза. — Но, скорее всего, просто осатанел из-за смерти сородичей. Вроде бы они вечером порешили дальше вместе идти.

— Так и случилось, — пробормотал рыцарь. — Теперь они идут вместе.

— Что? — Скалогрыз повернулся к нему правым ухом, которое, как он считал, слышало лучше.

— Ничего, — отмахнулся Вольфганг. — Ерунда.

Решетка опускалась. Небытие забирало очередные жертвы. Оно получило достаточно в последние недели, полные огня и крови, но до сих пор не могло насытиться. Оно всегда голодно. Даже если сбудется мечта Харлана, и жизнь однажды вернется в прежнее русло, уцелевшие

продолжат кормить бездну смертями. Так уж повелось с начала времен.

Пронзительно проскользив по матовым бокам многочисленных труб, решетка наконец погрузилась в черно-зеленую, пузырящуюся поверхность раствора. Пар перестал подниматься, а потом взметнулся вверх с новой силой. Вольфганг отвернулся. Прямо на него со стены смотрела каменная горгулья, изображавшая василиска в слепой железной маске с тремя рогами — старый символ алхимиков. Такие василиски висели во всех простенках между арками крытой галереи, огибавшей двор. Каждый из них сжимал в когтистых лапах хрустальный шар фонаря, наполненный синим огнем. Горгульи не боялись смерти и забвения. Рыцарь вдруг подумал, что если бы можно было содрать с изваяний рогатые маски, то под ними обнаружили бы змеиные презрительные ухмылки. Статуи давно вымерших, а может, и никогда не существовавших драконов насмеялись над ним, над остальными людьми, их судьбами, стремлениями, надеждами. Образ проявился в его сознании настолько живо и ярко, что Вольфганга передернуло от отвращения.

И вот теперь он поднимался в библиотеку, с трудом поспевая за братом Мавиусом, который, несмотря на солидный возраст, преодолевал ступеньку за ступенькой с удивительной легкостью. Сквозь щели бойниц можно было рассмотреть белое небо, серые изломы скал, а иногда — двор цитадели далеко внизу. Библиотека располагалась в широкой круглой башне, стоявшей на самой вершине утеса, и добраться туда оказалось нелегко. Задачу усложнял заплечный мешок с книгами, после второй сотни ступеней внезапно ставший необъяснимо тяжелым.

Одолев очередной виток лестницы, Вольфганг вышел на крохотную площадку, где его уже ждал Мавиус, прислонившись к широкой двери из потемневшего дерева.

— Сила в ногах еще осталась? — спросил алхимик.

— Хватает, — соврал рыцарь, стараясь дышать как можно ровнее. — Бегать готов.

— Бегать не надо. А вот удерживать равновесие придется. Вниз лучше не смотрите, так будет легче.

— Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа Мавиус снял засов и открыл дверь. Внутри ворвался ветер, холодный, сырой, последнее напоминание о прошедшей буре. Сначала Вольфгангу не удалось рассмотреть снаружи ничего, кроме неба. Потом он увидел мост — полосу камня не шире трех локтей, лишенную перил. До противоположного края было никак не меньше двух десятков шагов.

— Прошу за мной, — алхимик вышел на мост. — Повторяю, вниз не смотрите.

Разумеется, это оказалось невыполнимо. Сделав всего пару шагов, Вольфганг сдался и опустил глаза. На расстоянии нескольких сотен локтей под ним была крепость. Отсюда ее двор выглядел игрушечным — его можно было полностью закрыть ладонью. Узенькие стены, миниатюрные башни, зеленый круг бассейна в центре. Если сорваться и падать вниз, то, пожалуй, успеешь, не спеша, проговорить вслух всю клятву Ордена.

И в этот самый момент где-то в глубине груди вдруг возникла тупая, тяжелая, непривычная, но уже знакомая боль. Будто что-то важное исчезло из его тела, просто растворилось, оставив после себя незаполненное пространство. Рихард. Ушедшие Боги, что-то случилось с его братом. Он вспомнил хриплые, окровавленные слова, которые передал ему перед смертью Гром-Шог, и сжал зубы — изо всех сил, до скрипа, — чтобы не закричать. Пустота распахиwała объятия, звала, обещала избавление от всех мук, страхов, обреченности. Предчувствие пустоты, ощущение ее близости наполняли голову легкостью, как при кровотечении. Подумалось даже, что вот он, единственно верный, единственно возможный выход — туда, вниз, сквозь долгий полет, в темноту, поглотившую шесть душ прошедшей ночью.

— Господин рыцарь, — крикнул алхимик, уже добравшийся до двери на другом конце моста. — Не стоит медлить.

Вольфганг с огромным трудом заставил себя поднять взгляд. Воздух, застрявший где-то в горле, наконец-то освободился. Он кое-как доковылял до двери, ввалился в башню, перевел дух.

— Зачем это? — спросил он, мотнув головой назад. — Кому пришло в голову строить подобное?

— Зря наговариваете на старых мастеров, — улыбнулся Мавиус. — Это единственный путь в библиотеку нашей цитадели. Библиотека — сердце обители, хранилище всей мудрости Братства. У нас нет ничего ценнее книг, вы и сами это понимаете, раз принесли нам сохранившиеся летописи Ордена. Благодаря этому мосту ни один враг не сможет добраться до них. За более чем тысячу лет в хранилище ни разу не ступала нога недоброжелателя, грабителя или мародера.

Алхимик повел рыцаря по коридору, продолжая рассказывать:

— Сама крепость считается неприступной, но это не совсем так. Стены могут остановить мечи и топоры, могут отразить разрушительные боевые заклятия, но они не в силах бороться с соблазном, который находит путь даже в самые стойкие сердца. На заре истории Братства несколько раз случалось так, что его члены нарушали клятвы, предавали своих братьев, открывали ворота войскам неприятеля. Там, внизу, это означало бойню и резню. Мы никогда не отличались особыми боевыми умениями. Но этот мост всегда останавливал захватчиков. Ни один из них не прошел его до конца.

— А разве не бывает так, что в мирное время отсюда падают и разбиваются? — спросил Вольфганг, просто, чтобы хоть как-то поддержать разговор, мысли его сейчас находились далеко.

— Последний случай имел место на моей памяти, — ответил Мавиус. — Лет тридцать назад. Несколько братьев коротали вечер в богословских спорах, и один из них, уже порядком набравшись, решил отправиться на поиски новых аргументов. Утром его нашли во дворе... мягко говоря, в нескольких местах сразу. С тех самых пор и до последних событий у выхода на мост постоянно несли дежурство.

Они прошли под изящной, витиевато украшенной аркой, попали на небольшой балкончик, огороженный узорчатыми коваными перилами.

Вольфганг никогда раньше не видел ничего подобного. Вся башня изнутри представляла собой грандиозный колодец, стены которого были сплошь покрыты книжными шкафами. Вдоль этих шкафов зигзагами ползли лестницы — вверх и вниз, на расстоянии нескольких локтей друг

от друга, так, чтобы любая книга находилась в пределах досягаемости. Свет давали все те же алхимические фонари, полные сине-зеленого огня, закрепленные на краях полок.

— Здесь собрано почти все написанное в нашей части мира за прошедшие полторы тысячи лет, — не скрывая своей гордости, сказал Мавиус. — Еще шесть недель назад в библиотеке работало два десятка смотрителей. Теперь я остался один, и, как ни горько это осознавать, но мне не под силу делать все необходимое. Уже сейчас нижние ярусы постепенно зарастают пылью.

— Но книги останутся, — ответил Вольфганг. — Это главное.

— Главное — не книги, — покачал головой старый алхимик. — А те, кто их читает. Я не боюсь за сохранность сокровищ, лежащих здесь. Но боюсь, что больше никто и никогда не прочтет их, боюсь, что я — последний человек, взбирающийся по этим лестницам. Веками мы накапливали мудрость, но теперь нет никого, кто нуждался бы в ней.

— Ты не прав, — ответил Вольфганг, скидывая с плеча мешок. — Ваша мудрость еще пригодится. Например, мне сейчас нужно узнать об эльфийских монастырях, и я хотел бы попросить у тебя книгу о них, если таковая имеется.

— Разумеется, — кивнул Мавиус. — Найдем.

Рыцарь начал по одному вытаскивать из мешка тома летописей Ордена Паладинов. Алхимик брал их, каждый внимательно рассматривал, перелистывал несколько страниц и складывал в небольшую нишу в стене.

— Это наша история, — сказал Вольфганг, достав последний, восьмой том. — Вернее, все, что от нее осталось. Остальное сгорело. Если когда-нибудь, пусть даже через сто или двести лет, хоть один человек прочтет их, узнает о моих предшественниках и братьях, узнает, как они жили и ради чего умирали, если это произойдет, то я буду знать, что родился не напрасно.

— Будем надеяться, господин рыцарь. — Мавиус взял стопку книг и ступил на лестницу, ведущую вниз вдоль южной стены библиотеки. — Следуйте за мной.

Они спускались мимо бесконечных рядов корешков. Вольфганг успел прочесть некоторые из заголовков: «Семь Великих Элементов», «Секреты Перегонного Искусства»,

«Созвездия и Их Влияние на Свойства Веществ», «Книга Имен Мертвых», «Сера как Основа Философского Камня». Иногда на корешках вместо букв были изображены странные, незнакомые значки — наверняка особые алхимические символы. Иногда слова читались без труда, но смысл их оставался непонятен.

Потом они, видимо, достигли исторической секции, потому что тип названий поменялся: «Голоса Семи Озер», «Хроники Фархейма», «Жизнь и Деяния Хадрика Железноглазого», «Гибель Карраз-Гула», «Следы Серого Алвинда», «Учение и Судьба Погонщиков Теней». Последняя привлекла его внимание. Черно-красная фигура на границе темноты. Видение, предвещающее беду.

— Постой-ка, — сказал он. — А вот эту можно взять?

— Само собой, — ответил алхимик. — Берите любые, какие пожелаете.

— Спасибо. — Вольфганг бережно вытащил книгу из тесного ряда. На обложке в обрамлении аккуратного, но не слишком изобретательного орнамента был изображен герб Орде... нет, это нечто иное. Герб выглядел искаженным, изуродованным, и от одного его вида сердце рыцаря пронзила боль. Наверняка Погонщики Теней намеренно надругались над священным для каждого Паладина символом. Он едва удержался от того, чтобы выкинуть книгу вниз, в темноту, скрывающую дно этого невообразимого помещения.

— Кстати, — начал он, чтобы отвлечься, — если ты ищешь помощника, то я могу посоветовать кое-кого.

— Да? И кого же?

— В дне пути отсюда, в лесу стоит старый форт.

— Знаю. Форт Гронхайма. Довольно живописные руины.

— Сейчас там живет человек... э... Сигмунд Синеус, кажется.

При упоминании имени старого сказочника плечи идущего впереди алхимика заметно вздрогнули.

— Ты знаешь его?

— Нет... в некотором роде... он имел кое-какие дела с нашей Цитаделью.

— Секрет?

— Пожалуй, да.

— Ясно. Тогда ладно, забудь, что я сказал.

— Нет-нет, это очень интересно и важно. Пожалуй, важнее любых других событий, происходящих сейчас на наших землях. Старый врун вернулся. Это прекрасная новость, господин рыцарь, я благодарю вас за нее.

— Было бы за что.

— Поверьте... а, вот и интересующая вас книга! Вон, на полке, рядом с фонарем. «Тайные Обитатели Стихий: Изыскания по Истории Эльфийских Волшебниц». Крайне скудна в плане полезной информации, но зато полна самых разнообразных домыслов и выдумок. К сожалению, ничего более предложить не могу — эльфы никогда не подпускали людей к своим монастырям. Тем более, полагаю, вас в первую очередь интересует их месторасположение, а здесь единственное, что достойно внимания, так это как раз хорошие, подробные карты.

— Спасибо! — Вольфганг снял с полки внушительной толщины фолиант. Тисненая золотом обложка была снабжена многочисленными застешками. Весила книга порядочно — такой с размаху по голове попадешь, череп проломишь. Хорошо, что они успели обзавестись лошадьми.

— Вы наверняка поедете по тракту до Червивого Камня, — продолжал Мавиус. — А потом свернете строго на юг, к горам, так?

— Да. — Рыцарь уже успел обговорить дальнейший маршрут с Харланом, знавшим эту местность как свои пять пальцев. — Через Карраз-Гул.

— Хорошо. На пути вам попадется Девятая Цитадель нашего Братства. Хранителем Подвалов там трудился брат Лариус, мой хороший друг. Не представляю, жив он или нет. Даже весточки не послать: всех наших почтовых голубей сожрал настоятель в припадке бешенства. И потому прошу — если вдруг будет возможность, загляните туда. Вдруг он уцелел... да и почему только он... вообще, если есть выжившие — пусть знают, что здесь их всегда ждут.

— Обещаю. Если представится возможность.

— Конечно. Только при возможности. Кстати, в Девятой цитадели раньше занимались серьезными исследованиями на тему помешательства. Уж не представляю, во что их исследования вылились, когда весь этот ужас начался... ладно, мы на месте.

Они стояли перед секцией, посвященной истории борьбы людских королевств с орками: «Зеленокожая Угроза», «Степные Демоны и Их Обычаи», «Дневники и Письма Лорда Воллмонда в трех Томах». Брат Мавиус принялся расставлять привезенные Вольфгангом книги на полках. Рыцарь прислонился к корешкам лбом, поглаживал их пальцами. Его предки, предшественники, великие герои, которыми он восхищался в детстве, его братья и учителя — все они оставались только здесь. Остальной мир уже позабыл о них, как позабыл Гром-Шога и Майру. Столетия подвигов, самоотверженной борьбы за жизнь целых народов пошли прахом. Нет резона помнить прошлое, когда будущее исчезло, растворилось в пламени пожаров и ярости.

У него, по крайней мере, оставалась одна цель — найти брата. Вновь увидеть Рихарда. У остальных, растерявших всех друзей и родных, не было и этого. Небытие торжествовало.

— Ну вот и все, — алхимик отряхнул руки. — Сделано. Пойдемте назад?

* * *

Быстро собравшись в дорогу, путешественники двинулись в путь. Скалогрыз попробовал уговорить Вольфганга подождать до следующего утра, дать отдых нервам и лошадям, но рыцарь не собирался его слушать.

— Я не тяну тебя за собой, мастер гном, — сказал он. — Если хочешь, оставайся здесь, в цитадели. Тут кругом камень и механизмы, твоя стихия. Ты ничего мне не должен, и я не жду, что отправишься со мной дальше. Тебе нет нужды рисковать жизнью.

— Чего? — спросил Скалогрыз, лукаво прищурившись. — Не расслышал...

— Ты же понимаешь, что тварь, явившаяся сюда ночью, приходила ко мне?

— Понимаю. Ну а ты, храбрый рыцарь, понимаешь, что эта хрень убила единственного, кому я мог доверять? А в наши времена нечего и думать уцелеть в одиночку, особенно если ты — коротышка с ушами, забитыми сталактитами.

Да я не услышу, если ко мне будут подкрадываться десять пьяных медведей!

— В цитадели нет медведей, — улыбнулся Вольфганг.

— В цитадели мне нечего делать! — упрямо набычился гном. — От этих рогатых чудиков на стенах мурашки бегут. Да и не останусь я тут после того, что случилось.

— Я не буду тебе нянькой, учти.

— Учту. Пока в собственной бороде не путаюсь, дробить-колотить! Может, еще спасибо скажешь моей аркебузе.

— Может, и скажу. — Рыцарь протянул ему руку. — Будем друг другу доверять, мастер гном?

— Придется. — Скалогрыз крепко пожал ее. — Больше никому.

Харлан тоже присоединился к ним. Торговец решил отправиться к северо-восточным отрогам Арганайского хребта, во владения эльфов, а значит, ему было по пути с Вольфгангом и Роргаром. По его словам, проклятие меньше всего затронуло горные города и монастыри Старшего Народа, а значит, имело смысл искать в тех краях и других выживших. Вольфгангу подобные рассуждения казались сомнительными, но возражать не стал: Харлан нравился ему, да и в любом случае еще одна пара рук никогда не бывает лишней.

Они взяли четырех лошадей. Гном наотрез отказался ехать самостоятельно и занял прежнее место за спиной рыцаря. Две выючных кобылы были нагружены основательно, но без излишеств — Мавиус собрал в дорогу приличные запасы провизии из кладовых цитадели, на много дней обеспечив путников вяленным мясом, сушеной рыбой и фруктами. На прощание старый алхимик сказал:

— Все мы этой ночью стали свидетелями ужасных событий. Однако зло отступило, пусть и не окончательно побежденное, но напуганное. Значит, мы пока еще в состоянии справляться с тьмой. Значит, мы имеем право на надежду.

Вольфганг кивнул, хотя прекрасно знал, что зло вовсе не отступило. Оно просто выполнило то, зачем пришло, и удалилось, не желая тратить время. Мало ли какие дела могли быть у зла? Скалогрыз тоже промолчал, решив не лишать

радушного хозяина приятных иллюзий. В конце концов, надежда способна творить чудеса.

Они покинули цитадель алхимиков и направились по тракту дальше на юго-запад. Высокая тощая фигура брата Мавиуса еще долго была видна на вершине надвратной башни.

Впрочем, оборачивался один лишь гном. Харлан, прикрыв глаза, насвистывал нехитрый мотивчик, а Вольфганг ехал, нахмурившись, погруженный глубоко в невеселые мысли. Он снова и снова анализировал свои ощущения, пытаясь все-таки понять, что же случилось с Рихардом. Брат не умер — в этом он не сомневался. Нить, связывающая их, не порвалась, не исчезла. Только на другой стороне за эту нить испуганно и тревожно дергали, словно звоня в набатный колокол. Что-то происходило с Рихардом, что-то важное, опасное, от чего зависело очень и очень многое, вся их дальнейшая судьба.

Но увидеть и понять ему было не дано: слишком далеко они находились друг от друга. Оставалось лишь надеяться, что демон не успеет выполнить свою угрозу, что три колдуньи смогут остановить его.

— Эй! — нарушил молчание Скалогрыз, и Вольфганг вздрогнул от неожиданности. — Так и не признаешься мне, что сказал Гром-Шог перед смертью?

— Ты же был там, — буркнул рыцарь. — Все слышал сам.

— И половины не разобрал. Я ж туговат на ухо, а он еле шептал.

— Не сейчас, хорошо?

— Почему?

— Просто не сейчас. Мне нужно обдумать сперва.

— Как знаешь.

Трое путников продвигались все дальше на юго-запад, и камень вокруг постепенно сменялся серой безжизненной землей, оживить которую не смог даже прошедший ночью ливень. Вместо сосновых лесов теперь тянулись чахлые дубовые посадки, а в лицо все чаще дул сухой ветер Карраз-Гула, великой пустоши, что простиралась на многие сотни миль до противоположного края света.

Через три часа они достигли деревянного форта, той самой заставы, о которой вчера рассказывал усатый солдат. Здесь было тихо, пустынно, но спокойствием и не пахло — так же, как в Трех Соснах, повсюду чувствовалась угроза.

На колокольные бревенчатой часовни Ушедших Богов вместо колокола болтался труп, исклеванный воронами. Покинув это выморочное место, все трое вздохнули с облегчением.

Молчание нависало над ними подобно утрюмому грозовому облаку: время от времени Харлан пытался завязать разговор, но все его попытки натыкались на односложные, мрачные ответы Вольфганга или на глухоту Скалогрыза. Да и сам путь их мало способствовал оживленным беседам: слишком часто попадались страшные свидетельства чумы безумия, охватившей мироздание.

Сожженные, разграбленные хутора, всепроникающий запах тления, искромсанные, обглоданные тела на обочинах, топоры и вилы, застрявшие в бревнах частоколов или ворот. Скотина, кучами гниющая в запертых хлевах, стаи голодных собак, неотрывно следующие за проезжающими. Пару раз Скалогрызу даже пришлось пальнуть из аркебузы в особо наглых или обозленных псов. Выстрелы ненадолго распугивали свору и поднимали в воздух полчища стервятников, наполнявших небо пронзительными гневными криками.

Смотреть по сторонам не хотелось, но постоянное ощущение опасности заставляло быть начеку. И вот, в очередной раз пристально оглядывая обочины, Вольфганг вдруг заметил в высокой серой траве ярко-оранжевое пятно.

— Что такое? — тревожно спросил гном, когда рыцарь остановил лошадь, но тот не ответил. Спешившись, он направился к предмету цвета спелого апельсина, мысленно умоляя всех богов помиловать его и дать ошибиться. Но боги давно покинули мир и больше не слышали молитв.

Оранжево-желтая эльфийка, Сестра Огня по имени Илсара-Искрящийся-Вихрь, та самая, что велела ему остерегаться Ледяных Ведьм, лежала на обочине, глядя в небо невидящими глазами, в которых уже никто не смог бы найти ни презрения, ни любопытства, ни древней внутренней мощи — только пустоту. Небытие.

— Гидравлическая сила, — ошеломленно пробормотал Скалогрыз, встав рядом. Каким-то чудом ему удалось самостоятельно и успешно спуститься с лошади.

— Ага, — процедил сквозь зубы Вольфганг. — Она самая.

Он присел рядом с трупом, коснулся пальцами гладкой, матовой щеки.

— Холодная уже. Давно лежит.

— А почему собаки или волки не полакомились?

— Откуда мне знать! Может, они длинноухих не едят.

— Странно...

Гном прищурился, указал на круглое черное отверстие в кирасе колдуньи:

— Что это?

— Рана, похоже.

— Понятное дело, не царапина. От чего она? На стрелу или меч не похоже. Для копья тоже слишком уж аккуратно. Возможно, пуля. Хотя...

Гном опустил на колени, пристально осмотрел землю под мертвой эльфийкой, потом нагнулся над отверстием в кирасе и осторожно опустил в него палец. Вольфганг поморщился, недоуменно взглянул на Скалогрыза. Тот вынул палец, сунул его под нос рыцарю:

— Вода. С ней расправились каким-то ледяным колдовством. Пронзили сосулькой. А потом сосулька растаяла. Потому тело и холодное. Лежит она здесь, скорее всего, недавно совсем — ни одна ворона не успела сесть. Смотри, какие глаза аппетитные.

— Значит, мы их почти догнали! — воскликнул Вольфганг.

— Если и отстаем, то всего ничего, — подтвердил Роргар. — На час, может, на полтора.

Фразу он договаривал уже в пустоту — рыцарь во всю прыть неся к лошадям.

— Я сожру душу твоего брата, — ночью сказал ему демон окровавленными губами Гром-Шога. — Я выпью его святость, его веру, его любовь, его память. И ты не остановишь меня, ибо я знаю, где он, а ты способен только догадываться. Повесели меня, маленький человечек!

— Сейчас повеселю, — прохрипел Вольфганг, забираясь на лошадь и доставая меч. — Сейчас мы с тобой посмеемся, тварь!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МОЛОТ





ГЛАВА I

РОГА

Рассвет побеждал медленно, словно нехотя. Тьма бледнела, растворялась в ползущих по дну оврага клочьях тумана, уступала тому изменчивому серому состоянию между ночью и днем, между сном и явью, в котором нет места ни свету, ни мраку. В эти короткие мгновения на земле царствуют тени. Они опутывают мир изысканным орнаментом, размывают границы реальности, наделяют ее несуществующими смыслами и образами. В бесцветном пространстве не действуют привычные законы и невозможно предсказать, что произойдет в следующее мгновение. Но те, кто умеет сплести из теней тайные тропы, хорошо знакомы с их непостоянством и готовы к любым неожиданностям. Даже к тому, что все пройдет, как запланировано.

Аргрим сошел с тропы в нужном месте. Пробуждающийся от ночного сна лес окружил его, наполнил уши гомоном птиц и шелестом листвы. Местные дубы, произрастающие на бедных, сухих почвах, не походили на своих северных собратьев, не могли сравниться с ними ни размерами, ни здоровьем — их чахлые кроны пропускали слишком много света. Колдун зажмурился, хотя небо на востоке едва начало разгораться алым. Моргая, он обернулся: сумрак, сгустившийся между деревьев, выпускал все новых воинов — смутные, почти неразличимые фигуры, далекие отголоски людей, одна за другой обретали форму. Его верные, неутомимые и бесстрашные слуги.

Пальцы потянулись к вискам, нащупали твердые костяные острия. Появление рогов не беспокоило его — он воспринимал их как своеобразный дар новых богов, Сказанных во Тьме, — но привыкнуть оказалось непросто.

сто. У большинства других теперь росли такие же: не больше, чем в полпальца длиной, конусообразные, с широким основанием. Ни у одного животного он подобных рогов не видел. Слишком короткие, не способные служить нормальным оружием — просто украшение, символ. Так прошедшие хозяева отметили свое стадо.

Когда последний, двенадцатый, боец возник из пустоты, отряд начал спускаться в овраг. Ни одного слова, ни одного лишнего звука или движения. Воины теней не нуждаются в приказах и командах — каждый из них прекрасно знает, что следует делать. Вышколенные убийцы, воплощения самой Химеры, неуловимые и непостижимые, словно рваные облака, ползущие по ночному небу. Каждый из них стоил полусотни обычных солдат, а в составе отряда эффективность многократно увеличивалась. Можно сказать, сейчас он вел за собой небольшую, но весьма внушительную армию.

Солнце показалось над горизонтом, первые лучи его пронизали лес, разогнали остатки темноты, наполнили серебром капли росы на листьях и траве. Он поморщился от рези в глазах. Ничего, совсем скоро, когда они с мертвым магистром добьются своей цели и заполучат в союзники Химеру, безликую дочь Хаоса, она погасит ненавистное светило. Наступит вечная ночь, и Сказанные-во-Тьме явят свою истинную мощь, великое могущество Бездны. Все их враги будут уничтожены, втоптаны в пыль, а союзники возвысятся. Это были не пустые обещания, он прекрасно знал, как темные боги умеют вознаграждать за преданность и верную службу — силой, властью, невероятно долгой жизнью.

Отряд вышел к Тракту. Здесь им предстояло некоторое время ждать. Древние, полные неизбывной злобы умы, планировавшие этот рейд, ничего не упустили, точно предугадав, когда и где отряду следует оказаться, чтобы перехватить эльфийскую повозку с бесценным грузом. Сказанные-во-Тьме видели и знали очень многое, укрыться от их вездесущих взглядов было невозможно — ни простому смертному, ни тому, кто хранил в себе страшные тайны, способные разрушить все достигнутые успехи.

Дюжина разделилась пополам: убийцы бесшумно растворились в тенях подлеска, по шестеро с каждой сторо-

ны дороги. Ни одна ветка не качнулась, ни одна травинка не сломалась — ничто не выдавало их присутствия. Вожак прятаться не спешил. Опустившись на колени, он прижал ухо к земле и сразу же услышал то, что ожидал: стук копыт. Далекий, но вполне различимый. Восемь быстрых подкованных ног.

* * *

Рихард знал о боли. Она надсадно гудела где-то на самом краю бытия, копошилась сонмом могильных червей на дне сознания. Ему было не до нее — слишком уж темно вокруг. Он пытался найти хоть какую-нибудь тропу, но со всех сторон натыкался на холодные каменные стены. Казалось, их чересчур много. Стены, стены, стены повсюду — они сжимались, стремясь смять, раздавить его, успокоить, заставить лежать тихо и неподвижно, как и полагается мертвецу. Дикий, болезненный ужас взорвался в солнечном сплетении и заполнил каждую клеточку его тела, сковывая мышцы и мысли. Снова. Снова все повторяется сначала. На этот раз ему точно не выбраться. Рихард закричал, и звук его крика, запертый в тесном пространстве подземелья, больно врезался в уши. В голове гудело, воздуха не хватало, темнота давила со всех сторон, пытаясь раздавить, уничтожить, стереть в порошок, превратить в то, чем он должен быть, раз уж оказался здесь.

Борись, рыцарь. Не отступай.

Нахлынувшее было оцепенение с жалобным звоном разлетелось, освободив его. Он ударил в стену кулаками. Под одним из них она подалась, влажно треснула, оказавшись собранной из сосновых досок. Воздуха не хватало. Там, за этими досками, была земля — сухая и невероятно тяжелая земля, которая ни за что не выпустит еще живое, теплое тело, что ей совсем недавно подарили, пусть и по ошибке.

Не позволяй ей победить.

Нет, во имя Алвинда, он и не собирался. Он еще поборется. С протяжным звериным ревом, забравшим остатки пригодного для дыхания воздуха из окружающего пространства, изогнувшись на зависть любым цирковым акро-

батам, Рихард всем корпусом ударил в стену, доски с хрустом проломились, ушли вглубь, отделившись друг от друга. В щели посыпалась сухая земля. Она набивалась рыцарю в рот и нос, но он еще ударил в доски — на этот раз головой. Земля хлынула на него тяжелой струей. С ней пришло немного воздуха, но она придавила Рихарда, практически лишив его возможности двигаться. Силы быстро оставляли его. Нет, старушка Смерть так просто не выпустит тебя из своих страстных объятий, дружок.

Ты почти выбрался!

Сознание его уже гасло, когда...

«Ее можно одолеть...»

Снова этот странный голос — низкий, гортанный, утробный. Голос, который мог бы принадлежать огромному зубру, если б тот выучился разговаривать по-человечески. Ему уже доводилось слышать его раньше, но вот когда и где, он сейчас не мог вспомнить.

«Я жду тебя наверху».

Рихард резко выдохнул. Земля, что забила его ноздри, вылетела наружу, открывая воздуху доступ в легкие. Он рванулся вверх. Тьма пока еще не планировала расставаться с ним. Она облепила его щеки и лоб, лезла в рот, нос, глаза. Рихард протиснулся между досок в пробитую им дыру и начал карабкаться вверх — медленно, очень медленно, но продвигался он к тусклому, холодному свету. Земля давила на него, ее некуда было девать, и тогда он стал есть ее, сначала понемногу, потом все больше и больше, судорожно глотая, давясь, разрывая рот; земля набивалась под веки, под кожу, но расступалась, пропуская Рихарда — палец за пальцем, неохотно, но верно. Он протолкнул руку вверх, чувствуя, как лопается и сползает с ладони кожа. Но кожа не интересовала его. Его ничто не интересовало, кроме воздуха, одного только глотка чистого воздуха.

Когда окровавленные, изувеченные пальцы Рихарда преодолели последний слой земли и оказались над поверхностью могилы, он уже не сомневался, что мертв.

Потом он увидел небо — ничуть не похожее на то, что забрало его после встречи с тремя стрелами — тяжелое, полное рельефных, налитых алым светом туч. В них ворочалось, вспыхивая белым, что-то массивное, но бестелес-

ное. Тучи питал дым, поднимавшийся к ним тремя ровными серыми столбами.

Рихард выполз из ямы, повалился на гладкие, плотно утрамбованные камни. Он дышал, дышал часто и глубоко, наслаждаясь влажным, солоноватым ветром. Внизу мерно шумел прибой, и сквозь его монотонный гул пробивался далекий ритмичный рок-т, похожий то ли на биение некоего гигантского сердца, то ли на примитивную дикарскую музыку.

— Добрался! — сказал рядом голос, тот самый, хриплый, гортанный. Голос большого зверя.

Рыцарь медленно повернул голову. Глаза слезились и болели, взгляд тонул в льющихся слезах, поэтому ему потребовалось не меньше минуты, чтобы понять, кого он видит перед собой. Над ним стоял орк. Широченные, но чуть сутуловатые плечи, мускулистая грудь, сильно выдающаяся вперед нижняя челюсть, по-кабани торчащие наружу нижние клыки и грубая кожа цвета начинающей увядать травы — Рихарду никогда раньше не приходилось встречаться с орками, но перепутать он бы не смог.

— Похож, — варвар широко усмехнулся, отчего его морда приняла еще более устрашающее выражение. Из-за уродливого шрама, стянувшего левую щеку, улыбался он безобразно. — Не отличить, клянусь Заром!

— Ты... кто? — Рихард попытался приподняться на локтях, но в искромсанных, измученных руках не оставалось сил, и он опрокинулся на спину, ощутило ударившись затылком.

— Не бойсь, — ощерился орк. — Здесь поздно... бояться.

Он протянул ему ладонь — широкую, словно лопата. Поколебавшись несколько секунд, Рихард ухватился за нее и был поднят на ноги одним быстрым, но плавным движением. А вот тогда у него снова перехватило дух.

Они стояли на плоской вершине утеса, с трех сторон обрывающегося в море. Не меньше чем в сотне локтей внизу волны злобно накатывались на черные камни. По краям за безжизненную почву цеплялись незнакомые Рихарду экзотические кусты и кривые пальмы с широкими зазубренными листьями. Прямо перед ним, в центре относительно ровной площадки торчали три деревянных идола — высо-

кие четырехугольные чурбаны, покрытые грубой, пестро размализованной резьбой. Каждый из них венчало изображение мрачной обезьяньей морды, украшенное связками побелевших от времени черепов. В безыскусно вырезанных лапах идола сжимали широкие круглые чаши, источавшие тот самый серый дым, который, несмотря на ветер, тянулся к тучам почти идеально ровными столбами. Именно между истуканами и находилась черная сырая яма, с таким трудом выпустившая рыцаря.

Со всех сторон утес окружал туман. В нем угадывались острые грани скал и темные силуэты статуй, поднимающихся из воды. Но Рихарду было не до них, он не мог оторвать взгляда от огромной горы, что возвышалась впереди, за обрывом, с другой стороны широкой пропасти, на дне которой бурлили беспрерывно сталкивающиеся волны. Вся гора представляла собой гигантское изваяние обезьяньей головы. Циклопические черты каменной морды, несмотря на всю свою гротескность, хранили в себе ощущение жизни, на мгновение замершего движения. Неведомым скульпторам или причудливой игре природы удалось создать удивительно достоверный, хотя и уродливый, портрет. Свирепо вытаращенные глаза и широко распахнутую пасть — три невероятных размеров пещеры — наполняли оранжевые отсветы пламени, горящего где-то в глубинах горы. Оттуда же доносился и ритмичный рокот барабанов — теперь Рихард был в этом уверен.

— Священное место, — сказал рядом орк. — Врата Зара.

Рыцарь повернулся к нему, некоторое время изучал скуластое зеленое лицо, спросил:

— Как я здесь оказался?

— Просто, — ответил орк. — Умер.

— Все-таки умер?

Рихард не почувствовал ни страха, ни удивления. Он помнил нож, брошенный в бандита, помнил стрелы, пронзающие тело, помнил сковывающую движения темноту в подземелье, свою уверенность в собственной смерти. Здесь, на туманном утесе, под взглядом каменного бога, такие вещи не имели значения.

— Не насовсем, — продолжал орк. — Те, кто приходит навсегда, приходят легко. Ты страдал. Пока твое место не здесь.

— Я вернусь назад?

— Да. Когда услышишь все, что должно быть сказано.

— Не понимаю.

— Поймешь. За Вратами ждут те, кто сможет объяснить.

— Но если я уже мертв, то как же смогу ожить вновь?

— Этому тебя и будут учить. Когда-то вы, люди, умели возвращать других с Темных Троп. Лекари из твоего Ордена умели лучше остальных. Потом секретом завладело зло, изменило его, превратило в свой инструмент. Вам пришлось отказаться от древнего знания, но теперь оно снова нужно миру.

Рихард глубоко вдохнул сырой воздух. По спине пробежали мурашки. Это не могло быть ни сном, ни бредом. Он чувствовал скользкий камень под ногами, слышал крики чаек, и бесчисленные ссадины, покрывавшие все его тело, вполне ощутимо болели.

— Это место, оно... существует в реальности?

— Да. В джунглях Ру-Аркаха, в сердце родины моего народа. Но для живых это просто скала, они не увидят здесь ни огней, ни моста.

— Какого моста?

Орк указал когтистым пальцем. Над пропастью, между деревьями на краю утеса и нижними клыками каменной пасти тянулся узкий веревочный мост, которого Рихард не заметил прежде, пораженный величием Врат.

— Пошли, нам надо торопиться.

— Почему?

— Слишком многие охотятся за тобой, молодой рыцарь. Если твое тело проткнут копьем, то ты останешься здесь навсегда.

Вблизи доски настила выглядели не слишком надежными — много среди них было подгнивших и даже проломленных, и плотно свитые, заскорузлые канаты в некоторых местах изрядно потерялись. Стоило Рихарду ступить на мост, как внезапно налетевший порыв ветра сильно качнул всю конструкцию, и он вцепился руками в веревки, едва подавив крик.

— Это последнее испытание, — сказал позади зеленокожий варвар. — Каждый погибший орк проходит здесь, и недостойные не добираются до конца. Мост сбрасывает их.

— Но я же не орк! — воскликнул Рихард и, стиснув зубы, сделал следующий шаг.

— Может, не заметит! — прорычал варвар. Он добавил еще что-то, но слова поглотил грохот волны, обрушившейся на скалы в сотне локтей под ними.

Рихард не стал оборачиваться и переспрашивать. Вперед, вперед, движение за движением, не отрываясь от расступившегося внизу провала, не поднимая головы, чтобы не встретить взгляд круглых огненных глаз обезьяньей морды, нависающей над ним, закрывающей собой половину неба, половину мира, половину жизни.

Он шел, и каменные клыки постепенно становились все ближе.

* * *

Аргрим слушал. Теперь, спустя пару часов, ему уже не нужно было прикладывать ухо к земле — усиленные, нечеловечески острые чувства служили исправно. Копыта стучали, поскрипывали колеса, повозка продолжала свой путь. Еще несколько минут, и она попадет прямо к ним в руки. Воины теней, укрывшиеся меж деревьев, уже держали наготове луки и стрелы. Каждый знал свою цель. Бой будет недолгим.

Шум леса вокруг не нес в себе ничего человеческого. Природа, очищенная от скверны цивилизации, не заметила исчезновения самых назойливых и ничтожных своих обитателей. Первый шаг сделан. Вскоре, когда потухнет солнце, она избавится от света — вредного и противоестественного явления, не существующего в пустоте предвечной Бездны. Проклятые отпрыски, неблагодарные дети предали своего отца, оттородились от него и заигрались в богов. Но Хаос должен восторжествовать...

Внезапно Аргрим отвлекся от размышлений. Потребовалась почти секунда, чтобы понять, в чем дело — топот копыт стих. Он больше не слышал его.

Повернувшись к воинам, он знаком велел им оставаться на местах, а сам метнулся в тени, оставив после себя сонм призрачных летучих мышей, тающих на свету. Темная сторона приняла его ласково, словно теплая озерная вода. Бы-

стрым, неуловимым порывом ветра он полетел вдоль тракта, перетекая из тени в тень, играючи преодолевая любые препятствия.

Вот и повозка. Изможденные, взмыленные лошади жадно зарылись мордами в высокую траву на обочине. Крытая телега, высокие борта, покрытые выющимися резными узорами. На козлах сидит Ледяная Ведьма в легких синих доспехах с морозным орнаментом. Еще одна стоит сбоку, и лицо ее перекошено от ненависти. Напротив нее, спиной к Аргриму, застыла Сестра Огня в желтой броне. Она держит свой посох наперевес, словно готовясь отражать удар.

Выбрав место поукромнее, Арgrim выходит на свет, и сразу слышит слова. Древний язык, почти забытый в этих местах. Эльфийский. Но он живет на земле достаточно долго, чтобы помнить его, — и понимает почти все.

— Можешь отправляться в Девять Крыльев сама. Мы не станем тебе мешать.

— Я никуда не пойду без него.

— Тогда сейчас ты умрешь!

— У нас был договор, и...

— Думаешь, нашей Настоятельнице есть дело до всех договоров мира, вместе взятых?! Ей нужен этот варвар, и мы привезем его к ней!

— Вот оно, ледяное вероломство! Клянусь смехом Всевидящей Луны, весь Арганай узнает о вашем предательстве!

— Мы и есть Арганай, горячая мразь! На вершинах гор лежит снег. Но только вы в своем вечном самолюбовании не замечаете этого.

— На вершинах и правда лежит снег, но в глубинах гор течет жидкий жар, гнев которого топит любой лед!

С этими словами Сестра Огня отпрыгнула назад, поднимая посох над головой. По рукам ее, от плеч до пальцев, побежали оранжевые язычки пламени. Они перетекали на посох, карабкались по древку, скапливались на его наверху, сливаясь в стремительно растущий огненный шар. Полтора вдоха спустя этот шар уже сорвался с посоха и ударил в Ледяную Ведьму. Та отпрянула, но огонь не коснулся ее, а отразившись от невидимой, на мгновение сверкнувшей синим преграды, полетел назад, в свою хозяйку.

Сестра Огня посохом отбила шар, тот рассыпался снопом ярких искр.

— Сдохни! — взвизгнула сидящая на козлах ведьма. Она спрыгнула наземь, выхватывая мечи-полумесяцы. Эльфийка в желтых доспехах бросилась на обочину, очевидно, отдавая себе отчет в том, что соотношение сил отнюдь не в ее пользу.

Аргрим понимал: все, что произошло до этого момента, было не боем, а прелюдией к нему. Шар пламени служил пощечиной, вызовом, и ледяные ведьмы вызов приняли.

Сестра Огня раскинула руки, выкрикнула в небо нечто рычаще-звонкое. Воздух вокруг нее сгустился, наполняясь стягиваемой отовсюду энергией. Однако враги не дали ей довести заклинание до конца: просвистел в воздухе один из мечей-полумесяцев, колдунье пришлось уклоняться от него — ей это удалось, и клинок с глухим стуком вонзился в ближайшее дерево. Но вот ледяной снаряд, посланный второй ведьмой сразу вслед за *шакрамом*, цели своей достиг. Его острое ударило Сестру Огня в грудь, пробило тонкую броню. По-лошадиному всхрапнув, эльфийка попыталась отступить, но споткнулась о корень, упала и больше уже не поднималась.

Аргрим довольно кивнул. Одной проблемой меньше. Не теряя времени, он нырнул в тени и поспешил обратно. Нужно было успеть сделать кое-какие перестановки.

Достигнув места засады, Погонщик остановился на середине дороги, сказал в колышущуюся пестроту подлеска:

— Сайл, Фарг, Холлар! Вашей цели больше нет. Берите лошадей.

Не дожидаясь подтверждения или ответа, он занял свое место. Тишина вокруг была как раз такой, чтобы даже самый осторожный путник ничего не заподозрил: птицы пели, листва перешептывалась, потрескивали крохотные веточки под лапками многочисленного ежиного семейства, гуляющего по подлеску в поисках пропитания. Тени — это пустота, и постигнувший их при желании может стать ничем.

Повозка появилась три минуты спустя. Лошади мчались во весь опор, по их отощавшим спинам беспрерывно гулял кнут. Обе эльфийки сидели на козлах: видимо, для того, чтобы вовремя заметить опасность. Но сложно

опередить опасность, которая уже давным-давно заметила тебя.

В зарослях по обе стороны дороги защелкали тетивы тяжелых составных луков. Стрелы с широкими наконечниками врезались в тела лошадей, разрубая мышцы. Испуганное ржание наполнило воздух. Колдуньям достались стрелы с узкими бронебойными наконечниками. Первая же из них насквозь пронзила шею одной из ведьм, и та упала с козел головой вперед, под колеса повозки. В следующий миг завалилась набок левая кобыла, и это спасло вторую ведьму — телега с хрустом и треском перевернулась, а волшебница, избежав встречи с остриями, прокатилась по усыпанной хвоей земле и вскочила на ноги.

Надо отдать ей должное, не промедлив и секунды, она оценила ситуацию и перешла в наступление. Холлар, бросившийся к ней, чтобы добить, напоролся на волну мороза, покрывшую траву и ветви деревьев вокруг инеем. Ведьма шагнула к нему и, с силой размахнувшись, обеими руками ударила по застывшему телу шакрамом. Неудачливый воин сполна расплатился за свою опрометчивость — с жалобным звоном он рассыпался на множество мелких осколков.

Ведьма отбила несколько выпущенных в нее стрел и бросилась к перевернутой повозке — ни при каких обстоятельствах она не собиралась бросать доверенный ей груз. Аргриму даже стало немного жаль отважную воительницу, когда Фарг, пройдя тенью за спину эльфийке, зарубил ее ударом, от которого не могло быть спасения — крест-накрест парными мечами, рассекая позвоночник. Ведьма рухнула лицом в траву, и все закончилось.

Битва продолжалась совсем недолго: колеса перевернувшейся телеги еще продолжали вращаться. Покинув свое укрытие, Аргрим поспешил к фургону, аккуратно обойдя начавшие уже оттаивать останки Холлара, чтобы не испачкать подол сюркота.

Двое воинов, вспоров тент фургона, выволокли наружу завернутое в плащи и одеяла тело. Аргрим склонился над ним, всмотрелся в бледное, осунувшееся лицо. Парень еле дышал, жизнь едва теплилась под его посиневшими веками. Переворота повозки вполне хватило бы, чтобы раздавить ее, но судьба рассудила иначе.

Повинуясь внезапному импульсу, кровожадному звериному инстинкту, Погонщик извлек из складок плаща кинжал. Одно движение, всего одно. Он потянулся острием к белому горлу рыцаря, но в последний момент замер. Рога. У мальчишки на висках красовались рога. Витые, черные, толстые. Кожа вокруг них слегка припухла и покраснела. Аргрим постучал лезвием по левому рогу и поднял взгляд к небу.

Что это значило, во имя Бездны?! Откуда у того, кто представлял собой средоточие всего ненавистного и опостылевшего, был знак темных богов? Или он ошибся, неправильно понял их предсказания? Аргрим по самую рукоять воткнул нож в землю рядом с ухом парня. Пусть будет, как изначально задумано: он отвезет мальчишку мертвому магистру и предоставит тому лично решать, что с ним делать. Правда, неизвестно, переживет ли раненый дорогу.

— Господин? — Фарг наклонился к нему, пряча взгляд.

— Что?

— На дороге всадники, господин. Двое на четырех лошадях... один очень тяжелый. Скачут сюда во весь опор.

— Когда будут?

— Меньше чем через час, господин.

— Ну что ж. — Аргрим выдернул нож из земли и выпрямился во весь рост. — Неспроста. Посмотрим, кто и зачем. Может, узнаем что-нибудь интересное.



ГЛАВА II ЛОВЦЫ МЕТЕОРИТОВ

Вольфганг мчался во весь опор, непрерывно погоняя несчастную лошадь. Скалогрыз, стиснув зубы, вцепился ему в пояс и стойчески молчал, несмотря на то, что от тряски, казалось, вот-вот отвалится борода. Харлан, которому пришлось взять на себя обеих выючных кобыл, непоправимо отставал, его тревожные окрики позади становились все дальше и тише.

Деревья пролетали мимо, сливаясь в сплошную серую стену, ветер бил в лицо, выгонял слезы из уголков глаз. Рыцарь прищурился, пригнулся к холке своего скакуна, сжал в левом кулаке поводья. Где-то впереди, за очередным поворотом размокшей от прошедшего дождя дороги, его ждал брат. Он был уверен, что приближается к Рихарду — с каждым ударом сердца, с каждым всплеском грязи под копытами. Чувство единства, связавшее их при рождении неразрывной невидимой нитью, не могло обманывать: совсем скоро погоня должна закончиться. Он понятия не имел, почему вдруг похитившие брата эльфийки остановились. Возможно, колесо соскочило с оси, или пала лошадь, или путь оказался перекрыт поваленным деревом — это было не важно. Смысл имело лишь то, что Рихарда, тяжело раненного, измученного, полумертвого, больше не увозили от него.

Рукоять меча жгла ладонь, предчувствие надвигающейся битвы наполняло мышцы тягучей тяжестью. Он готов был без жалости и оглядки рубить каждого, кто посмеет вновь встать между ним и братом. А потому, когда дорогу преградила невесть откуда взявшаяся темная фигура с широко раскинутыми руками, рыцарь и не подумал остано-

ливаться — чья-то возможная гибель под копытами коня волновала его сейчас меньше всего. Но сам скакун явно считал иначе: в нескольких шагах от встречного лошадь взвилась на дыбы, испуганно заржав. Гном рывкнул что-то нечленораздельно-богохульное и, взмахнув руками, грузно повалился на землю. Сам Вольфганг удержался в седле, но это стоило ему немалых трудов. Он ни секунды не сомневался, что столкнулся с врагом, и, как только лошадь под ним опустилась на все четыре ноги, взмахнул мечом.

Узнавание пришло мгновением позже, но в удар был вложен весь гнев, вся ярость, все отчаяние последних суток — и с ужасом поняв, что перед ним старый сказочник, позапрошлой ночью давший им приют в разрушенном лесном замке, Вольфганг уже не имел ни времени, ни возможности остановить тяжелый клинок. Тот должен был врезаться в левое плечо старика и рассечь его до середины груди, жадно вырвать жизнь из хрупкого немого тела.

Клинок вспыхнул белым светом и сломался, расколовшись на несколько безобидных обломков, словно был сделан из стекла или льда, а не из закаленной гномьей стали, способной рубить даже мрамор.

— Осторожнее, — сказал старик. — Вы так однажды нарежете кого-нибудь ненароком.

— Да уж, Кром вас раздробит, осторожность бы не помешала, — подал голос Скалогрыз, медленно поднимаясь и отряхиваясь. — Что вообще творится с этой кобылой? Какого же...

Он замер, уставившись на сказочника, который плавно поглаживал по шее тревожно всхрапывающую лошадь. Вольфганг изумленно разглядывал свой меч — от грозного клинка остался безобидный обломок не больше полтора пальцев в длину. Над трактом повисло молчание, и в зарослях вновь начали петть птицы, напуганные было лошадиным ржанием.

— Взорвать меня, если это не старина Синеус! — воскликнул, наконец, гном. — Вот так встреча!

— Приветствую, мастер гном! И вы здравствуйте, господин рыцарь.

Вольфганг поднял на него взгляд:

— Что случилось с моим мечом, сказитель?

— Думаю, он сломался, господин, — ответил старик, улыбаясь в усы. — Даже самые лучшие вещи иногда приходят в негодность. Особенно когда их используют не по назначению.

— Тогда... я рад, что это случилось с ним именно сейчас. — Рыцарь отбросил бесполезную теперь железяку. — Мне бы не хотелось причинять тебе вред.

— Знаю, господин. — Синеус склонил голову. — И полностью поддерживаю.

— Как ты здесь оказался? — спросил гном. — Мы, дроблена мать, полтора дня несемся по тракту как уторелые, рвем задницы на эльфийский флаг, а ты, похоже, опять тайными тропами срезал?

— Вроде того, — кивнул сказочник. — Забытые ездят быстро.

— Извини, старик, — сказал Вольфганг. — Мне нужно спешить. Оставайся тут с мастером Роргаром, жди моего возвращения.

— Я для того и пришел, чтобы остановить вас, господин, — возразил Синеус. — Дальше ехать нельзя.

— Там, впереди, мой брат!

— Там, впереди, ловушка! — Старик был непреклонен. — Они поджидают вас!

— Я не боюсь эльфийских ведьм!

— Эльфийские, как вы выразились, ведьмы уже мертвы. Если не хотите догнать их на Темных Тропах, послушайте меня...

— Кто их убил?

— Сектанты, о которых я рассказывал. Несколько поколений назад они назывались Погонщики Теней, но в наши дни наверняка выбрали для себя иное название. Зло любит менять имена.

— Мой брат у них?

— Да...

Рыцарь прищипорил лошадь. Та взбрыкнула, но с места не сдвинулась.

— Не надо, господин, — попросил старик, ловя его взгляд. — Ему ничего не угрожает. Ваш брат нужен им живым. А вот вы — нет.

— Зачем? — простонал Вольфганг. — Зачем, во имя Бездны, всем так понадобился мой брат?!

— В его снах скрыт ключ к будущему нашего мира, — ответил сказочник. — И все хотят заполучить этот ключ первыми. Так уж случилось.

— Мне-то не нужен никакой ключ! Мне нужен Рихард!

— Потому и отступитесь сейчас. Они заберут его, но не убьют. А с вами расправятся, не моргнув глазом.

— Сомневаешься в моей храбрости?

— Отнюдь. Лишь в способности одолеть дюжину невидимых врагов.

Рыцарь тяжело вздохнул:

— Хорошо. Куда они повезут его?

— Этого я пока не знаю.

Вольфганг вновь вонзил шпоры в бока лошади, и опять безрезультатно — животное вздрагивало от боли, но не делало ни шагу вперед.

— Кажись, кобылка-то того... тоже сломалась, — заявил гном. — Хорошо еще, на куски не развалилась.

Рыцарь спрыгнул наземь, снял с пояса скипетр: благодаря тяжести наверху и обилию острых углов тот вполне мог сойти за палицу.

— Я не могу позволить им увезти Рихарда неизвестно куда, — процедил он, не разжимая зубов. — А если ты, скажешь, только попытаешься остановить меня колдовством, обещаю, снесу башку!

И Вольфганг решительно пошел по дороге прочь.

— Когда они убьют тебя, некому будет спасти твоего брата! — закричал вслед Синеус. — Ни я, ни мастер Роргар, ни несчастный торговец, что плетется сейчас с тремя лошадьми по тракту, проклиная все на свете, — ни один из нас не придет ему на выручку. Ты — единственная надежда. Погибнешь, и он обречен, потому что, в конце концов, выведав все необходимое, Погонщики избавятся от него.

Вольфганг замедлил шаг.

— Откуда мне знать, — начал он, оборачиваясь: — что ты на моей стороне, старик?

— Хватит! — отмахнулся Синеус, и из его голоса окончательно исчезла прежняя мягкость. — Хватит этой чуши про стороны! Вас кормили ей в Ордене, но не пытайся накормить меня! Нет никаких сторон, есть только ты, Рихард

и огромный мир вокруг, которому наплевать на вас двоих. Опомнись!

— Вот как заговорил, — усмехнулся Вольфганг. — Простой сказитель, значит?

— Да. Тяжелые времена всегда начинаются с того, что те, кто рассказывает истории, перестают быть нужными. Поступь Хаоса сокрушает нас первыми. А следом — наивных молодых глупцов, способных только набрасываться с мечом на первого встречного. А уже в следующую очередь она растаптывает их немощных близких, лишившихся защиты и опоры.

— Защиты? Опоры? Ушедшие Боги, о чем ты говоришь?! Оставить его там, в лапах этих... нелюдей — защита?

— Нелюди не причинят ему вреда, пока он нужен им живым и здоровым. У нас есть время, чтобы собраться с силами, есть возможность выручить его.

— Как? Если мы даже не знаем, куда они его повезут?!

— Я выясню это. Обещаю. Просто поверь мне. Поверь.

Вольфганг смотрел на старика. Молча, пристально, страшно. Не мигая. Кусая губы. Скалогрыз, не знавший, что сказать, и потому ожесточенно чесавший затылок, готов был поспорить на любые богатства, что рыцарь борется с искушением проломить сказочнику голову.

Налетел порыв холодного ветра, запутался в кронах, заворочался в них, роняя листья. Гном поежился. В один из последних дней лето шагнуло во вторую свою половину, повернулось навстречу осени. Может, здесь, на пограничных землях, согреваемых жарким дыханием Карраз-Гула, пока не стоило опасаться приближающейся зимы, но на севере, в горах родного Торгорского Кряжа, ее дыхание уже должно ощущаться.

Рыцарь продолжал сверлить старика взглядом. Дыхание его стало тяжелым, словно у обиженного ребенка — обдумывание услышанного требовало немалых сил. Скалогрыз боялся даже представить, что чувствовал бы, окажись он на месте молодого воина — слава Гранитным Предкам, у него никогда не было ни братьев, ни сестер.

В конце концов, Вольфганг подошел к Синеусу и спросил:

— У меня точно нет шансов выручить Рихарда сейчас?

— Точно. Ни одного.

— Тогда... что ты предлагаешь делать?

— Езжайте назад, пока не встретите купца, и вместе с ним сворачивайте с тракта на юго-запад, в пустоши. Вскоре вас встретят.

— Кто?

— Друзья. Скажете им, что вас послал Седой Сигмунд.

— А ты сам?

— Я догоню.

— В прошлый раз, старик, когда мы последовали твоему совету, погибло немало хороших парней.

— Ошибаешься, юноша. Когда вы последовали моему совету, ты смог быстрее и легче добраться до своей цели. Но убийца «хороших парней» сейчас ждет тебя впереди, на дороге.

— Знаешь, что оно обещало сделать с Рихардом?

— Не придавай значения. Оно играет с тобой, только и всего. Дразнит. Оно слишком долго томилось во тьме, и теперь развлекается. Рихарда не убили до сих пор, не убьют и впредь, слишком уж он важен. Потом тварь, конечно, попытается выполнить свои обещания, но мы успеем найти оружие против нее.

— Это возможно?

— Вполне. Скоро убедишься лично.

— Хорошо, — с огромным трудом выговорил Вольфганг. — Хорошо, сказитель. Я поверю тебе. Я сделаю, как ты сказал. Но. Если. Рихард. Умрет. Ты. Тоже. Проживешь. Недолго.

— Идет, — согласился Синеус. — Если Рихард погибнет, все провалится в Бездну.

Вольфганг взобрался на лошадь, помог Скалогрызу, встретился взглядом со стариком:

— Почему не идешь с нами?

— Ты же хочешь знать, куда они его повезут.

— Надеюсь услышать как можно быстрее. И многое другое тоже. Тебе придется заняться привычным делом — объяснять и рассказывать, долго и подробно.

— Договорились.

Рыцарь кивнул, прищипорил лошадь, и та тут же послушно тронулась с места, унося обоих наездников прочь,

навстречу Харлану, который так и не успел появиться в пределах видимости.

Синеус некоторое время смотрел им вслед, потом, когда всадники скрылись в глубине леса, повернулся к полумраку, таившемуся меж изможденных деревьев.

— Выходи, — сказал он.

Тотчас занавес теней расступился, выпуская высокого худощавого человека в длинном багровом одеянии с вышитым символом Химеры на груди. Лоб, украшенный короткими выступами рогов, обрамляла узкая костяная тиара. Между ровным орлиным носом и широким, гладко выбритым подбородком кривилась ядовитая, презрительная ухмылка. Мускулистые руки, перевитые множеством замысловатых татуировок, были пусты.

— Ты совсем обезумел, — сказал Аргрим. — Смирись с поражением.

Синеус сплюнул.

— Чьи это слова? Тени? Или того, кто отбрасывает ее?

Погонщик запрокинул голову и засмеялся. Жутко, беззвучно. Только плечи мелко тряслись. Тонкое щупальце черноты показалось из широко раскрытого рта, проползло по щеке и окунулось в глаз. Все вокруг посерело, лишилось яркости, будто высоко вверху солнце закрыло облаком. И в этом бесцветии стало возможно различить смутный силуэт, колышущийся вокруг фигуры чернокнижника. Размытый, неясный контур, огромный, с множеством непрерывно движущихся конечностей, похожих на колеблемые водой клочья тины.

— Ясно, — буркнул Синеус. — Не сиделось тебе в подземелье.

Аргрим прекратил смеяться. Солнечные лучи обрели прежнюю силу, вернули ему обычный облик, скрыли чудовищную истину. Погонщик сложил руки на груди, спросил твердо:

— А с кем говорю я? С ветхим мешком из костей и мяса, или с тем, кто этот мешок тащит?

Называвшийся Сигмундом Синеусом на мгновение позволил проступить своим истинным лицам. Аргрим довольно хмыкнул:

— Так и думал. Вы возвращаетесь.

— Я не уходил.

— Оставался здесь все это время? Что же ты делал?

— Бродил по миру. Рассказывал истории.

— Ха! Недолго тебе осталось бродить, дружище. Скоро под этим небом некому будет выслушивать стариковский бред.

— Они сильнее, чем вы можете предположить. Как видишь, многие уцелели после первого удара и живы до сих пор.

— Ты думаешь, это ошибка? — зашипел Погонщик. — Думаешь, мы просчитались? Нет... на тех, кто выжил, у нас свои планы.

— И какие же? — спокойно спросил Синеус.

— Бойня! — истошно зарычали безумные, пропитанные черной ненавистью голоса в глотке Аргрима. — Хаос! Бесперывное кровопролитие! Великое жертвоприношение!

— Кому?

— Темной Госпоже. Когда мы с братьями пробудились, это привлекло ее внимание. И теперь она жаждет... развлечений. Крови и зрелищ.

— Как всегда.

— Она их получит. Некому остановить нас. Ты стар, слаб, одинок, а о твоих хозяевах давно ничего не слышно. Когда Госпожа насытится, она в необозримой милости своей дарует нам вечный мрак. Весь мир будет принадлежать только Словам.

— Вы предупредили об этом своих верных слуг? Несчастный чародей, тело которого ты используешь, знает, что его ждет?

— Догадывается. Мы ничего не скрываем от наших инструментов, ибо только истинно преданные, готовые ко всему, достойны носить печать Химеры. Они веками поклонялись ей, скрываясь от остального мира, невыносимого в своем светлом высокомерии, и заслужили немного настоящей силы. Однако, когда наступит время для всеобщей пляски смерти, мы отправим их танцевать. Так будет интереснее.

— Растите, как бойцовых псов, на верную гибель?

— По крайней мере, мы не кормим их невыполнимыми обещаниями. Я ведь слышал ваш разговор от первого до последнего слова. Что это было? Ложь. Ложь. Ложь.

— Я пытаюсь спасти их.

— Как?

— Просто даю им надежду.

— Зачем?

— Чтобы спокойно встретить ночь, им обязательно нужно знать, что наступит утро. Так уж они устроены. И, коли на то пошло, ваше великое представление провалится, если у них не будет, за что воевать.

— Они станут драться за выживание. Как всегда. Как и каждый день на протяжении тысяч лет. «Умри ты сегодня, а я завтра» — вот единственный закон, которым руководствуются смертные.

— Вы с братьями слишком долго пробыли под землей.

— А ты слишком долго притворялся одним из них. Поверил в собственные сказки. Жалкий, никчемный старик. Что ты станешь делать, когда Темная Госпожа пожрет твоих друзей?

— Сражаться.

Тварь, жившая в Аргримере, снова расхохоталась.

* * *

Лес редел, земля стала ровной, чистой, и Вольфганг прекратил беспокоиться о копытах лошадей. Первое время, пока они продирались через нехоженные заросли, его голова была полна мыслей о корнях и корягах, ломающих тонкие, хрупкие на вид ноги. Это помогало отвлечься от невеселых дум: о брате, непонятном старике, Погонщиках Теней и ночных кошмарах. Но теперь насущные проблемы отодвинулись на второй план, вновь уступив место сердечной боли. Как назло, Харлан продолжал сыпать вопросами о случившемся на дороге. Выручал рыцаря глухой, но болтливый гном.

— Так значит, старик сказал вам, что впереди засада? — спрашивал торговец.

— Ага, — важно кивал Скалогрыз. — Выходит, эта, и говорит, мол, впереди того... засада, понимаешь.

— А вы ему сразу поверили?

— Ась?

— Поверили ему сразу?!

— Дык само собой. Как не поверить!

— А почему?

— Старику.

— Я спрашиваю, почему?!

— Что почему?

— Поверили!

— Ну ведь отчего хорошему человеку не верить. Приятный, понимаешь, такой старикан. Чокнутый слегонца. Усищи длиннее твоей руки.

— Ну?

— Зуб даю.

— Ладно. Значит, он предупредил, что впереди засада, и велел ехать сюда?

— А ты сообразительный! — фыркнул Скалогрыз. — Я тебе об этом уже два часа толкую.

— И что нам здесь делать?

— Ждать. Определенно, ждать.

— Чего?

— Ну, ведь... у моря погоды.

— Ушедшие Боги, да ответишь ты нормально или нет?!

— Дык кабы знал, что отвечать, уж не тянул бы! Я не больше твоего во всем этом разумею, мил человек. Беседовать дедок изволил с мастером Вольфом, а тот, вишь, не особенно общителен сейчас. Я же и половины не понял из того, о чем они говорили. Глуховат, понимаешь, на одно ухо.

Вздохнув, Харлан замолчал.

Почва под копытами лошадей становилась все тверже. Дубы вокруг сменились редкими могучими соснами, длинные корни которых бутрились по камням, сжимая их мертвой хваткой. Высоко над кронами синело небо, чистое, глубокое, едва тронутое белыми разводами облаков. Впереди виднелись голые серые холмы — самая северная оконечность Арганайского горного хребта. Считалось, что это были владения эльфов, но они никогда не появлялись здесь, брезгуя невзрачными, безжизненными скоплениями скал. Одного взгляда на иззубренные, заостренные вершины, на каменистые склоны, изрезанные кривыми трещинами, хватало, чтобы понять нежелание Старшего Народа осваивать свои северные рубежи.

— Нас должны встретить, — сказал Вольфганг, хмуро осматривая открывшуюся картину. — Где-то здесь.

— Здесь? — Харлан скривился, словно откусив от лимона. — В самой заднице мира?

— Протестую! — взвился гном. — Это не задница, это пятка.

— Глянь-ка, — проигнорировал его торговец, указывая куда-то вдаль. — Стервятники.

Действительно, в небе, на расстоянии примерно в час пути, над чем-то, скрытым скалами, медленно кружили полчища черных птиц.

— Что это значит? — спросил гном.

— Ой, ничего хорошего, — протянул Харлан. — Зря мы все-таки сюда сунулись.

— А над пожарищем плачут вороны, — пробормотал Вольфганг слова из древней песни. — А над пожарищем черный дым...

— Кстати, насчет дыма, — купец тронул его за плечо. — Посмотри туда.

На некотором отдалении от скоплений стервятников из-за нагромождений серого камня поднимались клубы такой же серой гари, скошенные напором ветра.

— Предлагаю вернуться на тракт, — сказал Харлан. — Потому что тут нам явно нечего делать.

Рыцарь собрался с мыслями, открыл рот, намереваясь ответить, но его прервали.

— Кажись, это они, — раздался тяжелый, низкий голос, похожий на грохот катящихся по склону валунов. — Те самые.

Прозвучало это ясно, отчетливо, близко. Трое путников принялись тревожно озираться, Вольфганг поднял скипетр, Харлан выхватил из ножен меч, но определить, откуда именно доносились слова, ни один из них не мог.

— Похоже на то, — раздался второй голос, сиплый, болезненный. — Ты что думаешь, Щербатый?

— Берем! — рявкнуло совсем рядом, а через секунду земля в двух шагах от торговца взвилась тучей мелких камней и сухой хвои. Харлан рубанул мечом по громоздкой туше, что вырвалась из прекрасно замаскированного укрытия, но клинок отскочил от широкого деревянного щита. Лошади забились в панике, однако поводья уже ока-

зались зажаты в могучих зеленых кулаках, а прямо в лицо Вольфгангу уперлись дула шестиствольной торгорской аркебузы.

— Так-так. И кто это тут у нас?

Спрашивающий восседал на плечах здорового орка, державшего лошадей. Это оказался пожилой уже гном с короткой взлохмаченной бородой, с глазами, закрытыми круглыми черными стеклами очков. У него отсутствовали обе ноги: одной не было по щиколотку, второй — по колено. Культи соединяла толстая ржавая цепь, явно служившая для того, чтобы коротышка-инвалид не свалился со своего зеленокожего скакуна. Кожаную жилетку гнома украшало множество металлических предметов: булавок, запонок, гвоздей и цепочек. Тяжелую аркебузу он держал ровно и твердо, хотя палец, давивший на курки, слегка подрагивал.

Несший его варвар, похоже, не испытывал никаких трудностей, постоянно таская на загривке гнома. Он вряд ли мог вообще испытывать какие-либо трудности, настолько огромным и мускулистым было это существо. По сравнению с ним довольно внушительный Гром-Шог показался бы щуплым подростком. Желтые клыки, торчащие из уголков широченного рта, превосходили по длине человеческие пальцы, а кулаки, пожалуй, могли с легкостью заменить таран или стенобитную машину. Весь доспех великана составляли несколько кожаных проклепанных ремней, а на шее, помимо страховки гнома-наездника, висело ожерелье из звериных зубов. На обоих запястьях смыкались стальные оковы, к которым крепились длинные цепи — каждая из них оканчивалась шипастой гирей размером с детскую голову. Попади таким кистенем по человеку, и от несчастного не останется ничего, кроме большого мокрого пятна.

Второй орк, тот самый, что выпрыгнул на Харлана, не мог похвастаться подобными габаритами. Был он грузен и массивен, но ширину плеч значительно превосходила ширина заплывшего жиром брюха. Неповоротливость компенсировалась огромным щитом, сделанным из дерева и укрепленным несколькими железными пластинами. На круглую голову был нахлобучен странный, тоже, судя по всему, деревянный шлем, из-под которого утрумо

и страшно таращились разные глаза: один налитый алой кровью, а второй затянутый бледной пленкой бельма. Правый клык отсутствовал полностью, а оттого несимметричность зеленой морды казалась абсолютной: широкий, плоский и ровный нос смотрелся на ней нелепо, даже уродливо.

Заслонившись щитом, орк ритмично постукивал по его кромке чем-то вроде самодельного тесака — толстой доской с краями, утыканными заостренными кусками металла.

— Я спрашиваю, кто тут у нас? — повторил гном, и палец на курках аркебузы заметно напрягся. — Глухие, что ли?

— Так точно! — отрапортовал Скалогрыз, осторожно выглядывая из-за спины рыцаря. — Глуховат я малость.

— Нас послал Синеус, — сказал Вольфганг.

— Кто? — просипел гном удивленно.

— Это не те, — прогрохотал орк под ним. — Мы промахнулись.

— Валим их? — буднично спросил толстяк.

— Погодите! — взвизгнул Скалогрыз, безошибочно расслышав в этом вопросе смертельную опасность. — Нас послал Седой Сигмунд! Седой!

— Так Сигмунд или Синеус? — ворчливо спросил безногий, но палец с курков убрал.

— Сигмунд, — подтвердил Вольфганг. — Простите меня. Я... ошибся.

— А, тогда добро пожаловать! — гном ощерился, обнажив мелкие, но острые клыки. — Вы тоже не сердайте. Времена нынче дерьмовые, сами знаете.

Он опустил аркебузу, похлопал орка по лысой макушке:

— Ыр, отпусти лошадок.

Барвар послушался. Гном изобразил нечто вроде поклона:

— Меня здесь зовут Хельг Смотри-в-Оба, а этот богатырь — Ыр Костолом. У нас с ним взаимовыгодный договор: он за меня ходит, а я за него думаю. Вон тот злобный — Гыр Щербатый. Он, бедняга, думает самостоятельно, и иногда это заканчивается плохо.

Вольфганг, наклонив голову, представил себя и товарищей.

— Отлично! — подытожил Хельг. — Вас мы давно поджидаем. Седой просил встретить и спрятать на время.

— Спрятать?

— Да. Сказал, вас ищут.

— Это верно.

— Тогда пошли. Места здесь, конечно, глухие, но у нас в лагере надежнее.

Ыр Костолом развернулся и зашагал по тропе, которую можно было разглядеть, только точно зная, где искать. Вольфганг направил лошадь следом. Животные настороженно, напряженно всхрапывали, но бежать больше не порывались. Потом на тропу не спеша въехал Харлан, а Гыр Щербатый замыкал шествие.

— Ну хорошо, — начал рыцарь. — Мы — путники, попавшие в серьезные неприятности. Это бессмысленно скрывать. А вы кто такие?

— Ловцы метеоритов! — весело ответил безногий гном.

— Метеоритов?

— Именно, мой новый друг! Здесь для нас раздолье, настоящее золотое дно — раз в сутки обязательно что-нибудь да свалится.

— Ты имеешь в виду камни, падающие с неба?

— У вас в Ордене словом «метеориты» обозначали что-то другое?

— Нет, просто... зачем они вам?

— Кое-кто в этих краях дает за каждый камешек, за каждый кусок камешка неплохую цену.

— Серьезно?

— Разумеется, не золотом. Кому оно нынче нужно! Но вкусная еда, дорогое вино, лекарства и булатная сталь на дороге не валяются.

— Ясно. А какое отношение к вам имеет Сине... Седой Сигмунд?

— Он время от времени приходит, помогает советом или делом, иногда магией. Объявился нынче утром, попросил оказать услугу — приютить вас. Я было сомневался, но теперь вижу, что не прогадал.

— Почему?

— Трое здоровых, крепких мужиков, способных держать оружие, не будут лишними. А то наша банда в последнее время понесла немало потерь.

— Потерь?

— А как же! Или ты думал, мы одни рыщем по этим голым скалам в поисках небесных гостей? Тут хватает ловцов. Иногда за добычу приходится схлестываться, ничего не поделаешь.

— А почему бы не объединиться и не собирать метеориты вместе?

Гном только фыркнул, да покачал головой.

— Это невозможно! — раздался сзади голос Харлана. — Чем больше человек принесет заказчику метеорит, тем меньше будет доля каждого из них. И наоборот.

— Именно так, — кивнул Хельг. — Но когда бойцов остается совсем мало, это тоже плохо — не справиться с другими бандами. Нужно соблюдать баланс. Всегда баланс. Трое — как раз то, что нужно. Не волнуйтесь, мы для начала доверим вам второстепенные роли.

— Обнадежил, братуха, — проворчал Скалогрыз.

Процессия углублялась в серые пустоши, ощетинившиеся остриями скал. Каменистая тропа извивалась среди холмов подобно раненой змее, поднималась, опускалась, раздваивалась, ползла по краям широких провалов, из глубины которых тянулись в небо струйки вонючего дыма.

— Вулкан просыпается, — пояснил гном. — Метеориты будят первобытное пламя, спящее в глубинах. Когда-нибудь все здесь зальет кипящая лава, как пить дать.

Иногда тропа перекидывалась через пропасть узким каменным мостом, и каждый раз, проезжая над бездной, Вольфганг вспоминал цитадель алхимиков и ее библиотеку. Это придавало ему храбрости.

Временами в просветах между скал виднелись останки древних строений, разрушенных башен и огороженных обвалившимися стенами площадок, но от них веяло таким холодом и голодной пустотой, что никто не осмелился задавать вопросов.

Зато Скалогрызу хватило ума спросить насчет вьющихся в небе стервятников.

— Это они над местом последней драки летают, — охотно пояснил Хельг. — Там немало полегло. Медная Борода

воткнул на вершине холма турель и косил всех, кто пытался подобраться к метеориту. Пока к нему не зашли с тыла и не раскроили череп...

— Я понял, спасибо, — поспешно заверил собрата Роргар. — Очаровательная история.

Миновав еще несколько крутых поворотов, на последнем из которых возвышалось большое, но абсолютно сухое дерево, заботливо украшенное болтающимся на нижней ветке скелетом, они выбрались на относительно ровное пространство, со всех сторон окруженное отвесными каменными стенами. Здесь сгрудились несколько сложенных из разнообразного хлама хижин и пара выцветших добеларочьих шатров.

— Наше логово, — довольно просипел Смотри-в-Оба. — Добро пожаловать.

Навстречу им вышли трое: сгорбленная сухая старуха с крючковатым носом и длинными седыми косами, сжимающая в заскорузлых пальцах взведенный арбалет; бритая наголо стройная эльфийка в просторном одеянии и мальчишка лет одиннадцати-двенадцати, чумазый, лохматый и полутолый, со злобным звериным взглядом.

— Принимайте пополнение! — приветствовал их Хельг и, повернувшись к путникам, поочередно представил всех домочадцев.

— Ивэйна Распрекрасная! — объявил он, указывая на старуху. — Великолепно готовит, неплохо лечит и отвратно стреляет. За то и держим. Красоту свою бережет, не домогайтесь ее, а то проклянет.

— Элара-Пламенная-Длань, — Хельг обернулся к эльфийке. — Здесь — просто Эли. Изгнана с позором из горного монастыря, принята у нас с распростертыми объятиями. Колдует мало и плохо, зато красиво. Ыр и Гыр аж дрались из-за нее на дуэли.

— Червяк, — про мальчишку. — Тащит все, что плохо лежит. Говорит редко, я не слышал ни разу. Пронырлив, что твоя крыса. Внук Распрекрасной. Возможно.

Кивнув всем и дождавшись ответного кивка лишь от эльфийки, Вольфганг спешился и помог спуститься Скалогрызу. Чувствуя спиной настороженные взгляды, он начал расседлывать лошадь. Потом чья-то твердая ладонь легла ему на плечо. Рыцарь обернулся.

— Дробовщина, — пробормотал Роргар рядом. — Опять срезал, кажись...

— Хорошо добрались? — с легкой улыбкой спросил Синеус, он же Седой Сигмунд.

— Могло быть и хуже, — ответил Вольфганг и, шагнув к сказочнику вплотную, взял его за грудки. — Ты обещал мне все объяснить, старик. Надеюсь, ты это сделаешь. И, самое главное, расскажешь, каким образом эти... ловцы метеоритов помогут спасти моего брата.



ГЛАВА III

МАСКИ

Бездонное иссиня-черное небо полыхало зарницами. Звезды висели так низко, что, казалось, протяни руку — и схватишь, зажмешь в кулаке крохотный кусочек вечного света. Возможно, кому-то удавалось. Середина лета всегда богата на чудеса и ясные ночи.

Червяк забрался на верхушку дерева, на котором болтался скелет, и маленький черный силуэт мальчишки то четко вырисовывался среди мертвых скрюченных ветвей, то полностью пропадал в темноте. Эта парадоксально мирная картина успокоила Вольфганга, немного притупила острые шипы на стенках колодца, в который падала его душа. Он знал, что Рихард жив, но не мог почувствовать, как далеко тот находится — брат словно бы пребывал сразу повсюду и одновременно нигде, слился с остальным миром, наполнил его собой.

— В тених, — прошептал ему Сигмунд, успокаивающе улыбнулся. — Он теперь в тених, и это не повод для волнений. Любую тень рано или поздно разгоняют лучи солнца.

Они сидели вокруг небольшого костра: восемь неровных силуэтов, вырубленных из мрака оранжевыми лезвиями огненных отсветов. Молчали. Слушали, как пузырится и шипит в обросшем копотью ведре закипающая похлебка.

Вернулся Червяк, ведомый то ли запахом еды, то ли подкрадывающейся прохладой, втиснулся между Ивэйной и Эли.

— Все спокойно? — спросил его Гыр Щербатый, и получил в ответ энергичный лохматый кивок.

— Вообще-то, у нас тут после наступления темноты не нападают, — немного извиняющимся тоном сказал Хельг

Смотри-в-Оба. — Что-то вроде негласного соглашения, общее правило, которого придерживаются все банды. Но мало ли, иногда не вредно и взглянуть на холмы.

— То есть днем вы друг друга убиваете, а ночью не трогаете? — спросил Вольфганг.

— Но ведь всех устраивает. Можно совершенно спокойно дрыхнуть, не боясь, что утром проснешься с отрезанной головой.

— Получается, вы благороднее любых рыцарей.

— Почему бы и нет? Хотя, конечно, благородства тут ни на грош — вопрос удобства.

— И никому ни разу не пришла мысль прикончить конкурентов во сне? Так точно было бы удобнее.

— Мысль-то наверняка приходила. Но ведь порешишь ты, а на следующую ночь явится сосед и порешит тебя. Как только обитатели холмов перестанут чувствовать себя в безопасности, сразу рванут наносить упреждающие удары. В таких вещах одного примера хватит.

— Точно. Хрупкое равновесие.

— Оно, родимое.

Ивэйна Распрекрасная не без труда натянула на слегка подрагивающую узловатую кисть толстую доспешную рукавицу и, подняв ведро, стала разливать дымящуюся похлебку по глиняным мискам. У орков плошки были значительно больше, чем у остальных, и порции, соответственно, тоже. Синеус отказался от еды, предпочтя ей вновь набитую трубку. Скалогрыз, с которым старик успел поделиться табаком, после некоторых сомнений все-таки отложил курево в сторону.

— Давно хотелось... горяченького похлебать, — произнес он, вдыхая пар, идущий из миски. — Спасибствуем, значит, хозяйюшка.

Распрекрасная бросила на него гневный взгляд из-под косматых бровей, но ничего не ответила. Больше никто благодарить не решился.

Ели быстро, обжигаясь и дуя на пальцы. Несмотря на подозрительный сизо-кисельный внешний вид, похлебка оказалась на удивление вкусной и наваристой. В ней попадались даже куски мяса вполне приличных размеров. Орки выхлебывали жижу через край, не усложняя себе жизнь ложками, и разгрызали оставшиеся на дне кости.

Когда чавкание и скрежет смолкли, ведро опустело, а все вокруг, сыто отдуваясь, постарались придать своим телам как можно более горизонтальное положение, Вольфганг повернулся к Синеусу:

— Думаю, дальше ждать не имеет смысла.

— Ну что ж. Наверное, ты прав, господин рыцарь. Пришло время для сказаний. Начну я, пожалуй, немного издалека, как и подобает человеку в моем возрасте.

Садитесь ближе к костру, да подбросьте поленьев. История темная, немного тепла и света нам не помешает. Повесьте котелок — когда я закончу, всем наверняка захочется разогнать горячим глинтвейном застывшую в жилах кровь.

Доводилось ли вам, друзья мои, слышать об Аргусе — Двуликом Хранителе Душ? Впрочем, так его называют эльфы и люди, у орков он известен как Двуглавая Погибель, а гномы величают его Бледным Мастером. Пусть имена различаются, да только предания об Аргусе у всех народов сходны. Их не принято рассказывать на пирах, они не записаны в книгах, не особенно популярны у бродячих болтунов вроде меня. Даже в страшных сказках, что шепчут на ночь непослушным детям, вы не найдете ни одного упоминания об Аргусе. А вот почему.

Давным-давно, во времена, которых не вспомнили бы и прадеды нынешних стариков, жил великий волшебник, могучий и гордый. По слухам, был он из племени эльфов, но поскольку в Старшем Народе магия от века принадлежала женщинам, почитался он за выроodka, причудливую игру природы, циркового уродца. Был он изгнан из родного города и нашел приют в Братстве Алхимиков, где к любым отверженным всегда относились, как к равным. Но ответного уважения им не суждено было дожидаться. Жажда власти, сжигавшая душу волшебника, могла сравниться по силе лишь с ледяным презрением, коим он одаривал окружающих. Аргус — а таково было его имя — изучил великое множество темных тайн мироздания и, ослепленный собственными успехами, задумал познать Хаос. Уже тогда те, кто размышлял над подобными вещами, утверждали, что это невозможно, ведь даже самому Хаосу не дано познать себя. Но Аргусу не было дела до чужих мнений, его высокомерие перешло ту черту, за кото-

рой доводы разума перестают иметь значение. В великом гневѣ обрушивался он на тех, кто осмеливался возражать ему — и однажды в приступе ярости убил своего учителя, мудрого алхимика, пытавшегося отговорить лучшего ученика от безумной затеи.

Аргус готовился долго. Он знал, что у него будет только одна попытка — Бездна не дает второго шанса. Но если бы ему удалось задуманное, если бы получилось проникнуть в Сердце Хаоса, поймать его ритм — он обрел бы невероятную силу, перед которой склонились бы все четыре народа.

Но волшебник ошибся. Ни смертному, ни богу не дано увидеть суть Предвечного, а дерзнувшие будут вечно молить о смерти. Так случилось и с Аргусом: Хаос пожрал его.

То, что вернулось в наш мир с другой стороны бытия, уже не было ни эльфом, ни человеком, ни орком, ни гномом — Хаос исторг из себя ужасное существо, подобное кукле, исковерканной жестоким ребенком: горбатое, двухголовое чудовище на козлиных ногах, с бледной кожей, не способной перенести ни малейшего прикосновения солнечного света. Души у Аргуса больше не было, жадная Бездна высосала ее, оставив лишь гнев и презрение ко всему живому, превратив некогда строптивого колдуна в своего верного слугу.

С тех пор бродит Двуликий по миру, несет страдание и боль встречным, собирает души павших воинов и ведет их за собой на другую сторону смерти. Отвратительные лица свои скрывает он под масками, а хромоту козлиных ног компенсирует костылем, окованным ржавым железом.

Горе тому, кто столкнется с Аргусом. Не раз отчаянные герои из разных племен выходили против него, но никому не удалось одолеть Двуликого. Повернет он к тебе свою левую голову, что в маске из красного дерева — и охватит тебя пламя его гнева, вспыхнешь, как факел, и сгоришь в мгновение ока. А повернет правую, на которой золоченая ухмыляющаяся маска — обрушится на тебя холод его презрения, скует конечности, превратит в ледяную статую. Пусть кому-нибудь и удастся подойти к проклятому колдуну вплотную — ударом одной руки отбросит он любого, даже самого могучего орка, на десяток шагов. А уж коли достал Аргус из-за спины свой посох, точно не мину-

ешь смерти: ударит он наверху посоха оземь, и хлынут наружу собранные им души павших воинов, искаженные безумием Бездны злобные призраки. Они не помнят своего прошлого: ни соратников, ни родных, ни врагов — в них осталась лишь ненависть, неконтролируемая тяга к разрушению.

Впрочем, именно из-за посоха многие славные воины и бросали вызов Аргусу — кому же не хочется заполучить в свои руки такое оружие! Да и маски Двуликого, по слухам, тоже хороши: именно они дают власть над стихиями. Кроме того, Аргус повсюду носит с собой книгу заклинаний. Уверен, любой алхимик, любая эльфийская колдунья готовы отдать что угодно, лишь бы одним глазком заглянуть в этот увесистый древний том. Так что недостатка в противниках у Аргуса нет, да только никто из них не вернулся, чтобы похвастаться трофеями. Правда, старики говорят, будто несколько раз Двуликий погибал в схватках, но всегда возвращался в мир живых, ибо его служба здесь еще не окончена.

Да, немало страданий причинил Аргус всем четырем народам, но и не раз помогал отчаявшимся, избавлял от страданий обреченных. И никто не знает, по каким дорогам ходит он и куда направляется. Сегодня его замечают на склонах эльфийских вершин, завтра видят на нижних уровнях гномьих подземелий. Как знать, может, именно сейчас ковыляет он по камням к нашему лагерю.

Вот такая история. Подай-ка табачку, мне нужно набить трубку. Куда это ты уставишься, Червяк? Что там, в темноте? Что? Двухголовая фигура на козлиных ногах? Нет, я ничего не вижу. Наверное, ветер. Успокойся, дружок, это всего лишь легенда. Легенда.

Некоторое время мальчишка не отрывал настороженно-го взгляда от лица старика, словно подозревая того в чем-то. Потом вскочил и бросился в темноту. В тишине было хорошо слышно, как шлепают по базальту его босые ноги.

— Побежал проверять, — прокряхтел Хельг, осторожно коснулся скрюченных пальцев Ивэйны Распрекрасной, которая тревожно поглядывала в ту сторону, где исчез Червяк. — Не волнуйся, красавица. Ничего с ним не случится.

Старуха отдернула руку и, поджав сухие губы, принялась собирать в ведро грязные миски.

— Складно рассказываешь, — сказал Синеусу Щербатый, широко зевнул, показав всю необъятную ширину своей пасти. — Но я все равно не уснул.

— М-да, дедуль, — подхватил Смотри-в-Оба. — Сегодня сказка Гыру не понравилась. А вот моему тяжеловозу вроде бы пришлось по душе, — он указал на Ыра, давно уже повернувшегося мускулистой спиной к костру. — Кажись, дрыхнет.

— Нет, — прогудел густой бас с другой стороны зеленой громадины. — Я слушал.

— На тебя не похоже, — усмехнулся безногий гном.

Орк не ответил. На лагерь вновь опустилась тишина, пустая и прохладная, одну за другой глотающая искры, отрывающиеся от костра.

— Я тоже слушал, — сказал Вольфганг, хотя умиротворенность, наполнявшая все его тело, отчаянно сопротивлялась любым разговорам. — Но так и не понял, старик, какое отношение эта байка имеет ко мне и моему брату.

— В ней — ответ на один из твоих вопросов, — улыбнулся Синеус.

— На какой?

— На тот, который ты еще не задал.

Вольфганг сел прямо, и под его недобро сведенными бровями залегли густые тени.

— Что ты делаешь, старый дурак? Думаешь, мы тут в игрушки играем? Загадываем загадки? Развлекаемся? Речь идет о жизни моего брата! Зря я поверил тебе днем — ты обманул меня...

— Не спеши! — оборвал его Синеус. — Ты не понимаешь и не хочешь понимать. Ты привык, чтобы все вокруг было просто и доступно, привык размышлять над отвлеченными, абстрактными и никому не нужными материями, а все насущные проблемы решать ударом меча или быстротой лошадиных ног. Так вот: чаще всего побеждает тот, кто поступает иначе. Но если ты хочешь прямых, легких ответов, изволь. Спрашивай.

— Где мой брат?

— Сектанты везут его в Заставные Башни. Наверное, там он будет к завтрашнему утру.

— Что с ним сделают?

— Пока не придет в себя, ничего. Им очень интересно, что же ему снится.

— А зачем я здесь? Бездна тебя побери, какая польза Рихарду от меня, если я посиживаю на краю мира, в Богами забытой глуши?

— Метеориты.

— Что?

— Метеориты. Камни, падающие с неба. Ради них ты здесь.

— Но...

— Только они помогут справиться с тьмой, завладевшей твоим братом. Видишь ли, метеориты — это не просто куски скалы. Внутри каждого из них скрыт очень ценный материал — металл, из которого сотворена Внешняя Сфера нашей вселенной, Сфера, уже на протяжении сотен тысячелетий ограждающая хрупкое мироздание от безжалостной ярости внешнего Хаоса. Для всех порождений Бездны этот металл — словно остро заточенная раскаленная сталь для обычного человека. С его помощью их можно не только отпугнуть, но и уничтожить. Будь он у тебя во время сражения с тварью, убившей храброго Гром-Шога, ты бы одолел ее.

— Хорошо, — протянул Вольфганг. — Значит, мне нужно...

— Прими участие в ближайшей охоте вместе с Ловцами, а в случае удачи отправляйся с ними к заказчикам — на юг, в Девятую цитадель.

— Хм, я думал, она дальше.

— Если бы вы продолжали ехать по Тракту, то, конечно, потеряли бы зря много времени. Только через пару дней добрались бы до Червивого Камня, а уже от него свернули бы на юг.

— Поначалу мы так и планировали...

— Те, кто прокладывал Тркт, не рискнули соваться в эти холмы. Они всегда считались гиблым местом. Но через них можно неплохо сократить дорогу.

— В этом ты точно мастер, сказитель.

— Давно живу на свете, привык искать короткие пути.

— Хорошо, но... зачем мне туда?

— Они не зря щедро платят за небесные камни. В Девятой цитадели уцелело немало членов Братства, и сейчас они занимаются очень важными исследованиями. Никто,

кроме алхимиков, не сможет изготовить оружие из металла Сферы.

— Как мне убедить их помочь мне?

— Не беспокойся, этим займусь я.

— Ладно. Но почему тогда ты сам не заберешь оружие? Я так понимаю, у тебя на Погонщиков и их хозяев тоже имеется зуб.

— Имеется. Но к оружию из небесного металла я не могу прикоснуться.

— Почему?

— Потому что оно убьет меня.

Вольфганг почувствовал, как кровь приливает к лицу, расползается колючим теплом под кожей щек и висков. Мысли в голове гудели тяжело, беспорядочно, словно встревоженный осинный рой. Самые разные, самые смешные и страшные варианты сменялись один за другим, отбрасывались, забывались моментально. То, что сказочник немного не в себе, он понял в их первую встречу, но и предположить нельзя было, насколько сильно оторван уса́тый выдумщик от реальности.

Или? Все эти исчезновения и появления, все эти «тайные тропы», лошадь, лишенная возможности двинуться с места, разлетевшийся на мелкие куски меч. Способен ли на подобное простой колдун? Пусть даже и постигший когда-то мудрость алхимиков?

С трудом разлепив внезапно пересохшие губы, Вольфганг спросил:

— Кто ты, старик?

Вместо ответа Синеус отложил трубку и, покряхтивая, поднялся. В отсветах огня его лицо казалось вылепленным из красной глины. Может, так оно и было. Может, это всего лишь маска — морщинистая, обветренная, украшенная пучками белой щетины и длинными седыми усами. Маска, под которой бьется совсем иная, непостижимая жизнь.

— А вот тот самый вопрос, — сказал Синеус и шагнул прочь от костра, в темноту.

* * *

Вольфганг не мог заснуть. Лагерь вокруг давно погрузился в сон: тяжело, утробно храпел Щербатый, за-

глушая ровное, глубокое, похожее на шум морских волн дыхание Костолома и сиплое поскрипывание Хельгова носа, Элли и Распрекрасная скрылись в одном из походных шатров, а Синеус ночевал в крайней хижине, слепленной из глины, соломы, камней и огромных желтых костей — не то ребер, не то клыков какого-то доисторического зверя.

Харлан и Скалогрыз расположились на тюках с припасами, примостив под головы седла, и теперь спокойно посапывали, ничего не страшась. Рыцарь тоже не боялся — чувство, не дававшее ему покоя, мало походило на страх. Скорее, его можно было назвать удивлением. Всепоглощающим неверием в происходящее. Его разум отказывался сдаваться без боя и принимать как должное новую, непрерывно меняющуюся реальность.

Мало того что привычная жизнь обрушилась, подобно прогнившей крыше, раздавив любимых и близких, превратив друзей в обезумевших чудовищ. Теперь он еще и оказался в самом центре урагана, разрушающего мир. Здесь ни на кого нельзя было положиться, и никому нельзя было доверять. За трое суток, миновавших с той ночи, когда они с братом допивали грог на лесной поляне, успело произойти столько событий, что в иные времена хватило бы на пять лет.

А ведь всего двумя месяцами ранее, ничтожные шестьдесят дней назад, они вдвоем возвращались с родного хутора в Заставные Башни, и, проезжая через вольный город Иснар, попали на какой-то праздник. Пыльная площадь, стиснутая со всех сторон черно-белыми фасадами и красными черепичными крышами домов. Серая башня ратуши, окутанная легкой синеватой дымкой. Удушливые запахи конского навоза, протухшей рыбы и копченой колбасы. Безликая, бесконечная толпа. Уличные артисты в пестрых костюмах, на лицах — бесчувственные улыбки, в руках — тамбурины и куклы, в глазах — жажда и похмельная мука. Горожане и крестьяне. Нищие. Шарманщики. Проповедники. «Покайтесь, люди! Ибо грядет Последний День, когда Проклятие будет досказано, и в прах обратятся слова и дела ваши, и пылью изойдут ваши надежды! Покайтесь, люди, ибо не спасти вам ни имущества, ни памяти, ни жизней своих, ибо освободитесь от ненависти и любви, от гне-

ва и сострадания! Но тот, кто сейчас сеет зло, пожнет тьму и пустоту, а тот, кто добро несет, уйдет в свет к новой жизни! Покайтесь, люди!»

Знали бы они тогда, что тьма и пустота поджидают всех без исключения. И уцелевших — в первую очередь.

Вольфганг честно попытался заснуть, но забытье не спешило избавлять его от дум. Закрыв глаза, видел он лицо брата, видел вновь ту согретую майским солнцем площадь и Рихарда, брезгливо расталкивающего грязных, обросших фанатиков. Теперь от него, от молодого плечистого парня, мечтавшего о славе и подвигах, зависели судьбы мира. Если, конечно, верить старому полубезумному сказочнику.

Со вздохом рыцарь поднялся, подошел к своим походным сумкам, вытащил книги, взятые в цитадели алхимиков — «Тайные Обители Стихий» и «Учение и Судьба Погонщиков Теней». Первая оказалась лишним грузом, бесполезной стопкой страниц. Вторая, захваченная просто так, скорее из любопытства, чем из реальной необходимости, превратилась в единственный источник сведений о врагах.

Вольфганг взвесил том «Тайных Обителей» на ладони. Порядочно. Пожалуй, не стоит все-таки его выкидывать — мало ли, как повернется судьба на следующее утро. Вдруг окажется, что эльфы умудрились отбить Рихарда у приспешников нечистой силы. Если те, само собой, вообще существовали. Пока ему не встречалось еще ни одного сектанта.

Вольфганг бросил взгляд на рогатую хижину, приютившую Синеуса. Все, что рыцарь знал о нынешней участи Рихарда, исходило только от седого сказочника. Верил ли он ему? Определенно, верил — иначе бы не оказался здесь. Доверял ли? Ничуть. Старик, кто бы он ни был, явно вел какую-то свою игру, добивался собственных, еще неясных, загадочных целей. До тех пор, пока они совпадали с целями Вольфганга, тот ничего не имел против сотрудничества. Но нужно постоянно быть начеку.

Он вернулся на свое место, подбросил поленьев в затухающий костер, расположился на засаленной козлиной шкуре и открыл книгу с искаженным символом Ордена на обложке. Света все равно не хватало, рыцарь щурился, пы-

таясь разобрать ползущие по желтым страницам закорючки символов. Букву за буквой, слово за словом.

«Долгие лета сия история была окутана мраком. Долгие лета скрывалась она от взоров славного рыцарства. Но не из страха перед возмездием и не из стыда — единственное, что удерживало меня от раскрытия всех подробностей, было естественное желание уберечь молодых послушников от тех темных соблазнов, что предлагает учение Проклятой Секты, от тех необъятных, но гибельных возможностей, что открывает оно перед молодыми умами и неокрепшими душами. Однако теперь, на склоне лет, вынужден я, скрепя сердце, раскрыть секреты и поведать обо всем, что мне известно, дабы оставить после себя наставление и предупреждение следующим поколениям, предостеречь их от ужасных ошибок, которые однажды уже чуть было не привели к падению Ордена...»

Веки Вольфганга наливались мягкой липкой тяжестью — книга сработала не хуже сон-травы. Он помотал головой, пытаясь разогнать оцепенение, но тягучие, многословные предложения убаюкивали, словно материнская колыбельная. Более того, теперь он не мог оторваться от них и продолжал, будто заколдованный, скользить взглядом по неровным, прерывистым строчкам.

«...и да простят меня братья, отдавшие свои жизни за то, чтобы навсегда захлопнуть дверь, ведущую во тьму. Нет во мне ни малейшего желания приоткрывать сию дверь и даже касаться ее, но каждый будущий Паладин должен знать, что именно таится за ней, о каких отвратительных тайнах молчат наши летописи, а также почему величайшее и самое главное оружие нашего Ордена уже много лет как забыто и запрещено. Ибо только знание указывает путь к истине...»

* * *

Разбудил его Хельг Смотри-в-Оба.

— Летит! — истошно вопил безногий гном. — Летит, ядрена кочерга!

Рыцарь вскочил, уронив книгу, схватился за скипетр. Белый утренний свет больно резанул по глазам, заставил

зажмуриться. Беспрерывно моргая, Вольфганг побрел прочь от костра и чуть не столкнулся с Ыром Костоломом, который как раз собирался подобрать кричащего коротышку. Тут он окончательно пришел в себя и вспомнил, где находится.

— Ну и хреновина летит! — продолжал надрываться Хельг, усаживаясь на плечи Ыра. — Ты только глянь!

Рыцарь поднял глаза. Под серыми облаками неся огненный ком метеора, оставляя за собой почти идеально ровную полосу густого черного дыма. Расчертив ей полотнище неба пополам, он рухнул среди холмов к западу от лагеря.

— Близо упала, — просипел Смотри-в-Оба. — Щас ка-а-ак дробанет!

И точно — через мгновение в уши ворвался оглушительный грохот, от которого сводило зубы и подгибались колени. Гром небесный и рокот пушечного выстрела, смешанные в одном невероятном коктейле. Следом налетел порыв ветра такой силы, что Вольфгангу пришлось схватиться за локоть Костолома, чтобы устоять на ногах.

— Их-х-х-а-а-а! — восторженно взвыл Хельг, потрясая кулаками над головой. — Знатная хреновина свалилась! Быстро к ней!

— Куда? — проревел растерянно хлопающий глазами Скалогрыз, видимо, разбуженный только взрывной волной. — Какого?..

— Бежим! — ревел Хельг. — Нельзя терять ни минуты! Быстрее, давайте быстрее! Мы должны добраться до булыжника первыми! Оставьте лошадей, им не пройти по скалам! Бегом за мной!

Харлан, едва натянувший сапоги, путался в рукавах куртки. Скалогрыз, тяжело дыша, прилаживал пневмоступы к подошвам. Вольфганг повесил через плечо дорожную сумку с кадилом и целебными порошками, прицепил к поясу скипетр. Гыр Щербатый, закинув щит за спину, проверял пальцем остроту своего самодельного тесака.

— Ну что вы медлите?! — подгонял их Хельг, беспокояно ерзая на плечах Костолома. — Живее, братцы, живее же! Утянут прямо из-под носа ведь...

И вот они уже бежали. По скалистым склонам, среди острых как бритва выступов и гигантских камней, спо-

собных раздавить их, словно букашек. По узким мостикам, нависающим над дымящими расселинами и провалами, по едва заметным тропкам мимо мертвых деревьев, увешанных ржавыми клетками с истлевшими, исклеванными останками в ворохах гниющего тряпья. То тут, то там попадались вонзенные в землю колья и копья, с насаженными на них черепами. Небо вновь было полно стервятников: в основном они кружили над тем местом, откуда поднимался густой черный дым — точкой падения метеорита.

— Чуют, сволочи! — крикнул Хельг Смотри-в-Оба, единственный из семерых, кому не приходилось беречь дыхание для бега. — Уже собрались на пир!

«Это вы их приучили!» — хотел ответить Вольфганг, но решил, что не стоит тратить силы. Он еще не начал уставать, молодое, тренированное тело, подогретое предчувствием грядущих опасностей, без труда справлялось с нагрузкой. Однако впереди ждала битва, а перед битвой только глупец станет попусту препираться с соратниками.

Они бежали. Тяжело, упруго прыгал с булыжника на булыжник Ыр Костолом, едва шевеля руками с намотанными на них цепями кистеней. Гыр Щербатый, наоборот, припал к земле, опирался кулаками, отталкивался ими, будто гигантская зеленокожая горилла, помогая себе двигаться вперед. Пневмоступы Скалогрыза несли его размеренными широкими шагами. Позади всех, отдуваясь и беспрерывно сплевывая, ковыляли Харлан и Синеус.

«От них не будет никакого толку на поле боя, — подумал рыцарь. — Они уже измождены, уже измотаны, уже выжаты до предела. Сказочнику мешает возраст, торговцу — выпитое в последние годы вино и съеденное мясо».

Но он опять промолчал. Справа под ребрами зашевелилась собственная усталость, пока еще крохотный комочек едва заметной, тянущей боли. Стоит сбиться с ритма или начать говорить, и он тут же примется расти.

— Давайте, ребятушки! Поднажмем! — верещал Хельг, сжимая в коротких руках свою шестиствольную аркебузу. — Не тормозить! Вышли, взяли, и назад!

Столб черного дыма приближался. Уже можно было различить хриплый клекот птиц, устрашающе вьющихся вокруг него. Сейчас. Сейчас начнется.

Вольфганг обогнал Костолома и вылетел на гребень холма первым. Перед ним раскинулась впадина, окруженная вздыбившимися скалами и сухими остовами деревьев. Почти в самой середине ее темнела круглая яма воронки, на краю которой копошились несколько существ, чью принадлежность рыцарь смог определить далеко не сразу — из-за слишком пестрых одеяний и толстого слоя сажи, покрывавшего лица.

— Твою дивизию! — ругнулся Смотри-в-Оба. — Опоздали!

От банды, успевшей к месту падения первой, отделился плечистый детина и направился к ним. По тому, как он переваливался с ноги на ногу, почти доставая пальцами земли, и по здоровенной, окованной железом дубине Вольфганг определил орка. Так оно и вышло: зеленокожий остановился, разглядывая новоприбывших, потом пригнулся и утробно зарычал, потрясая над головой оружием.

— Валите прочь! — взревел он. — Это наша добыча!

— Ну уж нет! — ответил безногий гном. — Мы увидели ее первыми! Просто вы оказались ближе!

— Попробуй взять, — оскалился варвар. — И я оторву тебе руки!

— В бой! — взвыл Хельг и выстрелил. Перемазанный в саже орк отпрыгнул, избежав ранения. К нему на помощь уже спешили остальные — Вольфганг с удивлением рассмотрел среди них одного гнома и пару людей. Видимо, банда была такой же разношерстной.

Он принялся рыться в сумке, доставая кадило, мешок с целебным порошком, чувствуя, как утекают драгоценные секунды. Руки тряслись. Костолом и Щербатый пронеслись мимо, следом пропрыгал Скалогрыз, целясь в кого-то из аркебузы, потом...

Удар. Крик, ненависть, боль. Скрежет зубов. Снова вопль — в нем страх и ярость, слившиеся в одно цельное, единое безумие — его собственный вопль. Наотмашь скипетром по грязной бородатой роже напротив, перекошенной в таком же крике. Хруст сминаемых хрящей, лязг разбиваемых зубов. Теплые капли крови на щеках.

Быстро, быстро. Каждое движение должно быть молниеносно. От этого зависит жизнь. От этого зависит победа.

Оружие в руках наливается непривычной тяжестью, камень под ногами стал скользким, и теперь нужно не просто отбивать удары, но еще и удерживать равновесие. Грохот аркебузы над самым ухом. Враг отлетает в сторону, освобождая на мгновение мир вокруг. Звенит в голове, перед глазами плывут цветные круги. Он не помнит, как это началось. Он не знает, когда это закончится. Возможно, будет продолжаться вечно.

И снова. Снова. Гнев раздирает глотку. Чужое лезвие, кривое и щербатое, бьется в скипетр. Его владелец замывается второй раз. Ногой ему в промежность. Отскочил. Жизнь продлилась на мгновение. Удар.

Противник поскользывается и падает, Вольфганг бросается к нему, поднимая скипетр. Добить. Не дать подняться. Краем глаза видит, как Ыр вращает вокруг себя чудовищные шипастые гири на толстенных цепях. Одна из них попадает по тощему человеку в кожаной куртке, обшитой металлическими пластинами. Да будь там хоть сплошной стальной доспех — надеяться не на что. Беднягу отбрасывает на несколько шагов, и приземляется он уже мертвым, измятым мешком раздробленных костей и изувеченных внутренностей. Второй человек успевает поднырнуть под кистенем и его лезвие достигает цели, вонзается в зеленый бок орка. Тот ревет, а через долю секунды реагирует Хельг: выстрел из всех стволов окутывает сцену дымом.

Вольфганг добивает упавшего, мчится на помощь, не раздумывая о том, что в пылу схватки сам запросто может получить удар палицей. Костолом нервно топчется на месте, растирая когтистыми пальцами рану. Кровь льется тоненькими струйками. Доставший его лежит на земле, раскинув руки. От его головы почти ничего не осталось — все шесть зарядов Хельга угодили в цель.

Паладин взмахивает кадиллом, окутывая орка зеленым дымом.

— Вдыхай! — кричит он. — Вдыхай глубже!

Костолом шумно, судорожно вдыхает. Рана начинает затягиваться.

Впереди, в десяти шагах, Гыр бьется с другим варваром — чужим, тем самым, что встретил их первым. Плечо в щит, тесак в дубину, огромные пасти клацают желтыми клыками в нескольких сантиметрах друг от друга. Рядом

прыгает, размахивая аркебузой, гном. Вольфганг не сразу узнает Скалогрыза. Глухой сапер, видимо, расстрелял все патроны и теперь использует ружье в качестве молотка, ожесточенно лупит прикладом по зеленой потной спине.

Гыр резко взрыкивает, отпихивает врага от себя. Тот, удержав равновесие, с размаху бьет ногой ему в щит. Гыр опрокидывается на спину. А Костолом срывается с места, оглашая окрестности ревом, от которого наложки бы в штаны даже скелеты, висящие на высохших деревьях. Орк с дубиной бросает на него быстрый взгляд, разевает пасть в угрожающем оскале и бежит прочь, не оглядываясь.

— Чеши! — кричит ему Скалогрыз. — Чеши отсюда, придурок.

Гыр поднимается с земли, утрюмо озираясь.

— О! Победа! — вопит Хельг. — Наша взяла!

И правда. Больше никого не осталось. Вольфганг насыпает в кадило еще порошка, ждет пока он разгорится, подходит к соратникам, столпившимся над воронкой, принимается окуривать их дымом. Вниз он не глядит. Это после. Неужели все уцелели? Вот Харлан, запыхавшийся, грязный, измученный. Вот Скалогрыз, довольный и гордый собой. Вот Ыр и Гыр, одолевшие большую часть врагов, покрытые многочисленными порезами и ссадинами. Вот Хельг, деловито перезаряжающий аркебузу. Кого нет?

Время дернулось и вернулось в привычное русло.

Вольфганг утер пот со лба, спросил:

— А где старик?

— Хм. — Смотри-в-Оба начал озиаться. — Не вижу. Тут и спрятаться-то негде. Сдристнул небось. Да и слава Гранитным Предкам. Не стариковское это дело — в драки ввязываться.

— Бездна! Кто-нибудь видел его? — почти закричал Вольфганг.

В ответ только недоуменные взгляды и пожимания плечами.

— Ладно, разберемся, — заворчал Хельг. — Ырушка, давай-ка спустимся, вытащим камешек. Сдюжишь?

— Попробую! — прогудел Костолом.

— Отлично. Если горячий, не переживай. Тебя рыцарь наш в дороге подлечивать будет, ххе-ххе...

Орки принялись сползать в воронку. Вольфганг осмотрелся. Действительно старика нигде не было. Он побежал к холмам, туда, откуда они пришли. Мимо окровавленных трупов, отсеченных конечностей, разбросанного оружия. Поднялся на гребень, тяжело дыша, обливаясь потом.

— Сигмунд! — позвал он, сложив ладони рупором. — Эге! Сказочник!

Тишина. Только доносятся сзади подбадривающие сен-тенции Хельга:

— Эх, поднажми! Еще! Раз-два, взя-а-али! Раз-два, взя-а-али!

Неужели Синеус снова ушел? Срезал, мать его, тайными тропами. Вокруг только скалы: серые, молчаливые, древние. Что-то произошло со стариком, но кто даст ответ. Слева, за острым, изящно изогнутым выступом, виднелась сложенная из каменных блоков стена башни. Показалось, или там действительно слегка шевельнулись тени?

Вольфганг направился туда. Осторожно. Медленно. Опустил на землю кадило, снял с пояса скипетр, так и не очищенный от крови и прилипших волос. Шаг за шагом. Поскрипывали сапоги, с хрипами вырывалось наружу дыхание. Услышит ли его приближение тот, кто прячется в башне? Сказочник ли это? Или один из чужих ловцов укрылся тут? Может, засада?

Рыцарь обогнул выступ скалы. Башня возвышалась перед ним низкой бочкообразной развалиной, необитаемой уже не один десяток лет. Обвалившиеся зубцы, обрушившиеся перекрытия, расплзшийся по стенам мох. Черный прямоугольник входа. Вряд ли там вообще кто-то есть. Просто показалось.

Он шагнул внутрь, сжимая скипетр обеими руками, готовый нанести удар и сразу выскочить наружу. Здесь было темно и сыро, дневной свет едва проникал сквозь щели в потолке. Но его хватило, чтобы различить движение впереди. Громоздкий, неясный, смутно угадываемый силуэт.

— Стоять! — сказал Вольфганг. — А ну...

— Ты ищешь старика? — раздался голос из мрака. — Сигмунда Синеуса?

Знакомый голос. Изменившийся, зачерствевший, но узнаваемый.

— Да.

— Он умер. Не выдержало сердце. Я должен был предвидеть...

— Сердце? А где тело?

— Здесь. Прости меня, Вольфганг, сын Франца, внук Роберта и брат Рихарда. Мне не хотелось так долго держать тебя в неведении.

— Во имя Ушедших Богов, что происходит?! Кто ты? Где Синеус?!

— Вот он. Вот я.

Силуэт впереди двинулся и вышел на свет, оказавшись вдруг совсем близко, прямо перед Вольфгангом. Паладин не успел даже отшатнуться. Тьма сгустилась, оформилась в высокую двухголовую фигуру, стоявшую вплотную к рыцарю, у которого перехватило дыхание от открывшегося зрелища. Ведь на него в упор смотрели две потрескавшихся деревянных маски. Одна золоченая, вторая — из красного дерева.



ГЛАВА IV В ПЕРВЫХ РЯДАХ

— Кажись, счас еще повалят, — сказал Хельг Смотри-в-Оба и шумно высморкался. — Слышь, наверняка уже все пустоши в курсе, где мы и как мы.

— Ничего, — ответил Вольфганг, стараясь, чтобы злой сарказм в голосе был не слишком заметен. — Главное, до ночи продержаться, а там отдохнем.

Гном сарказма не уловил и покачал головой:

— Боюсь, в эту ночь отдохнуть не придется. Ради такой добычи ублюдки пойдут на все. Вот увидишь, им уже сейчас наплевать на любые соглашения.

Рыцарь кивнул и вытер со лба пот, размазав по лицу серую грязь. Стычки не прекращались несколько часов и наверняка продолжатся еще столько же. Небо позади было полно стервятников. Лошади не могли везти тяжелый камень быстрее. Бедные животные выбились из сил, таща за собой наспех сооруженные полозья с обломком небесной скалы. Их с обеих сторон прикрывали Ыр и Гыр. Возле самих полозьев шли Вольфганг и Харлан. Скалогрыз взгромоздился на метеорит и сурово оглядывал окрестности, держа наготове заряженную аркебузу. Хельг тоже беспрерывно обшаривал гребни холмов вокруг взглядом закрытых черными очками глаз. Ивэйна Распрекрасная и Червяк сидели на полозьях под камнем. Элли бодро вышагивала рядом, сжимая в руках длинный посох с навершием в виде скрученного драконьего хвоста. Несколько раз она пыталась заставить его изрыгать огонь, выкрикивала странно звучащие слова на эльфийском языке, направляла наконецник на приближающихся врагов, но лучшим результатом пока стали несколько

безобидных искр, сорвавшихся с «хвоста» — рыцарю и торговцу приходилось прикрывать неудачливую колдунью. Однако та не теряла духа и в коротких перерывах между схватками весело лепетала что-то на эльфийском.

В левой руке Вольфганг держал кадило, беспрерывно исторгающее зеленый дым. Каждый в их маленькой армии знал, что они до сих пор не погибли только благодаря этому вонючему, едкому дыму. Как только закончится целебный порошок, никакое воинское искусство, никакая первобытная мощь, никакие железные кистени или пороховые ружья не спасут их: мелкие порезы, незначительные, но кровоточащие раны изгрызут плоть, непрерывный бой отберет силы, измучает тела, и однажды их непробиваемая защита дрогнет, рассыплется. Первыми погибнут старуха и мальчик. Просто потому, что Вольфганг не успеет перехватить очередного оборванца, вооруженного мясницким тесаком или сделанной из косы пикой. Просто потому, что Скалогрыз промахнется, или заряды для аркебузы, целый мешок которых болтался сейчас на его поясе, все-таки подойдут к концу. Следующей умрет Эли, странная эльфийка, совсем не похожая на тех своих сородичей, что похитили Рихарда — обладающая миловидным, даже, пожалуй, красивым по человеческим меркам лицом, не умеющая творить волшебство, молчаливая и не таящая в себе ни капли высокомерия. Просто в очередной раз, когда вместо потока пламени ее посох произведет пару жалких искр, некому будет отразить удар ятагана, направленный в ее бритую голову.

Потом настанет черед Скалогрыза и Харлана. Глухой сапер и торговец вымотаются раньше остальных. Оба привычны к дракам, прекрасно управляют с оружием, но первого рано или поздно подведет недостаточный слух, а второго — отчетливо заметный под курткой живот и седина в черной бороде.

Останутся четверо, у которых будет шанс продержаться и спастись. Но они его не используют, потому что не смогут оставить камень. Хельг ни за что не откажется от такой редкой и богатой добычи, Ыр и Гыр не покинут Хельга, а Вольфганг не сойдет с единственной тропы, ведущей к брату. Тем более, сейчас, когда знает, какие

силы и существа оказывают ему поддержку. Проклятая старость Синеуса, проклятое больное сердце, не способное выдержать долгий бег. Сам Аргус, двухголовый бог ночных кошмаров и волшебства, заперт в старой, разрушающейся башне — заперт не замками и не засовами, а всего лишь чистым дневным светом. До наступления темноты он не сможет прийти им на помощь. Проклятое упрямство Хельга, во что бы то ни стало стремящегося увезти метеорит сразу заказчикам. Проклятый запрет Аргуса рассказывать о нем. Если бы Вольфганг сумел убедить Смотри-в-Оба остаться на месте, существо, таящееся в развалинах, помогло бы им продержаться, одолело бы любых врагов. Но он не сумел. Он даже не предпринял второй попытки.

— Нет, — сразу отрезал безногий гном, сидя на куче трофейного оружия и стирая рукавом кровь с широкого лезвия ятагана. — Мы не можем торчать здесь до ночи. Вообще, чем быстрее Червяк приведет лошадей и баб, тем лучше. Помяни мое слово, слухи в пустошах разносятся быстрее птичьего крика. Скоро каждая дробаная банда попытается отобрать у нас камешек. Будем надеяться, им не хватит ума объединиться.

— Хорошо, — согласился Вольфганг. Тогда он даже представить себе не мог, во что выльется попытка Смотри-в-Оба прорваться к владениям алхимиков. В тот момент, оглушенный недавней битвой и окончательно раздавленный невероятной встречей в разрушенной башне, он оказался не способен здраво рассуждать. В резиденции Ордена им рассказывали о случаях, когда неопытные бойцы, оруженосцы или послушники, пережившие первую в своей жизни сечу, забывали даже собственные имена. И вот он сам оказался в этом состоянии, опустошенный, развоплощенный. В те минуты он представлял собой просто плотно сбитый набор плоти и костей, лишенный собственного смысла и предназначения, не готовый самостоятельно принимать решения. Поэтому он не стал возражать, а просто кивнул.

— Где старик-то? — спросил его Хельг, не отрывая взгляда от дымящейся, обуглившейся поверхности камня, который, кряхтя и отдуваясь, выталкивали из воронки орки. — Нашел его?

— Он умер, — честно ответил Вольфганг.

Десятью минутами ранее, во мраке, одно из лиц древнего бога, скрытое золоченой деревянной маской, увитой множеством трещин, повернулось к нему, и голос, звучащий, казалось, сразу со всех сторон, произнес:

— Никто из них не должен знать истину. Пока. Обещай мне.

Рыцарь обещал. И нарушать данное слово не собирался.

— Умер? — Хельг продолжал смотреть на метеорит. — Убили?

— Сам. Сердце, наверное.

— Ясно. Жаль... ты не слышишь лошадей еще?

— Пока нет.

— Проклятие! Где их там носит?! Сказал же Червяку, чтоб изо всех сил гнал. Эх... бабы, чай, взялись манатки собирать. Дуры.

— Ты ж сам говорил, что лошадям по скалам тяжело идти. Червяку не надо их торопить.

— И то верно... так как там со стариком-то получилось?

— Я его похоронил.

Это тоже была чистая правда.

— Бездна! Мы-то думали, чего это тебя столько времени нет! А ты, оказывается, старину Сигмунда закапывал. Все равно без толку.

— Почему?

— Сожрут. Крысы, собаки одичавшие или другая нечисть какая-нибудь.

Вольфганг промолчал. Он с трудом заставлял себя воспринимать происходящее, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться в хохот. Аргус. Гномова мать, Аргус! Ночной король, чей серебряный дворец скрыт в глубинах луны. Двуликий Хранитель Душ. То ли красивая легенда, то ли страшная сказка. «Никто из них не должен знать истину». Мир вдруг стал невероятно крохотным — рыцарь словно в самом деле увидел его со стороны: укутанный облаками шарик в центре непроницаемой сферы из неизвестного металла, плавающей посреди безбрежного океана тьмы и хаоса. Океана, полного опасных тварей. Все препятствия, ранее казавшиеся непреодолимыми, теперь выглядели мелочью, все грандиозные начинания

и свершения превратились в ничто. Для любого маленького ребенка двор около дома — целое королевство, полное замков, рек, горных хребтов и приключений. Ребенок вырастает, и двор уменьшается в размерах, становясь просто клочком земли, из которого торчит свекольная ботва. Так и для того, кто хранит секреты двуликого бога, бытие безгранично расширяется, а привычная реальность съезживается до размеров носового платка. Вот такой парадокс. Есть от чего сойти с ума без всяких подземных проклятий.

— Кажись, едут! — гаркнул вдруг Хельг Смотри-в-Оба. — Слышь, справился мальчишка!

Действительно, из-за холмов уже доносились топот множества копыт и недовольное ржание. Вольфганг поднялся, готовый помогать оркам грузить барахло на полозья. Он был настолько полон новым, что внутри царила абсолютная, всепоглощающая пустота. Ни одной звезды не зажглось в ней, ни одной мысли не зародилось. Не получилось обдумать план безногого, оценить все варианты, предположить опасности.

И теперь вся группа была обречена. Гном, ослепленный алчностью и азартом, привел их сюда, а рыцарь, оглушенный осознанием собственной ничтожности, не сумел этому вовремя помешать. Целебный порошок в сумке заканчивался, и вряд ли его хватит, чтобы вылечить еще одну серьезную рану. Но они не бросят метеорит, они будут сражаться до последнего.

Чей-то молот проломит деревянный щит, и Гыр Щербатый рухнет в пыль, сраженный ударом сулицы в морду. Кровавая мельница кистеней Костолома перемелет еще немало жизней, но и ее в конце концов остановят арбалетные болты. Беспомощного бородача Хельга Смотри-в-Оба попросту раздавят, словно младенца в захваченном городе. Но Вольфганг этого уже не увидит, потому что падет первым.

— Нам крышка, — сказал он негромко, поравнявшись с Ёром Костоломом. Орк и бровью не повел, прекрасно понимая, что реплика предназначена его наезднику.

— Ни хрена, — процедил Хельг, продолжая все так же свирепо оглядывать безжизненные склоны вокруг. — Прорвемся.

— Дыма больше не будет, — пояснил Вольфганг. — У меня осталась всего одна щепотка. Не хватит даже на схватку.

— Значит, будем драться по-честному, — ощерился гном. — И правильно. А то Ыру скоро станет скучно. Да, Ырушка?

Здоровяк неопределенно повел плечами, и Хельга качнуло. Если бы не цепь, он бы точно свалился на землю.

— Эй, тпру! — возмущенно воскликнул коротышка. — Вязанку хвороста тащишь, что ли?

— Звиняй, — добродушно ощерился Ыр. — Не подумал.

— Мог бы и не объяснять! — проворчал Смотри-в-Оба.

— По-честному, говоришь? — вернулся к теме Вольфганг. — Хорошо бы. Только их в несколько раз больше. И стоит им расстрелять наших лошадей, как мы окончательно окажемся в ловушке. Куда, между прочим, сами себя загнали.

— Лошадок они трогать не станут, — протянул Хельг с легкой усмешкой. — Лошадки им нужны, иначе каменюку никогда с места не сдвинуть.

— А ведь верно.

— Еще бы не верно! Бандами же не дураки вроде тебя командуют, там серьезные парни, понимают, что к чему...

Вольфганг даже не обратил внимания на оскорбление. Действительно, лошадей ловцы за метеоритами не держат, а значит, своего транспорта для перевозки тяжеленного небесного валуна у них не имеется. Именно поэтому ни одно копые пока не прилетело в кобыл, с невероятным трудом тянущих по острым камням полозья с куском небесного металла. Надежда, пусть и очень слабая, забрезжила на горизонте. По крайней мере, они продолжают двигаться вперед.

— Ничего, парень, — продолжал Хельг. — Не пачкай штанов раньше времени. Прорвемся. Видят Гранитные Предки, я еще попирую на могилах врагов, я еще слезу с костоломовой шеи, присобачу себе протезы и надену механические прыгуны, вроде тех, что носит твой глухой дружбан.

— Эй! — раздался сзади обиженный голос Скалогрыза. — Они называются пневмоступы!

— Какая разница! — хохотнул Смотри-в-Оба. — Имя еще ничего не значит. Вот взять хоть меня...

— Эт верно, подхватил Роргар. — Свинья, она того... свинья!

— Не везет тебе на гномов, рыцарь, — скривился Хельг. — Нормальных не попадается, один — без ног, второй — без ушей. А видел бы ты наших лучших воителей. Эх, никогда не забуду парады в День Спокойствия: огромная площадь перед бастионами Раллдрунга, полки саперов с молотами на плечах, канониры на вычищенных до блеска турелях и мортирах. Доспехи сверкают, бороды у всех заплетены, заткнуты за пояса, маршируют ровно, нога в ногу, шаг в шаг, как один.

— Ты был солдатом?

— Да. Бригадир второго ранга, командующий двадцать седьмым артиллерийским расчетом Подгорной Армии Его Гранитного Величества.

— Канонир? Это тебя порохом так?

— А чем же еще! Им, родимым. Ранение потом и спасло, кстати говоря. Непростая вышла история: я, значит, в госпитале провалялся, сколько положено, а потом...

— Осторожно! — заорал сзади Скалогрыз. — Наверху!

Вольфганг обернулся и, уже заканчивая поворот, понял, что допустил страшную ошибку. Он успел увидеть расширенные от ужаса глаза Роргара, Харлана с клинком наголо, успел заметить, как скрывается за камнем грязный вихор Червяка. Слева, совсем близко, раздался звук, от которого сердце провалилось в пятки. словно топор с размаху вонзили в толстое, но давно отсыревшее бревно.

Руки все делали сами по себе: открыть сумку, поднять мешочек с порошком и огниво, одним движением высыпать в кадило содержимое, чиркнуть кремнем о кремь. Секунды, уже потраченные впустую.

Хельг Смотри-в-Оба завалился назад, повис на цепи, будто тряпичная кукла. Он и в самом деле был на нее похож: такой же неестественно короткий, обмякший, такой же нелепый, растрепанный, в игрушечной жилетке, украшенной булавками и гвоздями. Кукла с длинной стрелой, торчащей из правой стороны головы.

Того, кто выстрелил, Вольфгангу рассмотреть не удалось, краем глаза только ухватил мелькнувший над гребнем холма краешек зеленого плаща.

Паническое ржание ударило в уши. Перепуганные кобылы забились в упряжи, из последних сил пытаясь вырваться. Костолом быстро, но бережно снял со своей шеи мертвого гнома. Мгновение он подержал его в руках, словно ребенок — поломавшуюся игрушку, а потом осторожно положил на землю.

Вольфганг ладонью притушил уже начавший разгораться порошок в кадиле, крикнул Червяку и Распрекрасной:

— Прячьтесь за камнем! — а сам взял в правую руку скипетр. Оставалось надеяться лишь на то, что нападающие не станут рисковать конями и снова пойдут врукопашную.

— Ну, высунись, что ли, мразь! — взревел Скалогрыз, вскинув аркебузу к плечу и целясь туда, где мелькнул лучник. — Покажись!

Орки напряженно озирались, в любой момент готовые кинуться в драку. Предчувствие бойни накрыло их всех мягким покрывалом тишины, сквозь которое с большим трудом пробивались даже восторженные крики стервятников. Где-то вверху, за гребнями холмов, притаилась смерть. И вряд ли она собиралась выпускать их из своих цепких лап.

— Эй! — донесся оттуда гулкий, скорее всего, орочий, голос. — Смотри-в-Оба, кажись, того... просмотрел!

Несмотря на то что голос был искажен расстоянием и скалистыми склонами, в нем без труда различались насмешка и неприкрытое торжество. Видимо, долгое время безногий гном оставался для остальных атаманов костью в горле, не позволяя себя одолеть, всегда обыгрывая их с помощью изворотливого ума и хитрости. Но любой стратег, даже самый талантливый, рано или поздно допускает ошибку. Хельг, понимая, что такую грандиозную добычу нельзя было ни везти в лагерь, ни оставлять на месте, принял, наверное, единственно верное решение — сразу доставить ее в Цитадель. Но осознавал ли он, что подобная попытка изначально обречена на провал? Теперь уже не узнать, теперь его планы канули во тьму вместе с воспоминаниями о военных парадах

в День Спокойствия, вместе с недосказанной историей о том, что именно случилось с ним после госпиталя. Старый канонир отстрелялся.

— Сдавайтесь! — снова тот же торжествующе-насмешливый голос.

— Выходи! — рывкнул Костолом, и эхо разнесло его слова по всем пустошам, спугнуло нескольких грифов, уже успевших рассестись на ветвях мертвых деревьев.

— Сдавайтесь! — повторил невидимый атаман. — Вы нам не нужны, просто идите прочь, куда хотите, оставьте булжик и повозку! Сегодня пролилось достаточно крови!

— Нет, еще не достаточно! — ответил Ыр и скрестил руки на груди, отчего шипастые гири кистеней столкнулись с глухим металлическим гулом. — Пока не хватает твоей.

Надо сдать, подумал Вольфганг. Согласиться со всеми условиями, уйти, спасти жизни Элли, Червяка и Распрекрасной. Спасти собственные жизни. Камень никуда не денется, его все равно повезут в цитадель, и нет никакой разницы, кто именно это сделает. Ночью Аргус будет там, все объяснит алхимикам. Они послушают Дзуликого, не могут не послушать. Но для того чтобы все закончилось хорошо, сейчас нужно сдать и отступить. Смириться с гибелью Хельга и отступить.

— Ты дурак, Костолом! — В голосе так и не показавшего орка не оставалось веселья. Теперь он был полон раздражения и злости.

— А ты трус! — не моргнув глазом, парировал Ыр. — Кусок дерьма!

Отступить не выйдет, убедился рыцарь. Никто из них не уйдет. Орки не бросят добычу, не оставят погибшего командира неотомщенным, а эльфийка, старуха и мальчишка не бросят орков, тем более, не послушают парня, с которым знакомы второй день в жизни. Роргар, похоже, тоже не собирался пропускать битву — судя по сдвинутым бровям и звериному оскалу, гном намеревался сполна расквитаться за смерть сородича. Харлану было уже все равно, он стоял, подняв перед собой меч, забыв обо всем, кроме необходимости рубить и колоть врагов. И никому из них не было известно, зачем вообще нужен метеорит. Кроме него.

Кроме рыцаря, сумевшего заглянуть за кулисы и увидеть, кто именно двигает фигуры на сцене — а после разговора с одним из кукловодов даже понявшего логику происходящего. Ему одному очевидна бессмысленность сражения за небесный булыжник.

Но он не сможет покинуть их, не заставит себя скрыться среди безжизненных скал. Когда-то давно, в детстве, он, слушая рассказы о подвигах и великих битвах прошлого, много раз задумывался: каково это, стоять в первом ряду войска, смотреть на наступающие силы противника и знать, что совсем скоро ты умрешь — те, кто стоят в первых рядах, нечасто доживают до конца боя. Почему они соглашаются на это, почему не убегают, почему не пытаются изменить свою судьбу? Вольфганг вырос и полагал, что познал ответ: долг, честь, воинская дисциплина — вот что удерживает обреченных на месте, заставляет их держать строй, смыкать щиты и принимать на себя самый яростный натиск, гасить его своими телами. Так считали все наставники и командиры.

Но только теперь ему открылась истинная причина. За мгновение до того, как полетели стрелы, Вольфганг понял.

* * *

Брат Лариус, когда-то Старший, а теперь единственный оставшийся Наблюдающий за Звездами в Девятой цитадели, беспокойно вскочил со стула, подошел к окну. Привычный серый пейзаж. Все двадцать девять лет, прошедшие с тех пор, как он решил посвятить жизнь познанию и подался в алхимики, за единственным окном кельи, предоставленной ему для сна и размышлений, вид оставался удручающе одинаковым. Пустые склоны северных отрогов Арганайского Хребта. Ни одного деревца, ни одной лужи или клочка тумана. Даже небо здесь не менялось: сплошное полотно облаков, приползших с юго-востока, от берегов Рассветного Моря. В последние годы брат Лариус не любил смотреть в окно. По сравнению с вечностью, открывавшейся по другую сторону, его собственное старение выглядело необычайно бы-

стротечным. Годы, проведенные в этой келье и покрывшие волосы серебром, теперь казались не длиннее трех десятков часов. Книги, манускрипты, свитки и таблицы, схемы звездного неба, расчеты лунных траекторий. Бесконечные попытки разгадать послания Ушедших Богов. Он столько всего узнал за эти годы, столько темных секретов выведал, столько тайн разгадал, а на самом деле почти и не жил. Пальцы, покрытые несмываемыми чернильными пятнами, сутулая спина, да тысячи строчек на пергаментных страницах — вот единственные доказательства реальности прошедших лет. Даже когда с миром случилось что-то страшное, здесь ничего не изменилось. Братья сходили с ума, бросались друг на друга, пытались поджечь склады и хранилище образцов, гибли и спасались бегством, но наверху, в узкой келье, полной пыльных томов и свитков, все это отзывалось лишь приглушенным эхом, едва слышными, безликими криками, легким запахом дыма. А в окно по-прежнему смотрело равнодушное серое небо.

После катастрофы жизнь брата Лариуса особенно не поменялась. Просто теперь, проходя коридорами цитадели, он встречал гораздо меньше знакомых лиц — уцелел только каждый седьмой брат — да начались перебои с питанием: вместо печеной свинины и эля приходилось довольствоваться куском хлеба и миской овощной похлебки. Повезло, что конец света наступил в середине лета. По крайней мере, овощи успели посадить, будет чем питаться в грядущую зиму.

Но сейчас... сейчас происходило нечто иное. По-настоящему важное. По-настоящему опасное. Оно приближалось из бесцветных холмов за окном. Цитадель чувствовала это, оживала, наполнялась голосами и шорохами, ползущими вверх по каменной кладке стен и башен. Далеко внизу родился низкий, протяжный гул, в глубине которого можно было различить тяжелый механический стук. Неужели в Кузнице?

Брат Лариус заметался по келье, шаря взглядом по стеллажам с книгами, потянулся к одной, отдернул руку, кинулся к другому краю, вытащил с самой верхней полки толстую растрепанную тетрадь, бросил на стол.

«История и План Девятого Замка Братства Алхимиков» — гласило начертанное на обложке название. Он раскрыл ее, принялся торопливо перелистывать пожелтевшие страницы, покрытые выцветшими рисунками и надписями. Гул внизу нарастал, заставлял мелко вибрировать стены и пол кельи. Рваные края свитков и листов, торчащие из стопок пергамента, стали подрагивать. Это не могло быть ничем иным. Это не могло означать ничего, кроме пробуждения вулкана, на склонах которого стояла цитадель.

Наконец он нашел нужное место. Весь разворот занимала подробная схема нижних уровней Девятого Замка, точная копия с давно утерянного чертежа, выполненного первыми алхимиками многие сотни лет назад, когда они только собирались возводить свою твердыню.

Нижние уровни, служащие теперь основой и фундаментом цитадели, уже стояли здесь в те времена — строение настолько древнее, что окружающие скалы казались младше, настолько чуждое, что от одного взгляда на его стены у первых алхимиков кружилась голова.

Полторы тысячи лет назад войска людей впервые пришли в предгорья Арганая, отбирая у эльфов крепость за крепостью — и сложнее всего оказалось взять именно эту, несмотря на отсутствие серьезных укреплений. Длиннорукие защищали ее с неожиданным упорством, отбивались яростно и, что самое удивительное, не жалели своих жизней, не отступали, не собирались сдаваться.

Однако силы были неравны, в конце концов, воины молодого конунга Хадрика Железноглазого захватили странную крепость, щедро залив ее стены кровью. Но на ночь в ней не расположились, разбили рядом лагерь. Оставить гарнизон тоже не получилось: летописи не приводят точных причин, но в один голос твердят о том, что в течение следующих двадцати с лишним лет безымянное строение пустовало — до тех пор, пока на него не положило глаз Братство Алхимиков.

Получив в свое распоряжение столь загадочный объект, братья изучили его сверху донизу, облазили все закоулки, обшарили каждый дюйм и однажды все-таки отыскали потайную дверь, ведущую в темные подгорные каверны. Там, внизу, они нашли Кузницу, соединенную пустыми

протоками с внутренними полостями давно потухшего вулкана — и того, кто спал в ней. Пораженные величиим находки, и догадавшись, что сон ее хозяина нельзя нарушать, алхимики замуровали секретный вход в Кузницу. С помощью гномьих мастеров они выстроили над ней высокие стены и башни, возвели поверх эльфийского фундамента неприступную цитадель, самую грозную и могучую из всех, принадлежащих Братству.

Годы шли, сцепляясь в века, принося с собой новые и новые проблемы, забирая тех, кто отжил свой срок. Постепенно секрет, таящийся в подножии Девятого Замка, забылся, превратился из важной тайны в скучную байку, не имеющую особого смысла. Первые братья, лично видевшие Кузницу, давно умерли, и даже их имена исчезли из истории, а все, ими написанное, истлело, превратившись в серую пыль. Когда мир оказался на краю гибели, никто из алхимиков цитадели даже не вспомнил о самом старом ее обитателе.

Никто, кроме брата Лариуса. Иногда, слушая безумные вопли, доносящиеся с нижних этажей, он размышлял о преданиях древности и приходил к выводу, что, если под замком и вправду кто-то спит, настало самое время ему проснуться. Но ничего не происходило, смерть собирала свой урожай, демоны, вырвавшиеся на свободу, торжествовали, повсюду правило бал кровавое безумие. И вот сейчас. Сейчас...

Быстрые шаги по коридору, тяжелый, отчаянный стук в дверь. Пора бы уже. Шаркая, Лариус добрался до входа в келью, открыл. На пороге стоял молодой послушник, принятый в Братство пару лет назад. Имени его он не знал.

Все еще хватая ртом воздух после долгого бега, парень начал объяснять:

— Мастер... мастер Лариус, вулкан... он пробудился...

— Я понял. И не только вулкан.

— Да... там... в подвале...

— У меня есть чертежи. — Лариус указал на лежащую на столе тетрадь. — Иди, собирай братьев. Берите кирки, лопы, лопаты, будем искать вход. Я сейчас спущусь.

Несколько раз моргнув расширенными от страха глазами, парень кивнул и побежал по коридору к лестнице.

Лариус проводил его взглядом, потом вернулся к столу, насвистывая мотивчик, названия которого вспомнить не мог.

За окном раздался оглушительный грохот, и вся цитадель ощутимо содрогнулась — от основания до шпилей самых высоких башен. Извержение начиналось.

Что ж, ради такого стоило проторчать в этой проклятой дыре три десятка лет.



ГЛАВА V

ОГОНЬ

Вблизи клыки каменной обезьяны оказались меньше, чем выглядели с противоположного конца моста — как раз в рост Рихарда. Проходя между ними, он расставил руки и коснулся пальцами каменной поверхности. Она была теплой, шершавой и совершенно реальной. Как и рокот барабанов, поднимающийся навстречу из обезьяньего зева.

— Они приветствуют тебя, — сказал орк. — Славят великого героя.

— Меня? — усмехнулся Рихард. — Во мне нет ничего великого. Я просто схлопотал несколько стрел и потому оказался здесь.

— Ты не прав, рыцарь. Вспомни свои сны.

— Они не имеют ничего общего с этим.

— Враги пытались достать тебя. Но мы успели раньше. Только и всего.

Они углублялись в пещеру, спускаясь все ниже по пологому склону «пищевода» гигантского каменного существа. Гладкие своды постепенно расширялись, отсветы пламени на стенах становились ярче, а гулкий, тяжелый ритм, призывно пульсирующий внизу, — громче. Вскоре он заполнил собой все вокруг, заглушил шаги, сделал невозможными разговоры. Простой, но захватывающий музыкальный рисунок отзывался во всем теле, проникал в сердце, заставляя его биться в такт, ускорял движение крови по венам, вызывал в сознании отчетливые образы: десятки зеленокожих великанов, танцующих вокруг огромного костра на поляне посреди погруженных во мрак джунглей, мощные кулаки, сжимающие пики с человеческими черепами на каменных остриях, черные в лунном свете полосы на задранных к небу клыкастых мордах.

Рихард знал, что орки не брезговали человеческим мясом. По крайней мере, так говорили наставники в Ордене: до того как пятьдесят лет назад заключили перемирие, степняки нередко съедали пленных, захваченных во время набегов. Это вполне могло оказаться правдой. С самого детства, с тех вечеров, когда мать, отправляя близнецов в кровать, грозилась позвать орков, они оставались для Рихарда и Вольфганга просто пугалом, некоей нереальной, далекой угрозой вроде старческого слабоумия, до которого доживает лишь один из сотни мужчин. Но теперь Рихард спускается в священную пещеру орков, находящуюся в самом центре джунглей Ру-Аркха, а следом идет зеленокожий, которому он почему-то безоговорочно доверяет, и ведет его в чертоги великого бога войны. Сильнее всего в происходящем удивляло собственное спокойствие.

Он попытался спросить о людоедстве, однако не услышал собственного голоса за шумом барабанов. Сейчас они звучали совсем близко: в общем потоке уже стало возможно различить небольшие расхождения с основным ритмом. Кто-то чуть запаздывал, кто-то, наоборот, слегка забежал вперед, кто-то, полностью поглощенный игрой, обогащал рисунок спонтанными узорами. Рихард никогда не слышал ничего подобного. Эта примитивная, невероятно простая музыка, казалось, была полнее и насыщеннее сочинений любых известных ему композиторов, забиралась в душу на глубину, недоступную даже Королевскому оркестру, на выступлении которого он был несколько раз, или орденскому Хору, чьи песнопения он посещал постоянно, и будила там истину, усыпленную долгими годами воспитания и службы.

— Это привратники, — сказал его провожатый. Грохот заглушил слова, но Рихард все же услышал их, уловил не звуки, но смысл. — Величайшие шаманы наших племен. Каждый из них играет на барабане, обтянутом его кожей. Такие инструменты безоговорочно подчиняются своим владельцам, не позволяют им сбиваться с ритма.

Рихард содрогнулся. Он приближался к сердцу мира мертвых, здесь действовали иные законы, и обычное человеческое отвращение попросту не имело права на существование.

— Они сами их обтягивали? — спросил он, и на этот раз орк услышал вопрос.

— Нет, — пояснил тот. — Когда шаман умирает, его кожа используется для барабана. Потом их хоронят вместе.

— Вы же не хороните умерших.

— Павших, — поправил провожатый. — Погибший на поле боя не нуждается в погребении. А шаманов мы сжигаем. Иначе их души не найдут сюда дороги.

Он помолчал и добавил:

— Они не любят чужаков.

Рихард не нашелся, что сказать. Да и не было нужды в словах — они вышли в большую пещеру, где возникал ритм. Огромные костры горели на высоких пирамидах, сложенных из грубо отесанных каменных блоков, разгоняли оранжевым светом густую, плотную тьму, разбрасывали по стенам тени, непрерывно извивающиеся в сложном, противоестественном танце. Из чадной черноты, в которой тонул потолок пещеры, ужасными сталактитами спускались связки белых костей и черепов. Рыцарю хватило одного взгляда, чтобы различить среди них и человеческие. Но отнюдь не это произвело на него самое жуткое впечатление.

На ступенях пирамид сидели музыканты. Массивные, сторбленные фигуры, безликие, бесформенные: их полностью скрывали накидки и маски из козьих шкур, украшенные множеством звериных рогов, когтей и пестрых перьев. Некоторые маски были сплошными, без прорезей, на других прорези стягивались грубыми стежками, и лишь у немногих сквозь неровные дыры в шкурах виднелись налитые кровью белки закатившихся глаз или кривые желтые клыки.

Ладони и заскорузлые пальцы беспрестанно опускались на мембраны высоких деревянных барабанов, наполняя полумрак пещеры тяжелым гулом ударов. Эхо билось в стены, отражалось от колышущихся в такт теней, вырывалось сквозь широкий проем в коридор, ведущий к каменной пасти.

Когда Рихард вошел, шаманы сидели совершенно неподвижно: их можно было бы принять за своеобразные украшения пирамид, покрытые шкурами статуи, если

бы не стучащие руки. Но стоило ему сделать пару шагов в глубь зала, как фигуры зашевелились, беспокойно, беспорядочно, словно разбуженные посреди глубокого сна. Ритм резко ускорился, самозабвенный пафос сменился тревожностью, затем угрозой. Рыцарь чувствовал это так же ясно, словно имел возможность смотреть в зубастые лица привратников. В любую секунду его запросто могла постичь участь несчастных, пытавшихся пройти здесь раньше и наполнивших своими костями узлы, свисающие с потолка. Развернуться и побежать назад не давало только странное ощущение всемогущества, бессмысленный, но непобедимый кураж, ведомый лишь истинным героям, являющийся на самом пороге гибели.

Некоторые из музыкантов поднимались во весь рост, заслоня собой костры на вершинах пирамид. В редких прорезях масок ворочались безумно вытаращенные глаза и скалились, истекая слюной, хищные пасти.

Рихард шагал вперед, не глядя под ноги, не поворачивая головы. Если хоть один из них бросится на него, битвы не избежать, и, скорее всего, она получится короткой. Мягкая, податливая человеческая плоть не способна поспорить с острыми клыками в полпальца длиной. Но он готов был драться до самого конца. До тех пор, пока не перегрызут горло, не оторвут голову. И от предвкушения боя, пусть и заведомо проигранного, глубоко внутри, где-то под сердцем, разгорался белый, прозрачный огонь радости. Что может быть лучше, чем схлестнуться с врагом, доказывая свое право на существование? Что может быть лучше, чем, проигрывая поединок, на последнем издыхании впитаться зубами в душащую тебя руку, ощутить во рту соленый вкус чужой крови, чужой боли? В подобные моменты, на краю пропасти, лицом к лицу с непобедимым, неизбывным, всепоглощающим финалом, жизнь тоже становится бесконечной, вспыхивает ослепительно, подобно тысячам солнц. И сквозь это сияние на тебя смотрит вселенская вечность. Как на равного.

Рихард не ускорял шага, хотя боковым зрением видел, что шаманы начинают спускаться с пирамид, тянуться к нему когтистыми лапами. Барабаны стихали один за другим. Ритм оставшихся сломался, превратился в какофонию, беспорядочное разнозвучие, отзывающееся

болью в ушах. Грохот редел, рассыпался на отдельные ручейки, которые стремительно мелели, впитывались в темноту.

В ту самую секунду, когда раздался последний удар по мембране, впереди появилась ровная вертикальная полоса чистого дневного света. Она быстро расширялась, и сквозь нее внутрь лились лучи висящего в зените солнца, захватывая мириады пылинок, висящих в воздухе, делаясь с каждой из них толикой своей красоты. С легким, чуть слышным скрипом открывались ворота, ведущие в зеленый океан джунглей. Рихард понял, что прошел последнее испытание.

Сразу за каменным порогом начиналась узкая песчаная тропа, уходящая в глубину зарослей. По обе стороны от нее в высокой ярко-зеленой траве виднелись ржавые шлемы, зазубренные клинки, наконечники копий и пробитые щиты. Судя по всему, здесь проходившие воины избавлялись от ставшего ненужным оружия.

Рыцарь сделал несколько шагов по песку, вслушиваясь во влажный шум леса: гомон бесчисленных птиц и шорох широких пальмовых листьев на сплошном фоне многоголосого лягушачьего ора. Он обернулся. Позади не было ни горы, ни ворот, уводящих внутрь — только тропа, по-змеиному выползающая из чащи. Следы его босых ног виднелись на всем ее протяжении. Может, и вправду только причудились зловещие шаманы и пещера? Орк-проводящий тоже исчез. Да и существовали ли? Воспоминания, мысли путались, смешивались, таяли в сером тумане сознания, и чем сильнее Рихард пытался понять, что происходит, тем меньше понимал. Он твердо знал, что все вокруг него — не реально, что на самом деле его тело, истошно цепляющееся за жизнь, находится где-то далеко, на ином уровне пространства, беззащитное и почти мертвое. Он помнил слова, сказанные орком рядом с разрытой могилой на вершине утеса, помнил ветхий мост над пропастью и широко распахнутую пасть каменной обезьяны. И где-то далеко, либо в глубине джунглей, либо только в его измотанном разуме, вновь звучал глухой барабанный бой.

Рихард вздохнул и двинулся вперед по тропе — в ту сторону, где еще не отпечатались его следы. Он решил не

думать о происходящем. Любая дорога рано или поздно заканчивается, и эта тоже наверняка приведет его куда-нибудь.

Полоса песка тянулась сквозь дебри, мимо необычайно высоких, сплошь увитых лианами деревьев, мимо непролазных колючих кустарников, над которыми то тут, то там поднимались статуи, полуразрушенные и поросшие мхом. Иногда путь преграждали поваленные стволы, полные крупных черных муравьев. Груды изрубленных доспехов и поломанного оружия на обочинах становились все больше. Они состояли не только из орочьих образцов: кроме ошетилившихся гвоздями палиц, погнутых ятаганов и потрескавшихся каменных секир попадались гномьи боевые молоты, рыцарские фальшионы, кинжалы, скипетры Паладинов. Иногда, заметив более или менее пригодный клинок, Рихард останавливался, раздумывая, стоит ли взять его. Просто на всякий случай. Но так ни одного и не поднял.

В беспросветной зеленой мгле леса постоянно двигались смутные, едва различимые силуэты, хрустели кусты под чьими-то тяжелыми шагами, и рыцарь все время чувствовал на себе настороженные неприветливые взгляды. Он не тратил силы на то, чтобы рассмотреть тварей, наблюдающих за ним, не отвлекался от основной задачи. Идти. Шаг за шагом, век за веком приближаться к неведомой цели. Ведь не просто же так его притащили сюда. Порой он оборачивался, но лишь для того, чтобы посмотреть на оставленные следы, чтобы убедиться в их — и своей — реальности.

Буйно разросшиеся кроны деревьев смыкались над тропой, не давая солнечному свету проникнуть внутрь, но и без того здесь было очень жарко. Пот градом лился по спине и шее Рихарда, сочащийся влагой воздух с трудом покидал легкие, и в конце концов силы оставили молодого рыцаря. Он медленно брел, опустив глаза, едва переставляя ноги, стараясь сберечь последние крупницы огня, разожженного искрами орочьих барабанов.

Однажды, спустя целые эпохи, когда боль в левом колене стала нестерпимой, он застонал и поднял голову. Песчаная тропа впереди выбегала на обширную болотистую поляну, заросшую камышом и высокими пестрыми

ми цветами. Посреди поляны возвышался холм, на котором...

Не может быть.

Об этом он слышал. Читал. Знал.

Каркасом сооружения служил огромный скелет неизвестного чудовища — возможно, дракона или гигантского василиска. Ребра и остатки крыльев образовывали стены, а усеянный острыми пластинами хребет был чем-то вроде конька крыши. Конструкцию скрепляли многочисленные ржавые цепи, увешанные несчетным количеством более мелких скелетов: людских, орочьих, эльфийских и гномьих. Черепа бесстрастно таращились в пространство, равнодушно встречали яркий солнечный свет, больше не способный ослепить их.

Костяной шатер.

— Не может быть, — пробормотал Рихард вслух, и звук собственного голоса словно бы разбудил его, вернул из пустоты в этот, пусть и не совсем реальный, мир. — Он же ушел. Ушел вместе с остальными... не может быть.

Забыв о боли в колене, разрываемый ужасом и восторгом, рыцарь поспешил к шатру. Что бы ни скрывалось внутри, оно ждало его.

* * *

Он поднимался к свету, и чем прозрачнее становилась тьма вокруг, тем больше он знал о себе. Сначала пришло имя. Вольфганг. Так его звали. Потом появилось еще одно. Рихард. Брат. Тот, кто может спасти или погубить мир. Вслед за этим знанием ворвалась боль, а вместе с ней и воспоминания.

Воспоминания о том, как Гыр Щербатый рванулся навстречу стрелам, широко расставив руки, распахнув пасть, подставляя всего себя стальному дождю. Его утробный рык сотряс воздух, вплетаясь в еще не погасшие отзвуки костоломова голоса. То, чему предстояло случиться в следующие доли секунды, было очевидно: волна стрел должна накрыть отряд, пронзить в десятке мест зеленую плоть Гыра, пригвоздить к земле остальных, хлестнуть краем по лошадям и, скорее всего, убить одну из них. Те,

наверху, целились кучно, грамотно, старались не задеть животных, но Вольфганг видел, что несколько стрел летели прямо в перепутанных кобыл. Увернуться, уйти из-под обстрела было уже невозможно: тело замерло, скованное внезапностью случившегося.

Но что-то произошло в это невероятно прозрачное мгновение, отозвалось в сознании болезненным ощущением струны, лопнувшей на самом сложном аккорде. Пространство вокруг Гыра вспыхнуло вдруг бледным синим светом, очертив полусферу, закрывшую собой не только толстого орка, но и всех, кто находился на расстоянии двух вытянутых рук от него. До Вольфганга и Костолома этот призрачный щит не дотянулся, и рыцарь непременно погиб бы, но зеленокожий великан, сориентировавшись в последние доли секунды, рванул его вслед за собой под прикрытие колдовской преграды.

Синий свет гасил смерть. Стрелы бились об него, словно о каменную стену, ломались, разлетались, сыпались на землю беспомощными обутленными обломками. Видно было, как тяжело дается Гыру это чудо: он словно бы поднимал и удерживал над землей не невесомое пламя, а самый настоящий стальной щит в несколько шагов шириной. Вздудись жилы на плечах и шее, скрипели стиснутые клыки, из правого уха мелкими капельками сочилась кровь.

Победные вопли наверху сменились испуганно-изумленными. Потом наступила тишина, и Вольфганг на какое-то мгновение даже подумал, что враги отступили. Но всего через три или четыре удара сердца понял свою ошибку. Они и не думали отступать, просто перегруппировались и пошли в атаку.

Рыцарь пробился сквозь воспоминания и открыл глаза. Это движение сразу отозвалось глухой болью в висках и затылке. Он несколько раз моргнул и приподнял голову, еще не до конца осознавая, где находится. Рядом с ним, озабоченно заглядывая ему в лицо, сидел Ыр Костолом. Орк лишился устрашающих палиц и цепей, на запястьях его могучих рук, покрытых запекшимися порезами, остались светлые полосы. Сглотнув, Вольфганг спросил:

— Что случилось?

Орк бросил взгляд в сторону, и оттуда донесся знакомый голос:

— Очухался, братишка? Слава Крому!

Скалогрыз. Вольфганг приподнялся на локтях, повернулся. Гном расположился на низкой деревянной лавке и выглядел даже хуже, чем обычно. Левая рука его висела на перевязи, а на правой скуле темнел внушительного вида синяк. Когда сапер ухмыльнулся рыцарю, стало видно, что его зубы тоже понесли серьезные потери.

— Здорово, вояка! — сказал Скалогрыз. — Мы уж думали, ты все, отлечил свое.

Рядом с гномом сидела эльфийка. Элли. Так ее зовут. Пламенная Ладонь, или что-то вроде того. Симпатичная. Она грустно улыбнулась Вольфгангу и тут же отвела взгляд. У ее ног возился Червяк, как никогда грязный и взлохмаченный.

— Где остальные? — спросил рыцарь. — Харлан?

— Не представляю, — ответил Скалогрыз. — Его утащили... братья-алкоголики.

— Алхимики, — поправила его Элли, произнеся это слово с едва заметным акцентом.

— Да какая разница!

— Алхимики? — Вольфганг с трудом сел, окинул взглядом помещение: сырые каменные стены, устланный сырой соломой пол, две покосившиеся лавки и узкое, забранное решеткой окошко под потолком. — Мы в цитадели?

— Угу. В Девятой. Сколько их вообще?

— Двенадцать, — рассеянно ответил Вольфганг. Он начал массировать пальцами виски, чтобы хоть немного успокоить мечущуюся в глубине черепа боль, и нащупал под кожей странные утолщения. Шишки? Так симметрично? Мысли сбились с дороги, провалились в бездну страха и отчаяния.

— Как мы здесь оказались?

— Память отшибло? Бедняга. Вулкан взорвался...

Да. Вулкан. Он помнил яростный рев, разрывающий небеса, сшибающий с ног ветер и чудовищное облако черного дыма, наползающее на мир. Помнил алые сполохи, бьющиеся в судорогах в глубине облака. Огонь. Он помнил огонь. Удушающий жар, пожирающий кожу, пронзительные крики сгорающих заживо и тошнотворный запах жженой плоти.

— Они спасли нас?

— Вроде того. Тех, кого успели спасти.

— Так что с Харланом?

— Тяжело ранен. Ожоги и... мечом получил. Когда алхимики сажали нас сюда, он был еще жив. Не знаю, как сейчас.

— Ясно. Гыр?

Гном покачал головой:

— Погиб.

Образ: копы, пронзающие зеленую кожу. Широкие ладони ломают древки. Щербатый наваливается на врага, впивается клыками в испуганное белое лицо. Острия пробивают его насквозь, окровавленная сталь показывается из спины.

— Распрекрасная?

Элли и Червяк всхлипнули одновременно.

— Умерла, — сказал Скалогрыз. — Жаль старуху.

Маленькое, сухое тело, распростертое у полозьев. Темная лужа вокруг головы, вокруг слипшихся седых волос. Чей-то тяжелый сапог наступает на тощую стариковскую ладонь, и пальцы ломаются со слабым хрустом.

— Жаль, — согласился Вольфганг. — А братья объяснили вам, почему мы здесь?

— Ни один из них с нами не разговаривал. На вопросы не отвечали. Когда Ыр попытался вырваться, кинули ему в морду каким-то порошком, он тут же и вырубился.

— ПопадетсЯ мне хоть один, — прогудел Костолом. — Вырву челюсть. И ей забью.

— Камень забрали?

— Конечно. Не ради нас же они туда приехали.

С помощью Ыра Вольфганг поднялся. Ноги были как ватные, глаза слипались, требуя отдыха. Немедленно. Лечь и спать. Он подошел к низенькой двери, окованной широкими чутунными полосами, и принялся стучать.

* * *

За те несколько дней, пока он отсутствовал, Заставные Башни успели превратиться из обутленных руин в крепость. Конечно, черноту со стен не вывели, но так

ему нравилось даже больше. Стоя на балконе магистерских покоев, Аргрим наблюдал за рабочими, копошащимися внизу. Они восстанавливали зубцы главного барбакана, обрушившегося после взрыва в пороховой комнате два с половиной месяца назад. Среди трудяг были и крестьяне, сумевшие уцелеть в окрестных деревнях, и гномы-беженцы, пришедшие во владения Ордена, спасаясь от подземного проклятия, и даже несколько орков, занесенных сюда раскаленными ветрами глобальных катастроф.

Аргрим усмехнулся. В происходящем имелась своя, злая, но очевидная ирония. Народы веками враждовали друг с другом, постоянно стремились к достижению мира, но даже в самые спокойные годы война была неотъемлемой частью их жизни. Однако теперь, когда города превратились в дымящиеся развалины, а три четверти населения погибли, оставшиеся смогли преодолеть вековую вражду. Внизу орки таскали камни, обтесанные гномами, и укладывали их на раствор, приготовленный людьми. Все понимали друг друга с полуслова, никто не огрызался, не отказывался работать. Наверняка, если бы здесь нашлись эльфийки, они бы тоже прекрасно вписались. Но самое смешное, разумеется, заключалось в том, что исход был предрешен. И он не таил в себе ничего нового. Война. Правда, на этот раз не орки пойдут против людей, не эльфы объявят охоту на гномов. На этот раз огонь уничтожит всех. Никому не спастись от пожара последней бойни: солнце погаснет, и единственным источником света останутся языки пламени, пожирающего мир. Пусть пока верят в передышку, пусть надеются на счастливый исход. Во всех землях, от щабоб Ру-Арка до торосов Зубастого Залива, только один человек точно знал, что грядет.

— И только один достоин великой награды! — прошестел где-то на краю сознания голос хозяина. Верховный Погонщик Теней чрезвычайно гордился тем, что его тело служит сосудом для великого демона, Сказанного во Тьме. Тот, кто жил в нем, был первым из слов Проклятия, произнесенного перед смертью безумным богом, а значит, самым старшим и могущественным. Подчиняться ему — радость. Являться его частью — невероятная честь.

Улыбаясь, Аргрим вернулся в покои. Запах крови полностью заглушали благовония, хотя чернота, запекаясь в щелях между небрежно вымытыми плитами пола, недвусмысленно свидетельствовала о том, для чего в основном использовался этот мрачный зал. Из окон выбили витражи, проемы заложили кирпичом и завесили широкими багровыми полотнищами с символом учения Погонщиков в центре, вышитым зелеными шелковыми нитями. Пожалуй, с кирпичом поспешили.

Его светлейшество семнадцатый лорд-архитектор Заставных Башен сир Йоганн Раттбор, сидевший сейчас на троне и диктовавший указ разместившемуся на полу писарю, гнил. Как и полагается любому мертвецу. Его плоть разлагалась, наполняя воздух в помещении характерным тошнотворным ароматом. И если Аргрима это обстоятельство само по себе никак не волновало, то от посетителей, жаждавших встречи с новым правителем Фархейма, его следовало скрывать. Наглухо замурованные окна ничуть не способствовали исчезновению запаха. Приходилось постоянно жечь благовонные травы, держать открытой дверь на балкон и снять факелы с колонн, расположенных вокруг магистерского трона. Аргрим как мог замедлял процесс распада, однако любая, даже самая сильная магия не в состоянии тягаться с природой.

Сам сир Раттбор, похоже, не до конца осознавал происходящее. Он понимал, что происходит, но отказывался принимать правду, истово веруя в милость Темных Владык. Его никак не покидала уверенность, что, как только он выполнит все их требования, они даруют ему новое, здоровое, живое тело. Аргрим не пытался переубедить его. В конце концов, старик пока был им нужен — во всех Трех Королевствах не осталось никого, кто пользовался бы у людей большей поддержкой и авторитетом. Молодые Паладины, видевшие смерть Раттбора, давным-давно уже лежали в земле, немногие уцелевшие бароны разбежались кто куда, а короли погибли первыми в Ночь Безумия. Неудивительно, что выжившие крестьяне и ремесленники из разоренных деревень, из разрушившихся городов и выгоревших хуторов стягивались сюда, в Заставные Башни. Никого из них не насторожило, что

на вершинах башен развеваются другие флаги. Никого не волновало, что на стенах и у ворот их встречали не благородные Паладины, а странные молчаливые воины, вооруженные парными мечами. Никого не беспокоили загадочные шумы по ночам, и даже внезапные исчезновения детей не вызывали паники. Стадо исчерпало свои возможности и отчаянно нуждалось во власти. В погонщиках.

— Написал? — хрипло спросил магистр. Голос его заметно изменился, пока Аргрима не было.

Писарь кивнул.

— Хорошо, — проскрипел Раттбор. — Пиши дальше. «...Кроме того, земли наши полны разбойников и мародеров, бесчестных, безжалостных душегубов. Ширятся слухи о возвращении демонов и забытых чудовищ. В эти дни горя и скорби все честные люди, а также... другие народы Фархейма, как никогда, нуждаются в защите. Поэтому мы объявляем о создании Праведной Инквизиции, нового рыцарства, чьей целью будет поиск и уничтожение зла во всех его проявлениях. Я, волей Ушедших Богов бывший некогда великим магистром ныне распущенного Ордена Паладинов, с тяжелым сердцем вновь принимаю на себя груз руководства рыцарством и титул Верховного Инквизитора. Отныне каждый обязан оказывать любую посильную помощь воинам, несущим на себе мой знак, ибо полной победы над мраком мы достигнем лишь сообща...»

Аргрим молча слушал, скользя взглядом по стенам и потолку. Старика Раттбора явно было рано сбрасывать со счетов. Так вывернуть истину наизнанку вряд ли смог бы кто-то другой. Слова, сказанные хриплым мертвецким шепотом, определяли дальнейшую судьбу всех, умудрившихся выжить, лишали их шансов на спасение. Скоро, скоро начнется кровавое веселье, и земли четырех народов превратятся в сплошное поле битвы, служащее лишь одной цели — развлечению Химеры, дочери Внешнего Хаоса.

— Закончил? — спросил магистр, когда скрип пера по пергаменту прекратился.

— Да, — ответил писарь и протянул ему документ. Руки парня заметно дрожали. Благовония и полумрак не смогли

обмануть его. Наверное, стоит впредь подобные встречи со слугами взять на себя, а первого Верховного Инквизитора показывать публике только время от времени, тщательно подготовившись и издав далеко. Например, с балкона.

Раттбор пробежал текст бледными глазами, потом одним движением подписал его и сунул бумагу обратно трясущемуся прислужнику.

— Спустишься в подвал, отнесешь переписчикам. К утру должно быть двести копий.

— Да, ваше светлейшество.

— Двести!

— Да, ваше светлейшество.

— Ступай.

Поклонившись, парень развернулся и быстрым шагом, чуть не падая, кинулся к дверям. Когда он скрылся в коридоре, Аргрим поднял правую руку над головой и растопырил пальцы. Тотчас в трех шагах от него, из теней, скопившихся между лишенных факелов колонн, возник воин Погонщиков.

— Следуй за ним в подвал и внимательно слушай, о чем он будет говорить с переписчиками. Потом уничтожь. Жду с докладом.

Погонщик — нет, уже Инквизитор — кивнул и вновь растворился в тенях. Прошелестели легкие шаги, приоткрылась и хлопнула створка дверей. Наступила тишина.

— Сколько их? — спросил магистр.

— Что?

— Сколько их здесь, в этой комнате? Твоих невидимых убийц?

— Не моих, ваше светлейшество, — усмехнулся Аргрим и чуть склонил голову. — А ваших.

— Брось, — отмахнулся Раттбор и встал с трона. — Думаешь, я не понимаю, что представляю собой? Всего лишь инструмент. Деревянную дурилку, которой бродячий циркач развлекает крестьян на ярмарке, пока его товарищ незаметно обчищает их карманы. Но я не возражаю... я готов к этому. Надеюсь только, что хорошие хозяева не станут выкидывать добрый инструмент. Потому что когда-нибудь он может пригодиться снова.

Колдун не отвечал. Повернувшись к дверям балкона, он сосредоточенно смотрел на юг, туда, где начинающий

темнеть небосвод прятал у самого горизонта узкие облака, похожие на чьи-то растопыренные пальцы. Или это дым? Будет буря. И придет она именно с юга, со стороны Девятого Замка алхимиков. Возможно, он все-таки зря посмеялся над двухголовым божком и его очумелым рыцарем-протее. Возможно, следовало довести дело до конца.

— Так смогу ли я пригодиться снова? — во второй или третий уже раз повторил магистр.

Аргрим отвлекся от размышлений, повернулся к разлагающемуся старику, пожал плечами:

— Кто знает. Почему бы и нет.

— Хорошо, — кивнул Раттбор. — Хорошо. Это лучше, чем ничего.

Тяжело переваливаясь, он обошел вокруг трона, облокотился о спинку, кашлянул, выплюнув несколько багровых капель. Потом, будто вдруг только что вспомнив, спросил:

— А что с мальчишкой?

— С Паладином, которого мы привезли?

— Да.

— Без сознания. Раны тяжелые, но выкарабкается. Молодой, здоровый организм...

Раттбор облизнулся, и тоненькая струйка слюны пробежала по его гладкому подбородку. У мертвых свои аппетиты. Шумно втянув носом воздух, он поднял взгляд к потолку:

— А где он?

— В башнях. В моих покоях. Его надежно стерегут.

— И...

— Нет. Погодите, ваше светлейшество. Мальчишка пока нужен. Мы дождемся, когда он проснется, а потом выясним, что ему приснилось. После этого делайте с ним, что хотите.

— Хм... да. Отлично. Он один?

— Его брат для нас не опасен, я не стал тратить на него время.

— Не опасен? А если тот попытается освободить нашего пленника?

Аргрим приподнял бровь:

— Освободить? Ну что ж, пусть попробует. Тогда вы, ваше светлейшество, получите в свое распоряжение и его.

Раттбор расплылся в широкой, узкой, жабьей улыбке. Аргрим скривился, не скрывая отвращения. Ради власти и победы он готов был терпеть рядом с собой даже такую мерзость.

Скрипнула дверь, легкое дуновение свежего воздуха коснулось лица. Тени чуть двинулись, исказились и образовали высокую плечистую фигуру с длинными мечами, крест-накрест висящими за спиной. Слава Темным Владыкам.

— Сделано, — сказал воин и бросил на пол отрубленную голову писаря. Та упала с глухим стуком, забрызгала мрамор красным. На бледном, испачканном кровью лице несчастного застыло изумление. Первая жертва Праведной Инквизиции.

— Ты слышал его разговор с переписчиками?

— От первого до последнего слова.

— О чем говорили?

— Нет оснований тревожиться, господин. Он только повторил приказ магистра сделать две сотни копий к утру.

— Прекрасно.

— Кто-нибудь видел тебя? — тихо спросил Раттбор, не отрывая пристального взгляда от головы, подкатившейся к подножию трона.

— Не обижайте моих людей, ваше светлейшество, — ответил за воина колдун. — Они ничем этого не заслужили.

Верховный Инквизитор промолчал. Убийца легко поклонился и, отступив на шаг, скрылся в темноте. Одно плавное, неуловимое движение, едва заметный всплеск мрака, то ли перепончатые крылья, то ли просто рябь в глазах — и тени успокоились, улеглись привычным узором. Аргрим завидовал ему. Он сам с удовольствием бы ушел на темную сторону, наслаждался ее тишиной и цельностью, слушал бы далекие голоса демонов и постигал истинную суть вещей. Но у него было слишком много обязанностей.

— Не волнуйтесь, ваше светлейшество, — сказал он. — Я лично решу вопрос с братом-близнецом нашего пленника. Тем более что у меня имеются способы разобраться с ним на расстоянии.

— Замечательно. — Раттбор вряд ли понял хоть слово из сказанного колдуном. Ему было не до того: Верховный Инквизитор вплотную подошел к отрубленной голове и сейчас медленно опускался на четвереньки, протягивая мелко дрожащие пальцы к широко раскрытым, невидящим глазам убитого писаря. Аргрим пожал плечами и вышел на балкон. Во имя Химеры, он точно знал, кого первым отправит в огонь, когда Хаос обрушится на мир.

Старший Погонщик Теней стал вновь наблюдать за идущим внизу ремонтом барбакана, стараясь не обращать внимания на жадное чавканье, доносившееся из дверей за его спиной.



ГЛАВА VI КУЗНЕЦ

Память возвращалась, хотя он уже и не рад был ей — образ за образом, сцена за сценой складывалась единая картина произошедшего на подступах к цитадели. Падающие с неба камни и пепел, волна черного, нестерпимого жара, крики, неразбериха, хаос. Хаос. Те, кто всего несколько минут назад стремился убить их, теперь выглядели так же испуганно и жалко. Беспомощные, будто крысы в ведре. Поле битвы превратилось в ловушку, и вместо боевых кличей над ним раздавались теперь вопли ужаса, едва различимые сквозь трещащий грохот извержения. Дым, взметнувшийся в небо на невероятную высоту, казался плотным, словно гранит, словно движущаяся, непрерывно изменяющаяся статуя, бесформенная, безжалостная. Это была сила, против которой бесполезны заклинания, сила, не считающаяся ни с чем, кроме себя самой. Чистое, концентрированное разрушение.

Вольфганг помнил, как он, схватив левой рукой Червяка, а правой придерживая съехавшую с плеча сумку с порошками, пытался взобраться по склону холма. Земля под ногами была скользкой от крови, мальчишка отчаянно вырывался, истошно верещал что-то неразличимое в шуме, пропитавшем все вокруг. Рядом карабкался Костолом. На его плечах, ухватившись обеими руками за шею, болтался Скалогрыз, а за левый бицепс цеплялась Элли. Харлан ковылял следом. Обернувшись, рыцарь увидел, что одна из штанин торговца горит.

— Эй! — крикнул он, но больше ничего не успел.

Глухой, тяжелый удар по голове. Ноги исчезли, просто перестали существовать. Он упал лицом в пепел, вдохнул

его, закашлялся, изо всех сил борясь с подступающей темнотой. Но небытие оказалось сильнее — последним, что удавалось вспомнить, были чьи-то могучие руки, поднимающие его в воздух. И вкус пепла на губах.

Он даже сейчас чувствовал его.

— Нет воды? — прохрипел Вольфганг.

— Что? — переспросил Скалогрыз.

— Воды... горло пересохло...

Гном покачал головой:

— Ничего нет, парень. Извиняй. Сам скоро высохну и рассыплюсь, как уголь.

Рыцарь закрыл лицо ладонями, пахнущими пеплом, грязью, кровью. С тех пор, как он оставил попытки достучаться до кого-нибудь по ту сторону двери, прошло не меньше полутора часов. Сознание больше не покидало его, но тело отчаянно требовало отдыха. Все, что происходило вокруг, казалось сном. Израненные соратники, эта тесная камера с низко нависающим потолком, крохотное окошко с толстыми прутьями решетки — все превратилось в глупый фарс. Реальной оставалась только жажда, от которой язык стал сухим и жестким, будто кусок дерева, а зубы походили на маленькие камешки. Касаться их было неприятно.

Но глаз он не смыкал. Сон — это беспомощность. А Вольфганг не собирался даром продавать свою жизнь. Если их придут убивать, он сделает все, чтобы забрать с собой на темные тропы хотя бы одного-двух алхимиков.

Боги, это же Девятая цитадель, последняя уцелевшая резиденция Братства. Как звали того алхимика, о котором говорил ему старый Мавиус в библиотеке Третьего Замка? Лавнеус? Гариус? Мысли путались в голове: не разум, а опрокинутый шкаф — все, что раньше было разложено внутри по полочкам, теперь свалено в сплошную кучу, не различить, не разобрать...

Да и кто бы мог подумать, что однажды он будет сидеть в каменном мешке, захваченный в плен всегда мирными, безобидными, ни во что не вмешивающимися учеными, вечными союзниками и помощниками. Не только разум, сам мир перевернулся, и все его привычное устройство полетело в Бездну.

Свет за оконцем постепенно тускнел, приближалась ночь.

Рядом Костолом, медленно подбирая слова, рассказывал Скалогрызу истории о приключениях банды — то ли просто от скуки, то ли действительно старался хотя бы немного приободрить остальных.

— Ну, добрались мы, значит, до Тракта. Нашли канаву поглубже, уселись в засаде. Отправили Червяка на дорогу, чтоб проезжих отвлекал. Помнишь, да?

Мальчишка кивал. Слезы больше не текли по его грязным щекам, на губах даже появилось слабое подобие улыбки. Здоровенный орк определенно разбирался не только в том, как махать прикованными к запястьям палицами.

— Вроде нищим его принарядили... пусть, мол, сидит на обочине, просит у людей подаяния или помощи какой-нибудь. Они на него отвлекутся, а мы тут у них из-за спин и выскочим. Хе. Это Смотри-в-Оба сочинил такой план. Сидит, значит, наш «нищий» на обочине, а мы в кустах лежим. Ждем. Идет мимо отряд. Человек пятнадцать, все в броне с ног до головы. Само собой, нам не по зубам. Червяк в траве затаился, да и мы сразу притихли. Прошли они, не заметили нас...

— Какой отряд? — спросил Вольфганг. — Куда шли?

— Почем я знаю, — пожал плечами зеленокожий великан. — Какая разница?

— Просто... это когда случилось?

— Ну, так сразу не скажу. Еще до того, как мы на пустошах окопались. Не важно. Пропустили мы их, ждем дальше. И тут вдруг — трогает меня за плечо Гыр, говорит, мол, прихватило у него живот, надо срочно отползти по важному делу. Отползает, шуршит сзади в кустах. Потом Ящер, он тогда еще живой был, тоже следом за ним. Смотри-в-Оба наклоняется, шепчет, что скрутило кишки, надо бы того... облегчиться. Короче говоря, все в кусты уползли. А в это время по Тракту... дальше лучше тебе, наверное, рассказывать, малыш.

Червяк улыбается. Широко. По-настоящему. И говорит:

— По Тракту едет телега, в ней две дамы в дорогих платьях, большой сундук и двое солдат с ржавыми алебардами.

— Ну! — взмахнул ручищами Ыр. — Вот так!

— Да, — продолжал мальчик. — Я вылез из кустов. Сел, начал кланяться. «Помогите, покормите» и все такое. Они остановились, посмотрели на меня, потом одна достала из сундука сверток и мне кинула. Потом они дальше поехали. Никто так и не выскочил из леса.

— А что в свертке было? — спросил гном.

— Большой шмат вяленого мяса, два огурца и кусок сыра. Все это завернуто в шелковое платье с золотой тесьмой.

— Ага, — принял эстафету орк. — А когда мы вернулись, значит, штаны подтянули, уж поздно было. Тогда Смотри-в-Оба и говорит, мол, теперь я понял, что значит «просрали свое счастье».

Скалогрыз и Костолом расхохотались. Червяк зашелся заливистым детским смехом. Даже Элли хихикнула. Вольфганг с удивлением заметил, что его зачерствевшие, потрескавшиеся губы тоже растягиваются в ухмылке. Поистине вся вселенная встала с ног на голову. Платьями, которые всего полгода назад стояли дороже целых деревень, теперь оборачивают мясо и сыр, а благородный Паладин, защитник невинных, ржет вместе с разбойниками над рассказом о неудавшемся грабеже.

Из-за общего смеха они не расслышали шагов в коридоре и скрежета ключа в замке, а потому открывшаяся дверь стала для них полной неожиданностью.

На пороге стояли трое алхимиков. Молодые, испуганные. У одного в руках было жестяное ведро, полное воды, второй держал деревянный поднос с чем-то, накрытым мешковиной, но распространяющим теплый, аппетитный запах, а третий, видимо, пришел просто за компанию, чтобы у первых двух поджилки не тряслись.

— Так. — Вольфганг поднялся, положил руку на плечо Костолома, который уже успел хищно оскалиться и явно собирался броситься на тюремщиков. — Наконец-то...

— Просим простить, — пролепетал алхимик с подносом. — Забегались мы, тут такое творится...

— Да уж давно такое творится, — пробурчал гном, приподнимаясь с лавки. — И со всех сторон. Пора бы привыкнуть. Что там у вас?

Третий алхимик неловким движением стянул с подноса тряпку. Под ней оказалась большая миска, наполненная

похлебкой, и блюдо с несколькими хлебами. Именно они и распространяли тот самый сногшибательный аромат, от которого рот мгновенно наполнялся слюной.

— Свежие... — начал объяснять державший ведро, но Скалогрыз и Червяк, не слушая его, уже хватали с подноса еду. Третий алхимик извлек из своих рукавов несколько деревянных ложек. Жизнь определенно налаживалась.

Похлебку могли отравить, подумал Вольфганг, впиваясь зубами в горячий, мягкий хлеб. Как еще хилым ученым расправиться с двумя с половиной (не стоит забывать о гноме) опытными воинами? Усыпить их бдительность, заморить голодом, а потом подсунуть еду, полную яда. Да, такое вполне возможно, размышлял он, отправляя в рот ложку за ложкой. Хотя, конечно, проще всего было оставить их здесь, рассчитывая на то, что рано или поздно орк с голодухи примется убивать и пожирать товарищей по несчастью. Тогда вообще никаких забот... впрочем, возможно, им срочно понадобилось освободить камеру.

Миска опустела в считанные минуты. Хлеба тоже не осталось. Червяк, Элли и Скалогрыз выглядели вполне сытыми, но Костолому явно не хватило. Да, пожалуй, этот рано или поздно точно полакомился бы кем-нибудь из них.

Рыцарь наконец дождался, пока варвар передаст ему ведро с водой, пил жадно, долго, наслаждаясь каждым глотком чистой, пусть и теплой, влаги. Жизнь возвращалась. А вместе с ней ясность сознания.

— Еще раз приносим наши извинения, — наклонил голову один из алхимиков. — Мы вовсе не планировали держать вас здесь настолько долго.

— Но? — спросил Скалогрыз, выжывая крошки из бороды.

— Но сразу столько непредвиденных обстоятельств.

— Извержение?

— Да. И не только. Много всего. И... вас ждет брат Лариус...

— Лариус! — Вольфганг хлопнул себя по лбу. — Ну точно! Как я мог забыть! Лариус!

— Простите, господин?

— У меня для вашего брата есть весточка. Так что давайте быстрее к нему.

— Как скажете. Следуйте за нами...

— Где мое оружие? — пробурчал Костолом. Он определенно отказался от идеи выламывать алхимикам челюсти и забивать ими бедняг до смерти, но абсолютно доверять им тоже не собирался. У него имелись для этого достаточно серьезные поводы.

— Эм... — замялся алхимик, принесший воду. — У нас в цитадели существуют строгие правила... особенно сейчас, когда от любого чужака ожидать можно чего угодно...

— Вот именно. — Ыр поднялся во весь свой немалый рост, почти упершись бритой макушкой в потолок. Он и безоружный мог бы без труда разделаться с тремя братьями — его пальцы были толще их рук. — Я тоже не люблю чужаков. И ожидаю от них чего угодно.

— Простите, э... господин... дикарь... то есть кочевник... но я вовсе не это имел в виду. — Похоже, алхимик успел оценить размеры кулаков и клыков Костолома. — Мы не собираемся причинять вам вреда. Мы на вашей стороне, поверьте.

— Ну а вы мне поверьте, — ощерился Ыр. — И верните кистени. Я ведь на одной стороне с вами, так, ребята? Значит, не стоит меня бояться.

— Тысяча извинений, но у нас распоряжение брата Лариуса, — встрял другой, видимо, более решительный, алхимик. — Следуйте за нами к нему. А потом мы вернем все ваши вещи, оружие в том числе.

— Ладно, — прорычал Костолом. — Попробуем поверить. Иди сюда, пацан, забирайся...

Червяк мигом вскарабкался на спину орка, удобно устроился на его массивных плечах. Там осталось достаточно места и для Элли со Скалогрызом, однако они, разумеется, предпочли идти сами. Эльфийка выглядела значительно лучше остальных: истощение и переживания последних дней не миновали ее, но она казалась лишь немного усталой — и только мокрые полосы на грязных щеках свидетельствовали об истинной цене пережитого ей ужаса. Раньше Вольфганг был уверен, что эльфийки не умеют плакать.

Три алхимика повели их по крутой винтовой лестнице наверх. Один из них без перерыва объяснял:

— Замок стоит на склоне вулкана. И хотя его местоположение гарантирует безопасность от лавы и камней,

пеплом нас засыпало основательно. Поэтому работы было неспорно — даже у тех, кто не участвовал в... подвальных делах.

— Повальных делах? — переспросил Скалогрыз.

— Подвальных... впрочем, брат Лариус объяснит вам все. Он, наверное, пока единственный человек здесь, до конца понимающий что к чему.

— А извержение уже закончилось?

— Еще нет. Лава продолжает вырываться на поверхность.

— Замку точно ничего не угрожает?

— Можете быть совершенно спокойны на этот счет. Он построен на эльфийском фундаменте, возведенном еще во времена молодости вулкана, в период постоянных извержений. Справедливо будет сказать, что безопасность нашей цитадели доказана многими столетиями.

Они поднялись на широкую площадку, служащую перекрестком: в разные стороны от нее расходились коридоры, уводящие внутрь крепости, и крытые галереи, ползущие снаружи по стенам и башням. Здесь их ждал брат Лариус. Это оказался тощий согбенный человечек, еще не совсем старый, хотя совершенно седой.

— Приветствую! — воскликнул он, шагнув навстречу. — Не каждый день у нас бывают столь важные гости. Да, возникло небольшое недоразумение, но оно уже разрешено. Вы ведь не держите на нас зла?

— Ни в коем случае, — ответил Вольфганг прежде, чем Костолом успел раскрыть рот. — Однако хотелось бы прояснить все до конца. Почему вы вдруг решили, будто можете нам доверять?

— О... Лариус расплылся в слащавой улыбке, от которой у рыцаря едва не свело зубы. — Дело в том, что... кхм... за вас замолвили словечко.

— И кто же?

— Тот, кому мы всецело доверяем. И ваш хороший знакомый, господин Паладин. Скоро лично встретитесь с ним. Вы ведь уже успели перекусить, подкрепиться?

— Да.

— Вот и отлично, — улыбка на сухоньком личике Лариуса стала еще шире. — Тогда не будем терять времени,

а прямо сейчас и направимся вниз, на встречу с теми, кто хотел вас видеть.

— Постой-ка! — Скалогрыз дернул Вольфганга за ремень. — А как же Харлан?

— А! — Лариус всплеснул руками. У него были длинные тощие пальцы, основательно перепачканные в серой пыли. — Конечно-конечно... раненый товарищ. Я стал такой забывчивый, голова постоянно занята кучей проблем. Пожалуй, действительно стоит сначала зайти к нему. Правильно?

— Само собой, — кивнул Вольфганг. — Как только мы убедимся, что с нашим другом все в порядке, отправимся на встречу с важными персонами.

— Хорошо. Прошу за мной.

Лариус двинулся по одной из навесных галерей. Вольфганг шел рядом, чуть сзади пыхтел Скалогрыз, не спускавший подозрительного взгляда со спины провожатого. За ним шагала Эли, а следом тяжело топал Костолом с Червяком на спине. Трое молодых братьев замыкали шествие.

— Тут недалеко, — пояснял Лариус. — Мы поместили его в ближайшем лазарете. Бедняга был в тяжелейшем состоянии. Думаю, если бы не заживляющие зелья, он бы отправился на темные тропы еще сегодня утром.

— Заживляющие зелья? У вас остался запас?

— Конечно. Наша цитадель всегда являлась центром лечебной алхимии. В чем в чем, а в магических напитках здесь недостатка нет.

— То есть сейчас с Харланом все в порядке?

— Скажем так: бегать он пока не сможет, да и сражаться — вряд ли, но жизни его больше ничто не угрожает. Вот и пришли, кстати...

Лариус свернул с галереи в узкий коридор, уводящий в глубь башни. Еще один поворот, тут же — еще один — и они оказались в обширном круглом помещении. Лазарет ни с чем нельзя спутать: полки, тянущиеся в несколько рядов вдоль стен, ломились от разнокалиберных пузырьков и бутылей самых диковинных расцветок и форм, в воздухе плавал кислый аромат целебных зелий, а на серых каменных стенах кое-где виднелись застарелые, намертво въевшиеся багровые пятна. Под по-

толком вились, переплетаясь, многочисленные трубки и шланги.

Здесь стояло пять коек, и все они пустовали, кроме одной, самой дальней, стоявшей у единственного в комнате высокого стрельчатого окна. На ней лежал Харлан. Его правую руку сковывала грамотно наложенная шина, грудь покрывали бинты, сквозь которые тускло проступала кровь. Он был чисто выбрит и умыт, а потому смотрелся, пожалуй, лучше своих товарищей, избежавших серьезных ранений.

— О! — воскликнул он, увидев пришедших. — Вот и друзья, наконец!

— Рад тебя видеть, — сказал Вольфганг. — Как себя чувствуешь?

— Раненым, — ответил торговец, улыбаясь. — А в остальном все отлично. То есть, конечно, все хреново, но могло быть и значительно хуже, правильно?

— Правильно, — кивнул рыцарь. — Нам повезло.

— Еще как. Если бы не алхимики, я бы уж, пожалуй, кормил стервятников. Или превратился бы в угли под проклятой лавой.

— Точно, — подтвердил Скалогрыз. — Каждый из нас был бы там.

— Кстати... а где вы пропадали все это время? — спросил Харлан.

— В подвале сидели, — буркнул гном. — Как почетные гости.

Лариус поспешил вмешаться.

— Имело место роковое недоразумение. — Он вскинул руки, растопырив свои тонкие пальцы. — Мы редко выпускаем чужаков в нашу цитадель, и потому немного растерялись. Прошу оставить сей досадный инцидент в прошлом, просто забыть его. Уверяю вас, впереди столько важных событий.

— Я не сомневаюсь! — сказал Вольфганг. Ему категорически не нравился старший алхимик. Не нравилась его постоянная приторная ухмылочка, его бледная дряблая кожа, его желтые обломанные ногти. Казалось, что этот человек целиком состоит из притворства, что он позабыл, или даже не знал никогда, как общаться, а теперь изо всех сил пытается выглядеть *настоящим*. Жи-

вым. В его присутствии рыцарю постоянно было не по себе.

— Вас уже покормили? — обратился Лариус к Харлану.

— Да, очень сытно, спасибо.

— Чудесно. Нам с вашими друзьями сейчас нужно отправиться... на важную встречу. Ее нельзя откладывать дольше. Я пришлю брата Ордуса сменить вам повязки.

— Разрешите мне это сделать, — попросила вдруг Элли. — Думаю, мое присутствие на той... встрече не обязательно.

— Кхм... да, но... — Лариус замялся. События развивались по непредвиденному сценарию, и он явно не знал, как реагировать. Даже такая простая вещь поставила его в тупик.

— Хорошо, — сказал старик наконец, вновь всплеснув руками. — Вы ведь... э... умеете обращаться с ранеными?

— Последние два месяца я ничем другим не занималась. Перевязки, штопание швов и прочее в таком духе. Червячок мне поможет, правда?

Мальчишка радостно кивнул. Лариус опустил на него изумленный взгляд своих блеклых глаз. Возможно, он действительно только что заметил это шустрое существо с грязными щеками и лохматой головой.

— Отлично, тогда... э... — Алхимик указал на ближайшую к кровати раненого полку. — Вот здесь все необходимое. Ничего другого не трогайте, некоторые зелья могут быть смертельно опасны.

— Понятно. За Червячком присмотрю, не волнуйтесь. Он у нас послушный.

— Вместе присмотрим, — усмехнулся Харлан. — Разве что я не сумею его догнать. Так, малыш?

Червяк опять кивнул.

— Ты нам нужен, дружище, — сказал Вольфганг торговцу. — Выздоровливай быстрее.

— А куда я денусь!

Лариус вышел из лазарета и повел оставшихся с ним вниз по узкой винтовой лестнице. Здесь было так тесно, что Костолому приходилось спускаться боком. Вольфганг временами оглядывался на него. Он не мог не думать о том, что совсем недавно, в другой цитадели, расположенной

в паре дней пути отсюда, погиб его боевой товарищ, успевший стать настоящим другом, Гром-Шог, сородич Ыра. Теперь их снова было трое: человек, гном и орк. Маленький отряд, способный на большие дела. По крайней мере, готовый к ним.

— Кстати, — спохватился Вольфганг. — По поводу общих знакомых. По пути сюда мы побывали в Третьем Замке, а там встретились с братом Мавиусом, вашим старинным знакомым.

— О, Мавиус жив? — пробормотал Лариус. — Весьма отрадно слышать.

— Он просил передать, что ждет вас в гости. Кроме него, там никого не осталось. Вам, я вижу, повезло больше.

— Да, верно. Ночь Безумия накрыла нас, но обошлась гораздо мягче, чем с остальными. Полагаю, это связано с тем, что хранится в подвалах.

— А именно?

— Секрет! — хихикнул Лариус. — В каждой цитадели Братства в подвалах есть свой секрет. Мы не исключение. Только наш оказался по-настоящему полезным. Я бы мог сейчас пытаться объяснить, но никакие слова не в состоянии описать реальный размах происходящего. Не волнуйтесь, скоро сами все увидите.

Они вышли из башни и оказались в крытой галерее, огибающей по периметру внутренний двор. Здесь не было резервуаров с кислотой, как в Третьем Замке. Вместо этого двор заполняли каменные столбы, установленные на расстоянии десяти—двенадцати шагов друг от друга. Их венчали толстые железные кольца, служащие основой для ржавых цепей. Некоторые из цепей просто свисали свободно до земли, но большинство крепилось к ошейникам — вокруг столбов, прикованные к ним, бродили разные существа: в основном, конечно, люди, но виднелись и орки, и гномы. Вольфганг заметил даже одну эльфийку. Все они выглядели изможденными, беспомощными, измененными, даже безумными. Кое-кто был полностью обнажен, другие сохранили на себе какие-то лохмотья, остатки прежнего облачения: халаты, кольчуги, шаровары. На некоторых были перепачканные грязью робы алхимиков. Лица искажали непрерывно меняющиеся гримасы: словно сразу все чувства и желания стремились выразиться, явить себя миру,

прорваться сквозь глупую маску из плоти и кожи. Встречаясь взглядами друг с другом, они оскаливались, ворчали нечленораздельно, бессвязно бормотали, иногда дергались, будто пытаясь броситься в драку. Но длина цепей была подобрана таким образом, чтобы прикованные не могли дотянуться до своих соседей.

С затянутого дымом неба, словно черно-серый снег, неспешно падал пепел. Он покрывал внутренний двор и его обитателей сплошным слоем, стирая различия, стирая цвета. Там, снаружи, весь мир стал тускло-серым, безжизненным, и фигуры, бесцельно бродящие вокруг столбов, скрипя цепями, казались естественной его частью. Небытием во плоти.

— Это ведь сумасшедшие? — спросил Вольфганг, вспомнив, что ему рассказывал брат Мавиус о Девятом Замке. — Ваши... подопытные?

— Мы предпочитаем называть их подопечными, — сухо ответил Лариус. — Все они — жертвы Ночи Безумия. Их сознание — мертво, в нем не осталось ничего, кроме жажды разрушения и убийства. Мы не теряем надежды, что этот процесс можно будет однажды обернуть вспять, вернуть жизнь этим ходячим покойникам. Хотя на данный момент успехи невелики: нам пока удалось только понять, что без еды они постепенно теряют силы, становятся вялыми, однако на состоянии их разума это, к сожалению, никак не сказывается.

— А вы не боитесь, что они могут оборвать цепи? — сказал Скалогрыз. — Зеленомордые степняки на такое способны...

— Еще как способны, — подал голос Ыр. — Мои братья — могучие воины. Даже без мозгов.

— Потому и могучие, что без мозгов, — не удержался Скалогрыз. — Не обижайся!

— Ладно, — отмахнулся Костолом. — Все равно мой кулак больше твоей головы. Вот и поразмысли, что лучше.

— Нет, мы не боимся. — Лариус терпеливо дождался завершения перепалки. — Их агрессия не направлена никуда конкретно, у нее нет цели. Они сами по себе — агрессия. Ни одному из этих несчастных просто не придет в голову попытаться освободиться. Но даже если такое произойдет, то везунчик моментально накинется на своих соседей, и они по-

рвут друг друга на части. Придумать какой-либо план и, тем более, действовать сообща бедняги больше не способны.

Лариус снова свернул с галереи, нырнув в низкую арку, ведущую внутрь очередной башни. Вольфганг, Скалогрыз и Костолом последовали за ним и оказались в просторном, совершенно пустом зале. Вокруг не было ни одного окна, свет давали несколько факелов. Судя по пыли и соломе на полу, здесь до недавнего времени располагалось что-то вроде склада или хранилища. Теперь, однако, отсюда вынесли все, могущее помешать работе — в одной из стен зиял огромный свежий пролом, за которым начинался тоннель, уходящий почти отвесно вниз. Скалогрыз глянул вниз, но не увидел ничего, кроме нескольких стертых ступеней, уходящих во тьму.

— Первые обитатели цитадели замуровали этот ход много столетий назад, — торжественно объявил Лариус. — А мы с братьями отыскиали его сегодня, вскоре после того, как началось извержение.

— Что там?

— Наш секрет. Тот самый, о котором я вам говорил. Впрочем, он уже не один. У него гость. Спускайтесь, вас давно ждут.

— Меня раньше никто не ждал, кроме трактирщиков, конечно, — пробубнил гном. — Слишком старый тоннель. Не нравится мне это. Все беды — от старья, лежащего в земле.

— Там внизу — наше спасение! — взмахнул руками Лариус. — Прошу, поверьте...

— Иди вперед, старик, — прорычал Костолом. — Или я тебя туда брошу.

— Хорошо, хорошо! — залепетал Лариус и шмыгнул в пролом. — Видите, я уже спускаюсь. Не отставайте. Только осторожнее, тут запросто можно упасть.

Вольфганг глянул на Скалогрыза, потом на Костолома, пожал плечами — и шагнул во мрак.

* * *

Юноша выглядел очень плохо. Под глазами его залегли темные круги, нос неприятно заострился, и кожа стала

бледно-восковой, из-за чего лицо походило на искусно вылепленную маску. Он выглядел мертвым.

Аргрим нагнулся к груди молодого рыцаря. Сердце билось. Нехотя. Медленно. Глухо. Некая могучая сила заставляла его биться, заставляла поддерживать жизнь в страшно ослабленном, до предела измотанном теле. Источник этой силы находился не здесь, рука, не позволяющая сердцу остановиться, тянулась издалека, из иного мира. Аргрим представить не мог, что найдется во вселенной место для подобной мощи, но демон, обитавший в нем, ощущал свое несомненное родство с ней, свою принадлежность к тому, кто с другой стороны темных троп не давал умереть несчастному парню.

И от этого родства он приходил в бешенство, в дикую, истинно звериную ярость. Лютая ненависть переполняла его, пульсировала в венах, жгла их расплавленной сталью. Ибо Сказанные-во-Тьме не терпели равных себе, а те, кто превосходил их, попросту не имели права на существование.

Иногда Аргрим думал о том, что его хозяева способны лишь на разрушение, а значит, логическим финалом их деятельности должно стать полное уничтожение всего. Вряд ли они остановятся, погасив солнце. Сказанные-во-Тьме, предсмертные слова предвечного бога Кайракса, родились из его гнева и помешательства, их уделом изначально был хаос, и они обречены вечно стремиться к нему. Но такие мысли все реже посещали старшего Погонщика, а теперь и Первого Экзекутора Праведной Инквизиции. Ему ли страшиться разрушения — ведь он посвятил ему целую вечность.

Бросив последний взгляд на тело Рихарда, Аргрим быстрым шагом покинул пыточную. Полумертвый Паладин еще видел свои сны, а значит, пока рано было отдавать его тьме. Всему свое время.

Добравшись до вершины башни, он нырнул в тени, чтобы незаметно миновать покои Верховного Инквизитора Йоганна Раттбора. Тот не давал ему покоя, постоянно умоляя замедлить разложение. Но ни Аргрим, ни его хозяин не могли ничем помочь — это было выше их сил. Создать видимость жизни, замедлить старение, гвоздями колдовства прибить страдающую душу к умершей плоти, или за-

ставить труп передвигаться, выполняя приказы волшебника — подобные трюки обычны для черной магии. Но поддерживать истинную жизнь, как некто делал с лежащим внизу пареньком, способна только магия, единая с природой, черпающая из нее, являющаяся ее продолжением. Дыхание бога.

Ревность пожирала их обоих: и хозяина, и слугу. Аргрим прекрасно знал, что его собственное долголетие тоже является лишь видимостью — стоит великой темной воле оставить его, найти себе более подходящий инструмент, как прошедшие годы мгновенно возьмут свое, и он обратится в прах. Сам колдун мечтал о власти над временем и смертью, но на той стороне, что он выбрал, это было недостижимо.

Верховный Инквизитор сидел, с ногами забравшись на трон, нахохлившись, будто замерзший воробей. Из-под него текло, и у подножия престола уже собралась небольшая лужица. Когда Аргрим прошел мимо едва заметным дуновением ветра, легким колебанием пламени единственного оставшегося факела, Раттбор медленно повернул голову, проследил за ним белесыми, ничего не выражающими глазами. Может, и в самом деле увидел. Мертвецы способны на многое.

Аргрим вышел на балкон, вынырнул из теней. Мир приветствовал его тусклым закатным светом. Внизу постукивали молотки рабочих, завершающих ремонт барбакана, устанавливающих на нем небольшую баллисту. Из леса на востоке поднимались столбы дыма — мастеровые и беженцы устраивались на ночлег. Где-то гулко лаяла собака. От общей картины веяло таким спокойствием, такой тишиной и даже уютом, что Аргрим с усилием заставил себя повернуться к юго-западу, откуда исходила явная, серьезная угроза.

Свет опускающегося за горизонт солнца был нынче тусклым из-за огромного черного облака, занявшего добрую четверть небосвода. Пепел и сажа.

Это означало, что древняя Кузница опять полна огня, что ее обитатель снова принялся за работу. Появление на сцене нового игрока сильно пошатнуло баланс, а впоследствии вообще могло его разрушить. Там же, у источника черного облака, находился и брат плененного спящего Па-

ладина, и двухголовый Хозяин Кошмаров. Вряд ли все они оказались в одном и том же месте случайно, верно?

Он все-таки допустил ошибку, махнув рукой на второго близнеца, отпустив с миром старого сказочника. Он полагал, будто они безобидны, будто на них не стоит тратить время. Действительно, им не хватило бы сил, чтобы бросить вызов Аргриму или его хозяевам, но им хватило ума обзавестись достаточно могучими союзниками. Пора положить этому конец.

Старший Погонщик (он не относился всерьез к почти официальному переименованию секты в Инквизицию и по-прежнему считал себя Погонщиком Теней) направился в собственные покои — небольшую каморку, располагающуюся над тронным залом Раттбора, под самой крышей.

Здесь не было ни окон, ни факелов, ни мебели. У входа на голом дощатом полу лежали книги: пособия по чародейству, летописи, биографии Великих Магистров. Арgrim давно уже не прикасался к ним. Свободного времени у него почти не оставалось, а все, что удавалось выкроить, он тратил на сон, восстанавливая телесные силы, или проводил в противоположном углу, давая возможность хозяину общаться со своими братьями.

В этом углу лежали черепа: человеческие, орочьи, пара гномьих. Они были аккуратно сложены в небольшую пирамиду так, чтобы в каждую сторону света смотрело по меньшей мере семь пар пустых глазниц.

Если долго вглядываться в Бездну, она однажды непременно обратит на тебя внимание. И уже никогда не оставит в покое, подчинит себе, соблазнит страшными обещаниями. Вынет твою душу и заменит ее демоном, частью собственной сущности. Любой мост ведет сразу в обе стороны. Арgrim познал это на личном опыте.

Он опустился на колени перед пирамидой, встретил пустые, бесстрастные взгляды черепов. Когда после смерти душа покидает тело, она истончает ткань мироздания, оставляет после себя след, секретную калитку, которую — при достаточном умении, конечно — можно открыть и выйти на темные тропы. Пустота небытия сокращает расстояния, растворяет время, и потому сущность, путешествующая дорогами мертвых, может попасть куда угодно практически мгновенно. Сам Арgrim никогда не

рискнул бы сунуться туда: он знал, что его человеческий разум не сможет вынести беспредельного ужаса, обитающего за чертой. Но его повелитель, Сказанный-во-Тьме, нередко путешествовал по миру таким образом, поддерживал связь с другими демонами-Словами. Сегодня он отправится на запад, в Девятую цитадель Братства Алхимиков, чтобы уничтожить оставшихся врагов и окончательно разрушить все возможные очаги более или менее серьезного сопротивления.

Аргрим никогда не сомневался в грядущем успехе своего хозяина, не сомневался и в окончательной его победе. Да и кто бы стал? Торжество тьмы и безумия над миром казалось абсолютно неизбежным, единственно возможным итогом свершившихся событий. И сейчас в сердце колдуна не нашлось места для сомнений, но теперь — ощутив небывалую, нездешнюю мощь в молодом рыцаре и понаблюдав за черным облаком, закрывшим закат — он впервые подумал о том, что за победу придется серьезно побороться.

Бездонные провалы пустых глазниц звали его, манили нырнуть в них, как пропасть зовет стоящего на краю шагнуть вниз, навстречу забвению. Он сопротивлялся изо всех сил, скрипел зубами от напряжения, но не моргал и не отводил взгляда. Калитка открывалась.

— Ты хороший слуга, — прошелестел в сознании голос демона. — Ты будешь вознагражден.

— Втопчите их в пыль, повелитель! — прохрипел Аргрим.

— Непременно! — ответил демон. — В Девятой цитадели у меня не будет недостатка в инструментах!

С этими словами он покинул тело Погонщика, серыми, едва заметными нитями потянулся из его слезящихся глаз и канул в черные ямы, которыми пилились на Аргрима черепа. Человек остался наедине с собой, лицом к лицу с собственным отчаянием.

* * *

Коридор оказался совсем коротким. Пять шагов, поворот, еще десять шагов, снова поворот — и они вышли в пещеру... хотя, судя по абсолютно ровному потолку и че-

тырехугольной форме, помещение имело искусственную природу. Источником света служил массивный кузнечный горн, располагавшийся у дальней стены: сквозь щели в тяжелой металлической двери, закрывавшей его широкую пасть, вырывались языки оранжево-багрового пламени. Их отсветы рубили густую тьму, четко очерчивали предметы вокруг: внушительных размеров бадью с водой, пару наглухо закрытых бочек, гигантскую каменную наковальню, уже знакомый Вольфгангу метеорит, расколотый пополам, зажатый в тиски размером с быка. На стенах висели клещи, щипцы, кочерги и прочие кузнечные инструменты, к наковальне был прислонен огромный молот — ударная часть его размерами превосходила Скалогрыза. Но молот оказался далеко не самым удивительным здесь.

Чуть в стороне от горна, рядом с тисками, стояло странное существо. На голову выше и вдвое шире Костолома, оно представляло собой невероятную смесь живой плоти и диковинного механизма. Толстые короткие ноги его оканчивались колесами, усеянными стальными шипами. Покрытую потом кожу могучих плеч тоже прорывали четырехугольные стальные острия. Ребрами ему служили металлические дуги, между которыми просачивались тонкие струйки дыма. В середине груди, сразу над верхним краем перепачканного в саже фартука, располагалось небольшое круглое отверстие, где бушевал жаркий огонь того же подземно-багрового цвета, что и в горне. Голову — если это можно было так назвать — полностью закрывал кожаный мешок с двумя прорезями для глаз, охваченный по нижнему краю толстым медным обручем, опять-таки украшенным шипами. Тут и там на теле этого создания виднелись железные заклепки и заплатки. В руках, скрытых до самого локтя большими войлочными перчатками, оно сжимало нечто вроде кирки.

— Ни винта себе! — ошеломленно пробормотал Скалогрыз. — Это ведь...

— Приветствую! — рывкнул Лариус и согнулся в низком поклоне. — Ваши — и наши, разумеется — дражайшие гости прибыли.

Механизм не ответил. Вольфгангу показалось, будто в глубине прорезей что-то шевельнулось, но больше никакой реакции на пришельцев не последовало.

— Спасибо, алхимик, — раздался голос из теней, занимающих ближайший к ним угол, куда не могли добраться отсветы пламени. — Ты немало потрудился сегодня...

— Да-да, конечно, — прошептал Лариус, не поднимая головы. — Могу я идти?

— Пока останься. Я бы хотел посвятить тебя в наши планы.

Вольфганг узнал голос сразу. В темноте скрывался Аргус, двуглавый Хозяин Кошмаров. Рыцарь не знал, что ему делать: то ли опуститься на колени, то ли закричать от радости. Лариус склонился еще ниже и, не разгибаясь, отошел в сторону, позволяя остальным войти в зал.

— Я говорю, ни винта себе! — снова начал Скалогрыз, не отводя глаз от механического кузнеца. — Это ведь...

— Да, — прервал его голос из теней. — Это он, дорогой гном. Не мог же я, в самом деле, доверить создание уникального оружия обычному, пусть и самому искусному мастеру.

— Синеус? — брови Скалогрыза поползли на лоб. — Это ты, старый болтун? Опять срезал?

Вольфганг бросил быстрый взгляд на Лариуса: у того при словах «старый болтун» лицо стало похоже на перезрелый кабачок, с него даже все морщины исчезли от потрясения.

— В некотором роде, — мягко ответил Аргус. — Сказочник умер, но я так долго был им, что и теперь вполне могу сойти за него. Во мраке, конечно.

— Ничего не понимаю, — прошептал Скалогрыз. — Такого я никак не ожидал. Тут... значит... а там... — Он указал на существо у горна. — Тоже... ведь...

— Правая рука Крома, Старшего Первопредка, покровителя всех гномов, — в голосе Хозяина Кошмаров явно слышалась усмешка. — Стальной Кузнец.

— Во... — Скалогрыз отер рукой пот со лба. — Именно это я хотел сказать.

— Вероятно, совсем скоро ты, любезный гном, сможешь увидеть и его повелителя.

— Как? — Теперь Скалогрыз попросту лишился дара речи. Он мычал что-то, таращил глаза, словно силился произнести какие-то важные слова, но позабыл все до единого.

— Неужели ты думал, что Стальной Кузнец пробудился сам по себе? Нет, вся земля восстала против преступлений, совершенных демонами. Горы и долины, холмы и дюны — все заворочалось в гневе, все поднялось для отмщения за надругательство над миром. Пробудились старые вулканы, и горн Первопредков вновь наполнился огнем. Но давно уже позабыто, что Хозяин Горна зависит не от вулкана, а от своего создателя и владыки. То, что ты видишь Стального Кузнеца за работой, означает только одно: Кром очнулся от каменного сна, продолжавшегося многие столетия. Далеко на севере он собирает армию из уцелевших гномов, и со дня на день они двинутся сюда, нам на помощь.

— Отрадно это слышать! — воскликнул рыцарь.

— Что ж, Вольфганг, мой молодой друг, еще сильнее ты обрадуешься, если я скажу тебе, что северяне — не единственные наши союзники. Я не тратил времени зря, явился в видениях самым влиятельным настоятельницам арганайских монастырей. Эльфийские владычицы приведут своих ведьм и колдуний.

— Не знаю, найдем ли мы с ними общий язык, но общий враг наверняка сблизит нас.

— Это еще не все. Стальной Кузнец уже получил в свое распоряжение доставленный вами метеорит. Через несколько дней с помощью подземного пламени и своего ни с чем не сравнимого искусства он создаст оружие, способное поражать демонов. Создаст его для тебя, Вольфганг.

— Это огромная честь...

— Еще и грандиозная ответственность. Ты поведешь армию на Заставные Башни, на бывшую резиденцию своего Ордена, на священное для тебя место, ставшее ныне средоточием зла, источником великих бед. Справишься ли ты? Совладаешь ли с возложенной на твои плечи ношей? Не пошатнешься ли под ее тяжестью?

— Если ты не покинешь меня, я справлюсь, — ответил Вольфганг, чувствуя, как грудь наполняется восторгом и страхом, надеждой и отчаянием. — Если мой брат и мои друзья не покинут меня, я справлюсь!

— Не покинем, чего уж тут, — прокричал Скалогрыз. — Поздно покидать, все. Нырнув в цемент, по башмакам не плачут.

— Ни один орк не откажется от хорошей драки, — ощерился Костолом. — Но где мои палицы?

Тут подал голос Стальной Кузнец. Глухо, гулко, будто кто-то неимоверно далекий кричал сквозь широкую трубу:

— Я знаю. Что делаю. Оружие не для Богов. Здесь много небесного. Металла. Хватит на всех троих.

Орк и гном ничего не ответили. Могли ли они поверить в происходящее? В Костоломе Вольфганг не сомневался, а вот у Скалогрыза в голове было достаточно мозгов, чтобы сомневаться в реальности творящегося вокруг безумия.

— Мы победим, — сказал рыцарь. — Я уверен. Мы одолеем зло.

В эту самую минуту доброй сотней локтей выше мальчик по прозвищу Червяк выскользнул из лазарета и помчался вниз по крытой галерее, огибающей башню. Элли увлеклась чтением свитков с рецептами, и это дало ему возможность незаметно прокрасться за дверь.

Никакой особой вины мальчишка не чувствовал: он помог эльфийке сделать перевязку, а потом, когда толстый торговец выпил очередную порцию исцеляющего снадобья и уснул, она учила его разбирать значки на этикетках склянок и колб. Червяку нравилась Элли, ему совсем не хотелось подводить ее или прятаться. Но есть вещи, которые нельзя рассказывать взрослым, даже немного чокнутым эльфийкам. По крайней мере, до тех пор, пока сам не убедишься в том, что померещилось за окном.

Элли как раз нагнулась над первым свитком, когда Червяк, стоявший между кроватью Харлана и стрельчатым проемом в стене, боковым зрением уловил снаружи какое-то движение. Он повернул голову и успел увидеть, как, перевалившись через зубцы внешней стены, по ней во внутренний двор спускается странное существо. Оно ползло по каменной кладке вниз головой, плотно прижавшись к поверхности, цепляясь за щели и выбоины руками и ногами.

От неожиданности мальчишка моргнул, и тварь пропала. Но он знал, кого заметил. Там, на стене, была старая Ивэйна, которую в лагере Ловцов называли не иначе как Распрекрасная.

Та самая Ивэйна, которой проломили череп во время драки за метеорит.

Та самая Ивэйна, чье безжизненное тело алхимики бросили в долине на съедение подступающей раскаленной лаве.

Та самая Ивэйна, что заботилась и ухаживала за Червяком, всегда оставляла для него лучшие куски, не давала в обиду, пела старинные песни и убаюкивала мудрыми баснями.

Он просто не мог сказать Элли.

Просто не мог.



ГЛАВА VII

ПАСТЬ

Стальной Кузнец неспешно откалывал внушительные куски руды от метеоритного ядра, очищал их от пыли и странных желтоватых наслоений, а потом помещал в печь, обильно обложив древесным углем. Видимо, работать он начал задолго до их прихода, потому что уже успел выварить несколько пористых комьев крицы — их он доставал из печи щипцами и, положив на наковальню, обрабатывал молотом.

Вольфганг и Скалогрыз не могли оторвать взгляд от этого простого, но по-своему колдовского процесса. Рыцаря завораживала игра огня и тени, монотонные, отточенные движения стальных рук в войлочных перчатках, гулкие ритмичные удары. Гном же попросту наслаждался работой мастера: он, как и любой другой представитель подгорного народа, разбирался в кузнечном деле и потому прекрасно понимал — то, что происходит сейчас у него перед глазами, являет собой истинное высокое искусство.

А вот Костолом откровенно скучал. Некоторое время его вроде бы тоже занимало удивительное зрелище, но потом он потерял к нему всякий интерес и принялся смотреть по сторонам. Орки с недоверием относятся к любому творчеству и созиданию. Конечно, в каждом уважающем себя племени имелась пара кузнецов, которые клепали броню и ковали ятаганы, но обычно ими становились старые или увечные воины, не способные более ходить в набеги. У Ыра хватало соображения помалкивать и не двигаться с места, однако происходящее явно тяготило его.

Аргус тоже хранил молчание. Тени, в которых он скрывался, были столь густыми, что ни один, даже самый острый

глаз не смог бы различить в их глубине очертаний двуглавого бога. И брат Лариус, стоявший у дверей, не взялся бы с уверенностью утверждать, оставался ли Хозяин Кошмаров здесь или уже покинул комнату, отправившись одному ему ведомыми путями к одному ему ведомым целям.

Старый алхимик наслаждался каждым мгновением. Предыдущая никчемная, бессмысленная жизнь обрела немалую цену. Всего в нескольких шагах от него менялся ход истории. Он присутствовал при событии, обреченном на многочисленные и подробные упоминания во всех мыслимых летописях и хрониках. Он занимал собственное — весьма почетное — место в вечности.

А потом Аргус сказал:

— Оно здесь.

— Кто? — спросил Костолом, единственный не очарованный магией созидания.

— Зло, — просто ответил Дзуликий. — Оно пришло.

— Что ты имеешь в виду? — отвлекся Вольфганг.

— Ничего, кроме того, что сказал. В цитадели демон.

Скалогрыз и рыцарь переглянулись.

— Больше к алхимикам ни ногой, — пробормотал гном. — Всякая нечисть гуляет по их цитаделям, как у себя дома.

— Демон? — не услышал его Вольфганг. — Там же эльфийка и мальчишка...

— И Харлан, — добавил гном. — И куча братьев в рясах.

— Что нам делать? — спросил Вольфганг у теней.

— Оставаться здесь. Ждать. Пока недостаточно стемнело, я не могу отправиться наружу в физическом теле. Без меня вам не справиться.

— Ждать?! — взвился Вольфганг. — Оставить наших там? Оставить раненого Харлана и пацана? Женщину?!

— Они не имеют никакого значения для будущего, — ответил Аргус. — Они не имеют смысла, не стоит рисковать собой ради них.

— Хватит этих разговоров о смысле и риске! Ты здесь, похоже, в шахматы играешь! Жертвуешь незначительными фигурами, чтобы подобраться к противнику! Так вот, Харлан и Элли — не пешки! Ты убедил меня бросить брата, а теперь хочешь, чтобы я и их тоже оставил?

— Если ты сейчас погибнешь, враг победит.

— Да неужели?! Чем я так важен, Бездна побери?!

— Связью со своим братом. Вы уникальны, и...

— Ну точно, так я и знал! Многоходовая комбинация! Знаешь, что? Ты — бог, а я — человек. И, наверное, это правильно, что тебя заботит вся картина в целом. Но мне она больше не нужна. Потому что люди ва...

— Иди уже.

— Что?

— Хватит сотрясать воздух. Идите наверх, сделайте, что сможете. Особенно не геройствуйте, главное — продержитесь до темноты.

Вольфганг и Скалогрыз бросились к выходу, но Костолом рывкнул им в спины:

— Погодите! — и тяжело опустил свою лапищу на плечо брата Лариуса. — Где наше оружие, старик?

* * *

Внутри Костяной Шатер выглядел еще больше. Драконий хребет, служащий потолочной балкой, казалось, врезался в густую синеву неба, продавливал ее. Солнечный свет лился потоками меж ребер, ложась ослепительно-белыми полосами на пол, покрытый плотным слоем костяной крошки.

В центре шатра возвышалась мраморная колонна, увитая высохшими лианами, такими же бесцветно-бледными, как и кости вокруг. Венчали ее четыре длинных загнутых рога. Или клыка. Один из них до середины покрывала ярко-красная, свежая кровь. Капли медленно падали вниз, и от страшного противоречия между алым и белым у Рихарда защипало в глазах. Хотя, может, дело было в том, что мрамор слишком ярко сверкал под солнечными лучами. Он пошатнулся, с трудом удерживая равновесие. Нереальное тело очень даже реально страдало от усталости.

Рыцарь медленно опустился на колени. Его путь оканчивался здесь, в этом сомневаться не приходилось. Если и имелось в джунглях по эту сторону врат место более значимое или могущественное, он попросту не сумел бы до него дойти. Он больше не встанет, пробудет здесь до тех

пор, пока звезды не погаснут, пока его плоть не истлеет, а кости не смешаются с ужасающим ковром Шатра, не оставив от Паладина по имени Рихард никаких следов. Исчезнет не только тело, сгинут мысли, чувства, желания — все, чем он был, чем он жил, растворится в беспощадной белизне потустороннего солнца. Пусть.

Капли продолжали падать. Неспешно. Ритмично. Словно маятник. Секунда за секундой — в никуда. В Бездну.

Рихард закрыл глаза. Если бы в нем оставалось хоть немного жидкости, не высушенной огромным жестоким солнцем, наверняка появились бы слезы. Он не справился. Он сдался.

Нет.

Не может быть.

Нельзя.

Скрипя зубами так, что, казалось, вот-вот треснет череп, Рихард начал подниматься. Все его существо протестовало против столь грубого насилия над собой. Ноги не слушались, отказывались поддерживать туловище, руки дрожали, словно после десяти дней беспробудного пьянства. Вообще состояние больше всего напоминало именно похмелье — невероятно сильное, непобедимое, всеобъемлющее. Зажмурив глаза, потому что от света его тошнило, Рихард сделал шаг. Потом еще один.

А в следующее мгновение позади него тяжело захрустел костный ковер. Рыцарь начал оборачиваться, открывая глаза, и, не сумев удержать равновесия, рухнул обратно в белую мертвую пыль. Но две могучие руки подхватили его, подняли в воздух, бережно понесли куда-то. Он не знал, реальность это или бред — голова страшно кружилась, пищевод и желудок судорожно пытались извергнуть наружу хоть что-то — сильнейшие рвотные позывы сотрясали все тело.

— Ты победил! — сказал рядом тяжелый, хриплый голос. — Ты доказал, что в тебе течет кровь богов. А значит, ты — мой брат.

Рихард все-таки смог открыть глаза. Над ним нависала, покачиваясь в такт широким шагам, уродливая морда Зара. Он узнал его сразу, хотя никогда не видел и даже не верил в его существование. Как с орками, в этом случае было достаточно одного взгляда.

Голова казалась крошечной на фоне по-настоящему великанских плеч, бугрящихся мышцами, утыканных ржавыми гвоздями, на которых висели древние, крошащиеся черепа. Еще более грозное впечатление производили клыки, торчащие из углов пасти: длиной с руку взрослого мужчины, загибающиеся кверху, будто рога косматых быков, что разводили у Рихарда на родине. Именно такие клыки и украшали вершину мраморной колонны, никаких сомнений. Лоб бога войны закрывала железная пластина, крепившаяся прямо к кости с помощью толстых медных болтов. Нижний край пластины нависал над глубоко посаженными глазами, горящими бледным желтым огнем.

Из приоткрытой пасти, полной острых зубов, свисал тонкий язык пепельно-серого цвета. Кожа Зара была того же оттенка, но чуть светлее. Он нес Рихарда, как мать несет младенца, бережно прижав хрупкого человечка к своей мускулистой груди.

Едва тошнота и головокружение ослабли настолько, чтобы можно было открыть рот, рыцарь сказал:

— Сам пойду...

— Шутишь? — прогудел великан. — Ты и шагу сейчас не ступишь. Темные Тропы не особенно гостеприимны, тем более, к живым. Тебе не место здесь, в этом все дело.

— Я должен идти...

Рихард закрыл глаза, потому что мир начал вращаться с удвоенной быстротой. Он знал, что великан прав. Боги никогда не заблуждаются. Никогда.

* * *

Элли заметила, что Червяка нет, только когда внизу появился шум. Она увлеклась чтением — и не замечала ничего вокруг. С тех пор как ей последний раз доводилось держать в руках свиток с текстом, прошло очень много времени. Настолько много, что теперь даже рецепты алхимических зелий шли на ура. Особенно интересным оказался почему-то рецепт Эликсира Перманентной Стройности. Старший Народ никогда не страдал от проблемы избыточного веса, но сама мысль о подобном приводила Эллару в ужас. И читать о том, как люди боролись с этим недугом, было неверо-

ятно увлекательно. Однако стоило ей добраться до строк «...смешивать отвары следует с осторожностью, потому что яды мухомора в избыточных дозах могут быть опасны, особенно в сочетании с соком бледных поганок и пещерной плесенью. Посему рекомендуется использовать...», как где-то внизу, то ли на первых этажах, то ли во дворе послышались скрежет и звон. Потом что-то гроыхнуло, и кто-то закричал — протяжно, пронзительно — криком умирающей плоти.

Элли вскочила, уронив свиток с рецептом на пол.

— Черв... — начала она, но осеклась, увидев, что мальчишки в комнате нет. Харлан на кровати беспокойно заворочался, но глаз не открыл. Внизу снова гроыхнуло — так, будто нечто тяжелое с большой высоты рухнуло на каменный пол. Торговец вздрогнул и проснулся.

— Что случилось? — сразу спросил он, нахмурившись. Долгая, полная приключений и опасностей жизнь приучила купца мгновенно приходить в себя.

— Я не знаю. — Элли закусил губу. — Может, ничего страшного...

Она бросилась к дверям, выглянула во внешнюю галерею, отчаянно надеясь увидеть там мальчишку. Но, само собой, его там не оказалось. Коридор был пуст, за высокими стрельчатыми окнами тоскливо серело затянутое дымом небо. Элли вернулась в комнату.

— Червяк убежал, — сказала она. — Не знаю, где он.

Прежде чем купец успел ответить, внизу опять раздался крик, оборвавшийся так же резко, как и начался.

— Вряд ли «ничего страшного», — пробормотал Харлан и, повернувшись, спустил ноги с кровати.

— Тебе нельзя вставать, — поспешно заявила Элли, указывая на бинты. — Еще рано...

— Ты меня понесешь, что ли? — криво усмехнулся торговец. — Надо пацаненка искать, я правильно понимаю?

— Да.

— Вот то-то и оно, что «да».

Харлан поднялся, отбросив в сторону одеяло. Его тут же шатнуло, но он сумел удержать равновесие.

— Видишь, ты сам еле ходишь, — сказала эльфийка. — Ложись обратно. Я пойду вниз, а дверь запру. Тебе нечего будет бояться.

— Ну? А если... если ты... не вернешься, а замок, к примеру, подожгут? Я буду тут коптиться, в запертой комнате? Нет уж, давай так: иди за мальчишкой, а я соберусь с силами и двину следом.

Эллара только пожала плечами. Вряд ли Цитадели Алхимиков мог угрожать пожар — она была построена из крепкого горного камня, которому не страшен никакой огонь. Даже если бы вулканическая лава текла в этом направлении, ей не удалось бы повредить крепости. Но тратить время на споры с купцом эльфийка не собиралась.

Она оставила его, вышла в галерею. Червяк мог пойти налево, к следующей башне, по следам рыцаря, гнома и орка, а мог свернуть направо и вернуться тем же путем, каким они добрались сюда. В этом случае он точно должен был спуститься вниз, а значит, что бы там ни происходило, оно вполне способно угрожать ему.

Элли побежала направо. Если она ошиблась, и мальчишка отправился в другую сторону, исследовать замок, то слава Серому Алвинду — ей нечего опасаться и рисковать придется лишь собой. В конце концов, его исчезновение — только ее вина.

Снова слышались крики. На этот раз громче и отчетливее. За ними последовал резкий хлопок, какой бывает при взрыве пороха. Элли выскочила на винтовую лестницу и помчалась вниз, прыгая через три ступеньки. Внутри нее боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, страх сжимал сердце все крепче с каждым шагом, с другой — нарастало приятное ощущение причастности к чему-то большому и по-настоящему важному. Отступить сейчас она уже была не в состоянии.

Навстречу ей по лестнице поднимался человек в черной робе алхимика. Он передвигался медленно, тяжело опираясь руками о стену. На ступенях позади него оставалась темно-красная полоса. Лицо несчастного было все перепачкано в крови, и в полумраке башни Элли удалось различить лишь глаза: выпученные от мучительной боли и смертного ужаса, глаза попавшего в стальной капкан животного — безумные, остекленевшие. Эти глаза были ей знакомы. Их обладатель принес им поднос с похлебкой и хлебом несколько часов назад. Она проскочила мимо,

даже не пытаясь спрашивать о мальчике, и только тремя или четырьмя шагами ниже до нее дошло, что все равно не удалось бы получить ответа — у алхимика отсутствовала нижняя челюсть. Остановившись, эльфийка обернулась, но умирающий уже скрылся за поворотом лестницы. Элли продолжила путь вдоль кровавых пятен.

Теперь стало вполне очевидно: внизу творилось нечто поистине ужасное. Криков больше не было слышно, но беспрерывно раздавались глухие тяжелые удары, сопровождаемые треском. Ломают дверь, поняла Элли. Какие бы чудовища там ни явились, они ломают дверь...

В этот самый момент из-за поворота выскочил Червяк. Он мчался вверх по лестнице с такой скоростью, что с размаху влетел в живот эльфийки и сбил ее с ног. Пожалуй, он рванул бы дальше, но Элли успела схватить его за штанину. Мальчишка заверещал.

— Постой, Червячок, — лепетала она, поднимаясь. — Постой, это же я! Я!

— Бежим! — взвизгнул он и потянул ее за собой. — Быстрее! Бежим!

Элли не заставила просить себя дважды, и понеслась обратно, сразу за неутомимым пацаном.

— Что происходит?

— Она освободила их!

Элли ничего не поняла, но на разговоры не хватало ни времени, ни сил. Они миновали алхимика, который попался ей во время спуска. Бедняга распластался на ступеньках в расплывающейся темной луже. Червяк перепрыгнул через него, даже не повернув головы, а Элли снова поймала взгляд еще живых, но уже затуманившихся глаз. Боли и страха больше не было, вместо них появилась тоска. Человек словно бы просил ее о чем-то. Она догадывалась, о чем. Но у нее не имелось при себе никакого оружия, чтобы выполнить его просьбу.

— Они жрут людей! — пропыхтел на бегу мальчик. — И...

Далеко внизу дверь слетела с петель с оглушительным скрежетом. Башня сразу же наполнилась мешаниной звуков: воплями, звоном цепей, топотом множества ног. На первом этаже началась бойня.

Через пару минут Элли и Червяк добрались до выхода в галерею. Харлан стоял в коридоре, всего в нескольких шагах от лазарета. В руках он сжимал ножку кровати — благодаря солидному чугунному набалдашнику из нее получилась вполне эффективная дубинка. Торговец прислонился спиной к стене. Бинты на его груди были насквозь мокры от крови.

Эльфийка и мальчик добрались до него, остановились, тяжело дыша. Червяк согнулся пополам, упершись руками в колени. Его вырвало зеленоватой желчью.

— Нашелся, сорванец, — усмехнулся Харлан. — Не уследили мы за тобой.

— Простите. — Червяк утер рот ладонью. — Но... я увидел ее... в окне...

— Кого?

— Старую Ивэйну...

— Она же погибла.

— Да. Все равно... Ивэйна была во дворе. Освобождала тех, прикованных к столбам.

— Прикованных к столбам?

— Я не знаю, кто это. Но выглядят они жутко.

Он сплюнул. Дыхание постепенно приходило в норму. Эльфийка, казалось, не запыхалась вообще.

— Черная магия! — сказала она уверенно.

— Где наши? — спросил торговец.

— Их увел главный алхимик. Куда-то в подвал вроде бы. С кем-то встретиться.

— Это может быть связано со старухой?

— Откуда мне знать.

Харлан вздохнул и почесал седеющую бороду:

— В моем родном селе такие ситуации назывались полным...

— Тихо! — прервала его Элли.

Торговец замолк, она прислушалась. Топот приближался, поднимался в башне справа. Ни криков, ни голосов, ни звяканья оружия — только слитные шаги большой толпы, спешащей вверх по узкой винтовой лестнице.

— Они идут сюда! — воскликнула эльфийка. — Надо бежать!

— Не смогу, — спокойно ответил Харлан. — Чешите отсюда, а я попробую их задержать хоть немного.

— Не будь дураком!

— Вот думать, что я сумею от них скрыться, и правда способен только дурак. Я сюда-то еле доковылял. Видно, судьбу не обмануть. Все, рвите когти.

Теперь топот на лестнице могли различить и человеческие уши. Элли и Червяк побежали в противоположную сторону, постоянно оглядываясь. Харлан взвесил свою импровизированную палицу в руке, отошел от стены, встал в середине коридора, широко расставив ноги. Он был спокоен и не оборачивался. Слишком много людей ждали его на Темных Тропах: он сильно отстал от тех, кого любил, от лучших друзей, от соратников и деловых партнеров. Пришло время ему догонять их. Оставалось только надеяться, что по ту сторону смерти грудь не будет так сильно болеть при ходьбе.

Толпа выплеснулась в галерею подобно селевому потоку. Оскаленные рты и пасти, закатившиеся или вовсе закрытые глаза, сжатые в кулаки или хищно скрюченные пальцы. Орки, люди, гномы. В грязных лохмотьях или полностью обнаженные. Они не издавали ни звука, просто двигались вперед со всей скоростью, на которую были способны, будто единое безумное существо.

— Ннна! — выдохнул Харлан и, широко размахнувшись, влепил чугунный набалдашник дубинки в висок светловолосого, заросшего бородой парня, бежавшего первым. Тот отлетел к стене, мешком повалился на пол, белые сальные кудри быстро залила кровь. Второй удар нанести уже не удалось: следующий бегун столкнулся с Харланом, опрокинул его на спину.

Элли и Червяк видели, как толпа сомкнулась вокруг упавшего. Продолжения они ждать не стали, свернули на лестницу, по которой часом раньше Лариус увел Вольфганга сотоварищи. Через несколько секунд галерею наполнил душераздирающий крик. Стены постарались заглушить его, но эльфийка и мальчик слышали.

* * *

По счастью, арсенал находился неподалеку. Выйдя из башни, Лариус сразу поспешил туда, а вслед за ним и трое

друзей. Безумцы во дворе вели себя более чем странно: вялые, бесцельные телодвижения сменились дикой яростью. Они прыгали, скрипели зубами, пытались порвать цепи, дотянуться друг до друга.

— Никогда подобного не было, — изумленно протянул седой алхимик. — Это демон на них так влияет?

— Наверняка! — прорычал ему в ухо Вольфганг и, схватив старика под локоть, поволок за собой. — Нельзя медлить ни минуты! В оружейную!

У дверей арсенала брат Лариус долго искал нужный ключ, а потом несколько раз промахивался им мимо замочной скважины — очень уж дрожали пальцы.

— Ты подмоги хочешь здесь дожждаться, что ли? — проворчал Скалогрыз. — Эльфиек и Крома?

— Иди в Бездну! — отмахнулся алхимик. — Я волнуюсь...

— И мы тоже, — добавил Вольфганг. — Но с оружием волноваться сподручнее.

Наконец замок щелкнул, отпираясь, и они смогли войти. То, что братья отобрали у них, было свалено в кучу прямо у порога. Однако взгляды всех троих мгновенно приковали стены, увешанные самым разнообразным вооружением.

— Вот болтотрясы... — прошептал гном. — Да у вас тут на целую армию!

— Берите, что хотите, — буркнул Лариус. — Нам не пригодится.

— Только выбираем быстро, — скомандовал Вольфганг. — Некогда раздумывать.

Костолом определился сразу:

— Рогатое Крушило! — проревел он, схватив нечто, больше всего похожее на гигантскую кирку, рубящая часть которой была выполнена из камня и украшена перьями. Рыцарь взял свою сумку с остатками порошка, скипетр, известный как «Метеор» — оружие особых ударных войск Ордена Паладинов — и тяжелый композитный лук с полным колчаном стрел. Дольше всех провозился Скалогрыз. Возможно, дело было в том, что его левая рука по-прежнему висела на перевязи. В конце концов он определился и вышел наружу, нагрузив на себя три аркебузы и сжимая здоровой рукой тяжелый молоток.

— Не тяжело? — участливо спросил Ыр.

— Халява не тянет, — усмехнулся Скалогрыз. — Вы даже представить не можете, что за зверские штуковины я отыскал. Эта кувалда у нас в Торгорском Кряже зовется гренадерской. Ей вооружаются только элитные воинские части. Про огнестрелы вообще молчу. Вот эта, слева, очень редкая и дорогая штука. Называется «Звездная аркебуза». А та, что справа...

— У тебя же только одна рука.

— Так я и не буду все сразу использовать.

Они снова вышли в крытую галерею и направились по ней обратно — к лазарету. Рядом творилось невообразимое: безумцы разрывали цепи, грызли их зубами, сдирали с себя ошейники, разрывая кожу и ломая кости. Один из орков, огромный, заросший рыжей щетиной, попросту выломал каменный столб и теперь ковылял через двор по направлению к галерее. Он не трогал окружающих сумасшедших, даже не обращал на них внимания, у него явно имелась четкая цель, и только тяжелый столб за спиной не позволял ему перейти на бег.

— Эй! — воскликнул Лариус. — Он же сюда идет.

— Похоже на то, — ответил Вольфганг и потянул с плеча лук. — Это странно?

— Это просто невероятно. — Лариус едва не плакал. — Такого никогда раньше не было... я же говорю, они не способны мыслить.

— Значит, кто-то мыслит за них, — сделал вывод Вольфганг. — Сейчас я его сниму.

— Нет! — Скалогрыз оттолкнул его в сторону. — Здоровяк — мой! Хочу продемонстрировать вам силу Звездной аркебузы!

— Уверен? — рыцарь отошел, но лука не опустил. — Давай, глянем.

Скалогрыз опустил на одно колено и принялся заряжать оружие: он неспешно прочищал шомполом стволы, потом засыпал в них разрыв-песок из небольшого мешочка, следом за ним — рубленые кусочки металла. Еще пара быстрых движений шомпола... Выполнял все это он одной рукой, и неплохо справлялся. Вольфганг тревожно взглянул на орка, бывшего уже на расстоянии десятка шагов.

— Не поторопишься?

— Не волнуемся, сохраняем штаны сухими. — Гном поджег запал и поднял аркебузу. — Все равно дальность выстрела небольшая.

Роста Скалогрыза как раз хватало, чтобы удерживать ствол ружья над парапетом галереи. Он прищурился, прицеливаясь, хотя промахнуться с такого расстояния по столь огромной мишени не сумел бы и слепой. Орк никак не отреагировал, продолжал агрессивно ковылять, с каждым шагом подтягивая за собой каменный столб. Пасть его была растянута в злобном оскале, а глаза слепо таращились вперед. По подбородку стекала слюна.

— Он точно не хочет подружиться? — спросил Скалогрыз.

— Стреляй! — прошептал Лариус.

Подойдя вплотную к галерее, орк все так же молча взмахнул обеими лапищами, собираясь мощным ударом впечатать в гранит маленького бородатого человечка. И тут аркебуза пальнула. От грохота вздрогнул, казалось, даже Костолом, а Лариус вообще едва не упал. Скалогрыз и безумный орк разлетелись в разные стороны. Гном ударился о каменную кладку, сполз на землю, но оружия из рук не выпустил. Рыжебородому повезло меньше. Выстрелом ему разворотило всю грудь и почти полностью снесло голову.

— Недурно! — сказал Ыр, помогая Скалогрызу подняться.

— Дык! — Гном выглядел очень довольным. — Картечь решает любые вопросы.

Грохот привлек внимание остальных безумцев. Они стали рваться из цепей с удвоенной силой. Среди них вдруг невесть откуда появились уже освободившиеся — но они не нападали на остальных, а помогали им избавиться от ошейников.

— Бездна меня заberi. — Лариус не сводил с них взгляда. — Не может быть...

— Пойдем! — Вольфганг схватил его за рукав. — Надо возвращаться к нашим.

Они побежали по галерее. У входа на лестницу лежал алхимик. Двое безумцев, устроившись рядом на карачках, пожирала его: один разорвал парню живот и теперь, громко чавкая, разгрызал внутренности, а второй обглаживал лицо. Они поднимали окровавленные морды навстре-

чу приближающимся, уставились мутными немигающими глазами.

— Прочь! — взревел Лариус и, выхватив из пальцев зазевавшегося гнома кувалду, бросился к зверолодам. Он пытался отогнать их от трупа, словно гиен или ворон. Но они не были ни тем, ни другим. Вольфганг успел только поднять лук и наложить стрелу на тетиву. Костолом успел махнуть рукой, пытаясь схватить Лариуса за плечо, и промахнуться. Скалогрыз успел моргнуть и раскрыть рот от удивления. А безумец успел прыгнуть и впиться зубами в горло седого алхимика.

Кровь брызнула, а через секунду опоздавшая стрела рыцаря вонзилась монстру в глаз, насквозь пробив череп. Он повалился на пол, увлекая за собой старика. Второй тоже прыгнул — на гнома, — но Рогатое Крушило поймало его в полете, проломило ребра и отбросило на несколько шагов.

Рыцарь пинком отшвырнул обмякшее тело безумца, склонился над Лариусом. Помочь тому было уже нельзя. Даже имейся у Вольфганга с собой полное кадило целебного порошка, его бы не хватило, чтобы успеть залечить огромную рваную рану на дряблой старческой шее.

— Доброго пути, — прошептал рыцарь в полные страдания глаза. — Пусть Темные Тропы тебе освещает свет истины. До встречи, брат Лариус.

Старик захлебывался кровью, пытался глотать ее, пытался дышать. Потом с трудом открыл рот:

— Ма... Мавиусу... скажи... мне жаль, что... не успел...

— Передам, — кивнул Вольфганг, хотя и знал, что вряд ли когда-нибудь увидит брата Мавиуса вновь. — Передам обязательно.

— Книги... которые он тебе... дал... они очень важны... ищи в моих...

Он закашлялся, и больше уже не мог говорить, но Вольфганг и так понимал, о чем речь.

— Найду. Не сомневайся.

Глаза алхимика закатились. Он хрипел и вздрагивал — тело не желало отпускать душу прочь. Роргар подошел, направил дуло второго мушкета в висок старика, спросил:

— Прекратим агонию?

Вольфганг поднялся и отвернулся.

На первой же лестничной площадке они нашли Элли и Червяка. Те сидели в углу, обняв друг друга. Мальчик

плакал. Появление троих товарищей мало обрадовало их, хотя Элли немного оживилась.

— Наверх нельзя, — прошептала она сразу. — Их там так много.

— Дробанутых? — уточнил гном.

— Да, — подал голос Червяк. — Они убили Харлана.

— Точно?

— Точно... он кричал... — мальчик снова разрыдался.

— Бездна! — Вольфганг поднялся на несколько ступенек, посмотрел вверх, прислушался. — Говорите, их там много?

— Очень, — ответила Элли. — Целая толпа.

— Почему они молчат? — спросил Червяк. — Они не кричат, не говорят, не угрожают.

— Потому что они куклы, — объяснил рыцарь, продолжая рассматривать стены и лестницу. — Как тряпичные дурилки, которыми скоморохи развлекают народ на ярмарках. Знаешь, да?

— Их на руку надевают, а потом пальцами шевелят, и они вроде как двигаются?

— Именно. Марионетки. А марионетки не разговаривают. Тот, кто их двигает, разумеется, может и поговорить. Но вряд ли нам понравится то, что он собирается сказать.

— Ты имеешь в виду Ивэйну?

— Ивэйну?

— Да, нашу старую повариху. Мою... бабушку. Я видел, как она переползла через стену и начала освобождать тех, кого приковали к столбам, на другой стороне двора.

— Зарова срань! — выругался Костолом. — Она же померла!

— Это не Ивэйна, — сказал Вольфганг. — Это демон, который использует ее тело, чтобы спрятаться в нем от солнечного света. Мы с мастером Роргаром уже сталкивались с подобным не так давно.

— О, да! — Скалогрыз не отрывался от аркебузы, прочищая ствол за стволом. — И воспоминания остались не самые приятные.

— Ладно, что делать будем? — обратился Вольфганг к Костолому. — Нам надо продержаться всего ничего, до темноты, пока не придет подмога. Предлагаю окопаться здесь. Лестницы узкие, отбиваться будет просто.

— Не, — покачал головой Костолом. — Если они сверху попрут, не сдержим. Просто завалят нас и все. Кабы только нижнюю оборонять...

— Согласен. Тогда другого выхода нет, придется возвращаться во двор и по галерее добраться обратно в подвал, под крыло Аргусу.

— Аргусу? — взметнулась Элли. — Ты сказал, Аргусу?

— Ему самому. Потом объясним. Сейчас делаем так. Мы с мастером Роргаром идем первыми, потом ты с Червяком. Ыр замыкает, прикрывает тылы. Ясно?

Все кивнули.

— Ну, тогда за мной!

Они быстро спустились по лестнице, выбежали во двор. Навстречу им тут же метнулось несколько безумцев. Скалогрыз выстрелил, сбил одного. Вольфганг из лука поразил второго. Еще один успел подобраться близко, и они уделали его вдвоем: рыцарь скипетром пробил нападающему череп, а гном кувалдой раздробил колени. Победа далась легко, однако всего через несколько мгновений стало ясно, что поводов для радости нет.

Путь к подвалам оказался перекрыт. Безумцы стояли в галерее плотной толпой, не меньше двух десятков. У многих рты и подбородки были вымазаны в крови.

— Не прорвемся, — сказал Скалогрыз. — Никак.

— Согласен. — Вольфганг положил на тетиву новую стрелу. — Назад.

Они попытались отступить, но дверь, ведущая на лестницу, тоже превратилась в угрозу. Из нее на них смотрело множество блеклых, ничего не выражающих глаз. Скрипели клыки в ощеренных окровавленных пастьях. Сжимались и разжимались когтистые пальцы.

— Ловушка, — прокомментировал очевидное Роргар. — До темноты не дотянем.

Они отошли в глубь двора, где теперь находились только каменные столбы. Пепел медленно падал с неба, опускался вокруг, пачкал одежду. Костолом выступил вперед, отодвинул Элли с мальчишкой себе за спину.

— Крушило устало без дела, — почти весело сказал он, взяв наперевес свою чудовищную кирку. — Пора его немного размять.

Скалогрыз открыл рот, чтобы послать орка в Бездну, но не успел.

— Так древняя мудрость не ошибается, — раздался глухой, насмешливый голос, отвратительный, будто клубок копошащихся червей. То, что притворялось Ивэйной Распрекрасной, висело в воздухе в нескольких локтях над землей. Из-под перепачканного кровью и пеплом платья виднелись босые коричневые ступни. Длинные седые волосы свисали грязными лохмами, и между ними едва угадывалось знакомое морщинистое лицо, искаженное теперь уродливой гримасой, которая наверняка должна была изображать улыбку. Заскорузлые пальцы сжимали толстые цепи, идущие к ошейникам двух могучих орков, что свирепо скалились пятью футами ниже.

— Говорят, будто василиски так охотились на первых людей, — продолжал демон. — Вы тогда еще жили в пещерах и очень любили прятаться в них от любой опасности. Василиск попросту ложился рядом с пещерой и открывал пасть. Ему нужно было лишь немного подождать. Люди не могли усидеть внутри, выбегали наружу, сами кидались навстречу страху. И попадали прямо в пасть василиска. Прямо в пасть.

— А у нас, ежели кто в женскую одежду нарядится, — начал отвечать гном. — Так того сразу гонят поганой метлой. И никаких рассказней не слушают.

— Ты бы снова хотел увидеть мое истинное обличье, коротышка? — усмехнулся демон. — Прошлого раза недостаточно?

— Темно было, — невозмутимо заметил Скалогрыз. — Не разобрал.

— Жаль огорчать тебя, но у меня другие планы. Во тьме я избавлюсь от этой жалкой оболочки и уничтожу вашего двухголового хозяина. Мы с ним оба — ночные создания. А сейчас, пока он сидит в подземелье и боится обжечь свою шкуру, я убью вас.

Отпустив цепи, Распрекрасная взмыла еще выше, повисла на фоне каменно-серого неба, источающего пепел. Тени — плотные, густые, живые — клубились вокруг ее фигуры. Она распахнула черную дыру рта, выпуская наружу множество тонких щупалец. Демон взмахнул руками, словно юродивый или дирижер орденского хора.

И безумцы бросились в атаку.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ХАОС





ГЛАВА I КАПКАН

Безумцы бросились в атаку — все так же молча, все так же невозмутимо и безлико. Тряпичные куклы на коварных, вездесущих пальцах. Они даже не казались больше живыми существами — их движения выглядели рваными и неестественными, словно тела были набиты соломой или землей.

А потому Вольфганг не испытывал никакого подобия жалости, спуская тетиву и отправляя стрелу в горло первому из бегущих. Это напоминало тренировочный бой с манекенами из холстины — вот только уцелеть в этом бою не представлялось возможным. Первый хрипло хрюкнул и зарылся лицом в пепел. Следующий с легкостью перепрыгнул через него, не промедлив ни секунды.

Они отступали в глубь двора, в угол, образованный двумя стенами. Вершиной угла служила башня, дверь в которую закрывали толстые дубовые доски. Имейся у пятерых в запасе хотя бы минута-другая, можно было бы попробовать оторвать доски и занять башню — обороняться в ней не в пример легче, и там они бы наверняка смогли бы продержаться до прихода Аргуса. Но в их положении только полный глупец стал бы рассчитывать на минуту. Даже на десять лишних секунд.

Костолом шагнул вперед, размахиваясь Рогатым Крушилом. Подчиняясь его могучим рукам, оно описало широкий полукруг и снесло разом несколько голов, затем рванулось в обратную сторону, подобно смертоносному маятнику. Ни один из нападавших не попробовал уклониться или защититься: они бросались под удар и падали, срубленные

каменными лезвиями. Больше всего Костолом напоминал косца, укладывающего перед собой послушную траву аккуратными, ритмичными, отточенными движениями. Тех, кто чудом проскакивал мимо Рогатого Крушила, встречали Вольфганг и Скалогрыз: рыцарь бил по головам скипетром, а гном дробил грудные клетки своей «гренадерской» кувалдой.

Демон наблюдал за этим с нескрываемым интересом. Даже в горячке драки, с такого внушительного расстояния Вольфганг мог различить издевательскую усмешку, застывшую на покрытом засохшей кровью морщинистом лице Распрекрасной. Тело старухи продолжало висеть над землей с распростертыми в стороны руками, распятое среди дыма и пепла черной, злобной волей.

Груда трупов вокруг отбивающейся троицы продолжала расти. Костолом, похоже, еще не начал уставать — устрашающая каменная кирка, уже срубившая не меньше десятка нападавших, рассекала воздух с прежним ожесточенным рвением. Вольфганг и Роргар, захваченные азартом сражения, тоже не чувствовали нужды в отдыхе. Элли и Червяк за их спинами перезаряжали гномьи аркебузы. Ряды безумцев постепенно таяли, все-таки их в Цитадели находилось ограниченное количество.

— Война! — крикнул демон. — А попробуйте-ка одолеть моих лучших псов!

При этих словах в атаку кинулись те два здоровенных орка, которых тварь, завладевшая Распрекрасной, прежде держала на цепях. Несмотря на худобу, они не уступали Костолому ни в росте, ни в длине рук или клыков. Единственным очевидным преимуществом Ыра было его оружие. Орки бежали рядом, плечом к плечу, и рыцарю хватило одного взгляда, чтобы понять: победить обоих Костолом не сможет. Сруби он первого из них Рогатым Крушилом, второй уже через долю мгновения обрушится на него всем своим весом и наверняка собьет с ног, открывая дорогу остальным безумцам.

— Стреляй! — крикнул он Скалогрызу.

— Лови! — Элли, моментально сориентировавшись в происходящем, бросила гному его шестиствольную, «звездную» аркебузу. Роргар был занят — он забивал кувалдой своего соплеменника, в косматой бороде которо-

го расплзался окровавленный оскал. Наверное, в далеком будущем, если победа останется за Светом, об этом маленьком сражении сложат легенды. Сказители будут подробно описывать, как рыцарь и гном пытались предостеречь своих околдованных собратьев, как кричали «Назад!», «Остановитесь!» и «Вы не понимаете, что творите!» Легенды имеют право искажать факты. Пожалуй, ни один из тех, кому доведется услышать о произошедшем во дворе Девятой цитадели Братства Алхимиков, не будет нуждаться в правде. Никому не интересно слушать рассказ о том, как на самом деле пятеро насмерть перепуганных путников отбивались от толпы обезумевших пожирателей плоти. О том, как без зазрения совести крушили молотками и палицами головы своих сородичей, роняли их на землю, наступали на грудь, чтобы не позволить подняться, и добивали, вырывая последние крупички жизни из агонизирующих тел. О том, как некогда живые, полные мечтаний, тайн и планов, люди, орки и гномы превратились сначала в оскаленные комки ненависти ко всему живому, а потом — в бездушные механизмы, инструменты чуждой уродливой злобы.

Да и вряд ли кто-то станет рассказывать об этом. Просто вряд ли кто-либо узнает...

Роргар нанес финальный удар, отбросил кувалду и подхватил с земли аркебузу. Он чиркнул огнивом, запалил фитиль. В этот самый момент орки прыгнули. Они не атаковали Костолома в лоб, не подставились под удар — вместо этого двое зеленокожих громил взмыли высоко в воздух и, перелетев через размахивающего Крушилом Ыра, приземлились за его спиной, прямо перед Элли и Червяком. Те отпрянули, но ускользнуть от жилистых лап удалось только мальчишке, эльфийку один из орков все-таки сграбастал.

— Отпусти! — взвыл Червяк, но бросаться на варваров не стал, на это ему хватило ума.

— Беги! — крикнула Элли, безуспешно пытаясь вырваться из цепких объятий. — Беги отсюда!

Скалогрыз направил было аркебузу на орков, но, поняв, что в любом случае зацепит девушку, сразу отскочил в сторону, крикнул Костолому:

— Сзади! Я крою!

К счастью, Ыр тут же понял, что от него требуется: в бою степные тугодумы часто проявляют недюжинную сообразительность. Он резко обернулся, держа свою каменную кирку наперевес, переключился на зеленокожую угрозу. Роргар проскользнул мимо, навстречу толпе безумцев, больше не сдерживаемых Рогатым Крушилом, и, когда спустя пару секунд первые из нападающих, перебравшись через вал трупов, кинулись на него, гном рывкнул:

— Кранты вам, болтотря..!

Закончить фразу он не успел. Фитиль догорел, гроыхнул выстрел, окутав поле битвы густым серым дымом. В этом дыму Костолом одним неуловимо-быстрым ударом рассек прыгнувшего на него орка от плеча до пояса. Рогатое Крушило увязло в плоти, одно из каменных лезвий застряло среди костей, поэтому Ыру пришлось выпустить оружие из рук. И как раз вовремя: второй орк кинул эльфийку ему в лицо, а сам метнулся следом. Костолом поймал Элли и резко повернулся, приняв врага спиной. Тот повис у него на плечах и впился клыками в шкуру меж лопаток. Ыр взревел, как разъяренный боров, и, бросив изрядно помятую эльфийку в пепел, опрокинулся навзничь, придавив висящего на нем дикаря. Тот разжал клыки, на долю секунды ослабил хватку. Этого хватило, чтобы Костолом вырвался, откатился в сторону и вскочил на ноги. Как только обезумевший орк начал подниматься следом, Вольфганг встретил его ударом скипетра в лицо. Палица смяла и без того уродливую морду, сломала клык и раскроила лоб, но остановить безумца не смогла. Орк встал во весь свой огромный рост, качнулся, словно решая, на кого напасть: на рыцаря или сородича, однако определить ему не дали.

Элли, отползшая в сторону, подняла еще одну аркебузу, с которой они с Червяком как раз закончили возиться, и разрядила все ее три ствола в упор в спину великана. Он рухнул ничком прямо на своего товарища, сраженного Костоломом несколькими секундами ранее. Их кровь смешалась в черной мутной луже.

Между тем рассеялся дым от гномьего залпа. Оказалось, что картечь убила шестерых звероловцев и серьезно покалечила еще с десятков — они тяжело ворочались в грязном, липком пепле, среди собственных внутренностей

и оторванных конечностей. Оставшиеся больше не наступали, замерли неподвижно на своих местах. Ничего не выражающие лица, закатившиеся глаза, оскаленные рты. Оболочки. Марионетки, которых не повели на убой.

Вольфганг, Элли и Костолом одновременно подняли головы. Демон смеялся. Это было невероятно отвратительное зрелище: узкие черные губы разошлись, обнажив серые десны и несколько кривых желтых зубов, меж которых извивалось нечто, больше всего напоминающее комок тонких червей или крысиных хвостов.

— Неплохо! Но я и не ожидал от вас другого: в конце концов, Двухголовый вряд ли выбрал бы в свои чемпионы кучку слабаков. Спектакль получился отличный, однако, пожалуй, пора с вами заканчивать.

Демон снова взмахнул руками Ивэйны Распрекрасной. Расставив их в стороны ладонями вверх, он принялся шевелить пальцами, словно призывая кого-то встать или подойти к нему. И те, к кому он обращался, откликнулись на призыв. Изрубленные, изуродованные, иссеченные картечью, забитые молотом и палицей покойники начали двигаться. Сначала неуверенно, будто пробуя окружающий мир на прочность, затем активнее, упорядоченнее, целеустремленнее. Вот медленно поднялся один, с проломленным черепом. Вот встал рядом второй, с огромной рваной раной, пересекающей грудь. Третий, со стрелой Вольфганга в шее. Четвертый, с половиной головы снесенной выстрелом Скалогрыза. Пятый, шестой... Рыцарь почувствовал, как впервые за весь этот долгий, долгий день глубоко внутри выпускает обжигающе-ледяные когти страх. То, о чем им рассказывал старый врун Сигмунд Синеус, превращалось из пугающего предания давно минувших дней в очевидную действительность.

— Для меня нет никакой разницы, — гулко проговорил демон. — Что управлять безумцами, что мертвецами — и у тех и у других разум абсолютно свободен. В нем полно места, чтобы устроиться поудобнее и взяться за нужные рычаги...

Роргар, который, не тратя времени на рассматривание происходящего, остервенело заряжал Звездную аркебузу, наконец вскинул ее и прицелился в висящую над двором фигуру.

— Мне нравилась эта бабуля! — крикнул он, нажимая на спусковой крючок.

Демон не подумал уворачиваться или защищаться. Пуля Скалогрыза — гном, понимая, что главный враг парит слишком далеко для картечи, зарядил пушку обычным снарядам — навывлет пробила живот Распрекрасной, проделав в нем немалых размеров дыру, из которой тут же поползли тонкие черные щупальца, извивающиеся подобно...

Это было похоже на клубок корней, длинных, гадких, живых корней.

Так говорил усатый солдат, чьего имени им так и не удалось узнать, незадолго до своей страшной смерти. Как давно? Три, четыре, пять дней назад? Тварь, убившая его и странствующих музыкантов, уничтожившая Гром-Шога и надсмевшаяся над Вольфгангом, снова была здесь. Выполнила ли она свое обещание, успела ли расправиться с Рихардом?

Щупальца из раны расползались в стороны по мертвому телу старой Ивэйны, пронзали кожу, разрывали плоть, выпускали себе подобных. Демон освобождался.

Рыцарь бросил быстрый взгляд на небо. Солнце уже село, но алые отсветы его все еще пробивались сквозь пелену серого дыма, сквозь завесу из пепла и копоти. Да на вершинах башен горели сигнальные костры — наверняка разведенные, чтобы служить ориентиром для отрядов подмоги,двигающихся к Цитадели. Света все еще хватало, хотя тени уже удлинились и налились силой.

Вольфганг потянулся за стрелой, нащупал в колчане последнюю и, быстро прицелившись, выстрелил, не надеясь на какой-либо успех. То, что разворачивалось перед ними, не могло погибнуть от обычной стали. Стрела канула в мешанину непрерывно изгибающихся конечностей и пропала бесследно.

— Ой-йо! — воскликнул Скалогрыз. — Кажись, винтец!

— Узри, коротышка! — прогудел демон изменившимся голосом, совершенно не напоминающим человеческий — видимо, его собственные пасти не были способны нормально воспроизводить звуки речи. — Полюбуйся моим великолепием, осознай свою ужасную участь... — Последние слова вообще превратились в сплошной рев

и рык, разобрать которые обычное ухо оказалось уже не в состоянии. О глуховатом Скалогрызе и говорить нечего: коренастый бородач только помотал головой, да криво усмехнулся, продолжая деловито перезаряжать аркебузу.

Вольфганг понял, что смерть подобралась к ним вплотную, ближе, чем когда-либо ранее. Она уже не дышала в спину и не заглядывала через плечо, нет — сейчас она плотно держала их за запястья и смотрела прямо в глаза, тошнотворно скалясь множеством пастей. Как целыми эпохами и всего несколькими днями ранее, в другой Цитадели, в тесном темном коридоре, полном запаха крови. Но тогда она приходила не за ними, тогда она забрала других. Теперь настала их очередь.

— Червяк, не смотри! — сказал он, хотя и понимал, что опоздал с этим. Мальчишка успел увидеть все: и змееподобные конечности, и жадно распахнутые зубастые зевы, истекающие серой слизью. Позади испуганно всхлипнула Элли. Шумно, по-лошадиному, втянул воздух Костолом. Гном и рыцарь молчали. Они успели накричаться в прошлый раз. Тварь предстала перед ними во всем своем мерзком величии, уродливая и прекрасная, исковерканная и совершенная одновременно.

— Ну и гнида, — протянул Скалогрыз. — Страшнее Кромовой задницы...

— Ты видел, что ли? — фыркнул Костолом, не спуская глаз с монстра, но Роргар его не услышал. Несколько мгновений, утомительно-долгих, полных глухонемой тишины, ничего не происходило. Демон все так же висел в воздухе, медленно и беспорядочно шевелил руками-щупальцами, словно задумчиво прислушиваясь к некоему далекому шуму. Восставшие покойники стояли на месте, слегка пошатываясь в такт движениям конечностей своего хозяина. Остальные участники этой сцены: Паладин, гном, орк, эльфийка и мальчик — медленно отступали, шаг за шагом загоняя себя все глубже в угол, в котором оказались. Ни один из них не сомневался, что погибнет в ближайшие пару минут. Ни один из них не сомневался, что путешествие, полное приключений, опасностей и преодолений, вот-вот завершится.

Затем появился Аргус.

* * *

Когда Рихард пришел в себя, у него далеко не сразу получилось понять, где находится. Он покачивался на шершавой упругой поверхности, прижатый к ней поперек туловища двумя странно изогнутыми бревнами. Ноги его свисали с края, а вверху, перед глазами, расстилалось бескрайнее, изумительно-синее небо. Повернув голову влево, он уперся взглядом в необычного вида утес, тоже покачивающийся в такт. Утес своей формой напоминал огромное, бугрящееся мышцами предплечье, переходящее в могучее плечо, из которого тут и там торчали странные металлические штыри, покрытые рыжим налетом ржавчины. Цвет самого утеса был красным. Нет, не красным, а багровым, почти бордовым. Цвет гаснущего сентябрьского заката, цвет истинного, незамутненного гнева.

Чуть в стороне над ним небо пересекало гигантское, добела высушенное бревно. Оно плавно загибалось кверху, оканчиваясь желтоватым острием... именно эта нелепость и пробудила окончательно разум рыцаря, заставила его напрячься в поисках аналогий и знакомых образов и, в конце концов, привела к тому, что он понял, где оказался.

— Эй! — крикнул Рихард, приподнимаясь на локтях. — Во имя Бездны!..

— Осторожнее, — прогудел сверху голос Зара, настолько мощный, что рыцарь зажмурился. — Не призывай тьму раньше времени.

— Я имел в виду, ничего себе... — Юноша глянул вниз, но увидел лишь густую белизну тумана, сквозь который неспешно шел бог войны. Или то были облака?

— Не удивляйся, я решил, что так получится быстрее.

— Да уж. — Рихард с трудом оторвал взгляд от бледной пустоты. — Если бы я нес тебя, мы бы точно двигались медленнее.

— Шутишь? — прогреготал Зар. Голос его походил на торжествующий рев сотни парадных горнов. — Шутишь, значит оклемался...

— Ага. — Рыцарь снова посмотрел вниз. — Только все равно... вряд ли смогу пойти сам.

Зар принялся хохотать. Качнув бивнями, он задрал голову к небу и исторг из пасти оглушительный, полный

восторга, трубный вопль. При этом пальцы его, те самые «бревна», которыми он прижимал Рихарда к своей ладони, нешуточно напряглись, рыцарь даже сморщился от боли. Впрочем, Зар быстро спохватился, разжал пальцы, позволив человеку сесть и устроиться удобнее.

— Точно оклемался, — сказал он, отсмеявшись. — Готов к серьезному разговору?

— Готов, — кивнул Рихард, изо всех сил стараясь не смотреть вниз. — Готов, мой господин.

— Оставь это, — нахмурился Зар. — Я же сказал, ты — мой брат. Пусть младший, пусть слабый, но брат. Я собираюсь полностью довериться тебе, а это значит, что мы равны. Меж слугами и господами невозможно настоящее доверие. Понял ли ты меня, брат?

— Понял... брат.

— Хорошо. Мы уже почти у цели, но времени как раз хватит, чтобы я мог все тебе объяснить. Потому что нет смысла возлагать миссию на того, кому непонятны ее причины и задачи, согласен?

— Согласен.

— Прекрасно. Тогда слушай. Я, пожалуй, начну с того, с чего полагается. С самого начала, то бишь. Давным-давно мы создавали этот мир. Не думай, будто это особенно сложное дело. Во вселенной огромное количество миров, они отстоят друг от друга на тысячелетия пути, но в то же время пересекаются, переплетаются настолько тесно, что иногда даже я удивляюсь, в каких странных точках разные пространства могут соприкасаться. К примеру, в юго-восточных предгорьях Торгорского Кряжа стоит хижина Мамаши Кра, жутко древней старухи, которую все местные жители считают ведьмой. На самом деле, никакая она не ведьма, просто удачно пользуется одним секретом: из подвала ее хижины можно попасть в большие подземные тоннели, где по железным рельсам разъезжают стальные повозки. Тоннели эти расположены не в нашем мире, и если кто-нибудь попытается снаружи подкопаться под хибару Мамаши Кра, то не найдет ничего, кроме глины, базальта и, возможно, пары скелетов ее бывших мужей. Хитрая старуха время от времени спускается в подвал и возвращается с предметами, приводящими деревенщину в благоговейный трепет. Знает ли она, откуда взялся этот

проход? Безусловно, нет. Знает ли она, когда он закроется? Откуда ей...

— А твои врата, та обезьянья пасть в скале — то же самое? — спросил Рихард.

— Нет. Сейчас мы по-прежнему в нашем мире, только в иной, особой его части, невидимой и недоступной для тех, кто еще жив. Это преддверие Темных Троп. Впрочем, я отвлекся. Прости меня, младший брат, просто мне давно уже не доводилось ни с кем разговаривать. Очень и очень давно. Мамаша Кра не имеет никакого отношения к тому, что я хочу сказать. Давным-давно мы с братьями созидали этот мир, выстраивали его, вытачивали, как ювелир вытачивает изящное украшение из кости. Но один из нас, Кайракс, хозяин Слов, поддался влиянию Хаоса, впустил его темный шепот в свое сердце, и сошел с ума...

— Я знаю эту историю.

— Вот-вот. После убийства Аш-Тая мы погребли Кайракса в толще гранита, зная, что он погибнет там. Но не учли силы его таланта, силы его голоса — боги не исчезают бесследно, и не могут легко умереть. Прежде чем навсегда умолкнуть, Кайракс проклял нас и весь этот мир, проклял страшно, отчаянно, смертельно. А его слова никогда не были просто словами: они представляли собой само бытие, основополагающие принципы мироздания. Магические печати на стенах темницы удержали голос Кайракса внутри, но не заглушили его. Он продолжал звучать все это время, все эти годы, века, тысячелетия, наполняя воздух нашего мира злом, распространяя тьму, отравляя души пороком. Внезапные вспышки ярости, припадки безумия, мужья, бросающиеся с топорами на жен, кровожадные убийцы, получающие удовольствие от мучений жертв — его работа. Черная магия, некромантия и демонология стали возможны только благодаря ему. Слова Кайракса, томившиеся в заточении, обрели собственный разум, превратились в весьма могущественных существ, способных пусть и не напрямую, но влиять на события на поверхности. Они завладевали душами наиболее восприимчивых, наиболее честных, наиболее чистых — издревле такими считались Паладины — и возвращали их, превращая в послушных слуг. С их помощью они сумели заключить договор с Химерой, хозяй-

кой Темной Стороны, Великой Владычицей Отсутствия Света. Она должна была погасить для них солнце, чтобы Сказанные-во-Тьме смогли вырваться на поверхность. Но гномы нарушили этот план, выпустив Слова намного раньше времени...

— А! Так это все-таки были гномы?!

— Да, они. Бородатые коротышки то ли погубили мир, то ли спасли его, то ли, по крайней мере, дали шанс.

— Спасли или дали шанс? Что ты имеешь в виду?

— Когда Сказанные-во-Тьме обрели свободу и повергли поверхность в хаос, заставив живых убивать друг друга, Химера начала сомневаться в словах-демонах. Ей тоже не нужен совершенно пустой мир. Она — темная сторона луны, она нуждается в живых, разумных последователях, как и любой из нас. Что ей останется, если солнце погаснет, и Сказанные-во-Тьме, получив полную свободу, превратят мир в пепелище? Химера — воплощение мрака, но она не безумна, в отличие от Слов Кайракса.

— То есть Химера не поддержит их? Предвечная теперь на нашей стороне?

— Она только на своей стороне. Или на всех сразу. Как обычно. Химере нельзя доверять, она соткана из лжи, предательства и противоречий. Она не с нами, она против наших врагов. По крайней мере, так утверждает. Но попусту болтать на эту тему смысла не вижу: мы либо получим выгоду, либо нет, только и всего. Я веду к другому. Некогда, задолго до того, как яд Слов Кайракса проник в сердца Паладинов, твой Орден по праву считался одной из благороднейших и чистейших организаций мира. Твои далекие предшественники искренне клали свои жизни на алтарь служения добру. И потому им было даровано великое умение: возвращать с Темных Троп тех, кто не успел уйти далеко.

— Воскрешать мертвых?

— Да. И исцелять даже самые тяжелые ранения. Паладины являли собой истинный свет Порядка, и их с ликованием встречали везде, куда бы они не приходили. У вас не принято об этом вспоминать, и тебе будет сложно поверить, но даже в эльфийских городах Арганайского Хребта члены Ордена пользовались почетом и уважением, ибо Старший Народ не мог не признать превосходства людей — перво-

рожденным не удавалось преодолеть смерть, несмотря на все их великое магическое искусство.

— Почему именно нам? — спросил удивленно Рихард. — Почему не им?

— Потому что вы ценили жизнь, — ответил Зар. — А они ценили себя. Это разные вещи. Тот, кто ценит жизнь, готов встать грудью на защиту чужого ребенка и погибнуть ради него. Тот, кто ценит жизнь, будет с радостью прикрывать отход своих товарищей в одиночку, сражаясь до последней капли крови. Подобные моменты заставляют меня гордиться вами и гордиться тем, что я бог войны. Потому что только так созидание способно утвердиться над Хаосом, всеобщим и всепоглощающим распадом. В те дни, задолго до появления орков, я благоволил людям.

— Это было так давно?

— По вашим меркам, в седой древности. Еще до появления Трех Королевств, еще до того, как Багряный Бор приобрел дурную славу.

— Ты все это время был здесь?

— Почти. Иногда приходилось отлучаться — вселенную трясли великие войны. Но я старался не отсутствовать долго. Мне нравились вы, а потом — орки. Своей незамутненностью, искренностью, простотой.

— А что случилось с великим знанием Паладинов?

— Я как раз к этому и веду. Случилась беда. Человек обладает развитым разумом и короткой жизнью, потому, в отличие от орков или эльфов, очень легко попадает в сети зла: Химере и Сказанным-во-Тьме удалось получить в свои руки кого-то из высокопоставленных паладинов. Постепенно, год за годом, зараза зрела, пускала корни, прорастала, не показываясь над поверхностью. Сначала это напоминало просто клуб по интересам: образованные рыцари, благородные лорды, генералы собирались вечерами для обсуждения вопросов, которые не принято было выносить на публичное рассмотрение. Стоит ли брать на вооружение приемы сжигаемых ведьм, спрашивали они друг друга, потягивая дорогое вино. Стоит ли открывать черные книги, которые наши люди находят при обысках у колдунов и некромантов? Стоит ли изучать изложенные в них теории? Ведь врага нужно знать в лицо, не так ли?

Потом, поколения спустя, они начали практиковать описанное в тех книгах. И благодаря своей чистоте, своей удивительно ясной воле смогли подчинить себе силы, скрывающиеся за завесой небытия. Они обрели власть над теньями, получили возможность путешествовать в них, невидимые и почти неуязвимые, научились призывать на помощь мелких демонов, насылать болезни. Теперь они стали разрушителями, а не созидателями. Секта набирала силу, ее представители занимали ответственные посты, обосновывались на самом верху...

— К великому сожалению, так оно сохранилось и до наших дней, — перебил Рихард. — Последний великий магистр...

— Я знаю, маленький брат. Побороть истинное зло сложно. Мне удалось немного очистить элиту Ордена пламенем войны во время нашествия орков под предводительством Дерзаг Кага, но окончательно выжечь гниду не получилось. Она забилась в самые беспросветные, неприметные углы, затаилась, выждала, а затем вновь подняла голову. Однако речь не об этом, я опять отвлекся. Главная слабость зла — ненасытность. Погонщики Теней жаждали все больше власти, все больше могущества. Им мало было стать величайшими магами четырех народов, они решили сравняться с богами. И потому посягнули на дар богов, на дар воскрешать умерших. До того некромантия имела дело лишь с призраками, голосами тех, кто заблудился на темных тропах, но Погонщики сделали ее поистине черным ремеслом. Они опорочили искусство воскрешения, извратили самую его суть: вместо возвращения жизни отныне колдун лишь заставлял вставать тело, холодный труп, превращая его в своего покорного раба, страшное и жалкое существо, застывшее на границе, не способное ни жить, ни умереть. Настали мрачные времена: отряды восставших мертвецов бродили по дорогам Фархейма, ведомые ядовитой волей сектантов. Беззаконие и ужас наводнили восточные провинции, даже конунги со своими дружинами не могли справиться с бедой. Тогда мы забрали свой дар назад. Попросту отняли у людей умения и силы, необходимые для успешного применения заклинаний. Секта сразу лишилась наиболее могущественного своего оружия, и потому не смогла успешно противостоять...

ять поднявшемуся народному гневу. Фермеры, крестьяне, простые солдаты и наемники, ведомые рыцарями, сохранившими верность прежним идеалам, захватывали оплоты чернокнижников, отыскивали их тайные скиты в густых лесах, выкуривали из замков и усадеб. На восточных окраинах Фархейма началась ужасная охота на ведьм: каждого подозреваемого в связях с Погонщиками Теней вешали без суда и следствия, каждого, хоть немного знакомого с основами колдовства или алхимии, тащили на костер.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Рихард. — Хотя историю знаю хорошо.

— Орден из всех сил старался замолчать столь отвратительную страницу своей истории. Однако не торопись осуждать магистров за это решение: им пришлось заново отстаивать честь и достоинство Ордена, и они нуждались в прочном, стабильном фундаменте, без трещин или провалов.

— Но ведь все закончилось?

— Конечно. Постепенно страсти улеглись, Паладины вернули себе прежнее уважение, а тьма в который уже раз заползла в глубокую расщелину и затаилась там в ожидании очередного шанса. Ей пришлось пролежать на дне не одно столетие, но она все-таки дождалась. Как всегда.

Зар замолчал, а Рихард не знал, о чем еще спрашивать. Пробуждение принесло легкость не только измученному телу, но и уставшему сознанию: он не испытывал изумления или шока по поводу происходящего — выросший до невероятных размеров бог войны, держащий его на ладони, густой туман внизу, рассказ о мрачных тайнах Ордена не поражали его, а воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Может, он просто больше не мог удивляться, может, привык к чудесам, как человек привыкает к холоду, жаре или другим новым условиям.

— Я все это к чему рассказываю! — вдруг рявкнул Зар, словно очнувшись от короткой дремы. — К твоей задаче, вот к чему. Слышишь, маленький брат?

Рихард, у которого заложило оба уха от громоподобного голоса, кивнул:

— Еще как...

— Твоя задача — вернуть священное знание Паладинам, научить их вновь воскрешать людей. И не только людей.

— Паладинов больше нет!

— Неправда. Кроме вас с братом в мире осталось немало благородных рыцарей, готовых дать отпор навалившейся тьме. У них сохранились все навыки, полученные во время службы Ордену: они могут смешивать порошки, умеют лечить и поддерживать силы. Они уже незаменимы в грядущей великой войне, а если ты обучишь их заклятию воскрешения, им вообще не будет цены.

— Я не уверен, что... прямо говоря, во время обучения у меня было не особенно хорошо с магией и всякими алхимическими штуками.

— Ты узрел истину в покаях проклятого магистра, ты заглянул в истинное лицо тьмы. Тебе известно о том, что представляет собой враг, больше, чем кому-либо из живущих Паладинов. И потому мы выбрали тебя, потому Двуглавый посылал тебе кошмары — чтобы подготовить в твоём сознании место для великой силы...

— А! Я знал, что сны приходят ко мне не просто так.

— Сны никогда не приходят просто так, маленький брат. Двуглавый прекрасно делает свою работу. Хоть он и родился здесь, но почти равен мне по могуществу, ведь каждое живое существо видит сны, а с их помощью легко манипулировать целыми народами. Кстати, сейчас мы уже в его владениях и приближаемся к цели.

— Что же это за цель? — Рихард повернулся, осторожно, медленно, чтобы не сорваться с широкой ладони, и увидел: впереди из тумана поднималась скала. Расстояние он не смог бы определить — здесь, в этом странном месте, казалось, вообще не было расстояний. Он даже сомневался, что Зар двигался. Возможно, бог стоял на месте, а мир двигался навстречу. Так или иначе, скала приближалась.

Вскоре на ее вершине стало возможно разглядеть нечто вроде алтаря или кафедры, грубо вытесанной из камня. На ней лежала книга. Настолько больших томов Рихарду видеть еще не приходилось. Тяжелую обложку укрепляли толстые металлические полосы, подобные тем, что используются при изготовлении доспехов. Между

полос виднелись непонятные символы, излучающие слабый зеленоватый свет.

— Это Хроника Аргуса, — пояснил Зар. — Здесь записаны все сны, когда-либо виденные живущими в нашем мире. А еще все заклинания, ибо магия рождается во снах и питается ими.

Он подошел вплотную к скале — оказалось, что ее вершина находится точно на уровне его плеч. Зар вытянул руку и опустил Рихарда на темно-серые, слегка влажные камни. Площадка имела три шага в ширину и около четырех в длину. Стараясь не смотреть по сторонам, рыцарь подошел к кафедре, положил руку на фолиант, который толщиной превосходил его голову. Проржавевшие застёжки были расстегнуты, символы между стальных полос показались ему знакомыми, но понять, что они означают, не получалось, словно он видел их в далеком детстве. Или во сне.

— Мне придется прочесть все? — спросил Рихард, не оборачиваясь.

— Нет, — прогудел ответ Зара. — «Хроника» сама найдет то, что тебе нужно, доверься ей.

— Легко сказать, — усмехнулся Рихард. — Я сам не особенно понимаю, что нужно.

Он тяжело вздохнул и открыл книгу.

* * *

Аргус медленно вышел из дверей башни, в которой находился вход в Кузницу. Он не кричал, не колдовал, никак не привлекал к себе внимания — просто сделал несколько шагов по пепельному ковру, однако взоры всех находящихся во дворе сразу обратились к нему. Даже восставшие мертвецы повернули головы. Аргус шел, не торопясь, неуклюже переставляя длинные тощие ноги. Вольфганг раньше не видел Двуглавого Бога целиком, и теперь был неприятно поражен болезненной худобой бледного тела. Хозяин Кошмаров походил на смертельно больного: сторбленный, изможденный, он передвигался резкими, отрывистыми шагами, по очереди опираясь на каждую из своих ног, сгибающихся по-козьиному, назад, и оканчивающихся острыми раздвоенными копытами.

— А вот и он? — проскрежетал демон. — Солнышко не жжет?

Аргус не отвечал. Если свет действительно причинял ему боль, он ничем этого не показывал. Обе головы его были покрыты полотном из плотной синей ткани с нехитрым орнаментом, вышитым по краям золотыми нитями. Поверх ткани красовались уже знакомые рыцарю деревянные маски. Теперь, когда их касался свет, пусть и совсем слабый, можно было рассмотреть едва заметное движение на крашенных поверхностях: казалось, трещины медленно изгибаются, ползут своей собственной волей.

— Это он! — восторженно прошептала Элли. — Клянусь Девятью Крыльями Аш-Тая, это он!

— Я же тебе говорил, — пробормотал Вольфганг. — В последнее время такое в порядке вещей.

На самом деле рыцарь испытывал серьезные сомнения в исходе столь эпической встречи. Демон вовсе не выглядел испуганным. Он явно предвкушал бой с Двуглавым, а значит, был к нему готов. То есть рассчитывал на победу. Имел ли он для этого основания?

— Ты говорил, что пытаешься спасти их, старик, — ядовито зашипели зубастые пасти. — Ты говорил, что просто даешь им надежду, что помогаешь им верить в неминуемое наступление рассвета. Что ж, любая сказка должна рано или поздно закончиться.

— Как и любая ночь! — ответил Аргус, поднимая руки. Между длинных тонких пальцев клубилось зеленое пламя. — Сказки для того и нужны, чтобы дождаться утра!

Демон взревел сотнями голосов и бросился на Двуглавого — хлынул на него черным потоком щупалец, когтей и клыков. В тот же миг восставшие мертвецы пошли в атаку на рыцаря и его товарищей. Они валили сплошной толпой, окровавленной, искалеченной, безмолвной. Оскаленные рты, мутные глаза.

— Назад! — зарычал Костолом, отступая в глубь угла. — За спину!

Элли подхватила Червяка на руки, отскочила к заколоченным дверям башни; гном и рыцарь заняли прежние места слева и справа от орка. Троица встала плечом к плечу, ошестинившись оружием. Скалогрыз выстрелил из аркебу-

зы, но особых результатов это не принесло: покойники не собирались умирать второй раз.

Костолом выставил перед собой Рогатое Крушило на вытянутых руках. Он держал его параллельно земле, таким образом, что древко служило своего рода барьером — благодаря своей длине оно перекрывало доступ и к Скалогрызу и к Вольфгангу, давая тем возможность орудовать молотом и палицей. Мертвецы навалились на преграду, давили на нее совокупной силой, но Ыру пока удавалось сдерживать их натиск. Его бицепсы и плечи мелко дрожали от напряжения, однако сдаваться орк не собирался. Один из покойников, опустив голову, впился зубами в тыльную сторону его правой ладони. Костолом только приглушенно застонал — тварь без труда прокусила кожу и принялась с чавканием глотать льющуюся из раны кровь. Вольфганг опустил скипетр мертвецу на затылок, проломив череп, потом наотмашь ударил по лбу, отбросив его назад — вместе с клочьями орочьей плоти в зубах. Но почти сразу еще один живой труп перегнулся через древко Крушила и погрузил клыки в костоломов локоть.

— Не жрать меня! — завыл Ыр, не опуская рук.

Скалогрыз схватил заряженную Элли аркебузу, представил ее стволы к лицу увлеченно жующего покойника и нажал на спусковые крючки. Выстрел снес чудовищу голову и основательно посек нескольких вокруг, правда, это их не остановило — даже безголовый продолжал стоять и слепо шарить в воздухе скрюченными когтистыми пальцами. Вольфганг и Роргар махали оружием без перерыва. Убить нападающих они не могли, единственная польза от палицы и молота состояла в том, что после удачных ударов мертвецы падали, и это хоть немного облегчало задачу Костолому. По крайней мере, до тех пор, пока они не поднимались вновь или не пытались проползти под древком. Такая ситуация могла продолжаться еще какое-то время, но вечно им, разумеется, не продержаться. Однажды, уже достаточно скоро, Костолом опустит оружие, а тогда хаос окровавленных лиц, костенеющих рук и мертвых глаз захлестнет их.

Бросая взгляды поверх голов, Вольфганг не мог рассмотреть ничего, кроме тучи пепла, поднятой сражающимися Аргусом и демоном. Изредка сквозь эту тучу проступа-

ли сполохи зеленого пламени или багрового огня. Что-то огромное беспрерывно извивалось там, билось в агонизирующем танце смерти, поднимая в воздух все больше пепла. Похоже, рассчитывать на помощь Двуглавого Бога в ближайшие минуты не приходилось.

Элли перезаряжала аркебузы одну за другой. Червяк, как мог, помогал ей: держал сумку с патронами, передавал оружие Скалогрызу, подбирал упавшие заряды. Он молчал, только часто и громко сопел. По грязным щекам его текли слезы.

Вдруг он тронул ее за плечо:

— Что это?

Она подняла голову:

— А?

Червяк указал пальцем вверх.

В стремительно темнеющем небе эльфийка сразу разглядела три странных силуэта. Они кружили прямо под облаками дыма и неспешно снижались. Широкие перепончатые крылья, длинные заостренные хвосты и гибкие шеи. Клювоподобные пасти. Невозможно ни с чем спутать. Невозможно забыть. Невозможно.

— Что это? — повторил Червяк.

Элли почувствовала, как белое, ледяное предчувствие неизбежной смерти пронзает ее тело подобно удару молнии. Надежда канула в пустоту, оставив после себя только безграничный, вечно голодный ужас.

— Химеровы дети! — ответила она.



ГЛАВА II ПЕРЕЛОМ

Они обрушились с неба подобно метеоритам, крылатые слуги смерти. Когда Химеровы дети снизились над Цитаделью, тень их крыльев накрыла двор, окончательно погрузив его во мрак. Это произошло настолько быстро, что среагировать не успел никто. Да и как можно было среагировать? Вольфганг даже не поднял взгляда, продолжая лупить скипетром по головам восставших мертвецов, не ослабляющих натиска. Костолом, возможно, попросту не заметил случившегося: ему было явно не до того — зубы и клыки наседавших покойников беспрерывно впивались в его руки, вырывая клочья плоти, стремясь разгрызть сухожилия. Он ревел в голос от дикой боли, но не опускал Рогатого Крушила, хотя было очевидно, что долго ему не продержаться — рыцарь и гном уже не успевали отбивать атаки всех желающих полакомиться орочьим мясом.

Скалогрыз на мгновение задрал голову, окинул взглядом опускающихся драконов, хмыкнул, нахмурился и, схватив последнюю заряженную аркебузу, разрядил ее в толпу мертвецов — двое упали, но тут же начали неуклюже подниматься снова. Роргар прекрасно понимал, что единственный шанс уцелеть напрямую связан с тем, кто одержит победу в схватке демона и Двуглавого Бога. Различить что-либо в мешанине из пепла, пыли, черных щупалец и вспышек зеленого огня было невозможно, а значит, не стоило и пытаться. Новая напасть, неожиданно явившаяся с неба, мало занимала его — он справедливо полагал, что до сих пор жив только из-за какой-то нелепой ошибки судьбы. Смерть не страшила Роргара, ему давно уже пора было соединиться со своими сородичами, навек застывши-

ми в камне. Конечно, жаль Червяка, не успевшего толком пожить, но люди верят, будто за темными тропами всех ожидают иные миры — кто знает, вдруг там мальчишке повезет больше.

Сам Червяк, впрочем, в тот момент тоже не думал о том, что вот-вот может умереть. Он вообще ни о чем не думал, заморожено глядя на существ, зависших над двором цитадели. В почти полной темноте хорошо рассмотреть что-либо представлялось практически невозможным: глаза различали только гигантские силуэты, только внушающие благоговейный трепет кожистые крылья, только когтистые лапы с пальцами длиной с руку взрослого мужчины. Вспышки выстрелов Скалогрыза вырывали из черноты отсвечивающую серебром сетку чешуи.

Они не медлили, не теряли времени. Первый спикировал на демона, рванул вверх, сжимая в когтях клубок извивающихся конечностей. Так хищная птица хватывает из травы змею — одним быстрым, резким движением.

— Промажнулся! — выдохнула Элли. И только когда второй дракон нанес удар, тоже вырвав внушительный клоч черной плоти, эльфийка поняла, что происходит. Химеровы дети атаковали не Аргуса, а Сказанного-во-Тьме. Химеровы дети были на их стороне.

Для демона это оказалось столь же неожиданным, как и для всех остальных. Мертвецы ослабили натиск: они больше не пытались растоптать загнанных в угол, не напирали на Костолома. Несколько мгновений покойники просто стояли нестройной толпой, медленно вращая головами, а потом один за другим начали валиться на землю, поднимая в воздух тучи пепла.

— Шуруп мне в рыло, мы побеждаем! — крикнул Скалогрыз, пнув ближайший труп. — Что за хрень происходит?

Но ответить ему никто не мог. Василиски облепили Сказанного-во-Тьме, как вороны — висельника. Их длинные клыкастые пасти с легкостью перекусывали тонкие руки, вгрызались в черное податливое тело. Истошно вереща, тварь пыталась сбросить их, угловато дергалась, то сливаясь с окружающей темнотой, то вновь проступая из нее.

— Гадина пытается уйти в тень, — прошептал Вольфганг. — А они ей не позволяют.

— Что делать-то будем? — спросил Скалогрыз, и тут Костолом, шумно выдохнув, тяжело опустился на колени. Пальцы его разжались, выпустив измочаленное, залитое кровью древко Рогатого Крушила. Руки орка представляли собой жуткое зрелище: глубокие рваные раны покрывали их от запястий до бицепсов, искромсанная кожа висела клочьями, между которыми поблескивало обнажившееся мясо.

— Твою кувалду! — воскликнул гном, подхватывая Ыра. — Держись, друг!

— Ушедшие Боги! — рука Вольфганга скользнула вдоль пояса, но не нащупала сумки с порошком и кадилом. Он точно помнил, как повесил ее на плечо в оружейной. Значит, потерял где-то по дороге.

— Червяк! — в голосе рыцаря звенела сталь, он не просил, он отдавал приказы. — Быстро обыщи двор, найди мою сумку! Элли, беги в башню, в лазарет, неси лечебные порошки и зелья! Роргар, добудь мне ткани. Чем чище, тем лучше!

— А?

— Ткань, Роргар! Нужна ткань!

— Дык где же ее взять?

Василиски продолжали рвать демона в клочья. Тот уже не верещал и не отбивался, только метался из стороны в сторону, словно осаждаемый собаками медведь. Темнота не позволяла рассмотреть происходящее в деталях, глаз улавливал лишь движение огромных силуэтов, изредка подсвечиваемых зеленым пламенем ладоней Аргуса, продолжавшего участвовать в битве.

По широкой дуге обогнув сражающихся, Элли добралась до входа в башню. Червяк бродил среди трупов, сосредоточенно глядя себе под ноги. Не самая приятная работа для мальчишки, но иного выхода не было. Скалогрыз через голову стащил с себя перевязь — больную руку из нее он вынул перед началом боя и, похоже, больше в этой тряпке не нуждался. Рыцарь действовал спокойно и четко. В голове не вспыхнуло ни одной лишней мысли, ни одной ненужной эмоции. Еще наступит время удивляться внезапному спасению и возносить хвалу небесам — а сейчас

нужно пошевеливаться. Он порвал тряпку пополам и перетянул плечи Костолома. Орк с видимым трудом оставался в сознании. Веки его опускались, изо рта вырывались нечленораздельные стоны.

— Сейчас, дружище, сейчас, — беспрерывно говорил ему Скалогрыз. — Наш лекарь тебя подлатает, потерпи немного. Ты же вон какой большой, вон какой здоровый, вон сколько терпел, еще немного потерпи. Заживут твои лапы, все будет в порядке.

— Нашел! — раздался крик Червяка.

— Вишь, уже все, уже почти все.

Прыгая через тела, мальчишка подбежал, бросил Вольфгангу сумку. Тот быстро извлек из нее кадило, размазал по дну чашки щепотку порошка.

— Огниво?

— Исполнено! — Скалогрыз чиркнул кремнем, уронил на порошок несколько искр. — Да здравствует зеленый дым!

— Вдыхай, — рыцарь поднес кадило к лицу Костолома. — Дыши глубже...

Орк старался.

Между тем всего в паре десятков шагов творилось невероятное. Сражение Двуглавого Бога и Химеровых детей против демона подходило к концу. Драконы растерзали Сказанного-во-Тьме, изорвали его, лишили большинства рук и щупалец, оставив лишь истекающий вонючей слизью комок, копошащийся в пепле, пытающийся спрятаться, исчезнуть, утечь сквозь щели между плитами двора. Этот лоснящийся ошметок непрерывно менял форму, выпрастывал в разные стороны отростки, покрытые когтями или клыками, угрожающе скалился пастями, то исчезающими, то появляющимися вновь.

Драконы расположились вокруг, но больше не пытались атаковать. Некоторое время они наблюдали за движениями того, что осталось от демона, потом один из них повернулся к Аргусу, вопросительно наклонил голову.

Хозяин Иллюзий кивнул и, подойдя к Сказанному-во-Тьме, взял его в руки. Комок черноты немедленно вскипел десятками щупалец, обвинивших предплечья и запястья Аргуса, целящихся ему в лица. Но Двухголовый не позволил

демону добиться хоть какого-то результата — одним движением он разорвал его надвое. Руки Аргуса вспыхнули зеленым огнем, сжигающим плоть демона. Части того, что всего пару мгновений назад служило телом Сказанному-во-Тьме, теперь стремительно истлевали, рассыпались черной пылью, смешивались с пеплом.

Драконы тут же оторвались от земли, взмыли в небо и скрылись в темноте ночи. Шорох их кожистых крыльев стих высоко вверху несколькими секундами позже, и двор Цитадели погрузился в безмолвие. Тяжело, медленно дышал целебным дымом Костолом, кровь больше не текла из его ран. Скалогрыз опустился рядом, прислонившись спиной к могучей спине орка. Вольфганг пытался осмотреться, но мрак уже стал густым, плотным, и различить что-либо дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, представлялось невозможным. Рыцарь знал, что весь двор усеян трупами. Пепел, мертвые тела, тяжело раненные друзья — то, что во все времена называется победой.

— Как он? — Аргус возник рядом совершенно бесшумно.

— Вытянет, — ответил Вольфганг, не поворачивая головы. — А тварь?

— Уничтожена.

— Ты убил ее? Точно?

— Слова не живут и не умирают. Она прекратила существовать.

— Значит, умерла...

— Пусть так.

Они молчали, слушая мерное дыхание орка. Горький дым щекотал ноздри и наполнял слезами глаза. Тишину нарушили быстрые, легкие шаги Эли. Она без труда добралась до них во мраке, не испытывая никакой нужды в свете, протянула Вольфгангу несколько пузырьков с цветными жидкостями внутри:

— Все, что уцелело. Эти... создания устроили там страшный разгром.

— Этого пока хватит. Спасибо.

— Я все пропустила? Ведь так?

— Вас впереди еще столько ждет, — в голосе Аргуса слышалась грустная усмешка. — Успеете насмотреться.

— Да, — поддержала вторая голова. — Кстати, твои сородичи уже на подходе. С минуты на минуту мы их услышим.

— Как всегда, вовремя! — проворчал Скалогрыз.

* * *

Аргрим плохо понимал, куда направляется. Ноги сами несли его, а он не сопротивлялся. Оставаться наверху, под бесстрастными взглядами черепов, было невозможно. Случившееся разгромило его, сровняло с землей представления о мире и своем месте в нем. Хозяин погиб. Исчез. Это казалось невероятным, абсолютно невероятным, но тем не менее являлось правдой. Великий демон, Сказанный-во-Тьме, чье имя на божественном языке, произнесенное вслух, заставляло цветы вянуть, а животных заживо разлагаться, проиграл бой. И умер. Подобное не могло произойти. Как вообще о подобном можно было даже подумать?! Колдун с трудом дышал, с трудом заставлял свои глаза видеть, а сердце — биться.

Он брел по винтовой лестнице вниз, потом почему-то миновал кухню, провожаемый изумленными взглядами нескольких поварят, выбрался на барбакан. Порыв холодного свежего ветра разметал его волосы, но не смог привести в чувство. Ночное небо было абсолютно чистым, без единого облака: звезды, щедро рассыпанные в темноте, дарили погруженной во мрак земле свой серебряный холодный свет.

— Зачем вы там? — прошептал им Аргрим. Звезды молчали. Как всегда. Возможно, именно поэтому много лет назад он встал на сторону теней — потому что тьма отвечает на вопросы и мольбы.

Колдун пошел дальше, все так же не разбирая дороги. Сложенные из камня стены скользили мимо, часовые на парапетах опускали глаза, несколько припозднившихся рабочих испуганно заматались в тесном коридоре — ускользнуть им было некуда, они в панике прижались друг к другу, но Аргрим миновал их, не удостоив даже взглядом. Его не интересовали они, так же как не интересовали солома и пыль под ногами, трещины в фундаменте восста-

новленного барбакана или напившийся в доску бригадир строителей. Он никогда не испытывал настолько полного, абсолютного опустошения, настолько иссушающего, невыносимого безразличия к окружающему миру.

Колдун прошел ворота, и двое закованных в сталь орков, стоявшие у них, не окликнули его — несмотря на строжайший приказ останавливать каждого, независимо от ранга, статуса и положения. Их дикарский инстинкт самосохранения сработал четко: попробуй они сейчас обратиться к Аргриму, тот испепелил бы их, даже не повернув головы.

Некоторое время он брел по дороге, потом под ногами оказалась широкая лесная тропа.

Он словно бы покинул свое тело, потерял где-то физическую оболочку. Это было похоже на ощущения после трех или четырех суток бессонницы или пьянства. Ноги, казалось, совсем отсутствовали, руки висели безвольными, вялыми плетями, налитыми тяжким бессилием. Он двигался не сам по себе, а будто бы влекомый неведомым ветром, могучим незримым потоком, который тащил его, как кораблик, сделанный из щепки. Тащил прямо в бездонную сливную яму.

Внезапно, откликнувшись на его мысли, небо пролилось дождем. Не по-августовски холодные капли сделали то, что не удалось свежему воздуху: привели его в чувство. Аргрим задрал голову, уперся взглядом в тяжелые свинцовые тучи. Быстро же они явились, полностью закрыли собой звезды. Тучи были ему понятны. Тучи чем-то напоминали происходящее в его сердце. Подобие, основа основ любой магии. Изменения в микрокосме вызывают аналогичные изменения в макрокосме, и наоборот — вот и весь секрет.

Он несколько раз моргнул, удивленно коснулся пальцами лица. Да, оно оказалось мокрым, как и должно быть под дождем. Однако... Аргрим лизнул кончик пальца и с диким, почти суеверным восторгом ощутил едва заметную, но очевидную соленую горечь. Он опустился на колени, полностью отпустив все чувства, прятавшиеся в ледяной темнице его разума. Слезы прорвали плотину, открыв дорогу рыданиям, тягучей скорби, смешанной с безумным, противоестественным весельем. И в то же время он окончательно отдалился от себя, оставил тело, с необъяснимым наслаждением наблюдая, как широкоплечий худощавый

мужчина в насквозь промокшей, потяжелевшей робе плачет и смеется, задыхаясь, стоя на коленях в набухающей грязи посреди пустоты, огороженной сплошными стенами ливня. Это было интересно.

Аргрим скорбел вовсе не по погибшему хозяину. На самом деле его мало волновала судьба какого-то доисторического демона, проигравшего битву и обращенного в бесполезный серый пепел из-за собственной чрезмерной самоуверенности. Он оплакивал молодого рыцаря, погибшего много лет назад, продавшего душу за пригоршню теней. Он оплакивал жизнь, потраченную впустую, не оставившую иных следов, кроме бесконечного разрушения.

Дождь шел вечно, смывая слезы, глину грехов, известняк воспоминаний, песок самосознания, постепенно обнажая древнюю окаменелость — скелет страшного, бесчувственного существа, бывшего здесь до появления личности. Дождь смывал человека, и из-под него проступал зверь.

Ложь. Предательство. Страх. Зверь научился никому не доверять. Безумие. Презрение. Разложение. Зверь научился ненавидеть целый мир, со всеми его богами, закономерностями, традициями и последствиями. Крысы. Колья. Кости.

Когда Аргрим поднялся, на его лице не осталось соли, а под лицом не осталось души. Когда Аргрим поднялся, он знал, что следует делать. И теперь для этого ему больше не нужна была куча старых, запыленных черепов в каморке под крышей башни.

Воздев руки над головой, он закричал — вверх, в ливень, в беспросветную глубину клубящихся над ним туч:

— Сказанные во Тьме! Проклятья Кайракса! Я призываю вас! Я приглашаю вас! Придите и поселитесь в моем теле, в пустоте моих ран! Пейте страдание из колодца моей души! Погружайте руки свои в мою кровь! Повелеваю именем вашего отца!

Они явились. Не могли не явиться, ибо крик его полон был истинной божественной силы, того иссиня-черного торжества, что доступно лишь безумцам и умирающим. Аргрим сбросил с себя последние остатки человеческого, вытащил их на поверхность, пережил вновь, излил слезами и втоптал в грязь. Освободившись от них, обрел он силу не-

нависти, подобную той, которую обрушил перед смертью Кайракс на стены своей темницы. И демоны откликнулись на зов — из этой силы были они рождены, а потому не имели возможности ей сопротивляться.

Тучи набухли движущимися формами, наполнились клубками щупалец, багровым пламенем из бесчисленных уродливых пастей. Сказанные во Тьме расплзались по небу подобно тому, как гангрена расплзается по здоровой плоти. Все. Они явились все. Их голоса, похожие на хриплые раскаты грома, разрывали тучи непроглядными трещинами. Голоса звали его, обвиняли его, проклинали его. Человека, ставшего демоном. Человека, становящегося богом.

— Я взываю к вашей клятве! — отвечал Аргрим. Горло саднило, голос вот-вот должен был сорваться. — Во имя старшего из вас, погибшего от рук предателей и отступников, взываю к вашей сути! Вы и есть клятва! Так исполнитесь же! Станьте явью, станьте мезтью! Обретите плоть! Я дарую вам свою!

Они приняли приглашение. Рухнули на него, в него, подобно молнии, единой, мгновенной вспышкой черноты. Он успел лишь судорожно вдохнуть, а они уже наполнили его доверху, пронизали каждую клетку, развернули свои мерзкие скользкие кольца в самых темных уголках его разума. Аргрим зарычал от страха, ведь именно им они и были — неотвратимым страхом, стылым, прогорклым ужасом. Липкие щупальца оплетали останки его совести, памяти, гордости, сминали их, дробили, душили, пронзали мозг, обвивали позвоночник и сердце, начиняли плоть неизбывной болью.

Он зажмурился...

— Господин!

Голос прозвучал позади, всего в нескольких шагах. Знакомый голос. И ничуть не испуганный. Погонщики Теней не боятся банальностей, вроде смерти или мучений. Человек не должен пугаться своей работы.

— Да? — Аргрим медленно обернулся, чувствуя, как сквозь его глаза в мир смотрят десятки других: бесцветных, истекающих злобой и багровым огнем. — В чем дело?

Погонщик соткался из мрака в нескольких шагах от него. Тот самый паренек, что убил переписчика. Как же

его имя? Он же совсем недавно знал. Фарг? Да, вроде бы. Фарг.

— Верховный Инквизитор желает вас видеть.

Верховный Инквизитор! Полусгнивший Йоганн Ратбор, бесполезный мешок тухлятины!

— Что нужно его светлейшеству? — спросил Аргрим, и в голосе его слышался зловещий шорох множества чужих глоток.

Фарг криво усмехнулся. Несмотря на субординацию, он явно знал, кто настоящий хозяин здесь. Особенно теперь. Да, особенно теперь.

— Ваш пленник... тот раненый паладин пришел в себя.

— Очнулся?

— Так точно.

— Отлично, — прошипел Аргрим, потирая руки. Под кожей ладоней бугрились, извиваясь, кончики щупалец. — Самое время...

* * *

— Провиантом мы обеспечены на весьма короткий срок, — говорил Вольфганг. — И это досадно. Вы ведь не ведете за собой обоза?

Мать-Настоятельница монастыря Девяти Крыльев, командующая Последним Походом Сестер Огня Глайхара-Солнечный-Клинок отрицательно покачала головой.

— Так я и думал. Но делать нечего, надо исходить из того, что имеем. Придется действовать быстро и решительно. Слава Ушедшим, целебных порошков и эликсиров на складах Цитадели мы обнаружили немало. Алхимики постарались на славу.

— Но ведь у вас нет Паладинов? — уточнила Глайхара.

— Нет, разумеется. Однако, я полагаю, использовать порошки и эликсиры сможет практически любой. Тем более, как только мы войдем в Фархейм, можно надеяться на то, что бывшие члены Ордена начнут присоединяться к нам. Поверьте, выиграть эту войну без целителей будет почти невозможно. Я даже планирую сделать небольшой крюк и зайти в Нагру. В Ночь Безумия там находился второй по численности контингент Паладинов — вдруг кто-то уцелел...

Дверь открылась с противным скрипом, в комнату скользнул Скалогрыз.

— Ну как там? — спросил Вольфганг.

— Более-менее, — ответил гном. — Наш зеленый тяжеловес пришел в себя. Правой рукой он пока шевелить не может, а левой уже вовсю машет, отгоняет эльфиек. Даже пальцы сгибаются. Передавал тебе привет и страшную, зубастую орочью благодарность.

— Отлично. Хоть у кого-то дела идут в лучшую сторону.

— Итак, что мы имеем? — деловито спросил Скалогрыз, подойдя к столу с картой.

Рядом с ним из густых теней вдруг показалась левая голова Аргуса. На ней была маска из красного дерева с узкими прорезями для глаз. В этих прорезях что-то шевелилось. Гном поежился:

— Понял. В важные разговоры не встречаю.

Он ретировался в дальний угол зала, уселся на один из сваленных там ящиков, вытащил из-за пояса трубку и принялся набивать ее.

— Я вот еще о чем думаю, — продолжил Вольфганг. — Не попробовать ли нам обеспечить союзников оружием из небесного металла. Что скажете на этот счет? — обратился он к Матери-Настоятельнице.

— Мои сестры готовы к войне, — ответила Настоятельница, не изменившись в лице. — Все до одной. Мы не привыкли к тому, чтобы наши возможности обсуждались или ставились под сомнение.

Эльфийка явно давно не имела дела с представителями иных племен: разговор давался ей с трудом, высокомерие и надменность рвались наружу из-под фасада невозмутимости. Вольфганг, пожалуй, мог ее понять. Прожить тысячу лет в неколебимой уверенности в собственном превосходстве — и вдруг оказаться под началом какого-то человечка, недавно отметившего двадцать третий день рождения. Да, этот человечек по большому счету представляет собой всего лишь марионетку могучих сил, но тем не менее армиями командует он. Откуда ей было знать, что рыцарь с огромным удовольствием поменялся бы с ней местами, представься вдруг такая возможность. Может, еще получится.

— Никто не сомневается в ваших возможностях, — сказал он, слегка покраснев. — Мы уверены, что Сестры Огня — прекрасные воины. Но нам будут противостоять далеко не обычные бойцы. Я сталкивался с демонами дважды и успел убедиться, что обычное оружие против них бесполезно.

— Мы не используем железо. — Эльфийка не смогла скрыть презрительной усмешки. — Не сражаемся мечами, копьями, топорами, не стреляем из луков или арбалетов. Оружие — огонь в наших ладонях, пламя в наших сердцах. Мы бьемся с помощью магии.

— Достаточно ли она эффективна?

Мать-Настоятельница открыла рот, чтобы ответить, но ее прервал Аргус. Голос его раздался из темноты, наполнив помещение гулким эхом:

— Нет.

Эльфийка склонила голову, принимая волю Двухголового.

— Конечно, волшебство может причинить демонам вред, — объяснял Аргус. — И даже боль. В отличие от железа...

— Погоди-ка! — сказал Вольфганг и с удовольствием заметил, как расширились глаза Матери-Настоятельницы: она явно не могла даже представить, что у живого существа может хватать смелости перебивать богов. — Но когда мы сражались с тварью в первый раз, обычная сталь легко рубила ее щупальца.

— Эти существа обитают в иной плоскости бытия. Они — слова, пусть и произнесенные демиургом. Они — абстрактные, отвлеченные понятия, проклятия, обретшие смысл только благодаря могуществу сказавшего. Их физическая, телесная форма — всего лишь орудие прямого воздействия на реальность. Это даже не совсем они. Сражаясь с орудием, ты не сможешь причинить вред его хозяину. Магия проникает глубже, она способна дотянуться до руки, держащей орудие. Но не дальше. И только острие из небесного металла пронзит все слои реальности, достанет до самой сути. Ведь оно губительно для Хаоса, а именно из него состоят наши враги.

— Понятно, — кивнул Вольфганг. — Вот о том я и говорю. Необходимо обеспечить таким оружием как можно

больше воинов. Сделать эльфийкам наконечники для боевых посохов, снаряды для гномьих пушек и аркебуз, выковать хотя бы несколько дополнительных клинков.

— У нас не так много метеоритной руды, — ответил Аргус. — У нас не так много времени. Старший демон повержен, его основной союзник перешел на нашу сторону, и в лагере врага сейчас наверняка царит неразбериха. Но долго она не продлится. Нет смысла надеяться, что, лишившись хозяина, они разбегутся или отступятся от своих целей. Первая победа досталась нам благодаря везению, но в следующий раз повезти может противнику. И вполне вероятно, этим везением станет передышка, которую мы дадим ему, промедлив с нападением.

— Согласен. — Вольфганг пригубил воды из глиняной кружки, служившей для того, чтобы придавить к столу один из углов карты. — Но много ли будет толку от спешки, если демоны нападут на войско, которое будет не в состоянии защитить себя?

Мать-Настоятельница не спускала с него неверящего взгляда. Этот ничтожный человечиска осмеливался не только перебивать Двуглавого, но и перечить ему. Будь ее воля, она наверняка изжарила бы рыцаря заживо прямо здесь. В наказание за столь ошеломительную дерзость.

— Во-первых, демоны вряд ли осмелятся атаковать самостоятельно, — терпеливо отвечал Аргус. — Их самонадеянность невероятно велика, и до последних событий они полагали себя бессмертными и абсолютно неуязвимыми. Теперь, когда оказалось, что это не так, они начнут осторожничать, руководить своими марионетками издалека, применять магию теней — короче говоря, играть по своим правилам, основанным на лжи, изворотливости и обмане. Кроме того, не забывай, что вы свои основные действия будете совершать днем, а они — ночью. Солнечный свет отрезает возможность прямого участия в битвах и для них, и для меня.

— Один, старший, погиб, а сколько еще демонов осталось?

— На этот вопрос никто не сумеет дать точного ответа, ведь неизвестно, сколько их было в самом начале.

— А что если они объединятся и выведут свои армии навстречу нам ночью?

— Значит, будет бой. Воинам нужно дать четкие указания, что делать в случае подобного нападения. У нас имеются все возможности для отражения такой атаки. Но я бы стал опасаться ее в последнюю очередь. Как уже говорилось, Сказанные-во-Тьме обладают неизмеримым сомнением, и для того, чтобы объединить усилия, им придется приложить немало усилий, извини за столь безыскусный каламбур.

— Хорошо. — Вольфганг снова уперся взглядом в карту. — Хорошо. Я полностью доверяю тебе со всей этой суетой. Последний вопрос: можем ли мы и в дальнейшем рассчитывать на помощь драконов... то есть василисков?

— Не знаю, — темный силуэт Аргуса покачал обеими головами. — Химера непредсказуема. Сегодня она помогла нам, а завтра она поможет им, и я буду последним, кто станет этому удивляться. Ее цели неизвестны, мотивы загадочны, а пути погружены в непроницаемый мрак. Конечно, вряд ли она обернется против нас, потому что демоны никогда не простят ей предательства. Но и надеяться на постоянное прикрытие с воздуха я бы на твоем месте тоже не стал.

— А если это ловушка? — подал внезапно голос Скалогрыз. Он докурил трубку и теперь выбивал из нее пепел, постукивая чашкой о ящик.

— Какая ловушка? — спросил Вольфганг.

— Ну вся эта мишура с убийством твари, с детьми Химеры. Может, это спектакль, чтобы заманить нас?

Аргус издал странный гортанный звук, который мог быть чем угодно: смехом, кашлем, хрипом. Он слегка качнулся вперед, так что маски вновь показались из темноты. Мать-Настоятельница отшатнулась, склонила почтительно голову. Это благоговение поначалу смешило Вольфганга, а теперь уже начинало понемногу раздражать. Хотя ей ведь не доводилось общаться с божеством в развалинах старого форта за кружкой «Шахтерского темного», не доводилось слушать его истории. Так что все было в порядке вещей.

— Еще раз повторяю, — сказал Аргус. — Сказанные-во-Тьме любят лишь себя. Им не знакома сама идея самопожертвования. Нет ни единого шанса, что старший из них пошел бы на смерть только ради того, чтобы ввести нас

в заблуждение. А он мертв, в этом нет никаких сомнений. Меня им не провести.

— Ясно, — рыцарь склонился над картой, провел пальцами по предполагаемому маршруту движения от Цитадели до Заставных Башен. — Я думаю, нам следует выступить так скоро, как только возможно. Успехи нужно развивать.

Он поднял глаза на Мать-Настоятельницу:

— Когда Сестры Огня будут готовы отправиться в поход?

Глайхара-Солнечный-Клинок молчала несколько секунд, словно не понимая, о чем ее спрашивают. Видимо, благородная гордячка, презирающая иные народы, сейчас боролась в ней с испуганной служительницей культа, чье божество у нее на глазах поставило одного из презренных вровень с собой. Ей никак не удавалось понять и принять, что придется выполнять приказы представителя низшей расы, который к тому же был младше ее лет на восемьсот пятьдесят, а то и на все девятьсот.

— Через десять минут, — ответила она, наконец. — Мы готовы отправляться через десять минут.

— Так быстро не нужно. Сперва необходимо дождаться окончания работы Стального Кузнеца. Как только оружие окажется в наших руках, выдвигаемся! — Вольфганг ткнул пальцем в нарисованные холмы, расположенные к северо-востоку от изображения Цитадели. — Вот цель нашего первого перехода. Доберемся туда к середине завтрашнего дня, встанем лагерем, будем на привале до вечера. Я думаю, разумнее всего двигаться ночью и утром, чтобы в случае нападения демонов каждый боец был на ногах и готов сражаться...

— Постой! — воскликнул Скалогрыз и, вскочив, подковылял к столу. — А как же подмога из Торгорского Кряжа? Им же еще почти целые сутки пути сюда.

— Они нас догонят...

— Гномы догонят эльфов? — Роргар фыркнул. — Не смейши мои шестеренки!

— Мы будем двигаться по ночам, а значит, довольно медленно. Не переживай, дружище. В крайнем случае мы всегда сможем их дождаться.

— А почему бы не дождаться здесь, под прикрытием стен и башен?

— Потому что в этом нет смысла. Даже если Сказанные-во-Тьме прямо сейчас отправят свою армию штурмовать нас, она доберется сюда не раньше чем через неделю. А они не отправят, потому что у них пока меньше бойцов. Если же демоны явятся сами, то никакие стены, никакие башни и никакие крыши от них не защитят. Ты понимаешь это не хуже меня. А тянуть время, собираться с силами, ждать чего-то... мы не можем себе этого позволить. Нам нечем кормить войска — припасов в кладовых Цитадели хватит от силы на десять дней. Пока у нас есть хотя бы численное преимущество, нужно его использовать.

— Ладно, — проворчал Роргар. — Я половины не понял из того, что ты продвигал, но делать нечего, поступай, как считаешь нужным.

— Пусть они знают, что мы идем! — воскликнул Вольфганг. — Пусть они видят, что мы не боимся, приближаемся, готовые разворошить их змеиное гнездо. Пусть понимают: времени у них не остается, нужно срочно предпринимать хоть какие-то действия. Пусть совершают ошибки!

— Как бы нам не совершить.

— Кроме столь ценных замечаний, есть еще предложения по существу?

Гном пожал плечами. Рыцарь посмотрел на эльфийку, бросил быстрый взгляд в темноту, скрывающую Двухголового Бога.

— Значит, решено, — сказал он, чувствуя, как при этих словах сила уходит из его ног, словно после пары кружек крепкого пива. — Нужно выступать.

— Я отдам приказы! — Мать-Настоятельница кивнула ему и, резко развернувшись, вышла из комнаты.

— Суровая бабища, однако, — протянул гном, глядя ей вслед. — Слушайте, я вот что думаю. А если все-таки мы суем голову в ловушку? Вдруг окажется, что младшие демоны, эти Сказанные-как-их-там, сговорились между собой и с Химерой за спиной старшего, подставили его? Возможно такое?

Вольфганг пожал плечами. Аргус грузно двинулся во мраке, медленно ответил:

— Вряд ли. Они ведь по сути — единое целое. Что известно одному, известно всем. У них не может быть секре-

тов друг от друга. Кроме того, они не настолько коварны, как некоторые седобородые гномы.

— Ха! — усмехнулся Скалогрыз. — Ладно, пусть так. Теперь буду спать спокойнее... когда в следующий раз представится такая возможность.

Он направился к выходу, на пороге обернулся:

— И борода у меня не седая. Это просто пепел. Не вычищается.

Гном скрылся за дверью.

Вольфганг некоторое время смотрел на карту, потом опустил на пол рядом со столом.

— Верно ли я поступаю? — спросил он темноту.

Тишина тянулась долго, в конце концов, когда казалось, что ответа уже не будет, он пришел — тихий, шелестящий голос внутренних сомнений:

— Ты держишь в руках будущее мира. Любое решение ошибочно.

— Если бы не брат, я бы отказался. Бросил бы все в бездну.

— Ты слишком плохого мнения о себе. Как любой хороший человек, впрочем.

— Рихард еще жив?

— Тебе и самому прекрасно известно, что жив. Великий дар, обладателем которого он стал, изменит будущее всех четырех народов. За одним этим уже стоило отправляться в поход.

— Почему ты всегда говоришь загадками, старик?

— Потому что свет причиняет боль моей коже.

Вольфганг закрыл глаза, прислонился затылком к ножке стола. Тишина вокруг была нерушимой, такой же плотной и тяжелой, как крепостные стены. Если бы она еще могла защитить от опасностей, оградить от Сказанных-во-Тьме! Но слова сильнее тишины. Всегда.



ГЛАВА III

НАГРА

Он вновь стоял на краю нижней челюсти гигантской каменной обезьяны. Только теперь двигаться предстояло в обратную сторону, сквозь завесу небытия в реальность. Вид отсюда открывался просто фантастический. Огромное оранжевое солнце погружалось в закатную дымку на восточном краю горизонта, окрашивая розовым необъятное безоблачное небо, в котором лениво кружили черные грифы. Внизу сверкала миллионами отсветов поверхность залива, на этот раз спокойная и умиротворенная, тронутая лишь легкой рябью. Неровными громадами поднимались из воды скалы, причудливо иссеченные ветром, украшенные грубыми, но величественными изваяниями давно забытых орочьих вождей. По склонам их ползли джунгли, цепляясь за камни и выступы, кое-где взбираясь даже на отвесные стены. Изумрудно-зеленые кроны пальм слабо колыхались под ветром. Далеко впереди, в проеме между двумя смотрящими друг другу в глаза статуями первобытных орков, над тонущими в бледном тумане водопадами, виднелась одинокая гора. Ее заснеженная вершина возвышалась над окружающим миром гигантским белым клыком. От всей картины веяло такой тишиной и безмятежностью, что на глаза наворачивались слезы. Он исчезнет, и его дети, если им суждено появиться, исчезнут, целые поколения уйдут на темные тропы, дела их обратятся в прах, а здесь ничего не изменится. Все так же будут сутулиться могучие каменные орки, все так же будут чертить круги в небе хищные птицы, а джунгли — продолжать карабкаться вверх по отвесным скалистым стенам. Этому месту не важны войны, эпидемии, ка-

тастрофы, его не интересуют достижения искусства или алхимической науки, ему безразличны проблемы престолонаследия и клятвопреступления. Это вечность, вечность собственной персоной.

— Я бы хотел вернуться сюда, — сказал Рихард тому, кто бесшумно появился за его спиной. — Однажды.

— Вернешься, — ответил орк-проводатый. Свежий кривой шрам на щеке мешал ему говорить, поэтому он произносил слова медленно, излишне отчетливо. — Все рано или поздно возвращаются.

— Нет, я о другом. Хотел бы побывать здесь еще... до той поры, когда придется. При жизни.

— От вас сюда нелегко добраться. Надо ехать на юго-восток. Через Красные Камни и Карраз-Гул. А потом сквозь джунгли и болота Ру-Аркха.

— Знаю. Надеюсь, будет возможность попробовать.

— Это опасно.

— Там, на другой стороне, везде опасно.

— Верно.

Рихард обернулся. Орк стоял, прислонившись плечом к каменному клыку, сложив на груди мускулистые руки. Поза его выражала уверенность и спокойствие. Ему уже нечего было бояться.

— Ты ведь не можешь вернуться туда? — спросил Рихард.

— Нет, — орк пожал плечами. — И не хочу.

— Почему?

— Здесь многое узнаешь. Много понимаешь. Различаешь причины и основы. Видишь другие, далекие места. Там тоже живут, борются, страдают. За разные вещи. Чаще всего — за сущую ерунду.

— За власть и деньги? — грустно усмехнулся Рихард.

— Да. За добычу. А сюда ее с собой не забрать.

Рыцарь кивнул:

— Мы ничем не лучше. Помню, когда я был еще мальчишкой, нам с братом говорили, что богатство не утащить на темные тропы, а если и удастся, то, чем больше у тебя всяческого барахла, тем медленнее ты идешь, и тем больше шансов отстать от своих и заблудиться в вечной тьме. Но те же самые люди, что делились с нами этой мудростью, как собаки дрались друг с другом из-за наследства, судились

с соседями из-за земельных наделов и в три шкуры драли с крестьян оброк.

— Жизнь кусает, да сразу пережевывает, — изрек орк. — Ладно, паладин. Тебе пора.

— Точно. Мост не рухнет подо мной?

— Не знаю, — оскалился орк. Из-за шрама на щеке получилось жутко. — В обратную сторону по нему не так уж часто ходят.

— Не поспоришь.

— Удачи тебе.

— Спасибо. И до встречи.

Рихард на мгновение зажмурился — не в страхе, а в восхищении, впитывая в себя ослепительную тишину этого места, — а потом шагнул на первую доску настила. Потемневшие от времени и влаги канаты заскрипели, натягиваясь. Вполне реальная пенька, вполне реальная плесень в узлах. Вполне реальные сотни локтей между ним и пестрящей бликами поверхностью воды внизу. Все вокруг выглядело слишком настоящим, чтобы просто исчезнуть, испариться. Далеко над головой пронзительно вскрикнул гриф. Ноздри ловили сырой, терпкий запах джунглей...

Однако когда он открыл глаза, вокруг была темнота.

* * *

— Награ, — пробормотал Скалогрыз, раскуривая трубку. — Что вообще за название такое?

— Понятия не имею, — честно ответил Вольфганг, глядя в силуэт башни кафедрального собора, поднимающейся из утреннего тумана. — Сколько себя помню, ни разу подобного вопроса не возникло. Награ и Награ.

Он был расстроен. Разведывательный отряд, вернувшийся полтора часа назад, доложил, что город лежит в руинах. Среди пожарища и развалин не осталось живых. Видимо, все кому посчастливилось уцелеть во время Ночи Безумия, покинули Нагру давным-давно, и теперь рассчитывать на присоединение остатков местного гарнизона не приходилось.

— Странные вы... я имею в виду люди. Даете городу имя, живете себе дальше спокойно, а сами даже не знае-

те, почему место так называется. — Гном основательно затянулся, выпустил колечко ароматного дыма. — Вот у нас в горах ни один сталактит зря не поименуют. Только за дело. Например, помнится, рядом с пещерой, где я жил, находилась трещина под названием Розовые Полусферы Мадам Са...

— Вольф! — прервал рассказ голос Элли. — Вольф, ты где?!

— Здесь! — откликнулся рыцарь и пожал плечами в ответ на недоуменный взгляд Скалогрыза. — На краю обрыва мы!

Эльфийка вышла из-за скалы. За прошедшие дни волосы на ее голове отросли настолько, что сквозь них больше не просвечивала бледная кожа. Это лишало ее ореола нездешности, возвышенной загадочности, присущей большинству представительниц Старшего Народа. Хотя, может, они просто привыкли к ней. Может, на фоне множества других эльфиек, заносчивых и молчаливых, составлявших основу войска, она смотрелась наиболее человеческой.

— Что стряслось? — спросил Вольфганг.

— Армия Торгорского Кряжа на подходе. Прибыл авангард. Просят аудиенции с тобой.

— Ну пойдем, раз так.

Они двинулись вслед за Элли. Гном заговорщицки подмигнул и прошептал:

— Напомни потом досказать про Розовые Полусферы.

Вольфганг кивнул, задумчиво улыбнувшись. На самом деле он с удовольствием остался бы на краю обрыва, смотрел бы на залитые туманом долины Фархейма, слушал бы гномьи байки, наслаждался приятной влажной прохладой раннего летнего утра. С тех пор как целую вечность назад они с Рихардом пережили ночь гибели Ордена, в его жизни было не так уж много спокойных мгновений. А после того, что случилось в Девятой цитадели Братства Алхимиков, они исчезли полностью. На его плечах теперь лежала ответственность, серьезнее и тяжелее которой невозможно себе представить. Он вел объединенные войска уцелевшего мира в поход на логово тьмы. Он должен был разгромить наиболее опасного врага из тех, с которыми сталкивались четыре народа за всю свою многовековую историю. Конечно, на его стороне выступали существа, могущество ко-

торых он до сих пор не мог до конца осознать. Конечно, на перевязи за плечом висел скипетр, выкованный Стальным Кузнецом из небесного металла, скипетр, способный уничтожать порождения Хаоса, какими бы неуязвимыми они ни казались. Конечно, рядом по-прежнему находился невозмутимый и глухой на одно ухо гном, которому он готов был без всяких сомнений доверить свою спину — несмотря даже на все возможные связи с Розовыми Полусферами и прочими странными артефактами. Конечно, его брат еще оставался где-то впереди, балансирующий на грани жизни и смерти. В последние дни его связь с Рихардом неожиданно укрепилась, усилилась. Возможно, дело было в том, что расстояние между ними стремительно сокращалось. Возможно — в том, что брат, как объяснил Аргус, выполнил важную часть своей миссии и теперь медленно возвращался в мир живых. Подробностей этой «миссии» Двуглавый Бог не объяснял, ссылаясь на то, что сам толком ничего не знает. Вольфганг ему не верил. Тот, кто сто с лишним лет мотался по миру в образе сказочника Синеуса, не должен испытывать проблем с тем, чтобы солгать. Но Рихард точно был жив. Жив и все ближе. С каждым днем, с каждым шагом. Все так.

Однако груз, который Вольфгангу приходилось теперь нести, оказался непривычно тяжелым. Он никогда не мечтал о том, чтобы стать полководцем, являя собой очевидное противоречие известной поговорке. Даже в юности, в период постоянного соперничества со всеми вокруг, его не тянуло командовать остальными, не манили высокие посты, не грезились золоченые доспехи, белые кони, ряды медалей и орденов, сплошным блестящим ковром покрывающие грудь. То есть сейчас ничего этого у него, разумеется, не было, но, как ни крути, он все-таки стал генералом. Причем генералом, который навсегда останется в истории, о котором будут слагать легенды и составлять жизнеописания. Само собой, если он победит. Они, все вместе — Элли, Скалогрыз, Вольфганг, и изуверенный, но уже идущий на поправку Костолом, даже Червяк — победят. Обязаны победить. Потому что если потерпят поражение, то слагать легенды будет некому и не для кого. Сказанные-во-Тьме, слова проклятия великого бога Кайракса, вряд ли проявят жалость к по-

бежденным. Особенно теперь, после того, как старший из них, произнесенный первым, погиб.

Тропинка вилась сквозь рощу, полную густых ароматов пробуждающегося леса. Трава по сторонам сверкала каплями росы, верхушки кустов опутывала белыми клочьями паутина, в зеленых глубинах крон распевались птицы. Начинался теплый, полный солнца и синего неба августовский день. Вольфганг с наслаждением втянул носом влажный, сочащийся запахами воздух. Все будет хорошо. В этом он не сомневался.

Тропа вышла из рощи прямо к лагерю. Среди стройных, изящных эльфийских палаток, выполненных в белых, золотых и зеленых цветах, утрюмо поднимался широкий, слегка перекошенный кроваво-красный шатер Вольфганга и его спутников. Ничего более приятного для глаз отыскать в хранилищах цитадели Алхимиков им не удалось. Правда, Скалогрызу шатер очень понравился. Он называл его «наша пещера» и старался проводить внутри как можно больше времени. Возможно, покатые темные своды действительно напоминали ему о родных подземельях.

Сестры Огня, присоединившиеся к походу на Заставные Башни, на каждом привале выставляли у входа в шатер стражу: четырех эльфиек с непроницаемыми лицами, которые, казалось, подозревали в самых черных делах даже тех, кого должны были охранять. И сейчас перед этой стражей стояли несколько коренастых подгорных воинов. Один из них, одетый в богато гравированные, украшенные зернью и сканью золоченые доспехи, казался чуть выше остальных. Сивая борода его, аккуратно заплетенная в толстую косу, свисала почти до носков дорогих кожаных сапог, к подошвам которых крепились длинные пневмоступы, тоже декорированные золотом. Плечи украшали изящные эполеты. Из-под белых кустистых бровей живо смотрели круглые глаза неопределенного цвета — то ли серо-зеленого, то ли темно-синего. Еще на расстоянии пятнадцати шагов, столкнувшись с ним взглядами, Вольфганг мгновенно понял, что с этим гномом нужно вести себя осторожнее: старый волк вряд ли готов был доверить свою стаю кому-то еще.

— Приветствуем вас в нашем лагере! — воскликнул он, подходя. — Скажу откровенно, мы не ждали вас так скоро. Поистине подгорные жители полны сюрпризов.

Гном только нахмурил свои и без того внушительные брови. Судя по всему, он не понимал, почему к нему обращается столь молодой человек. Та же проблема, что и с Матерью-Настоятельницей: недостаточно возраста и внешней солидности, да еще и утраздило родиться представителем самого ненадежного и странного из всех четырех народов. Ну как такому можно доверять?

Вольфганг понял, что нужно представиться — иначе недопонимание грозило усилиться:

— Мое почтение! — он склонил голову. — Меня зовут Вольфганг, сын Франца. Эти бесстрашные воительницы следуют за мной, дабы... дабы... э... ибо...

— Дабы одолеть нашего общего врага! — оглушительным шепотом подсказал Скалогрыз.

— Именно! — обрадовано закончил Вольфганг, хотя и понимал уже, что соблюдение формальностей потеряло всякий смысл. — Дабы одолеть.

— Понятно, — медленно проговорил вельможный гном. Голос его напоминал скрежет давно не смазанных ржавых шестеренок. Постоянное курение крепчайшего табака не проходит даром. Хотя подземные жители обеспечили себя металлическими ногами, почему бы при нужде и вправду не справить пару железных голосовых связок?

— С кем имею честь? — спросил Вольфганг, через силу удерживая улыбку на лице.

— Гудбранд Щедрая Шахта, — проскрипело в ответ. — Квартирмейстер передового отряда армии Владыки Крома.

— Прошу в шатер...

— Не стоит. Зачем терять время на пустую болтовню? Моей задачей было встретиться с вами и известить о приближении основных сил. Сейчас мне необходимо как можно быстрее осмотреть территорию вокруг и выбрать места для расположения нашего лагеря.

— О, конечно. Вставайте, где пожелаете.

— Разумеется.

Гном уже повернулся, чтобы пойти прочь, но потом вновь взглянул на Вольфганга:

— Как называется город, который видно с холмов?

— Награ. Правда, теперь там одни развалины.

— Следует ли ожидать оттуда угрозы?

— Мы уже осмотрели руины. Там никого нет.

— Награ. Что означает это слово?

— К сожалению, мне неизвестно.

— Ясно. Еще один вопрос. Когда вы планируете выступать на Заставные Башни?

— Завтра ранним утром, чтобы добраться до стен крепости к закату.

— Хорошо. Наши воины успеют отдохнуть. На этом все.

Гудбранд Щедрая Шахта развернулся и неспешно зашагал прочь. Сопровождающие последовали за ним. Пневмоступы ритмично поскрипывали, и, несмотря на то, что с точки зрения любого человека или эльфа гномы выглядели почти комично, Вольфганг ни на секунду не усомнился в их полезности для общего дела. Подгорные жители сильны не рукопашным боем. Он знал, что подходящая армия везет с собой немалое количество разнообразных технических приспособлений: пушки, турели, целые ящики гром-столбов и другие изобретения, предназначенные для безжалостного уничтожения противника.

— Погодьте! — воскликнул вдруг Роргар. — А у вас эль есть?

— А как же! — отозвался один из телохранителей квартирмейстера. — «Кружкоед», «Зацепиво» и даже бочонок «Слепого Рагнара».

— Мужики, я с вами! — Скалогрыз сорвался с места и в пару широких прыжков нагнал сородичей. Те не были против. Вольфганг проводил их взглядом, хмурясь и кусая губы. Хотел бы он обладать таким же умением сохранять беззаботность перед лицом любых испытаний и опасностей. Хотя, если подумать, Скалогрыз находился в самом завидном положении: никакой ответственности, но почета и внимания — не меньше, чем его более высокому товарищу. Мечта любого пещерного бородача, не иначе.

Рыцарь прошел мимо равнодушных эльфиек в шатер. Здесь было пусто, прохладно и темно — дневной свет лился внутрь только через входной проем. Он опустил на колени, закрыл глаза, стиснул зубы, сдерживая крик. Ему хотелось орать от ужаса, бросить все и бежать прочь, не разбирая дороги. Хотелось упиться гномьим пивом до бес-

памятства и проспать неделю, не соображая, кто он и что происходит вокруг. А происходило самое страшное — то, чего Вольфганг всегда боялся. Он вел других на смерть.

За спиной опустился полог шатра, отрезая солнцу доступ. С легким шорохом затянулись толстые шнурки, удерживающие ткань на месте.

— Слишком темно, — сказал рыцарь.

— Я знаю, — ответила Элли. — Но мне кажется, так лучше.

— Почему?

— Наши народы всегда презирали друг друга. Тысячелетия оставляют неизгладимые следы. — Ее руки мягко опустились ему на плечи, горячее дыхание обожгло шею. — На свету мы — дети своих народов, этого не изменить...

Влажные губы коснулись его уха. Вольфганг почувствовал, как отчаяние и тоска отступают, пусть на время, тают в ласковом тепле тела эльфийки. Возможно, она была старше его на пару столетий, но вряд ли это имело хоть какое-то значение.

— А здесь нет ни Первородженных, ни людей. Только ты и я...

— Верно! — Вольфганг улыбнулся и, обернувшись, пригнул ее к себе. Больше они не тратили сил на разговоры.

* * *

В конце концов Рихард понял, что скован. Его окружал непроглядный мрак, конечности пропитала вязкая слабость, и от одной только попытки пошевелиться сознание меркло, а к горлу подступала мерзкая, тягучая тошнота. Голова раскалывалась от тупой боли, тисками сжимавшей череп, впивавшейся изнутри в глазные яблоки. Рот и губы по сухости могли сравниться с пустошами Карраз-Гула, а каждый вдох давался с немалым трудом, наполняя нос застарелой вонью нечистот. Очередное испытание. Он уже начал привыкать к ним.

Когда, собравшись с силами, Рихард попытался поднять руку, чтобы дотянуться до лица, ее остановил холодный обруч, охватывающий запястье. Звякнула цепь. Больше он не двигался. В подобном состоянии даже младенец смог

бы удержать его на полу, а про железные оковы говорить нечего.

Когда сознание слегка прояснилось, и страх отступил, Рихард принялся размышлять над своим положением. Последним, что он помнил, были стрелы, пронзающие тело, прибивающие его к земле, как гвозди — доску. Помнил оглушительно-голубое небо над головой, прямо перед глазами. Помнил последнюю связную мысль — про нож, пронзивший шею какого-то бородача. Помнил брата, сражающегося с бритоголовым бандитом. Бандиты, да. На дороге у трактира «Медвежий двор» они угодили в засаду. И все, потом — темнота. Были еще какие-то образы, смутные, невнятные, размытые: пещера, полная костей и барабанного боя, широкая песчаная тропа, окруженная буйной ярко-зеленой растительностью, ветхий мост, висящий над пропастью и ведущий в широко распахнутую клыкастую пасть каменной обезьяны. Каменной обезьяны, надо же. Должно быть, сильная горячка с ним приключилась после ранений, раз такое пригрезилось. Сны выдались богатые и яркие, и он был бы не прочь вспомнить их — чтобы хоть чем-то занять мечущийся в боли и тревоге разум, — но холод реальности уже стирал последние следы чудных видений.

Пару раз Рихард пробовал звать брата, однако голос его, вырывавшийся из пересохшего горла, получался настолько тихим, что он сам едва различал его. Мысль о том, что Вольфганг мог погибнуть, даже не приходила ему в голову: брат был жив и находился не так уж далеко — в этом раненый рыцарь не сомневался. Сердце не могло ошибаться.

Он несколько раз проваливался в густое бесцветное забытье, в котором не нашлось места снам и воспоминаниям. Просыпался медленно, рывками выбираясь из пустоты на стук далеких тяжелых капель. Это был единственный посторонний звук здесь — вода капала размеренно, неспешно. То ли в этом же помещении, то ли за тонкой стеной.

Иногда Рихарду приходило в голову, что те, кто поместил его сюда, в слепую темноту, пристально наблюдают за ним, скрытые завесой черноты. Он ощущал на себе холодные, безразличные взгляды. Временами ему даже казалось, будто рядом, всего в нескольких шагах, кто-то движется — неспешно, равнодушно. Ни шагов, ни шелеста одежды или

дыхания, ни колебаний воздуха. И все же они там были. Бесшумные, бестелесные, словно тени.

— Эй, кто там? — простонал он однажды, не надеясь на ответ, и не получил его.

Время шло. Рихард не смог бы даже приблизительно определить, сколько часов или дней минуло с тех пор, как он впервые пришел в себя. Постепенно юноша привык и к гулкому стуку падающих капель, и к присутствию загадочных существ. Все это сливалось с мраком, и сам он становился его неотъемлемой частью. Чередование забытья и яви не имело значения: беспомощность, слабость и темнота смыли границу между ними. Иногда он и сам не знал, бодрствует или спит.

А потом наверху, над ним, раздались шаги. Его обостренный слух легко уловил их — несколько мужчин торопливо прошли этажом выше, свернули куда-то, на несколько секунд исчезли и снова возникли — на этот раз сбоку. Спускались. Судя по всему, они направлялись сюда.

Угрюмо скрипнув, начала тяжело открываться дверь. Рихард закрыл глаза, но даже сквозь опущенные веки свет факелов причинял боль. Подкованные подошвы сапог гулко ступали по голому камню. Слишком гулко, слишком громко — юноша застонал, стиснул зубы.

— Смотри-ка, в сознании, — произнес чей-то высокий, глухой и неприятный голос. — Очухался...

Тут же в нос рыцарю ударил густой мерзко-сладкий запах гниющей плоти. Неужели притащили с собой мертвеца?

— Верно, ваше светлейшество, — второй, низкий, мягкий, но полный странных отзвуков — будто глубоко внутри хозяина этого голоса одновременно с ним говорили еще несколько человек. — Эй, дружок! Хватит жмуриться.

Рихард осторожно приоткрыл глаза. В нем не осталось влаги даже на слезы, и нечему было защитить его от безжалостных лезвий тусклого факельного пламени. Над ним возвышались две фигуры: одна высокая и худая, вторая — приземистая и грузная. Чуть поодаль стояло еще несколько человек — именно они и держали факелы. Больше ничего различить Рихард пока был не в состоянии.

— Кожа да кости, — недовольно констатировал приземистый. Рихард уловил знакомые нотки в этом голосе, но

не мог понять, какие именно. Давным-давно ему приходилось встречаться с его обладателем. — Сколько вы его не кормили?

— Мы его вообще не кормили, ваше светлейшество! — ответ был произнесен спокойно и с надлежащим подобострастием, но в нем явственно сквозила скрытая истерика, с усилием сдерживаемый хохот.

— И он до сих пор жив?

— Так точно.

— Изумительно!

— Я склонен рассматривать сей примечательный факт в качестве очевидного и неоспоримого доказательства нашей с вами правоты. Посудите сами, разве обычный человек, не скрывающий в себе тайн и секретов, смог бы продержаться столько времени без еды и воды, да еще будучи весьма тяжело раненым?

— Смог бы?

— Никак нет, ваше светлейшество.

— Точно.

— Именно! Именно! Этот невзрачный паренек знает то, о чем мы с вами можем лишь догадываться. И уверен, его знаний хватит не только для того, чтобы одолеть врага, но и чтобы разрешить вашу... кхм... небольшую проблему.

Последние слова звучали так, словно произносящий их едва не лопаается от рвущегося наружу смеха. Однако второй воспринял все вполне серьезно.

— Очень на это надеюсь.

Он сделал шаг к Рихарду. Запах мертвечины сразу усилился. Фигура нагнулась над рыцарем, окутывая его плотным зловонием — если бы хоть что-то нашлось в его желудке, оно наверняка бы уже выплеснулось на пол.

— Я его знаю!

— Разумеется, ваше светлейшество! Это ведь один из Паладинов.

— Бывших Паладинов. Теперь они все отступники! Ничтожества!

При каждом, даже малейшем, движении от говорящего исходили волны ошеломляющего смрада. Казалось, он оседает липким слоем на коже Рихарда. Тот старался дышать через рот, чтобы хоть как-то переносить мерзкую вонь.

— Хочу получше рассмотреть, — пробормотал ее источник. — Огня сюда!

Один из воинов с факелами подошел ближе, чуть склонился. И через пару секунд Рихард узнал в нависшем над ним гниющем, разлагающемся трупe бывшего Великого Магистра Йоганна Раттбора. Того, кто умер, пронзенный копьем, а потом был унесен через разбитое окно сотнями черных птиц. Того, кто являлся ему во снах целый месяц до того, как...

— Рихард! — Протухший образец святости попытался улыбнуться, и что-то выпало из угла его рта, влажным, омерзительно-липким комком скользнуло по щеке рыцаря. — Мальчик мой. Давно не виделись...

— Магистр? — прошептал юноша, еще не до конца осознавая происходящее.

— Нет! — рявкнул Раттбор и отшатнулся. — Магистр мертв!

Он с трудом выпрямился во весь свой невеликий рост, взмахнул рукой, словно обращаясь к огромной аудитории:

— Перед тобой Верховный Инквизитор! Отец-основатель и старший судья Праведной Инквизиции, благодетель и заступник земель Фарх... — он закашлялся, будто что-то попало ему в горло. Хрипло прочистив глотку, Раттбор сплюнул комок красно-зеленой слизи. В ней копошились мелкие белые черви.

— Крысы бегут с корабля! — заметил второй, высокий. И через секунду общего тягостного молчания сорвался в хохот. Зычный, искренний хохот, с размаху бьющийся в стены каземата, рождающий раскатистое многоглавое эхо. Рихарду представилось даже, будто окружающие тени отвечают на веселье этого человека, смеются вместе с ним. Остальные молчали и не двигались. Раттбор, отвратительная пародия на живое существо, безмолвно наблюдал за своим спутником — даже в полумраке можно было различить искреннее недоумение, разлившееся по его бледному, тронутому плесенью лицу.

— В чем дело? — спросил он, когда смех стих, и только эхо еще продолжало звенеть в углах.

— В тебе! — ответил худощавый. — Дело в тебе, о благодетель и заступник земель Фархейма! Да узришь ты следы Ушедших Богов!

Он снова фыркнул, но от хохота удержался. Верховный Инквизитор испуганно и удивленно всматривался в него. Потом, словно поняв что-то, отступил на шаг к двери.

— Ты же говорил, я тебе пока нужен, — шипло прошептал он. — Ты говорил, я полезен.

— Допустим, говорил. Но ведь слова. Просто. Шум.

— От меня и правда была польза.

— Не спорю. Но, видишь ли, твоя Серая Госпожа, она... оставила нас. Предала. Ты обещал нам ее поддержку, ты обещал нам ее детей. Но ее дети убили нашего брата. Ее дети спасли наших врагов.

— Пстой! Ради общей победы, пстой...

— Да я никуда не иду. А вот ты пятишься, мой любезный. Химера, лживая гнида, не погасит для нас солнце, нет. Вместо этого она попытается скормить нас своим крылатым ящерицам!

— Послушай...

— Я понимаю, ты здесь ни при чем. Откуда тебе было знать? Ты ведь всего лишь пешка, безликая фигурка на доске, которая ничего не решает и ни на что не влияет.

Раттбор уперся спиной в окованные сталью доски двери.

— Ты прогнул раньше, чем умер! — крикнул художавый. От смеха, гремевшего минуту назад, не осталось и следа, вместо него теперь кипела ярость. — Ты умолял меня вернуть тебя с Темных Троп, обещал покончить с солнечным светом! Ты лгал, потому что боялся сдохнуть, боялся лечь в землю и раствориться в ней!

Верховный Инквизитор начал медленно сползать по двери. Нижняя челюсть его отвисла, из ноздрей поползло нечто темное.

— Что ж! Я выполнил свои условия договора: Йоганн не достался земле, сохранил возможность ходить, думать и жрать. Но что взамен? Пустота! Пыль в глаза! Я оставил тебя при себе, дал власть, чтобы с ее помощью ты мог помочь нашему делу! Но дело для тебя не имеет значения! Важен только титул, будь ты проклят! Титул! Никчемная трата времени и сил! Даже здесь, в подвале, перед полудохлым юнцом ты не удержался!

— Прошу, выслушай... — начал Раттбор, но художавый взмахнул руками, не позволив ему договорить. Что-

то мелькнуло в тенях. Узкое, длинное, словно кнут. Кнут, извивающийся сам по себе, безошибочно находящий цель.

Голова Верховного Инквизитора с влажным хлопанием упала на пол. Тело осталось неподвижно сидеть у двери. Из разрубленной шеи не вытекло ни капли крови.

— Вот и все, — ровно проговорил человек. — Обойдемся без жалких речей.

Он постоял некоторое время, глядя на останки Раттбора, потом, словно вспомнив нечто важное и спохватившись, суетливо повернулся к скованному рыцарю.

— Ты не утомился, дружок? — вопрос звучал мягко, даже дружелюбно.

— Кто ты? — спросил Рихард вместо ответа.

— А! — худощавый покачал головой. — Как невежливо с моей стороны! Меня зовут Аргрим, я — бывшая правая рука вот этого куля с дерьмом, Верховного Инквизитора. В самом деле, пойми, от него не было никакой пользы. Он просто зря занимал место в нашем мире. Кроме того, катастрофически вонял.

— Вонял, — согласился рыцарь. — Ужасно.

— Ужасно. — Аргрим присел рядом на корточки, снова повторил, будто пробуя слово на вкус. — Ужасно. Пожалуй, что и так. Но, скажу откровенно, ты, дружок, пахнешь не особенно лучше.

— Где я? — с каждым слогом во рту становилось все суше.

— Дома! — выкрикнул Аргрим ему в лицо и снова расхохотался. — Ты дома, парень! Там, где должен был все это время нести службу, в Заставных Башнях! Правда, теперь здесь больше нет паладинов. Вместо них порядок и чистоту в Фархейме поддерживаем мы, инквизиторы. Если хочешь, присоединяйся.

— Где мой брат?

— Брат? Брат-брат-брат... — Он повернулся к ближайшему воину, державшему факел. — Фарг, где его брат?

— В полутора днях пути отсюда, господин. Их войско встало лагерем у Нагры.

— У Нагры, значит. Пакостный городишко.

Аргрим погрузился в размышления, закусил губу. Тени клубились вокруг его тела, принимали разные формы, сре-

ди которых проступали уродливые лица, безглазые и безносые, наделенные лишь огромными бездонными ртами. Рихард зажмурился, а когда открыл глаза, видения исчезли. Аргрим внимательно посмотрел на него, потом снова обратился к Фаргу:

— Возьми отряд лучших инквизиторов, отправляйся в Нагру, обезглавь эту толпу. Убейте Вольфганга, его гнома и эльфийку, перережьте глотку раненому орку. Принесите им ужас и смерть. Пусть понимают, куда суются.

— Это не остановит армию, господин. Наблюдатели докладывают, что к ним подошло большое подкрепление с Торгорского Кряжа. Вряд ли эльфы и гномы повернут назад, что бы ни случилось с их лидерами.

— Не повернут, — задумчиво кивнул Аргрим. — Но у нас маловато сил, чтобы столкнуться с ними в чистом поле. Будем ждать их здесь: пусть лезут по стенам, пусть подставляются под стрелы и камни, пусть валяются с лестниц. Заставные Башни никому не удавалось взять штурмом. Одной попыткой больше, одной меньше. А если у них не останется вождей, нам и стрел понадобится вдвое меньше. Страх сыграет свою роль.

— Понял.

— Тогда не медли.

Воин по имени Фарг склонил голову и вышел из камеры. Чтобы освободить дверь, он ногой отодвинул от нее тело Верховного Инквизитора. Аргрим обернулся к двум другим воинам с факелами:

— Вы идите к кастеляну. Велите ему доставать из подвалов котлы для масла. Скажите, чтобы запасали дерево для костров, чтоб плотники занялись баллистами и катапультами. Пусть оружейники проверят обеспеченность гарнизона стрелами, ядрами и порохом. Да, самое главное: проверьте, чтобы пушкарки сегодня не получали ни по чарке вина, ни по кружке пива. Будут злые, нам это только на руку. Ясно?

— Так точно! — хором ответили инквизиторы.

— Идите.

Они скрылись, прихватив с собой факелы, и камера погружилась во мрак.

— Вот и все, — прошелестел голос Аргрима. — Судьба твоего брата решена. Он влез не в свою игру, не смог во-

время остаться в стороне. По крайней мере, я ответил на твой вопрос. Теперь и ты ответь на мой.

Рихард молчал. Только что услышанного с избытком хватило для того, чтобы пламя гнева разгорелось даже в таком изможденном существе, какое он собой представлял.

— Видишь ли, — Аргрим заговорил вновь. — Победа — это всегда иллюзия. Всегда — только попытка как-то оправдать ужасы и мерзости войны, придать смысл бессмысленной несправедливости. Правое дело, добыча, честь, доблесть, отвага — все это лоскуты в огромном занавесе, за которым спрятана главная и единственная причина любой войны. Тяга к разрушению. Стремление уничтожить красоту, гармонию. Хаос. Любой разум несет в себе семя Хаоса, и оно дает обильные всходы. Далеко не все могут принять это как должное, взглянуть правде в глаза. Они ищут причину, по которой берут в руки топор и идут убивать другое живое существо. Они возводят эти вымышленные причины в культ, делают их стержнем и основой своей жизни, строят целые общества на лжи. Но всегда была небольшая горстка людей, способных понять и принять истину. Нас презирали и боялись, травили, как крыс, однако мы уцелели. Потому что знаем правду: основная цель всего сущего — погибнуть. Бытие — лишь одно из проявлений небытия, порядок — лишь флуктуация хаоса. То, что родилось из огня, обязано в огонь вернуться. Это единственная правда, единственный смысл всего происходящего. Прими его, стань одним из нас, частью руки, что ввергнет мир в хаос, частью абсолютного разрушения. О более великом свершении и помыслить нельзя.

Рихард с трудом разлепил губы:

— Клянусь... хранить и преумножать...

— Что?

— Клянусь созидать... и исцелять ради торжества... света над тьмой.

— О, во имя Бездны, избавь нас от дешевого пафоса! Свет не в силах победить тьму, потому что он конечен. Тьма вечна. Светила и звезды гаснут, а пустота остается.

— Звезды не только гаснут, но и рождаются. Твоя борьба... никчемна.

Аргрим тяжело двинулся в темноте, крикнул раздраженно, нетерпеливо:

— Ты жалкий идиот!

— Пусть так.

— С кем ты встречался по ту сторону? Что ты получил от них?

— Не понимаю, о чем речь, — честно ответил Рихард.

Мрак вокруг него ожил, зашевелился, навис над неподвижно лежащим телом, зашипел десятками голосов. Рыцарь не мог видеть то, что говорило с ним, но знал: оно не имеет ничего общего с человеком, которым пыталось казаться.

— Вольфганг скоро умрет, — пообещала тварь. — А ты будешь жить и страдать. До тех пор, пока я не вытащу все секреты, спрятанные в твоём бесполезном разуме!



ГЛАВА IV

ГНЕВ

На закате они выбрались в Нагру — проверить казармы и собор Ордена. Выяснилось, что прошлой ночью разведчики осмотрели их только снаружи. То ли побоялись внутрь соваться, то ли попросту не сообразили. У эльфиек свои мотивы и представления о правильном ведении боевых действий.

Вольфганг узнал об этом лишь на военном совете, который состоялся в полдень, сразу по прибытии основных частей Торгорской армии. Впрочем, столь пафосное название не совсем соответствовало действительности: в составе войска имелись не только гномы. С ними пришли орки — в основном с северных оконечностей джунглей Ру-Арка, здоровенные, тупые и вооруженные деревянными палицами. Правда, попадались и представители более развитых кочевых племен. Некоторые даже тащили на себе нечто, напоминающее настоящие доспехи, а не примитивную броню из дерева, кожи и звериных костей. Они поставили свои навесы и походные шатры как можно дальше от эльфийских палаток, на самой окраине общего лагеря. Между ними и Перворожденными расположились гномы и немногие пришедшие люди: их участок сразу наполнился стуком молотков, визгом пил и скрежетом механизмов. Подгорный Народ ни минуты не тратил впустую, все бородатые коротышки активно готовились к бою.

Гудбранд Щедрая Шахта в сопровождении еще двух гномьих и трех орочьих военачальников явился к красному шатру вскоре после обеда. Вольфганг уже ждал их, склонившись над расстеленной на столе подробной картой местности, обнаруженной в закромах Цитадели

Алхимиков. Кроме него, в шатре находились Глайхара-Солнечный-Клинок, ее правая рука Эррайна-Закатный-Луч, ее левая рука Лисса-Рассветный-Проблеск, Эли, Скалогрыз и Костолом, раны которого окончательно затянулись. Страшные, свежие, еще не подсохшие шрамы обвивали руки орка, и он ими явно очень гордился. Червяк тоже был здесь — ковырял обшивку походного сундука, стоящего у стены. Старшие существа отсутствовали: владыка Кром, двигавшийся в арьергарде своей армии, задержался в Цитадели Алхимиков, дабы забрать новую порцию оружия из небесного металла, а куда делся Аргус, никто не знал. Возможно, именно поэтому военный совет превратился в балаган.

Вольфганг со всей возможной тщательностью нарисовал два чертежа: карту окрестностей Заставных Башен и подробный план самой крепости. На них он обозначил возможные варианты подступов, отметил наиболее удачные расположения позиций и направления штурма. Однако на чертежи поначалу никто даже не взглянул.

Обсуждение стратегий и тактик перешло в склоку, не успев даже толком начаться. Эльфийки не преминули напомнить гномам, кто виноват в том, что демоны вырвались на свободу и уничтожили большую часть мира. Подземные жители в отместку припомнили Перворожденным попытку захвата Торгорского Кряжа более чем тысячелетней давности и уничтожение жизненных пространств в Карраз-Гуле. Прежде чем эльфийки успели снизойти до ответа, Гудбранд обвинил их в выведении орков из болотных обезьян. На это Глайхара возразила, что болотных обезьян не существует, и сделала вывод об отсутствии у оппонента элементарного образования. Орки, до тех пор хранившие утрюмое молчание, принялись недобро скалиться. Попытки Вольфганга урезонить и успокоить собравшихся не увенчались успехом — его голос тонул в общем гвалте перебранки. Если бы не Скалогрыз, который разрядил все шесть стволов своей аркебузы в воздух, проделав устрашающую дыру в потолке шатра, тишины наверняка не удалось бы добиться. Выстрел привел собравшихся в чувство и позволил Вольфгангу все-таки начать говорить, пока остальные не опомнились:

— Враги не добились бы лучшего результата даже с помощью самых искусных шпионов и убийц! Наше

войско раздирает само себя на части, и пока это продолжается, нет смысла надеяться на победу. Если мы не сможем оставить разногласия и действовать, как единое целое, лучше вообще не выступать, лучше разделиться прямо сейчас, вернуться в свои земли и сидеть там, ожидая развития событий.

Гудбранд Щедрая Шахта посмотрел на него, прищурившись, ткнул заскорузлым пальцем:

— Знаешь, малец, шел бы ты отсюда сам, а? Я понимаю, ты у нас чемпион Аргуса, вроде как, но проку от тебя не больше, чем от моей мозолистой задницы. Сколько тебе годков-то? Ты ж не застал ни одной серьезной битвы, не брал ни одного замка! Поэтому будь добр, заткнись и дай тем, у кого хватает опыта, заняться делом. Мы пока не решили, кто будет руководить штурмом, но тебе это точно не светит! Ясно излагаю?

Кровь отхлынула от лица Вольфганга. Он стиснул зубы, чтобы не отвести взгляда, и только через несколько секунд у него получилось расцепить их:

— Костолом?

Орк чуть склонил голову:

— Да?

— Взять его.

Ыр колебался лишь одно мгновение — самое долгое мгновение в жизни Вольфганга. За это время он успел увериться в том, что проиграл, и похолодел от ужаса перед позором. Но всего через вдох Костолом шагнул к растерявшемуся Гудбранду и, взяв его за шкурку, словно нашкодившего котенка, оторвал от земли. Двое спутников Щедрой Шахты, возмущенно вскричав, схватились за оружие, но тут орки, стоявшие рядом, сграбастали их своими могучими лапищами. Эльфийки бесстрастно наблюдали за происходящим: на лице Глайхары не дрогнул ни один мускул.

— Эй! — зарычал Гудбранд. — Бунтовать?! Я ж вас сг...

Ыр ударил его по лицу медленным, ленивым движением. Огромный зеленый кулак расквасил гному губы и обрубил крик. Несколько капель крови упали на золоченую поверхность кирасы. Гудбранд выплюнул пару зубов. Взгляд его, сочащийся ненавистью, уперся в лицо Вольфганга, однако заканчивать тираду он не стал.

— Связать и посадить под стражу, — скомандовал Вольфганг, едва сдерживая дрожь в голосе. — Нам не нужны безумные квартирмейстеры, рвущиеся командовать.

Костолом, сутулясь, вышел из шатра. Повисла тяжелая, напряженная тишина. Вольфганг повернулся к двум гномам, которых все еще удерживали ощерившиеся орки:

— Независимо от личных амбиций и желаний, вскоре мы отправимся к Заставным Башням и попытаемся взять их штурмом. На успех можно рассчитывать только в одном случае — если будем действовать все вместе. Давайте обойдемся без банальных примеров с веником и прутьями. Я бы хотел, чтобы подразделениями Подгорного Народа руководили те, кому я смогу доверять и на кого смогу положиться. Те, кто стремится не руководить, а победить. Те, кому важно одолеть врага и изгнать зло из нашего мира, а не узнать, сколько мне лет. Есть ли среди вас такие?

Один из гномов откашлялся, сказал:

— Думаю, найдем... мастер Вольфганг. Не извольте, так сказать, сомневаться.

— Рад слышать. Поставьте в известность о произошедшем Владыку Крома, когда он появится. Если Владыка сочтет, что я поступил неправильно, готов лично принять на себя его неудовольствие. Ясно?

Торопливые кивки.

— Хорошо. А теперь слушайте...

Следующие десять минут рыцарь потратил на то, чтобы объяснить всем присутствующим свой план. Еще пять минут ушло на речь эльфиек — они предложили выступать таким образом, чтобы подойти к Заставным Башням на рассвете и сразу двинуться на штурм. Вольфганг объявил: в этом случае войско будет уязвимо для демонов в темноте во время перехода. Но Глайхара резонно возразила, что войско есть кому прикрыть, а Скалогрыз добавил, что он бы на месте демонов и носу не показывал из Заставных Башен. Подумав, Вольфганг согласился. В свою очередь его предложения по расстановке отрядов для штурма не встретили возражений, и совет естественным образом закончился.

Глайхара покидала шатер последней из гостей, и Вольфганг окликнул ее:

— Когда ваши разведчики были в казармах Ордена, им не попадались на глаза какие-либо алхимические порошки или снадобья?

— Они не заходили внутрь, — ответила эльфийка. — Не было нужды.

— То есть как? Я же дал четкие указания...

— Да. Искать уцелевших, оставшихся членов Ордена. Здания казарм и Храма оказались разрушены, вряд ли кто-то мог в них скрываться. Посему мои Сестры посчитали лишним и неразумным тратить время на исследование развалин.

— Спасибо за разъяснения.

Глайхара резко кивнула и скрылась за пологом шатра.

— Давай, я схожу, — предложил вдруг Скалогрыз. — Не отправлять же, в самом деле, новый отряд. И так сроки выступления передвинули, народу надо бы сил набраться.

— Не спорю... вместе пойдем.

— Нет. Тебе тоже стоит отдохнуть перед переходом и штурмом.

— Отдохнуть? — Вольфганг скривился. — Я сейчас попробую немного поспать. А вечером, часа за три до общего выступления, мы рванем до казарм.

— Идет, — согласился гном. — Успею выкурить пару трубок да пропустить со своими по кружечке.

— Я с вами, — подала голос Элли.

— Не надо, — мягко возразил Вольфганг. — Оставайся здесь, присмотри за Червяком.

— Хорошо, — она сразу согласилась, опустила глаза. — Будь осторожен, пожалуйста.

— Я всегда осторожен.

— Ну меня-то ты не оставишь за мальчишкой смотреть? — проревел вернувшийся Костолом, ухмыляясь клыкасто и широко.

— Не знаю, — усмехнулся в ответ Вольфганг. — Вылазкой командует мастер Роргар, ему решать. Соизволит ли взять?

— Нуу-у-у, — протянул гном, пристально разглядывая огромного орка, как крестьяне на сельских ярмарках осматривают коней. — Великоват ты для разведывательной миссии, да и слишком зеленый к тому же. Такого издалека видать, все равно что корунд среди сланца. Однако... пое-

лику нам придется в развалины забираться, твои ручищи могут принести пользу. Так что да, ты в игре.

— Сколько болтовни, — пробурчал орк. — Можно подумать, ты сумел бы мне отказать.

— Я ж бывший сапер, — серьезно ответил Скалогрыз. — К взрывам привычен.

После нескольких мгновений тишины шатер заходил ходуном от громогласного, дружного хохота трех могучих глоток.

— Когда выдвигаемся? — спросил, переводя дух, Костолом.

— Я проснусь и вас найду, — сказал Вольфганг. — Идите пока, развлекайтесь.

Он их нашел, когда нижний край солнца уже начал сливаться с западным горизонтом, и, спустившись с холмов, они углубились в Нагру, некогда богатый и шумный город, ныне превратившийся в безжизненное скопление пустых, полуразрушенных строений. Крепостные стены, башни и ворота, сложенные из замшелого коричневого камня, почти не пострадали, лишь в паре мест провалились внутрь черепичные крыши, да кое-где расползались по ровной кладке черные пятна копоти. В широко распахнутых воротах темнела ржавыми клыками наполовину опущенная решетка. Под ней, в разворошенных стервятниками лохмотьях, лежали истлевшие останки нескольких человек, чей пол и возраст уже невозможно было определить — жадные клювы не оставили на костях ни клочка мяса.

— Дела! — только прошептал Скалогрыз, когда они преодолели ворота: главную улицу, уходящую в глубь города и мощеную камнем, скелеты покрывали почти сплошным ковром. Пестрая мешанина из цветастых тканей, элементов доспехов, черепов, мешков, сундуков, ведер, пряжек, ножей и топоров. Легкий ветерок трепал драные серые перья, все еще крепившиеся к чьим-то шляпам. Присмотревшись, можно было без особого труда различить следы насильственной смерти: коричневые пятна на одежде, проломы в черепах, торчащие меж ребер клинки. Люди, застигнутые Ночью Безумия, бежали из города — и здесь, у южных ворот, проклятие догнало их, превратило в толпу взбесившихся чудовищ, каждое из которых жаждало лишь сеять гибель и страх.

Стараясь без нужды не смотреть по сторонам, трое путников продвигались вдоль улицы.

— Спасибо грифам и воронам, — заметил Костолом. — Без них мы бы тут сейчас откинулись от вони.

Никто ему не ответил. Они шли мимо пустых домов, распахнутых дверей и проломленных ставен, мимо высохших цветов на окнах, затянутых паутиной проемов и оставленной на столах посуды. Шли мимо чужих жизней, прервавшихся так внезапно и нелепо, что до сих пор, спустя почти сто дней после катастрофы, неожиданность произошедшего наполняла воздух Нагры пронзительным, иступленным ознобом ужаса. Ужаса женщины, понимающей, что не сможет защитить детей от собственного мужа, крушащего топором все на своем пути. Ужаса седовласого старца, в последний момент осознающего, что его смерть станет абсолютным концом всего, что некому будет передать накопленное тяжелым трудом имущество и опыт. Совокупного ужаса обезумевшей толпы, каким-то крохотным уголком сознания отдающей себе отчет в том, что она творит...

Чем глубже они заходили в лабиринт узких кривых улочек, тем меньше человеческих останков попадалось на пути. Некоторые кварталы оказались полностью выгоревшими, и Вольфганг, с трудом, но все же ориентировавшийся в устройстве города, чтобы сократить дорогу, вел своих спутников сквозь обутленные остовы домов, сквозь заросшие до пояса травой дворы. Здесь почти не встречалось трупов, и постепенно к Скалогрызу вернулась охота почесать языком.

— Я тут, значит, давеча... ну, с утра, еще до совета, пошел с торгурской делегацией пиво пить. Придурок этот, Гудбранд, с нами не остался, сразу отправился по делам. Ну, не в этом суть... короче говоря, выпил я пивка да двинул назад. И пришел, значит, я к шатру. Сел рядом, стал небом любоваться да трубочку раскуривать, и вдруг слышу...

— Стоп, — прервал его Вольфганг, изо всех сил стараясь не улыбаться. — О чем эта история? Об одном не в меру любопытном гноме?

— Вряд ли. — Скалогрыз изобразил глубокую озабоченность, даже глаза закатил. — Скорее, об одном не слишком осторожном рыцаре.

— И в чем же его неосторожность?

— В том, что иногда думать надо головой, а не... скипетром.

— О чем думать-то?

— О последствиях. Разные народы, разные обычаи. То, что одному может казаться безобидным баловством, для другого — узел на всю оставшуюся жизнь. А ее соплеменницы? Что скажут они? Каково ей будет с этим существовать?

— Вообще-то, ее изгнали из монастыря, если ты забыл. — Вольфганг чувствовал, как внутри начинает закипать раздражение. — Соплеменницы уже высказались. И вообще-то, если уж совсем откровенно, то не в меру любопытный гном не имеет к этому никакого отношения и может жестоко поплатиться за то, что сует нос не в свои дела.

— Гхы, — осклабился Скалогрыз. — Еще неизвестно, кто именно «сует не в свои дела»! А нос тут совершенно ни при чем. Я ж говорю, сидел, трубку раскуривал. Просто у шатра полотно не особенно толстое, сквозь него слышно хорошо. Но! У гнома нет никакого желания вмешиваться в чужие отношения. Даже наоборот...

— Заровы копыта! — проревел Костолом. — Да вы так и будете околесицу нести?! Я ни слова не понимаю. В чем дело?

— Видишь ли, — охотно принялся объяснять гном. — Двое твоих хороших знакомых...

— Мы обязательно подробно расскажем, — прервал его рыцарь. — Но только позже. Пришли.

Они выбрались на главную площадь Нагры, аккуратно замощенный пятачок диаметром не больше трех десятков шагов. В центре возвышалась колонна из черного камня, богато украшенная барельефами, изображающими переплетающихся змей. Чумной столб, установленный две сотни лет назад в знак благодарности Химере за то, что город миновала эпидемия гнилой смерти.

На столбе плотно прикрученный к нему ржавыми цепями висел выбеленный солнцем скелет. На нем не было остатков одежды, и на костях запястий виднелись следы от стального лезвия.

— Кто-то попытался задобрить богов, — мрачно сказал Вольфганг, рассматривая остов. — Но жертву не приняли.

Он направился через площадь к длинному, приземистому зданию на другой стороне. Это и были казармы Ордена. Половина крыши рухнула внутрь, большую часть окон закрывали заколоченные ставни, из развороченного дверного проема наружу выползала внушительная куча мусора.

— Вместо оружия стоило взять лопаты, — заметил Роргар. — И пару рукавиц поплотнее.

Рыцарь вошел внутрь, с трудом находя дорогу между горами хлама. Здесь были садовые инструменты, канделябры, медные чайники, котлы, соломенные куклы и прочий скарб, способный представлять хоть какую-то ценность. Видимо, когда хаос обрушился на город, сохранившие рассудок жители стремились спасти дорогие им вещи — и приносили их сюда, в место, казавшееся оплотом стабильности и спокойствия.

После виденного на улицах Вольфганг уже не надеялся найти здесь кого-либо живого, поэтому, не тратя времени зря, сразу направился в алхимическое хранилище. Все казармы Паладинов возводились по единому плану, так что для него не составило труда отыскать нужную комнату. Однако та оказалась практически пуста: вся добыча состояла из полуфунтовой торбы с синим порошком и двух мешочков с желтым.

— Ну, хоть что-то, — пробормотал рыцарь, внимательно осмотрев ящики и полки. — Все же не зря сходили.

— Целебных нет? — спросил Скалогрыз.

— К сожалению. Только эти, для восстановления сил. Духовных и телесных. В принципе тоже полезные смеси. Точно пригодятся.

— Может, еще где поискать? — пробурчал Костолом.

— В таких завалах мы будем три дня ковыряться, — сказал гном. — И то все не перероем.

— Согласен, — кивнул Вольфганг. — Ладно, у меня пока остался запас, на штурм его, конечно, не хватит, но сколько-то протянем. Пора уже обратно.

Они пробрались к выходу. Костолом шел первым, он и почуял опасность, едва ступив на мостовую. Вскинув руку, орк прошипел:

— Осторожно! — и потянулся к рукояти топора.

— В чем дело? — Рыцарь тоже ощутил надвигающуюся угрозу, хотя глазам его предстала совершенно пустынная

площадь, ничуть не изменившаяся за те минуты, что они провели в казармах.

— Слышал что-то, — ответил Ыр. — Как будто меч звякнул.

— Да мало ли, — прошептал Скалогрыз, все же стягивая с плеча аркебузу. — Железок хватает вокруг.

Они медленно двинулись по направлению к чумному столбу: Костолом впереди, Вольфганг сразу за ним, Роргар замыкающим. Напряженно прислушивались после каждого шага. Бесперывно крутили головами, оглядывая окрестности — залитые закатным светом стены необитаемых домов, распахнутые рты окон, устья улиц, застывших в неизбывной скорби. Ни ветра, ни шорохов, ни единого шевеления.

А потом, когда до столба и висящего на нем скелета оставалось не больше шести шагов, пустота за спиной гнома расступилась. Лязгнула сталь о сталь, с легким шелестом рассекли воздух клинки. Скалогрыз не успел среагировать — он только начал оборачиваться, когда два меча пронзили его спину. Удар был такой силы, что ноги гнома оторвались от земли, а оба острия, сломав ребра, вышли из груди. Роргар вскрикнул, уронил аркебузу. Кровь хлынула у него изо рта, потекла по бороде, окрашивая седины бордовым. Он видел искаженные криком лица товарищей и разрушенный город вокруг, и небо над городом, но все это стало вдруг несущественным, ненастоящим, лишь приложением к безжалостной боли, разгрызающей тело. Стиснув зубы, смотрел он в глаза наступающей тьме, пожирающей друзей, город, небо, превращающей их в тени, далекие отголоски самих себя. Окружающий мир двигался крайне медленно, тонул в бесцветии, полнился пульсирующими трещинами.

Он подумал, что надо бы попрощаться с Вольфгангом, с отчаянным испуганным парнем, способным на великие дела, но забывшем об этом. Надо сказать ему, что насчет эльфийки он просто шутил, сказать, пусть не беспокоятся ни о чем, а наслаждаются друг другом, ведь во вселенной осталось так мало добра, сказать, что...

Но он не вымолвил ни слова. Тьма затопила мир, и прежде, чем все кончилось, Роргар Скалогрыз успел увидеть

перед собой широкую песчаную тропу и стоящего на ней орка с кривым шрамом на щеке.

Для Костолома и Вольфганга время текло с обычной скоростью. Убийца — плечистый мужчина в багровом монашеском балахоне без рукавов — резким движением высвободил мечи, уронив гнома на камни площади. В следующее мгновение Костолом прыгнул к нему, подняв топор. Скрещенные клинки метнулись навстречу лезвию, встретили его с холодным звоном. Вольфганг замахнулся было скипетром, но тут краем глаза уловил движение позади себя и, быстро развернувшись, еле успел отразить удар еще одного неведь откуда взявшегося врага, одетого в такую же багровую робу.

— Спина к спине! — рявкнул Костолом. Они с рыцарем прижались друг к другу, изумленно наблюдая, как вокруг из пустоты появляются все новые и новые противники. Их было не меньше десятка. Одинаковые одеяния, одинаковые символы на них. Вольфгангу уже доводилось видеть такой знак, изувеченный герб Ордена Паладинов — на обложке книги, взятой им в библиотеке брата Мавиуса. Книги о Погонщиках Теней.

— Вот и все, — медленно проговорил первый, с окровавленными мечами. — Здесь ваш путь заканчивается.

— Да ну! — прохрипел Костолом. — А твой?

— Мой только начинается, — с улыбкой ответил Погонщик. — Вам нас не одолеть. Испытайте же на себе святой гнев Праведной Инквизиции!

— Вольф, не глупи! — шепнул Костолом во время этой пафосной угрозы. — Зажги порошок!

Он рванул к ближайшему врагу, замахнулся топором, но, когда Погонщик поднял мечи для защиты, пнул его ногой в пах. Тот согнулся пополам.

— Жги! — взревел Костолом, схватил рыцаря за шиворот и швырнул прочь из окружения, а сам обернулся к остальным воинам, тут же навалившимся на него всей кучей. Вольфганг откатился в сторону, поспешно вскочил, принялся засыпать желтый порошок в кадило. На расстоянии нескольких шагов Ыр, рыча, словно разъяренный медведь, сражался сразу с десятком противников. Он двигался с быстротой, невероятной для такого массивного тела, превратился в настоящий зеленый вихрь, крушащий любое

препятствие, не позволяющий врагам миновать себя, добраться до рыцаря. Орк, похоже, не обращал внимания на клинки инквизиторов, предпочитая нападение защите, и в первые же несколько секунд боя молниеносными ударами уложил четверых. Остальные, ошеломленные столь неистовым натиском, отпрянули, отступили — лишь для того, чтобы перегруппироваться, — но Костолому только этого и надо было. Он отпрыгнул назад, заорал яростно:

— Бежим! — и со всех ног бросился прочь. Вольфганг, не промедлив ни мгновения, последовал за ним. Порошок он зажечь не успел, но времени на это явно не оставалось — инквизиторы не собирались упускать добычу.

Они неслись со всей скоростью, на которую были способны. Тем же самым путем, каким пришли сюда — через разрушенные пожарами дворы и дома. Под ногами хрустели доски и битая черепица, проносились над головами почерневшие балки. Одно неверное движение, и зацепишься рукавом за торчащий из стены гвоздь или споткнешься о бревно, укрывшееся в траве. Бег до первой неудачи.

Перед собой Вольфганг видел окровавленные, иссеченные мечами плечи и спину Костолома, слышал тяжелое, отрывистое дыхание орка, ощущал набухающую тяжесть в собственном левом боку. Благодаря бешеной ярости Ыра им удалось шокировать нападавших, обеспечить себе фору в несколько лишних шагов, но сил не хватит, чтобы сохранять такую же скорость до ворот города, не говоря уже о том, чтобы подняться в холмы, к лагерю. Вся надежда на какой-нибудь эльфийский патруль, случайно забредший в эти края...

Забежав в первый из более-менее уцелевших домов, Ыр внезапно остановился, оттолкнул налетевшего на него рыцаря в сторону, развернулся, описав топором широкую дугу. Щербатое лезвие с хрустом врезалось в нечто невидимое, высекло из пустоты кровавые брызги. Через долю мгновения соткался из воздуха Инквизитор с разрубленным надвое лицом, беззвучно рухнувший навзничь.

— Закрывай! — скомандовал Костолом.

По счастью, Вольфганг сразу сообразил, что имеется в виду — он быстро захлопнул дверь, задвинул ржавый засов. Тотчас с другой стороны в нее тяжело ударилось лезвие.

— Не уйдешь! — послышался злобный голос.

— Зажигай, — еле слышно сказал Ыр. — Быстрее...

Вольфганг вдруг понял, что орк едва дышит, а на ногах держится просто чудом. Вряд ли ему достанет сил на еще один подобный удар. Действовать нужно было срочно: обойти дом для их преследователей не составит особого труда.

— Не стоим! — поторопил он Костолома, насыпая порошок в чашку кадила, опустевшую во время бега. — Наружу, наружу!

Скрипя клыками, орк сделал над собой усилие, протопал, пошатываясь, сквозь комнату, вслед за рыцарем выбрался через окно. Вольфганг запалил порошок в кадиле, взмахнул им пару раз, окутывая их обоих желтоватым дымом.

— Все, торопимся!

Они перемахнули через низенькую каменную ограду, пересекли соседний двор и оказались на заваленной костями улице, в конце которой виднелись городские ворота, зажатые меж каменных башен. Перед воротами стояли эльфийки — полтора десятка Сестер Огня во главе с самой Глайхарой-Солнечный-Клинок. Заметив орка и Паладина, Мать-Настоятельница взмахнула рукой.

— Осторожнее! — заорал во все горло Вольфганг. — Колдуны в невидимости! Нападают сзади!

Эльфийские воительницы переглянулись. С такого расстояния невозможно было рассмотреть выражения их размалеванных лиц, и оставалось лишь надеяться, что они воспримут эти слова всерьез. Рыцарь и орк вышли на середину дороги, ступая прямо по останкам горожан. Ыра заметно покачивало, и Вольфганг, предоставив зеленокожему монотонно топать к спасению, сам шел позади него спиной вперед, внимательно следил за лежащими вокруг скелетами: не хрустнет ли где кость под невидимой ногой, не шелохнется ли тряпье, задетое невидимым мечом.

То ли это убедило эльфиек, то ли они просто решили подстраховаться, но все-таки использовали свое колдовство: принялись обстреливать улицу огненными шарами — навесом, поверх голов Костолома и Вольфганга. Третий или четвертый такой снаряд выбил из небытия инквизитора — всего в семи шагах перед рыцарем. Пламя сразу

же расплзлось по балахону, охватило капюшон, жадно вгрызаясь в ткань и плоть. По-собачьи взвизгнув, колдун метнулся в сторону, споткнулся о чей-то череп, грянулся на колени, но сразу поднялся и, слепо мечась из стороны в сторону, поковылял назад. Еще один огненный шар настиг его, превратил в живой, зверски воющий факел.

— Гори, гнида! — крикнул Вольфганг. — Вот что вас ждет! Вот ваш хваленый путь! Гори!

Искрящиеся клубки пламени с эльфийских посохов смертельным дождем сыпались вокруг, поджигая одежду мертвецов и сухую траву. Сделав последний неуверенный шаг, полыхающий инквизитор замолк и повалился лицом вниз. А Вольфганг продолжал кричать, изо всех сил, в пустоту безжизненных улиц, в распахнутые пасти окон. Продолжал кричать, опустив руки, не пытаясь даже утереть слезы, бегущие по заросшему щетиной лицу:

— Вы все сторите! Утром мы придем вместе с солнцем! Слышите, ублюдки?! Мы придем — и вы узрите наш святой гнев! Наш! Святой! Гнев!



ГЛАВА V БЕЗДНА

Забвение приняло его, словно теплая постель. В нем не было абсолютной пустоты: отголоски невысказанных мыслей и недоговоренных фраз, обрывки снов и мечтаний, лица любимых и картины повсеместного разрушения — все это проплывало мимо, выступало из тьмы и вновь погружалось в нее, скрываясь от взгляда. Здесь не нашлось места холоду и боли, поэтому Рихард не хотел обратно. Его тело, истязаемое в жестокой реальности, не имело значения в пространстве чистого разума.

Однако он был еще жив и не мог остаться в этом убежище навсегда, не мог раствориться в тишине и покое. Изувеченная плоть цепко держала измученную душу. И постепенно он возвращался сквозь толщу небытия в тесный сырой подвал, наполненный отсветами факелов, запахами крови и горелого мяса.

— Прошу, господин...

— Нет, мразь! Ты будешь мучиться до тех пор, пока не искупишь своей вины!

О какой вине идет речь, хотел спросить Рихард, но успел понять, что обращаются не к нему. Мучения обещали еще кому-то. Понимание ознаменовало пробуждение, вместе с сознанием вернулась и страшная, безжалостная боль: в ногах, в изуродованных пальцах, в спине. Добро пожаловать в явь.

— Да, господин.

Знакомый голос. Искаженный, но знакомый. Сквозь терпеливую покорность проскальзывают истерические нотки. Безумие. Владелец этого голоса наверняка страдает. Рихард открыл глаза. Веки поднимались медленно,

словно ржавая надвратная решетка. По крайней мере, они у него еще были...

Тусклый, чадный свет наполнил голову болью, но его хватало, чтобы разглядеть стоящих над Рихардом. Трое. Двое — чуть ближе, именно они и разговаривают. Третий — в закрывающем все лицо черном капюшоне с прорезями для глаз — за последние часы успел стать привычным, как сложенные из каменных блоков стены и закопченный потолок. Именно он обливал ноги Рихарда маслом и водил вдоль них факелом, именно он прижигал каленым железом его грудь и живот, именно он вырывал клещами ногти, кромсал «кошачьей лапой» плечи и срезал полосы кожи со спины. Всегда молча, деловито, увлеченно. Он и сейчас молчал, сутулился в углу над каким-то сложным устройством: то ли над «степным сапогом», то ли над «стальным пауком». Мастер своего дела.

Из двоих говорящих один тоже был прекрасно знаком Рихарду — главный экзекутор Праведной Инквизиции, существо, называющее себя человеком по имени Аргрим. Его истинный мучитель. Тот, кто отдавал приказы и задавал вопросы. Бессмысленные, жестокие вопросы, казавшиеся то ли продуктом горячечного бреда, то ли еще одной изощренной формой мучения. «С кем из Ушедших Богов ты встречался по ту сторону?», «Являлся ли тебе во снах Аргус Двуглавый?», «Какое знание они передали тебе?», «Против кого его можно использовать?». Хуже всего было то, что во время допроса он без перерыва чувствовал, как холодные скользкие пальцы, длинные и гибкие, словно черви, шарят в его разуме, перебирая воспоминания, расшвыривая мысли. Твари, прячущиеся под маской Аргрима, наполняли сознание своим мерзким дыханием, оставляли после себя следы, идеи и образы, заставляющие кричать не хуже, чем лезвия инструментов палача.

Второго разглядеть не получалось, он стоял в тени. Обычный человеческий силуэт, рукояти мечей над широкими плечами — видимо, один из инквизиторов.

— Вы оказались трусами и предателями! — шипел главный экзекутор. — Вы осмелились погибнуть, не выполнив нашего приказа! Слабаки! Крысы! Как мы можем рассчитывать на остальные войска, если отряд лучших воинов не справился с заданием? С таким элементарным заданием!

И тем, кто уцелел, хватило наглости вернуться и заявить о том, что они убили гнома. Гнома!

— Но господин, мы столкнулись с непредвиденным обстоятельством...

— Вас было в три раза больше! О каких обстоятельствах может идти речь?! Совсем скоро их войско окажется здесь — и что тогда? Снова за каждого пропитого гнома отдадим по пять лучших бойцов?

— Ваша магия...

— Не смей даже вспоминать о магии! На их стороне Двухголовый, Каменный Толстяк и эта ядовитая змея, проклятая предательница, Ночная Госпожа! Для нашей магии найдется дело, а вот защищать эти стены от обычных рук и клинков придется кому-то другому! Уверены, у них припрятан козырь в рукаве, и козырь этот лежит прямо здесь, перед тобой. Однако пока не удастся распознать карту.

Силуэт с мечами за спиной качнулся, выдвинулся в круг света. Если бы не пытки, превратившие душу Рихарда в бесчувственный труп, рыцарь точно вскрикнул бы от ужаса и отвращения. Инквизитор выглядел так, будто в течение нескольких часов вращался на вертеле в огромном очаге. На его теле не уцелело ни единого клочка кожи, все ее покрывал один сплошной огромный ожог. Голова и плечи обгорели особенно сильно, лицо попросту обуглилось, вместо обоих глаз зияли черные провалы, губы полностью отсутствовали, и из неимоверно широкого рта скалились перепачканные копотью зубы.

— Твой брат заплатит за это! — пообещал сторевавший. При этом багровая корка на его горле лопнула, выпустив несколько капель желтого гноя.

— Отправляйся наверх! — скомандовал Аргрим. — Его брат — моя забота! Ты руководи обороной и помни, Фарг: на темные тропы уйдешь лишь вслед за последним из штурмующих, не раньше!

— Слушаюсь, мой господин!

Инквизитор склонил голову и скрылся во мраке. Аргрим приблизился к Рихарду, всмотрелся в его лицо:

— Ну как? Вспомнил что-нибудь?

Рихард кивнул:

— Конечно.

— И? — оживился колдун.

— Вспомнил стишок, который в детстве мне читала мать. Сейчас, сейчас... как же первая строка... ага...

Рыцарь откашлялся, начал декламировать своим слабым, изможденным голосом:

*Когда ты сердцем чист и светел,
В пути не жди серьезных бег!*

— Что это за ерунда?! — взвился Аргрим. — Замолчи!

— Нет, — терпеливо отвечал Рихард. — Ты дослушай...те.

Сутулый с размаху ударил его по зубам.

— Сказано, заткнись!

Боль была обыденной, привычной. Как умывание после сна. Нижняя губа треснула посередине, по подбородку скатилась капля крови. Капель больше, капель меньше, у него ее и так почти не осталось. Аргрим отошел в сторону, пропал из виду, и теперь Рихард мог только слышать его голос.

— Ты ведь действительно что-то знаешь. Все уловки имеют определенную цель. Одну-единственную. Тянуть время. Дождаться прихода драгоценнейшего братца вместе с его покровителями. И вот тогда-то твой секрет и раскроется, верно? Тогда-то твоя сила и проявит себя. Ну что ж. Пусть так. Мы умеем ждать. Это — единственное, чему можно научиться, сидя в каменном саркофаге в течение тысяч и тысяч лет, наблюдая за тем, как наверху расцветает столь ненавистная жизнь.

Аргрим вновь появился перед Рихардом. Глаза главного экзекутора блестели чернотой, под кожей непрерывно шевелились тысячи щупалец.

— Мы не проигрываем, — сказали подземные демоны его ртом. — Мы вечны! Мы — зависть, бешенство, злоба, похоть! Мы — страх, отчаяние, старость и одиночество! Мы — рука, поднимающая нож над беззащитным! Мы — ураган, ломающий деревья и уносящий крыши. Мы — хаос, мы пребудем вовеки, вы же — смертны и исчезнете навсегда!

— Еще, помню, мне... мать говорила... — сказал Рихард, закрыв глаза, чтобы не видеть щупалец, тошнотворно-медленно движущихся в приоткрытом рту Аргрима. — Самоуверенность хуже глупости.

— Да? — Голос был сладким до одурения. Он тек, словно мед, липкий, густой, кружащий голову. Мед, полный извивающихся личинок. — А что твоя мамаша говорила насчет нашего общего друга в капюшоне? — Аргрим указал на сутулого палача, который как раз закончил возиться в углу с новым устройством. — Вот интересно, упоминала ли она в ходе своих мудрых рассуждений такие полезные приспособления, как дыба, железная дева или кобыла смерти? Ты слышал про кобылу смерти?

Колдун схватил Рихарда за волосы, приподнял голову юноши, ткнул пальцем в стоящую у дальней стены деревянную треугольную пирамиду на толстых ножках.

— Мы усадим тебя на нее, привяжем к ногам груз и будем смотреть, как ты медленно сползаешь вниз, насаживаясь все глубже и глубже. Ты потеряешь сознание, мы обольем тебя водой, приведем в чувство и повторим. А? Что скажет насчет этого твоя рыцарская честь?

Он отпустил голову юноши и отошел, задумчиво потирая острый подбородок.

— Прижигание железом и выдирание ногтей — это все детские шалости. Я не подвергал тебя настоящим пыткам, потому что боялся, что ты можешь не выдержать и сбежать от нас на Темные Тропы. Но теперь вижу: сила, прибавшая гвоздями жизнь к этому тощему телу, достойна уважения. А с теми, кого уважаем, мы не церемонимся, правда?!

Аргрим засмеялся. Почти беззвучно и оттого еще более зловеще. Смех прервал оклик сверху:

— Мой господин! Они под стенами! Готовятся к штурму!

— Отлично. — Аргрим потер руки. — Не пугайте их раньше времени, пусть гости немного развлекутся, пусть залезут в мышеловку поглубже.

— Будет исполнено, господин!

Колдун вновь повернулся к Рихарду:

— Там, наверху, твой брат скоро полезет на стены, да помогут ему Ушедшие Боги. Я пока останусь здесь, в гораздо более приятном обществе... и освещении. На ужин сегодня — ты. С салатиками мы уже разобрались, пора приступать к основному блюду. Пожалуй, все-таки дыба. Люблю смотреть, как рвется кожа. Ах, да! Десерт! На сладкое я принесу тебе голову. Угадай, чью?

* * *

Вольфганг даже не предполагал, какая буря чувств разразится в его душе при виде Заставных Башен. Нечто подобное испытывал он в детстве, возвращаясь домой с отцом и братом после нескольких дней, проведенных на охоте. Это место знало его, а он не один год верой и правдой служил ему, ходил коридорами, спал в кельях, пировал с друзьями на лестницах и навесах, ночами пробирался мимо часовых на свидания с любимой. Каждый камень здесь значил что-то для него, каждая ступенька помнила его счастье.

За последние недели образ замка неотступно преследовал рыцаря, но то было уродливое, полное огня, дыма и паники видение, что явилось ему еще в Ночь Безумия, когда они с братом бежали отсюда, сокрушенные размахом бедствия. Теперь же, в бледном свете нарождающегося утра, Заставные Башни выглядели как прежде. Мирно, спокойно, неколебимо. Да, глаз замечал некоторые изменения: заново отстроенный барбакан, большее количество бойниц в стенах, податанную кровлю, но по большому счету все осталось прежним. Это был его дом. И он пришел сюда, чтобы вышвырнуть из своего дома поселившуюся в нем нечисть.

Деревни, во множестве окружавшие замок, оказались пусты. Еще дымились кострища на улицах, валялись перевернутые котлы и свертки с нехитрым скарбом — те, кто нашел себе пристанище здесь, явно спешил укрыться в замке. Обычные люди. Крестьяне, ремесленники, нищие. Те, кому повезло уцелеть в Ночь Безумия, наверняка обманутые новыми обитателями Заставных Башен. Праведная Инквизиция, говорите? Святой гнев?

Вольфганг осторожно выглянул из-за большого деревянного щита, осмотрел позиции. Пока все шло по плану. Небольшие отряды гномов, тоже под прикрытием широких, обтянутых сырыми козьими шкурами мантилетов, неспешно подтаскивали на заранее утвержденные места детали и материалы для осадных машин, подвезенные к опушке на терпеливых выючных мулах — по заверениям подгорных инженеров, на полную сборку всех конструкций уйдет не более пары часов. Эльфийки пока оставались

позади, на расстоянии излета стрелы, пущенной со стен. Орки активно помогали гномам: носили доски и брусья, бочки с порохом, подкатывали массивные литые пушки и волокли ящики с чутунными ядрами.

Вольфганг спрятал голову за щит. Прятаться за ним приходилось либо сидя, либо в полусогнутом положении, и никто не назвал бы это удобным. На рыцаре были новые доспехи, специально выкованные гномами по приказу Крома. Вороненая сталь, украшенная искусной гравировкой. Несмотря на то что кузнецы, изготовившие броню, никогда Вольфганга не видели, сидела она гораздо лучше именного орденового комплекта. Тем не менее за щитом надежнее. Брат отца погиб во время осады крепости взбунтовавшегося феодала — неосмотрительно высунулся из-за мантилета и тут же получил стрелу в плечо. Рана воспалилась, и он умер от лихорадки через несколько дней. Однако в нынешней ситуации дядя мог хоть танцевать на поле: на стенах никого не было видно, замок выглядел оставленным, вымершим. Герольды, выбранные из числа пришедших вместе с Торгорской армией людей, уже дважды подходили к воротам и зачитывали предложение о сдаче. Никто не отозвался, никто не появился. Уловка? Скорее всего. А может, эти твари, Сказанные-во-Тьме, перебили всех своих подданных, чтобы превратить их в марионеток, и теперь сидят, затаившись, ждут наступления темноты. Что ж, в подобном случае им вряд ли удастся ее дождаться.

Вольфганг привстал, глянул в бойницу мантилета, узкое окошко, прорубленное в верхней части щита. Замок возвышался перед ним, и отсюда, снизу, был виден весь, целиком. Он стоял на широком холме, окруженном рвом, склоны которого усеивало множество деревянных кольев. Стены его, высотой более тридцати локтей, казались монолитными — настолько плотно были подогнаны друг к другу каменные блоки, составляющие их. Широкие зубцы, вдоль которых ему столь часто приходилось ходить во время несения стражи. Даже сейчас он мог бы сказать, у какого из них обычно останавливался, чтобы раскурить трубку, у какого располагалась тренога с небольшим котелком — все это память услужливо подсказала ему. Бесчисленное количество дней и ночей провел он там, между этими зубцами, глядя на окружающие леса, мечтая о воинской славе, раз-

мышляя о том, как будет сражаться с зеленокожими или остроухими захватчиками, пытающимися взять крепость приступом. Разве мог он тогда, еще мальчишка, только недавно понявший необходимость бриться каждый день, подумать, что совсем скоро будет стоять на поле внизу, укрываясь за деревянным щитом, и перебирать в уме варианты наиболее быстрого и эффективного штурма?! Поистине прав был отец, когда говорил, что в жизни любые планы часто осуществляются прямо противоположным образом.

По углам стены перемежались массивными, приземистыми башнями. Сверху внешняя линия укреплений замка напоминала почти правильный шестиугольник — если бы не барбакан, заметно выдающийся вперед и нарушающий геометрическую гармонию. Вершины башен прятались в уродливых надстройках из кирпича и дерева: машикули, навесные бойницы, крытые обходные галереи с варницами в полу, предназначенные для того, чтобы с удобством обрушивать камни, стрелы и кипящее масло на тех, кто подошел вплотную. Над этой мешаниной из старых и новых сооружений высились три башни совсем иного рода, и давшие название замку. Они были разной высоты, но самая низкая из трех насчитывала никак не меньше семидесяти локтей от основания до кончика шпиля. По сути, это были три отдельных донжона, способные держать осаду в течение длительного времени после того, как враг захватит внешние стены. До Мора Безумия у каждой из них имелось собственное предназначение. Низкая башня называлась Алхимической: в ней послушники изучали способы изготовления и правила применения различных порошков под руководством наиболее опытных в этом деле рыцарей или даже приезжих Братьев из ближайшей цитадели. Вторая, локтей на десять—пятнадцать выше, именовалась Послушнической: в ней жили молодые рыцари, оруженосцы, сквайры и просто малолетние воспитанники Ордена. Вольфганг с братом провели здесь четыре года, прежде чем прошли посвящение и получили право жить в третьей, самой высокой, башне, носившей простое, но гордое имя — Старшая. Там располагались кельи Братьев, большинство складов, залы для отдыха, часовня Ушедших Богов и покои высших чинов Ордена. Именно под крышей этой башни находилось окно, через которое птицы унесли в ночь маги-

стра Йоганна Раттбора. Именно она устояла, когда двести лет назад племя хана Угр-Кахха выжгло всю округу и одолело защитников остальной крепости. Говорят, воины, засевшие внутри, начали поедать своих погибших товарищей, но все-таки продержались до подхода Золотых Батальонов Крулльхольма. У той твари, что занимала Старшую Башню сейчас, не должно возникнуть никаких проблем с поеданием мертвецов. Ей, наверное, как раз чем больше трупов, тем лучше.

Вольфганг глубоко вздохнул. От прохладного влажного воздуха по спине побежали мурашки, а мысли собрались в тугой, пульсирующий ненавистью комок. Не стоит сейчас предаваться сентиментальным раздумьям. Конец пути — вот, перед ним. Та цель, к которой он шел столько времени, теряя друзей, ежедневно рискуя собой. Опасность давно превратилась в рутину, но оправдать это можно единственным способом. Победить в предстоящей схватке. Больше всего рыцарь опасался, что демоны ретируются с поля боя, отступят, сбегут. Им ведь ничего не стоило рассеяться по всему миру, укрыться в джунглях или глубоких пещерах. Аргус сказал, они пришли властвовать, сказал, они не умеют бояться за себя и потому не упустят возможности раздавить тех, кто осмелился противостоять им. И эти слова придавали уверенности, потому что для Вольфганга как таковой исход уже не имел особенного значения. Так или иначе, но к вечеру этот кошмар должен прекратиться. Конечно, он стремился победить, уничтожить Сказанных-Вотье, освободить брата, отомстить за Гром-Шога и Скалогрыза, но еще больше он хотел, чтобы все просто закончилось. И это желание уняло страх смерти, мучивший его с тех самых пор, как впереди показались островерхие крыши Заставных Башен. Теперь он смог успокоиться и трезво оценить обстановку.

— Ну чего? — напомнил о себе Барди Мокрый Порох, один из тех гномов, что присутствовали при низложении наглого квартирмейстера Гудбранда. С момента возвращения Вольфганга из Нагры рыжебородый Барди неотступно следовал за ним, ловил каждое слово и поспешно выполнял любые приказания. Он стал чем-то вроде ординарца или денщика. Через него Вольфганг по сути осуществлял руководство гномьими частями своего войска.

— Да ничего особенного, — пробормотал рыцарь. — Пока все идет, как задумано. Главное — правильно выбрать момент и не прогадать с катапультами.

— Не прогадаем, — ощерился гном. — Не извольте сумеваться, катапульты нашенские — то, что нужно!

— Не сомневаюсь, — сухо ответил Вольфганг. — Снаряды бы не подвели.

— Ну это уж вряд ли. Вон они какие здоровые да зубастые! И про скок-врата не забудьте!

— Помню-помню.

«Скок-врата» — так гномы называли свое новое устройство, которое они продемонстрировали ему перед тем, как сняться с лагеря у Нагры. Устройство состояло из двух металлических штуквин: одна пирамидальной формы, раскрывающаяся подобно цветку, а вторая в виде толстого диска с закрученной внутри спиралью. Коротышки установили их на расстоянии двадцати шагов друг от друга и, заговорщицки ухмыляясь, некоторое время копались в железных внутренностях, чтобы, как они выразились, «активировать» механизмы. «Лепестки» пирамидальной штуквины разошлись в стороны, обнажив пучок переплетающихся синих молний, и один из гномов шагнул в него. Лепестки тут же сомкнулись, а коротышка исчез. В первые мгновения Вольфганг застыл в ужасе — ему показалось, что устройство сожрало несчастного, всосало его внутрь себя и захлопнулось. Но радостный смех вокруг подсказал ему, что он ошибается. Гном уже сходил с диска, спираль которого медленно вращалась, мерцая синеватым светом. По утверждениям подгорных инженеров, основной силой скок-врат являлась магия Гранитного Отца, самого Крома, а значит, не следовало опасаться сбоев или неисправностей. Такие устройства позволят в считанные секунды переместить армию внутрь замка. Нужно лишь, чтобы хотя бы один сапер оказался во внутреннем дворе или на стене и смог установить диск. Вольфганг, у которого в тот момент разум был затоплен скорбью и болью, мог только кивать.

Что касается «снарядов», то имелись в виду специально отобранные орки. Планировалось закидывать их на стены катапультами, предварительно пристрелявшись с помощью камней соответствующего веса. Гномы уверяли, что во время похода они проводили полевые испытания и доби-

лись прекрасных результатов. Что именно имелось в виду под словом «прекрасных», рыцарь уточнять не решился.

Третьим козырем были раздвижные мосты. Их планировали применять вместо банальных штурмовых лестниц. Такой мост представлял собой хитроумную конструкцию, позволявшую создать наклонный пандус, деревянный настил, ведущий от земли прямо на крепостную стену. Преимуществ перед лестницами у такого приспособления насчитывалось ровно три. Во-первых, ширина. По мосту могли двигаться в ряд трое гномьих бойцов. Во-вторых, свободные руки — поднимающиеся воины имели возможность стрелять, метать копья или топоры во врага, ждущего их наверху. В-третьих, мост нельзя было оттолкнуть от стены с помощью багров или копий.

Кроме того, не стоило сбрасывать со счетов многочисленные пушки и обычные баллисты. С технической точки зрения войско было оснащено прекрасно. Но Вольфганг и не сомневался в механизмах. Осадные машины не бросаются в бегство, не переходят на сторону неприятеля и не принимают роковых ошибочных решений.

— Мастер! — почему-то громким шепотом обратился к нему подбежавший гном-посыльный в каске с красной полосой. — Вас зовет Гранитный Отец!

— Иду, — проворчал рыцарь и двинулся короткими перебежками от мантилета к мантилету в сторону лесной опушки, где располагалась основная часть войска.

С Гранитным Отцом, как величали Крома, он тоже познакомился прошлым вечером. Это странное существо, нелепо выглядящее, но отчего-то производящее впечатление грандиозной внутренней силы и мудрости, приняло его в своем походном шатре, выразило соболезнования в связи с гибелью друга и пообещало наказать не в меру самонадеянного квартирмейстера. Оно выслушало планы Вольфганга и одобрило их, после чего объявило об окончании аудиенции. Выйдя из шатра, рыцарь так и не смог определить для себя, с кем же только что общался — с божеством или расфуфыренным болваном. Теперь же, быстро шагая по покрытой росой траве, он подумал, что одно другому не мешает.

Кром сидел на бревне посреди небольшой поляны, занятой телегами с боеприпасами и провиантом. Где-то за этими телегами располагался полевой госпиталь, в кото-

ром трудилась Элли и на данный момент состоял всего один пациент — орк по имени Ыр Костолом, чьи ранения оказались достаточно серьезными, чтобы не позволить ему участвовать в предстоящем штурме.

Толстое, круглое тело Крома было затянуто в пестрый камзол, расшитый золотыми нитями, украшенный зелеными и красными перьями, а также большим количеством кружев и пуговиц. Бороду Гранитный Отец тщательно брил, а волосы на голове скручивал в невообразимую прическу, напоминающую не то рога буйвола, не то хвост рыбы-людоеда. Кром курил вересковую трубку длиной не меньше трех локтей. Ярко-синие глаза за круглыми стеклами очков смотрели пристально и живо. Под их пронизывающим взглядом Вольфганг чувствовал себя не в своей тарелке. Но, наверное, так и должно быть, когда на тебя обращает внимание толстяк, родившийся из камня больше двух тысяч лет назад.

— Значит, так, — произнес Кром густым, тягучим басом, увидев приближающегося рыцаря. — Есть известия.

После этого он глубоко затянулся и медленно выпустил дым тремя четкими кольцами. Сделал он это через ноздри. Только когда кольца поднялись на высоту сосновых крон и перестали быть видны на фоне неба, Первый Гном продолжил говорить:

— Мы ждали отряд Ледяных Ведьм из Арганая. Но, видимо, зря. Монастыри опять переругались друг с другом и, судя по всему, так и не выслали нам подмогу. С одной стороны, это плохо, некому будет охлаждать пиво, придется пить теплое. С другой стороны, может, так оно и лучше — по крайней мере, Сестры Огня будут жечь врага, а не союзниц. Короче, нам не на кого больше рассчитывать. Все фигуры, которыми ты располагаешь, уже на поле.

— Ясно, — сказал Вольфганг. — Но я думаю, должно хватить.

— Трех вещей никогда не бывает достаточно, — сказал Кром. — Эля, времени и воинов. Ими всегда лучше запастись впрок. Ну да ладно. Как там, на стенах? Тихо?

— Пока да. Никого не видно.

— Ох, коварные сукины дети. Не к добру это.

— Мы подходим все ближе, готовим машины.

— Ну само собой. А что еще остается делать? Засовываем башку в мышеловку. Для того ведь и пришли, елки-метелки!

* * *

Вместо дыбы они начали бить его плетью. Хвосты ее были сплетены из конского волоса и рассекали кожу не хуже стали. От боли Рихард сначала провалился в странное состояние между сном и явью, в котором мучения казались вымышленными, нереальными, но все происходящее вокруг понималось и воспринималось правильно.

— Уже почти под стенами, — услышал он чей-то знакомый голос. — Готовят пушки.

— Превосходно, — отвечал второй голос, тоже знакомый и страшный, сотканный из десятка иных, нечеловеческих, мертвых голосов. — Вот сейчас мы их и накроем, верно? Пусть канониры развлекаются, дай им отмашку.

— Слушаюсь.

После очередного удара Рихард потерял сознание. Теперь он шел по старому мосту, висящему над бушующими волнами. Вокруг был туман, в нем двигались неясные, смутные фигуры. Мост скрипел и раскачивался, но иных вариантов не наблюдалось, и юноша продолжал идти. А потом из мглы выступила неохватная каменная морда с широко разинутой клыкастой пастью, и он вспомнил все. Вспомнил свое путешествие сквозь пещеры, вспомнил шаманов и барабаны, песчаную тропу и Костяной Шатер, вспомнил широко ладонь бога войны, подносящую его к книге. И то, что он прочел в ней, вернулось к нему, наполнило собой каждую частицу его души, пропитало каждую клетку тела. Все вдруг стало так ясно, очевидно и просто. Словно вдох и выдох, будто биение сердца. Теперь Рихард знал, какие символы необходимо чертить, какие слова нужно произносить. Теперь он понимал, чего хочет от него человек, прячущий внутри себя Хаос.

* * *

Стрельба не прекращалась ни на мгновение. Вольфганг понял, почему защитники замка столько времени бездействовали, позволяя нападающим безболезненно выходить на исходные позиции. План оказался прост и страшен: осаждающие расслабились, уверовали в то, что там, на вер-

ху, их не ждет толпа вооруженных до зубов врагов. Когда минуту за минутой ты ждешь смерти, а она все не является, само твое тело придет к выводу, что бояться нечего. Движения станут чуть менее напряженными, поступки — чуть рискованнее, а шаги — чуть шире. Потому что тишина успокаивает. То есть головой ты по-прежнему будешь осознавать, что в любой момент можешь поймать стрелу или пулю, но зверь в тебе этого не чувствует, а значит, бросится в атаку, не ожидая отпора. И в первые же секунды боя такой подход сполна оправдал себя: потери среди штурмующих оказались просто чудовищные.

Беспрерывно трещали турели — стволы, высунувшиеся из бойниц машикулей, уже раскалились добела, но не прекращали изрыгать пули. Их очереди сразу скосили почти весь обслуживающий персонал катапульт, пушек и раздвижных мостов, посеяли панику среди гномов и резко затормозили продвижение наступления. Осадные машины замерли бесполезными нагромождениями из дерева и железа, немногие уцелевшие саперы, возводившие их, разбежались, в ужасе ища укрытия от огненного шквала, обрушившегося на них столь внезапно.

Эльфийские отряды, уже выдвинувшиеся к раздвижным мостам, поспешили ретироваться, но даже их быстроты оказалось недостаточно, чтобы избежать смертей. Несколько десятков тел остались в зеленой траве. Вольфгангу, которому никогда прежде не доводилось участвовать в столь масштабных сражениях, казалось, что трупов очень много. Слишком много — и каждый из них был ужасен, и за каждый он чувствовал себя ответственным. Больше всего хотелось замолчать и застыть, дать страху перед происходящим парализовать себя, не видеть, не слышать, не понимать того, что творилось. Пули колошматили землю, взрывали дерн, кромсали деревянные части катапульт, высекали искры из металлических. Многие из них пробивали мантилеты, словно те были сделаны из соломы. Стелкам в турелях активно помогали лучники и аркебузиры — теперь они не скрывались, деловито, неспешно прицеливались и били по мечущимся внизу гномам и оркам.

— Сейчас начнут перегреваться, — пробормотал Барди. — Вот-вот уже...

— Что?

— Стволы, — пояснил гном, не отрывая взгляда от бойни. — Должны перегреться.

— Все одновременно?

— Ну у большинства. Они же сразу палить начали.

— Когда?

— С минуты на минуту. Слушай канонаду, сразу заметишь ослабление стрельбы.

Вольфганг в отчаянии топтался на месте, лихорадочно соображая, что предпринять. Он не ожидал настолько массированного обстрела и не располагал средствами для подавления огневых точек. Ему и в голову не приходило, что у противника столько боевой техники гномов, а уж тем более — самих подгорных артиллеристов, умеющих этой техникой пользоваться. Эльфийские разведчицы докладывали лишь о бывших крестьянах, наемниках и мародерах, стекавшихся в Заставные Башни. Самое важное они и проворонили, просмотрели.

Он опустился на одно колено, принялся спешно насыпать порошок в кадило.

— Там никому не помочь уже! — констатировал Барди.

— Если сейчас отступим, проиграем! — сказал рыцарь. — Нужно заткнуть эти турели, раз и навсегда!

Он повернулся к стоящим рядом гномьим офицерам:

— Готовьте отряды! Двинемся к катапультам...

— Но господин, там все простреливается!

— Дождемся передышки. Мантелеты сюда!

Бородатые коротышки принялись торопливо подтаскивать щиты.

— У нас простая задача! — обратился Вольфганг к подошедшим воинам. — Добраться до катапульта и пушек и разнести столько огневых гнезд, сколько успеем, прежде чем они начнут стрелять вновь! Орки!

— Да! — отозвался командир «снарядов», здоровенный зеленый детина по имени Бруг-Гир.

— Вы знаете, что делать! Ждите сигнала.

— Так точно!

— Ну? — Вольфганг бросил нетерпеливый взгляд на Барди. — Когда?

— Вот... — Мокрый Порох не сводил глаз со стен. — Вот... сейчас!

— За мной, к орудиям! — скомандовал Вольфганг и зашагал по мокрой траве, толкая перед собой тяжелый мантилет. Треск выстрелов продолжал звучать в его ушах, но он решил довериться рыжебородому. Больше ничего не оставалось. Альтернатива имелась только одна: бросить все и убежать в лес, крича во все горло. Сойти с ума. Прекратить принимать невыразимую жестокость мира как данность.

Он шел. Шаг за шагом, слушая, как свистят рядом пули, глядя на скрючившиеся трупы, на черную землю, вывороченную бившими в агонии ногами. Мимо пробежали гномы, спешили к своим механизмам, падали, сраженные меткими выстрелами. Раненые пытались отползти назад, туда, где пули и стрелы не смогли бы дотянуться до них. Кто-то протяжно кричал, кто-то рыдал в голос.

А потом он понял: в самом деле большинство турелей смолкло — поэтому уши и начали улавливать остальные звуки. Теперь на стенах раздавались лишь редкие выстрелы аркебузирова. При достаточной сноровке не составляло особенного труда отслеживать их намерения и избегать попаданий.

Первыми своих целей достигли канониры — пушки были установлены гораздо дальше от стен, чем катапульты. Ближайший к Вольфгангу артиллерийский расчет действовал неторопливо, но четко. Засыпали порох, закатали ядро в ствол, укрепили его деревянными клиньями, подожгли запал, попадали на землю, зажав уши. Рыцарь тоже счел нужным упасть лицом вниз, накрывшись мантилетом.

Громыкнуло, почва под ним ощутимо вздрогнула. Осторожно поднял голову, и, еще не успев ничего толком разглядеть, по радостным крикам пушкарей понял, что снаряд достиг цели. Ядро угодило в машикуль, точно туда, где располагалась турель, и, видимо, задело одну из важных опор. Навесная галерея, собранная из длинных сосновых бревен, развалилась, словно игрушечная. Ее содержимое посыпалось вниз вместе с бревнами — фигуры в двухцветных стеганых доспехах, нелепо размахивающие руками, неистово цепляющиеся за жизнь. Все грянулось о склон холма, скатилось в ров, ломая колья, застыло пестрым недвижимым месивом.

Грохнула еще одна пушка, затем, всего через пару секунд, третья. Первое ядро попало в стену, не причинив ей особого вреда, второе снесло зубец вместе с несколькими укрывшимися за ним лучниками. Вольфганг видел, как впереди гномы копошатся вокруг баллисты, подкручивают рычаги, определяют нужную силу натяжения. Трое коротышек поднесли снаряд — огромный каменный булыжник из особого запаса, — взгромоздили его в петлю, отскочили, последний перерубил жгут. С тяжелым гулким стуком камень отправился в полет. Он поднялся высоко и, миновав стену, врезался в крышу Алхимической Башни. Нет, перебор. Гномы вновь облепили катапульту, стали поспешно настраивать механизм. Сколько у них времени на то, чтобы пристреляться? Почему Барди не сказал, как долго остывают стволы турелей?

Позади раздался вдруг дружный рев сотен глоток. Восхищение и отвращение смешались в нем в равных пропорциях. В следующий миг густая, непроглядная тень накрыла рыцаря. Вольфганг вздрогнул, испуганно задрал голову. В воздухе, на расстоянии всего десяти локтей от земли кружили василиски. Восемь или девять огромных крылатых ящеров. При солнечном свете они выглядели гораздо внушительнее, чем над цитаделью Алхимиков несколько суток назад. Теперь можно было легко рассмотреть каждую деталь, каждую складку, каждый коготь. Строением драконы напоминали степных грифов, только вместо перьев их покрывала темная чешуя, да и размеры вызывали благоговейный ужас. Явились ли они и в этот раз как союзники? Он с удивлением заметил на василисках нечто, напоминающее упряжь: широкие проклепанные ремни, стальные обручи на длинных пастях и цепи, крепившиеся к этим обручам.

Некоторые из гномов вскинули аркебузы, хлопнул выстрел.

— Не стрелять! — заорал Вольфганг во все горло. — Отставить!

Ближайшие бородачи недоуменно покосились на него, но оружие опустили. Василиски меж тем описали в воздухе широкий полукруг и начали приземляться на поле между рвом и рядами гномов. Они грузно опускались на землю и топали к нападающим, неуклюже переваливаясь на двух

коротких лапах. Теперь на их спинах Вольфганг разглядел нечто, поразительно напоминающее седла, и до него, наконец, дошло, для чего драконы прилетели сюда.

— Брог-Гир! — подозвал он командира «снарядов».

— Да! — здоровенный орк приблизился двумя прыжками.

— Следи за катапультами! Как только они пристреляются и начнут бить точно по верхам стен, заменяйте камни собой.

— Ясно, — проворчал варвар. — Уже обговаривали.

— Да, просто, чтобы закрепить. И отправь сюда семейных самых отчаянных своих бойцов. Мы с ними немного летаем, пусть возьмут побольше кернов.

Брог-Гир бросил на него удивленный взгляд, но расспрашивать не стал, отошел к сородичам, пролаял что-то трудно различимое, и через мгновение семеро орков уже бежали к рыцарю. Тот повернулся к Барди:

— Действуем по плану. Мосты начинайте раскручивать, только когда зеленые уже будут на стенах.

— Не сумлевайтесь, так и сделаем! — Мокрый Порох, кажется, понял, что затеял Паладин, и в рыжей бороде его сверкнула кривоzubая ухмылка. — Задайте им там, пусть обделаются от страха!

Как бы мне самому в штаны не наложить, подумал Вольфганг, но озвучивать этого, естественно, не стал. Он повернулся к приблизившимся варварам, указал на василисков, выстроившихся в ряд в нескольких шагах:

— Ну что, бойцы! Вот эти птички могут сослужить нам отличную службу! Я знал одного вашего собрата, звали его Гром-Шог, так он с лошадьми управлялся лучше любого конюха! Думаю, и с драконами у вас получится совладать!

Он уже собирался закончить речь пафосным «По седлам!», но тут увидел, что к ним спешат трое эльфиек во главе с Эррайной-Закатный-Луч.

— Постой! — воскликнула та. — Не будет ли разумнее посадить на василисков моих соплеменниц? Ведь мы сможем не только управлять ящерами, но и разить врагов сверху с помощью нашего огненного колдовства!

— Разумно! — отозвался рыцарь. — Правда, я планировал, что воины будут спрыгивать с драконов на стены

и балконы башен, но твоя идея мне нравится. Полезайте в седла!

— Но... — начала возражать Эррайна, однако Вольфганг прервал ее:

— Полезайте, или мы улетаем! Нет времени! Турели вот-вот начнут...

И тут же, будто услышав его слова, вновь затарахтели гномьи пулеметы. Очереди полоснули по спинам и крыльям василисков, но не причинили заметного вреда — пули отскакивали от чешуи, словно от гранита.

— Быстро! Садимся! — прорычал Вольфганг и, пригнувшись, первым бросился к крылатому «коню», крайнему справа. Приблизившись на расстояние вытянутой руки, он поднял голову и тут же встретил холодный, бесстрастный взгляд немигающих змеиных глаз. Эта тварь отнюдь не считала его своим другом, и служила лишь одному существу. В зависимости от прихотей своей хозяйки, она запросто могла сейчас оказаться на другой стороне баррикад, и тогда длинная, похожая на клюв, пасть наверняка бы постаралась перекусить его пополам. А вдруг это ловушка! — пронеслось в мозгу Вольфганга, но отступать было уже поздно — он подбежал к василиску вплотную, уцепился за ремни упряжи и не без труда взобрался в седло.

Слева от него уже сидела Эррайна. Она-то поднялась на спину ящера грациозно и легко, как и подобает истинной дочери Арганайского Хребта. Громыхая кернами и броней, Орки тоже взгромоздились на «скакунов». Трем оставшимся Вольфганг крикнул:

— Отойдите назад, но будьте наготове! За вами прилетят!

Последние слова он проорал уже в воздухе. Василиски один за другим отрывались от земли, расправив широкие кожистые крылья, поднимались в небесную синеву. Выше любых стен, выше сосен. Отсюда, сверху, все поле битвы казалось игрушечным, почти ненастоящим. Замок с тремя башнями, серые стены, окруженные полумесяцем штурмующих войск. Миниатюра, зажатая зеленым морем лесов. Мир был огромен, бесконечен, незыблем, и крохотные дразги крохотных существ, ползающих по нему, вряд ли могли как-то его заинтересовать.

Вольфганг покрепче ухватился за поводья. Теперь ему стала понятна их функция: исключительно безопасность наездника. Драконы не обращали на них никакого внимания и слушались исключительно голоса.

— Вниз! — закричал рыцарь, стараясь перекрыть рев ветра. — Прикроем наших!

Василиск покорно спикировал к замку. Остальные последовали за ним единым, стройным клином. Их увидели со стен, навстречу полетели вопли, пули и стрелы. По большей части они бесполезно бились о броню драконов, но некоторые все же достигали цели. Стрела чиркнула по плечу Вольфганга, сломалась об наплечник, пуля просвистела у самого уха. Повернув голову, он увидел, как один василиск выходит из строя и направляется к лагерю. Седло его было пусто.

А два вдоха спустя они уже зависли над стеной. Драконы хватали инквизиторов и их прислужников лапами, рвали когтями, расшвыривали хвостами и крыльями. Пасти откусывали руки, головы, проламывали ребра. Эльфийки обрушивали на врагов потоки огня из своих посохов, выжигая все живое на десятки шагов вокруг. Орки метали керны, пусть и не причинявшие особенного вреда, но явно отбивавшие у защитников всякую охоту атаковать. Израсходовав весь боезапас, трое выпрыгнули из седел, побежали к ближайшей башне, откуда еще продолжала строчить турель.

Стрела ударила Вольфганга в грудь, отскочила от панциря. В следующий миг в десятке шагов от него захрипела, судорожно хватаясь руками за горло, Эррайна-Закатный-Луч. Черное оперение торчало из ее шеи. Через секунду эльфийка обмякла, качнулась и сползла с седла. Ее тонкое тело беззвучно полетело вниз, ударилось о край стены и, оставив на нем багровое пятно, рухнуло во внутренний двор.

— Вверх! — скомандовал Вольфганг. Пришла пора дать катапультам возможность поработать. Василиски взмыли ввысь, прочь от скрежета и лязга боя, прочь от стонов умирающих и изувеченных. Те, чьи наездники погибли или остались на стене, направились к рядам штурмующих, подбирать новых бойцов. Вольфганг и две эльфийки зависли над сражением, приводя в порядок дыхание и оценивая обстановку.

Определенно, появление василисков обеспечило перелом в ходе сражения. Похоже, это входит в привычку. Инквизиторы и их соратники не ожидали подобного и, очевидно, растерялись. Да если подумать, что они могли противопоставить неуязвимым драконам, для которых не имели значения ни высота укреплений, ни толщина зубцов, ни количество припасенного оружия? Бессмысленно надеяться победить подобных существ. Если Заставные Башни не сдадутся, они обречены.

Внизу очередной выпущенный из катапульты камень попал точно в парапет стены, взметнув тучу обломков и пыли. Отлично, теперь настала пора для снарядов. Брог-Гир сотоварищи уже направлялся к баллисте. Пушки продолжали грохотать, осыпая крепость ядрами, разнося в щепки надстройки, разрушая навесы и машикули. Небольшие группы гномов бежали к брошенным раздвижным мостам — приводить механизмы в состояние боевой готовности. Еще три-четыре минуты, и отряды воинов хлынут по ним вверх, готовые растоптать любое сопротивление.

— Хэхэй! — воодушевленно воскликнул Вольфганг, потрясая скипетром над головой. — Победа близко!

Взгляд его упал на барбакан. Там, на залитой кровью каменной площадке, собралось несколько десятков вражеских воинов. Под прикрытием массивных орочьих щитов кучка гномов суетливо устанавливала турель. Вокруг сновали инквизиторы, вооруженные луками. Отличная цель.

— На них! — повелел он своему василиску и, когда дракон ринулся вниз, едва не захохотал от восторга.

* * *

Он очнулся от легкого прикосновения холодных пальцев к щеке. Открыл глаза, страшась, что пробуждение убьет вернувшееся знание, снова отнимет благословение, доставшееся ему. Но нет. Он пришел в себя и не забыл ни строчки из прочитанного. Символы, заклинания, фигуры из пальцев — все это стало неотъемлемой частью его. Теперь уже навсегда.

Над ним возвышалась странная тощая фигура с двумя головами и длинными тонкими руками. Рихард понял, кто перед ним, прежде, чем успел испугаться.

— Аргус? — сухие губы едва справились с непривычным словом.

— Да, — кивнули головы в масках. Невозможно было понять, какая из них говорит. — Еле отыскал тебя. Аргрим наставил магических барьеров, не пробиться.

— Где он?

— Ушел наверх, исправлять положение. Я вычислил, откуда он появился, и понял, где тебя прячут.

— Оковы...

— Сейчас. — Аргус шевельнул пальцами, и стальные обручи рассыпались ржавой пылью. — Сможешь идти?

— Попытаюсь.

Рихард опустил ноги с ложа. Вид собственных конечностей, исхудавших, бледных, покрытых грязью и засохшей кровью, привел его в чувство. Обжигающий холод пола довершил дело. Он встал, качнулся, приноравливаясь к забытому чувству равновесия.

Сутулый палач был здесь. Он лежал головой в жаровне, и одна из его ступней все еще подергивалась.

— Ушлый, гад, — заметил Аргус. — Бросился на меня с щипцами.

Рихард сделал шаг, перевел дух. Второй, снова небольшой отдых. Медленно, очень медленно — к двери.

— Хреновый из меня спаситель мира, — прошептал он. — Прости...

— Если учесть все то, что тебе пришлось вынести, выглядишь ты просто отлично.

— Ну да. Точно лучше, чем гниющие трупы.

За дверью слышались шаги. Кто-то небрежно, но торопливо спускался по лестнице.

— Эй, горбатый! — раздался хриплый голос, и через секунду в камеру вошел Фарг.

Рихард навалился на него всем своим весом, прижал к стене. Он знал, что нужно делать, потому что прекрасно понимал, какую боль испытывает этот заживо сгоревший, но не умерший инквизитор. Пальцы его легли на обугленное лицо, коснулись выжженных глазниц. Тотчас их наполнило бледное зеленоватое пламя.

— Не дергайся, — угрожающе прошипел Рихард. — Я хочу помочь.

* * *

— Сдавайтесь! Оставьте сопротивление! — звучно гудел над затухающей битвой громогласный бас Крома. — Тем, кто сложит оружие, мы обещаем жизнь! Я, Гранитный Отец, даю вам клятву: ни один не понесет наказания! Вы были ослеплены черным колдовством, введены в заблуждение коварным демоном! Сдавайтесь, спасите свои души!

Надо признать, слова северного бога возымели действие. Особенно на гномов. Многие низкорослые мастера, защищавшие замок, бросали аркебузы и поднимали руки ладонями вверх. К ним присоединялся и простой люд, не желавший погибать ради сомнительных идеалов, крестьяне и ремесленники, искавшие в замке защиты от мародеров, но ни в коем случае не воинской славы. С инквизиторами и орками было сложнее: первые не собирались предавать своих темных владык, вторые — то ли не понимали смысла произнесенной речи, то ли просто не хотели прекращать настолько веселую драку.

Именно из-за них битва продолжалась до сих пор. Вольфгангу сверху все было очень удобно наблюдать. Он видел, как баллисты забрасывали бойцов Брог-Гира на стены, видел, как пал, сраженный шальной пулей, рыжебородый Барди Мокрый Порох, видел, как дотянулись до зубцов края раздвижных мостов, как рванулись по ним воины степных и подгорных племен. Сквозь дым и грохот выстрелов ворвались они на парапеты, связали боем защитников, позволяя бегущим позади саперам монтировать выходы скок-врат, через которые в свою очередь пошли новые резервы — в основном Сестры Огня, несущие безжалостное пламя на своих руках.

Уже замолчали пушки, да и катапульты больше не метали снарядов: слишком уж велик был риск задеть своих. Тем не менее еще держались очаги сопротивления в некоторых башнях, да и в крепостном дворе пока не стихал лязг клинков. Небольшие отряды инквизиторов скрывались в тених, наносили внезапные, резкие удары по группам орков или эльфиек и вновь уходили в невидимость, загнанные в угол зеленокожие берсерки, подбадривая себя оглушительным ревом, отбивались до последнего, не об-

ращая внимания на многочисленные раны и бессмысленность грядущей гибели.

Их поражение стало неминуемым, превратилось из возможности в неумолимую реальность. Но где же демоны? Почему не проявляют себя? Или солнечный свет настолько страшен для них, что они и щупальце боятся высунуть наружу? Затаились в подземельях башен, ждут наступления темноты?

Вольфганг парил в небе над замком. Тело его привыкло и к седлу странной формы, и к необычному зверю под этим седлом. Покончив с турелью на барбакане, разогнав ее строителей, он еще дважды бросался в атаку, и доспехи его покрывали многочисленные вмятины и выбоины. Рыцарь не хотел поддаваться радости, разгорающейся в сердце. Да, поход на Заставные Башни явно заканчивался победой, но кто мог бы поручиться, что впереди не поджидали более серьезные испытания — главный враг до сих пор не сокрушен, только лишился слуг. Его берлогу обложили охотники, но он еще не потерял сил, не связан, не прижат к земле. У него достанет злобы нанести последний удар. У него достанет подлости расправиться с Рихардом. Мысль о брате превратила радость в ярость, жар которой не мог унять холодный ветер, бьющий в лицо.

Ждать ему пришлось недолго. Спустя всего пару минут внизу произошло нечто, способное свести на нет все достигнутые успехи. Демоны все же соизволили обратить свое внимание на итоги штурма.

Василиск Вольфганга делал широкий круг над лесом, и потому он пропустил начало. Но крики слышал издалика. Крики ужаса и негодования, крики недоверия, ненависти, отчаяния. Мертвецы вставали. Медленно, беззвучно поднимались они на ноги, неторопливо брели к ошеломленным, застывшим в страхе воинам. Пронзенные мечами, изрубленные топорами и тесаками, застреленные, раздавленные камнями, сожженные магическим огнем. Все, кому довелось погибнуть в ходе штурма, теперь обратились против уцелевших. Больше не было разделения на атакующих и защитников, больше не осталось своих и чужих. Лишь мертвые против живых.

Вольфганг понял это с первого взгляда, увидев, как выползают из рва трупы упавших туда солдат, как поднима-

ются из травы иссеченные пулями гномы. Окровавленные лица, расколотые черепа, скрюченные окостенением пальцы — все, до мельчайших деталей успел рассмотреть он, пронесшись над их головами. Стоявшие у границы леса части не растерялись, дали залп из аркебуз, да и эльфийки выпустили по наступающим покойникам несколько огненных шаров. Толку никакого — то, что мертво, не может умереть, и поднятые черным колдовством тела продолжали наступать нестройными рядами. Безмолвно, монотонно, слегка подергиваясь под рывками невидимых нитей, что управляли ими.

На стенах дела обстояли значительно хуже. Трупы были повсюду, и живым приходилось туго. Их атаковали со всех сторон. Выстрелы и лезвия мечей не могли остановить молчаливый вал мертвецов. Отсеченные кисти хватали за щиколотки, сломанные челюсти впивались в шеи и плечи. Бывшие товарищи опрокидывали более везучих соратников наземь, вгрызались им в животы, не обращая внимания ни на истошные мольбы о пощаде, ни на молящие по затылкам кулаки. Некоторые из окруженных прыгали со стен вниз, лишь бы не попасть в руки озверевшей безгласной толпы. Они падали в ров или внутренний двор, разбивались насмерть, но уже через минуту поднимались, наделенные той же уродливой иллюзией жизни, что завладела их погибшими друзьями.

Вот он, момент истины! В ходе битвы снова наступил кризис, и на его разрешение почти не оставалось времени. Еще чуть-чуть — и паника захлестнет остатки армии. Как можно бороться с тем, что нельзя убить? Как выстоять против сотен мертвых пожирателей плоти, не страшящихся никакого оружия, неподвластных смерти? Сначала побегут самые разумные, за ними — трусы, а остальные, храбрые, бесшабашные дураки, либо найдут страшный конец, либо тоже покинут поле боя. Даже Кром наверняка вынужден будет отступить — он мастер над механизмами, но вряд ли в его силах справиться с армией непобедимых марионеток.

Действовать нужно немедленно, пока не рухнула дисциплина, пока воины там, внизу, готовы биться, пока победа, бывшая так близко, для них важнее собственной безопасности. Вольфганг отчетливо помнил рассказ ста-

рого сказочника Сигмунда Синеуса о событиях, имевших место в форте Гронхайма много лет назад, помнил о Погонщике Теней, шепчущем в ухо отрубленной головы, о наступлении павших в том бою воинов. О, ныне все повторялось с абсурдной, почти невероятной точностью.

Он направил своего василиска вокруг центральных башен замка и, облетев крышу Алхимической, увидел балкон Старшей Башни и тонкую фигуру в бардовом балахоне, стоящую на нем. Вот он, тот, кто дергает за нити. Погонщик Теней, командир инквизиторов, верный прислужник демонов Хаоса.

— Если столкнешься с тем, что называет себя человеком по имени Аргрим, беги, не раздумывая! — сказала ему эльфийская волшебница по имени Илсара-Искрящийся-Вихрь в заброшенном постоялом дворе на пустом тракте. — Разворачивайся и уноси ноги!

Но сейчас отступать было некуда. Все, чем он жил, чем дышал в последние недели, висело на волоске, и собственная жизнь уже не казалась настолько ценной, чтобы из-за нее сдаваться.

— Вперед! — приказал он дракону. — Растопчем гниду!

Василиск повиновался. Мощный взмах перепончатых крыльев бросил его вместе с всадником к балкону. Казалось, клювоподобная пасть сейчас стиснет в зубах голову колдуна, сомнет ее, оторвет от тела, словно кукольную. Но Погонщик Теней простер руки навстречу приближающемуся ящеру, и с ладоней его сорвалась тьма.

Это не походило ни на боевое пламя Сестер Огня, ни на морозную магию Ледяных Ведьм. Сама пустота — вот что ударило василиска в морду и грудь, мгновенно разьедая чешую и мясо под ней, подобно необычайно сильной кислоте. Небытие, отсутствие материи. Дракон не успел даже взвыть от боли, его голова и шея, и мышцы плеч, и голосовые связки полностью исчезли в мгновение ока, оставив после себя лишь мягкие кости. Туша уже мертвого зверя по инерции влетела на балкон, проломив перила, ударилась о стену и тут же начала сползать назад под тяжестью массивного хвоста и задних лап, теперь явно перевешивающих переднюю часть тела.

Вольфганг едва выпрыгнул из седла, прежде чем мертвый василиск сорвался с балкона и ухнул вниз. Рыцарь подумал, что обязательно будет скорбеть по крылатой твари, всего за час успевшей стать ему чем-то вроде боевого коня, но сейчас он не позволил себе даже проводить падающего дракона взглядом. Перед ним стоял враг. Главный, единственный, истинный враг. Похититель брата, наместник Сказанных во Тьме.

— А вы действительно похожи, — с улыбкой проговорил Аргрим. — Одно лицо.

Вольфганг не стал утруждать себя ответом. Он сделал шаг вперед и с размаху ударил скипетром в голову темного мага. Тяжелое, острое навершие из небесного металла должно было с хрустом проломить темя и уйти глубоко в череп, но вместо этого лишь рассекло воздух — колдун уклонился удивительно быстрым движением, почти неуловимым для обычного глаза.

— Хорошая штучка, — заметил он спокойно, кивнув на скипетр. — Где купил?

Зарывав, Вольфганг принялся наносить удар за ударом. Он бил без перерыва, с разных сторон, с замахом и без замаха, но так и не задел волшебника. Тот, казалось, мог гнуться в любых направлениях и под любыми углами, словно состоял не из плоти, а из жидкости. Сам он, похоже, при этом ничуть не напрягся, потому что продолжал говорить, как ни в чем не бывало, просто размышляя вслух:

— Метеоритный металл, так? Наверное, работа Стального Кузнеца. Из той цитадели, что стоит на склонах вулкана, верно? Конечно, верно, где же еще могли сковать такое! Значит, ты думал, что достаточно дубинки, изготовленной поделкой Крома, чтобы убить нас? Вряд ли, друг мой, вряд ли. Потому что кроме дубинки важен и тот, кто ее держит!

С этими словами Аргрим пнул рыцаря ногой в живот. Выпустив скипетр, Вольфганг отлетел к стене, ударился об нее спиной и свалился лицом вниз на мраморный пол. Из рта его потекла кровь. Он попытался приподняться, но ничего не вышло. Силы стремительно уходили — удар колдуна оказался смертельным. Может быть, сломал позвоночник. Может, разорвал легкие. Рыцарь кашлянул, разбрызгав вокруг красные капли. Вот и все. Конец истории.

Аргрим не спеша подошел, склонился над ним, аккуратно положил ладони ему на лоб и затылок, прошептал в самое ухо:

— Знаешь, что самое приятное в том, чтобы быть человеком?

Вольфганг сплюнул сгусток темной крови. Перед глазами стремительно темнело, повсюду плясали разнокалиберные черные точки. Его начало подташнивать.

— Можно убивать голыми руками, — пояснил Аргрим и одним рывком свернул Вольфгангу шею. Лоб рыцаря гулко стукнулся о мрамор.

Колдун поднялся, довольно усмехаясь, отряхнул ладони. Его хозяева внутри наслаждались произошедшим. О, да! Убийства, сколько бы они их не совершили, не прекращали доставлять им удовольствие. Пожалуй, стоит порадовать их перед финалом.

Аргрим оперся о перила. Угроза миновала. Исход боя предрешен. Еще немного баловства, и можно кончать с этим миром.

Позади раздались шаги, и знакомый голос произнес:

— Господин?

— Да, Фарг... — начал колдун, но сразу резко развернулся. — Какого...

Жесткие сильные пальцы тут же впились ему в горло. Он успел увидеть, что кожа на лице и руках Фарга исцелена, заметил бледное лицо пленника позади изменника, а в темном проеме дверей разглядел и двухголовую высокую фигуру. Предательство! Как они только посмели?!

Не пытаясь оторвать от своей глотки руки Фарга, он обхватил инквизитора за пояс, прижал к себе. Сквозь кожу и одежду из его тела вырвались черные щупальца хозяев. Солнечный свет причинял им боль, но что такое боль по сравнению со сладким бешенством мести! Щупальца опутали предателя, пронзили его мышцы, поползли по венам, разрывая их, сжали сердце, сдавили мозг...

Рихард подошел к мертвому телу брата и поднял скипетр. Перемещаться стало очень тяжело, к каждой ноге словно бы привязали по огромной чугунной гире. Он даже опустил глаза, дабы убедиться, что это не так. Не отвлекаться. Он направился к хрипящему и стонущему переплечению человеческих тел и скользких щупалец, покрытых

зеленоватой слизию и источающих едва заметный дымок. До них было не больше трех шагов, но Рихард преодолевал это расстояние невероятно долго. Ударить. Ударить наверняка. Второго шанса не представится.

Он занес скипетр над головой, вложив в этот замах всю свою оставшуюся силу, весь гнев, всю боль, что ему пришлось испытать. Опустил, шумно выдохнув. Скипетр врезался в висок Аргрима, легко раздробил кость. Брызнула слизь, колдун мотнул головой, вырвав рукоять из пальцев рыцаря, распахнул рот так широко, что нижняя челюсть с треском отломилась, а кожа на щеках порвалась, но вместо крика из этой чудовищной пасти вырвался пронзительный, нечеловеческий визг. Аргрим качнулся назад, тяжело перевалился через перила и полетел вниз вместе с торчащим из головы скипетром, вместе с извивающимися в агонии щупальцами, вместе с раздавленным, развороченным телом Фарга. Сквозь холодный воздух, сквозь сто локтей предсмертных судорог — прямо к безжалостной земле.

Рихард тоже не устоял на ногах, опустился на пол. Встать самостоятельно ему вряд ли бы уже удалось. От напряжения из носа у него пошла кровь. Паладин медленно подполз к Вольфгангу, макнул палец в багровую лужицу и принялся чертить на мраморе нужные символы. Закончив, прошептал необходимые слова. Полыхнуло зеленое пламя, и Вольфганг заворочался, будто после долгого сна, поднял тяжелые веки.

— Брат?

— Здравствуй.

— Я на Темных Тропах?

— Нет. Я не пустил тебя туда. Пойдем. — Рихард махнул рукой в сторону крепостного двора и стен, заваленных мертвыми телами, полнящихся стенами раненых. — У меня еще столько дел...

* * *

Оно мчалось вверх, навстречу ненавистному, ядовитому, едкому, безжалостному свету. Напролом, через него, к отцу. Оно лишилось памяти и самосознания, и больше не

именовало себя Сказанным-во-Тьме. Все его братья погибли. Крохотный кусок металла смог уничтожить их, а лучи солнца равнодушно добили, не позволили уползти в тень из расколовшегося, словно перезрелая тыква, тела.

Оно мчалось вверх, прочь от опасностей, заговорщиков, убийц. Оно было презрением, отвращением, враждой. Оно было концентрированной злобой, черным сгустком первобытной ненависти. Без разума, без будущего. Оно лишь стремилось вырваться из этой тюрьмы, слиться с отцом, с великим единым целым, частью которого оно должно было являться по праву рождения.

Выше и выше. Свет вокруг погас, уступил место милосердному мраку. Но это не остановило его. Слишком глубокая рана, слишком жгучая боль.

Отец все ближе, огромный, всеобъемлющий, всемогущественный. Бесконечный. Беспощадный. На пути — последняя преграда, барьер из того же металла, что заставил братьев исчезнуть. Старый, истончившийся щит. Нужно пробить его, проломить собой. За долю секунды до столкновения оно поняло, что сейчас погибнет. И обрадовалось. Ибо отец и был смерть.

* * *

Вольфганг опустился на ступени крыльца Старшей Башни. Чувствовал он себя прескверно. Все тело сковывала тяжелая, болезненная слабость, мышцы ломило, а веки, казалось, залили чугуном — настолько трудно было удерживать их поднятыми. Однажды, лет двенадцать назад, он попал под сильный ливень в лесу и, вернувшись домой к вечеру, слег с лихорадкой. Прихватило его тогда основательно, едва выкарабкался. Жар спал дня через четыре, но еще неделю он еле ходил, сонный, изможденный, чуть живой. Такие же ощущения. Впрочем, удивительного мало — все-таки из посмертия вернулся.

Он с легким изумлением и недоверием наблюдал за братом, который, с трудом переставляя ноги, бродил среди убитых и раненых, исцеляя, воскрешая или провожая словами благодарности тех, кто слишком далеко ушел по темным тропам. Откуда только силы берутся? Рихард выглядел так,

будто не ел лет десять: ребра торчат, руки и ноги — тонкие, словно прутики, шею можно пальцами переломить. Борода и волосы порядочно отросли, ногти тоже. Хитон, который они отыскиали для него в одном из помещений башни, довершал сходство с безумными проповедниками, что бродили по дорогам, обещая исцеление от любых болезней и возвещая близящийся конец света. Хотя тут-то как раз все по-честному. Мертвые оживают — не превращаются в кровожадных монстров, послушных лишь воле своего хозяина, а действительно оживают, смеются, жадно пьют воду. Раны затягиваются, лихорадка спадает. Без всяких порошков. Конец света, кстати говоря, тоже в наличии.

Вольфганг следил за братом, слушал возгласы восхищения и благоговения и думал о том, сколько всего надо ему рассказать. О Роргаре Скалогрызе, о Гром-Шоге, о бестрашных ловцах метеоритов. О десятках и сотнях тех, кто сложил головы в борьбе с последним проклятием безумного бога Кайракса. Нужно будет закатить грандиозный пир в честь павших героев. Помянуть их с небывалым размахом. Открыть все имеющиеся бочки с элем. Скалогрызу уж точно пришлось бы по душе подобная идея.

— Вот ты где! — раздался рядом звонкий голос. — А я уже начала волноваться!

Эли опустилась на ступени рядом, приобняла его за плечи, прошептала в ухо:

— Скажи мне, все закончилось?

— Да, — улыбнулся Вольфганг. — Закончилось.

— И что мы теперь будем делать?

— Есть у меня один план, — рыцарь, прищурившись, покосился на эльфийку. — Хитрый такой. Я бы даже сказал, коварный.

— Ой, — рассмеялась Эли. — Да ни на медный грош в тебе коварства. Что за план?

— Никому не расскажешь?

— Я умею хранить секреты.

— Допустим. Значит, так. Планирую я обманом заманить одну эльфиечку в красный шатер, прочно завязать узлы на входе и развлечься с ней так, чтобы волосы дыбом встали.

— Это хороший план, — проворковала Эли. — Поддерживаю.

Она поцеловала его в шею, и некоторое время они молчали, наслаждаясь близостью друг друга. Потом Элли спросила:

— А все-таки? Чем бы ты хотел заняться? Больше нет ни законов, ни государств, ни обязанностей. Боги ходят среди нас, весь мир принадлежит горстке уцелевших. Какое будущее ты видишь для себя? Для... нас?

— Честно?

— Конечно.

— Я бы хотел построить город. Не восстанавливать старые, не копаться среди обломков, а уйти в чащу, расчислить место и начать заново. Возвести город без крепостных стен, без сторожевых башен, город, в котором будут жить и люди, и эльфы, и гномы. Орки тоже, несмотря ни на что.

— А такое возможно?

— Не знаю. Но попробовать стоит.

— Да, прекрасный план. На одну эльфийку точно можешь рассчитывать.

— Не сомневаюсь. А могу ли я рассчитывать на нее сегодня ночью?

— О, без вопросов.

— Чудесно. Сударыня, вы прошли испытание и теперь получите шанс поселиться в моем городе будущего.

Элли хихикнула:

— Ты ведь шутишь?

— Да.

— Просто я подумала, вдруг... кто вас, людей, разберет. Снова долгое молчание.

— Жаль только, с братом опять придется расстаться.

— Почему?

— Видишь, какой он? То, что в нем, не позволит ему спокойно жить, осесть на одном месте. Он теперь должен помогать, учить, спасать. У него не может быть дома. Такая ответственность отнимает у человека все до последнего.

— Он — великий. Равный богам.

Вольфганг пожал плечами:

— Наверное. Но для меня он всегда останется просто Рихардом, мальчишкой, которого я однажды вытащил из омута. Парнем, который вез меня на лапнике, когда я упал с дерева и сломал ногу. Моим братом, второй половиной целого.

— Я попробую занять эту половину. Получится?

— У тебя, — Вольфганг всмотрелся в ее глаза и поцеловал в губы. — У тебя получится все, что угодно! Со мной, по крайней мере, точно.

Он и в самом деле страшился неизбежной разлуки с братом меньше, чем мог бы. В конце концов, каждый из них получил то, к чему стремился: Рихард — возможность служить своим нерушимым идеалам, а он — шанс на мирную, спокойную жизнь, полную банальных, но оттого не менее приятных забот. Почему бы и нет?

— Ладно, милый, — сказала Элли, поднимаясь. — Мне надо назад, в госпиталь. Там работы невпроворот. Увидимся позже.

— Обязательно. Я тоже отлежусь немного и пойду помогать ребятам завалы разгрести.

— Там и без тебя силачи есть. Зеленые такие, клыкастые. Они, если булжники ворочать не будут, начнут друг друга по головам бить. Так что не волнуйся, отдыхай.

— Слово лекаря для меня закон! — ответил Вольфганг и опустил на спину, положив руки под голову. Но тут же встревожено вскочил на ноги.

— Что еще за ерунда?

По небу расплзалась темнота. Словно в подкрашенную синим воду кто-то обильно капнул черной краской. Это не было похоже на дым или облака — чернота активно двигалась, распространяясь в разные стороны. В самом ее центре, там, откуда выплескивались все новые и новые порции мрака, медленно ворочались багровые сполохи.

— Чует мое сердце, приятного мало, — пробормотал Вольфганг, повернулся к эльфийке. — Элли! Давай-ка в башню, да побыстрее.

Она не стала спорить. Рыцарь сделал несколько шагов по направлению к ближайшей группе раненых, закричал, сложив руки рупором:

— В укрытие!

Орки, люди, гномы, эльфы — все задирали головы, указывали пальцами, встревожено переговаривались. Паники не было. Воины, только что пережившие страшное сражение, уже не поддавались страху. Некоторые из них послушались Вольфганга и начали расходиться, помогая раненым, другие пока не двигались с места.

Тьма стремительно разрасталась, непрерывно меняя формы. Синева вокруг нее теряла свою яркость, блекла, таяла, позволяя черноте проступать сквозь себя.

Подошел Рихард.

— Брат, что это?

— Если бы я знал! Где Аргус?

— Он не выходил из башни. Солнечный свет причиняет ему боль...

Толпа вдруг взорвалась криками. Воины бросились врассыпную, бросая оружие. В небе, посреди темноты, напоминающей теперь огромного спрута, разверзлась пасть — судя по размерам, способная за один раз проглотить целый город. И она изрыгала огонь.

— Внутрь! Быстрее! — Вольфганг схватил Рихарда за локоть и поволол за собой по ступеням к дверям Старшей Башни.

— Мы просто спрячемся, брат?

— А что мы можем? Надавать этому... этой... пинков? Нужно найти Аргуса! Если кто и знает, что делать, так это он!

Рихард кивнул:

— Хорошо.

Они вбежали в холл башни, миновали стройные ряды портретов, изображавших великих магистров прошлого, под их бесстрастными взглядами поднялись на лестницу. Позади нарастал гул паники: вопли, топот множества ног, звон разбивающегося стекла, грохот доспехов. Да уж, по сравнению с таким испытанием даже восставшие мертвецы покажутся детской забавой.

На первой лестничной площадке стоял невесть откуда взявшийся там Кром. Он выглядел спокойным и курил короткую глиняную трубку, прикрыв глаза. Увидев братьев, сделал шаг навстречу, поднял руку, останавливая их вопрос, и задал свой:

— Вы уверены, что добились Сказанных во Тьме?

— Откуда нам знать, — сказал Вольфганг. — Всего десять минут назад были уверены, теперь уже нет.

Выйдя из башни после окончания битвы, он первым делом направился к труп Аргрима. Тот представлял собой кучу полуразложившейся плоти, мешанину из тлеющих на свету черных щупалец и человеческих костей. Малопривлекательное, но совсем неподвижное зрелище.

— Значит, это их работа, — сказал Кром и принялся постукивать трубкой о кирпичи, выбивая пепел. — Одна или несколько тварей уцелели. Видимо, ослепленные яростью и болью, они пробили Внешнюю Сферу.

— Разве это возможно?

— Откуда мне знать? Не я ее создавал. Они пробили Внешнюю Сферу и впустили в мир первобытный Хаос. Обрушили на нас саму Бездну.

— Что же делать?

— Без понятия. — Кром сунул руку в карман камзола, вытащил щепотку табака, принялся вновь набивать трубку. — Как следует ощупать любимую девушку и сказать ей на прощание пару бессмысленных, но красивых слов. Дать по морде командиру. Публично снять штаны и послать всех присутствующих в...

— Где Аргус?

— Двухголовый-то? Наверху, под крышей. Однако на вашем месте я бы не тратил время на пустые надежды.

Но они уже неслись вверх по лестнице, не слушая его.

На следующей площадке сидела Элли. Глаза ее покраснели от слез. Увидев Вольфганга, она кинулась ему на шею, жарко поцеловала в губы.

— Снаружи творится что-то ужасное, — прошептала эльфийка. — Я чувствую. Там остался Червячок. И Костолом тоже... они в госпитале, на поляне.

— С ними все будет хорошо, — соврал рыцарь, отстраняя ее от себя. — Но нам нужно найти Аргуса. Побудь здесь.

— Да, я побуду. — Элли прислонилась спиной к стене. — Прощай.

Они побежали дальше. Ступенька за ступенькой. Через холлы, увешанные старинными гобеленами, через рыцарские залы, полные разнообразных доспехов.

Снаружи грохотало и ревело. Там бушевала жестокая буря, яростнее которой эти земли еще не испытывали. Сквозь бойницы и окна братья видели лишь мрак, разрываемый резкими вспышками алого пламени.

Они преодолели две трети подъема, когда Рихард опустился на ступени, прижав ладонь к левой стороне груди.

— Не останавливайся, брат, — прошептал он посиневшими губами. — У меня просто кончились силы. Прости.

Вольфганг хлопнул его по плечу:

— Я вернусь за тобой! Мы не сдадимся!

— Конечно. Жду. Аргусу привет.

Вольфганг продолжил подъем в одиночку. Без мыслей, без страхов, без надежд. Только он — и лестница. Неспешный, размеренный темп дыхания. Пару раз Старшую Башню ощутимо трянуло, всю, от макушки до основания, но даже этому он не позволил сбить себя с ритма. Шаг-шаг-выдох. Шаг-шаг-выдох. Он не смотрел в амбразуры, не обращал внимания на жар, идущий от стен. Все проблемы надо решать по мере их возникновения. В данный момент основной задачей было отыскать Аргуса, остальное — потом. Шаг-шаг-выдох.

Наконец он добрался до входа в покои Великого Магистра, замер перед последним лестничным пролетом, украшенным теперь полотнищами с символом Погонщиков Теней.

Здесь все началось в Ночь Безумия. Здесь и закончится. Здесь исчез молодой, наивный паладин — он мечтал защищать людей от орков, но в жизни еще не успел сразиться ни в одном серьезном бою. Здесь появился воин без идеалов — он стремился к покою и тишине, но оказался в самом центре великого противостояния. Однако тропа вновь вернула его сюда, к этим широким мраморным ступеням. От судьбы не скрыться. Собравшись с духом, Вольфганг шагнул на лестницу.

И тут услышал голос Аргуса. Громкий, искаженный воем безумных ветров, раздираемый горем и скорбью, голос этот звучал не в ушах, но во всем его теле. Он пронизывал самую ткань мироздания, пропитывал бытие:

— Зар! Химера! Кром! Призываю вас! Явитесь! Помогите мне!

Двухголовый Бог просил помощи. Он сражался с наступающей Бездной там, впереди. Один против бесконечности. Один против тьмы.

— Я иду! — выкрикнул Вольфганг и, прыжком преодолев последние ступени, распахнул тяжелые двери...

Он успел увидеть многое. Невероятно многое. Низко нависшее небо, полное бурлящего пламени и бездонных черных пастей. Море огня и дыма, бушующее вместо лесов. Послушническую Башню, полыхающую, подобно

огромному факелу. Аргуса, стоящего посреди лишившихся крыши покоев магистра. Двуглавый Бог был без масок, с его распростертых рук срывалось зеленое свечение, закручивалось бешеным водоворотом, расшвыривающим оранжевые протуберанцы. Рыцарь увидел весь мир сразу, целый материк, окруженный кипящими морями. Увидел, как разверзается земля, и руины городов погружаются в волны раскаленной магмы, увидел скалы, вздымающиеся на месте равнин, горящие джунгли, плавающие горы. Хаос поглотил вселенную, теперь она переваривалась внутри него.

— Как быстро! — то ли сказал, то ли подумал Вольфганг. — Неужели и вправду так быстро?!

А потом пламя пожрало и его.

ЭПИЛОГ

Посреди добела раскаленного небытия Двухголовый Бог закрыл глаза и погрузился в долгий, тяжелый сон. И снилось ему, будто он стоял на истертых временем каменных ступенях на самом краю погибшего мира. Все, что происходило до этого, терялось в тумане. Никакой памяти, никаких чувств. Просто сознание вдруг вернулось к нему.

Кто он, что делает здесь? Ни имени, ни прошлого. Какие-то размытые лица, дороги. Не вспомнить. Сколько веков, тысячелетий минуло с тех пор, как ему в последний раз довелось осознавать себя?

Оглянулся. Позади — безжизненный, замешанный на огне пейзаж. Черные громады вулканов, изливающие потоки лавы, выбрасывающие в кроваво-красное небо столбы дыма, камней и пепла. Кажется, сама земля горит, корчится в неизбывной муке. Ветер несет копоть и густой запах серы.

Впереди — развалины храма. Серые стены, покрытые мхом, увитые высохшим плющом. Обломки колонн и перекрытий. За ними вдалеке виднеются зеленые холмы, поросшие лесом, над которым кружат едва различимые с такого расстояния птицы, а еще дальше, среди облачной дымки синеют силуэты гор. Вряд ли есть какой-то выбор — то, что сейчас служило ему жизнью, на самом деле мало отличалось от смерти. Пустота, рваная дыра вместо души, огрызок вместо разума. Только элементарные понятия, ничего своего. Но ведь он был — кем-то. Ведь эти руки принадлежали — кому-то. Эти шрамы на плечах и груди оставил — кто-то. Он хотел знать. Если впереди обман и гибель, пусть будет так. Когда нечего терять, бояться тоже нечего.

Он миновал руины и ступил на каменный мост, висящий над огромным провалом, дымящейся трещиной, отде-

ляющей зеленые холмы, ждущие впереди, от раскаленного котла хаоса.

— Мы называем это разломом, раздался голос рядом. — Это граница между нашим миром и вечно голодной Бездной.

Резко обернулся. Никого. Он был один здесь, на краю пустоты.

— Но имена значат так немного, верно? — В голосе, который звучал сразу отовсюду, слышалась печаль. — Их слишком легко забыть. Когда-то ты звал меня братом.

Он продолжил путь. На камнях под ногами появился мох. Свежий ветер, не пахнувший гарью, коснулся лица. Вместе с ветром пришла память. Только ради этого следовало двигаться вперед.

— Все должно исчезнуть, — произнес невидимый провожатый. — Но даже на Темных Тропах есть место надежде. Тебя встречают. Видишь?

Он видел. На другой стороне моста стояло несколько фигур. Два мускулистых зеленокожих великана: один с каменным топором, второй — с железными палицами на цепях, пристегнутых к толстым браслетам. Стройная девушка с короткими волосами, опирающаяся на тонкий посох с изогнутым навершием в виде драконьего хвоста. Широко улыбающийся гном с длинной бородой, серой от седины.

Вольфганг шел к ним и шептал их имена.

Литературно-художественное издание

16 +

Дмитрий Тихонов

ЭПОХА ПОСЛЕДНИХ СЛОВ

Заведующий редакцией *С. Тишков*
Ответственный за выпуск *А. Смоленцев*
Технический редактор *Е. Кудиярова*
Корректор *И. Мокина*
Верстка *Астафьевой Е.М.*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 14.03.2014. Формат 84x108 ¹/₃₂ .
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,2.
Тираж 5000 экз. Заказ 847.

ООО «Издательство АСТ».
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, к. 5.

Издано при участии ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

55440

На заре времен Безумный
Бог был погребен заживо
глубоко в толще северных
гор, но перед смертью
успел проклясть своих
убийц и все созданное ими.

За тысячелетия,
проведенные в магической
темнице, его проклятия
накопили великую силу,
обрели собственную волю.

Их час непременно
наступит — однажды
последние слова давно
забытого божества
вырвутся на свободу
и прогремят над миром...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-084507-1



9 785170 845071 >